

ВЕСТНИК СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. М.К. АММОСОВА. VESTNIK OF NORTH-EASTERN FEDERAL UNIVERSITY

Том 22 № 1. 2025. Валовый номер: 99.

16+

Научный журнал
Периодическое издание
Издается с 2004 года
Журнал выходит 4 раза в год

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова».

Журнал включен в Перечень периодических научных изданий, рекомендуемых ВАК Министерства образования и науки РФ для публикации основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук по филологическим наукам

Целью научного журнала является освещение результатов научных исследований преподавателей, докторантов, аспирантов, магистрантов и соискателей ученых степеней доктора и кандидата наук, российских и зарубежных ученых в области биологических, физических и филологических наук.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Адрес учредителя и издателя: 677000, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Белинского, 58

Адрес редакции: 677027, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Петровского, 5, кабинет 1

Тел./факс: +7 (4112) 40-38-75

Северо-Восточный федеральный университет

<https://vestvfu.elpub.ru/jour/index>

Подписной индекс в каталоге ООО «Урал-Пресс Округ» 47182

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-67401 выдано 13 октября 2016 года Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

© Северо-Восточный федеральный университет, 2025

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: *А. Н. Николаев*, д. б. н., СВФУ, Якутск, Россия.

Заместитель главного редактора: *Т. Н. Пермякова*, к. филол. н., СВФУ, Якутск, Россия.

Ответственный секретарь: *М. В. Куличкина*, СВФУ, Якутск, Россия.

Члены редакционной коллегии:

Филологические науки:

А. Е. Агманова, д. филол. н., Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Казахстан;
А. Н. Варламов, д. филол. н., ИГиИПМНС СО РАН, Якутск, Россия; *Л. С. Дампилова*, д. филол. н., ИМБТ СО РАН, Улан-Удэ, Россия; *Е. Н. Дмитриева*, д. филол. н., СВФУ, Якутск, Россия;
Н. И. Иванова, д. филол. н., ИГиИПМНС СО РАН, Якутск, Россия; *Е. А. Иванышина*, д. филол. н., Воронежский государственный педагогический университет, Воронеж, Россия; *В. В. Красных*, д. филол. н., МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; *Н. В. Малышева*, д. филол. н., СВФУ, Якутск, Россия; *В. Ю. Михальченко*, д. филол. н., Институт языкознания РАН, Москва, Россия;
Л. Х. Мухаметзянова, д. филол. н., ИЯЛИ Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия;
Мнош Кизитус Н., PhD, Университет Дуала, Республика Камерун; *А. А. Петров*, д. филол. н., РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия; *Л. Д. Раднаева*, д. филол. н., Бурятский государственный университет, Улан-Удэ, Россия; *П. В. Сивцева-Максимова*, д. филол. н., НИИ Кулаковского, СВФУ, Якутск, Россия; *Г. Г. Филиппов*, д. филол. н., СВФУ, Якутск, Россия; *Е. Э. Хабунцова*, д. филол. н., ИКФВ, КалмГУ, Элиста, Россия; *Л. М. Хусаинова*, д. филол. н., Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Уфа, Россия.

Физические науки:

С. В. Алексеев, д. ф.-м. н., Институт теплофизики СО РАН, Новосибирск, Россия; *С. В. Дмитриев*, д. ф.-м. н., Уфимский ФИЦ РАН, Уфа, Россия; *Д. Г. Квашин*, д. ф.-м. н., Институт биохимической физики им. Н.М. Эмануэля РАН, Москва, Россия; *Кол Гай Р.*, PhD, Университет Бэртау, Республика Камерун; *Г. Ф. Крымский*, д. ф.-м. н., ИКФИА СО РАН, Якутск, Россия; *Л. Т. Ксенофонтов*, д. ф.-м. н., ИКФИА СО РАН, Якутск, Россия; *А. А. Лагутин*, д. ф.-м. н., Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия; *И. М. Лебеденко*, д. б. н., НМИЦ онкологии им. Н.Н. Блохина, Москва, Россия; *С. Н. Мамаева*, к. ф.-м. н., СВФУ, Якутск, Россия; *В. В. Мишин*, д. ф.-м. н., ИСЗФ СО РАН, Иркутск, Россия; *Н. Г. Мусакаев*, д. ф.-м. н., Тюменский филиал ИТПМ СО РАН, Тюмень, Россия; *Б. Я. Наркевич*, д. т. н., НМИЦ онкологии им. Н.Н. Блохина, Москва, Россия; *Д. В. Николаев*, к. ф.-м. н., СВФУ, Якутск, Россия; *Д. А. Розаткин*, д. т. н., ГБУЗ МО МОНИКИ им. М.Ф. Владимирского, Москва, Россия; *И. И. Рожин*, д. т. н., ИПНГ СО РАН, Якутск, Россия; *В. В. Розанов*, д. б. н., МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; *Н. А. Саввинова*, д. ф.-м. н., СВФУ, Якутск, Россия; *А. С. Самардак*, д. ф.-м. н., Сахалинский государственный университет, Южно-Сахалинск, Россия; *А. С. Семенов*, д. ф.-м. н., СВФУ, Мирный, Россия; *А. Е. Степанов*, д. ф.-м. н., ИКФИА СО РАН, Якутск, Россия; *Д. А. Таюрский*, д. ф.-м. н., Казанский федеральный университет, Казань, Россия; *Ай. М. Тимофеев*, д. ф.-м. н., СВФУ, Якутск, Россия; *Ан. М. Тимофеев*, д. т. н., ИФТПС ФИЦ ЯНЦ СО РАН, Якутск, Россия; *А. П. Черняев*, д. ф.-м. н., МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия.

Биологические науки:

А. И. Ануфриев, д. б. н., ИБПК СО РАН, Якутск, Россия; *А. В. Артемьев*, д. б. н., Карельский научный центр РАН, Петрозаводск, Россия; *Л. Г. Вартапетов*, д. б. н., ИСиЭЖ СО РАН, Новосибирск, Россия; *В. В. Величенко*, д. б. н., НИИПЭС, СВФУ, Якутск, Россия; *Бу Сок Хванг*, PhD, Фонд биотехнологических исследований Soom, Южная Корея; *Н. И. Гермогенов*, д. б. н., ИБПК СО РАН, Якутск, Россия; *Н. С. Данилова*, д. б. н., ИБПК СО РАН, Якутск, Россия; *Т. В. Денисова*, д. б. н., Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия; *Э. Н. Елаев*, д. б. н., Бурятский государственный университет, Улан-Удэ, Россия; *А. Н. Журавская*, д. б. н., ИБПК СО РАН, Якутск, Россия; *Ал. П. Исаев*, д. б. н., ИБПК СО РАН, Якутск, Россия; *А. П. Исаев*, д. б. н., ИБПК СО РАН, Якутск, Россия; *М. М. Ишмуратова*, д. б. н., Башкирский государственный университет, Уфа, Россия; *В. Е. Колодезников*, к. б. н., СВФУ, Якутск, Россия; *И. М. Лебеденко*, д. б. н., НМИЦ онкологии им. Н.Н. Блохина, Москва, Россия; *Г. В. Максимов*, д. б. н., МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; *Миссон Алан Д.*, PhD, Университет Дуала, Республика Камерун; *И. И. Мордосов*, д. б. н., СВФУ, Якутск, Россия; *Б. Я. Наркевич*, д. т. н., НМИЦ онкологии им. Н.Н. Блохина, Москва, Россия; *Е. Г. Николин*, д. б. н., ИБПК СО РАН, Якутск, Россия; *В. В. Розанов*, д. б. н., МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; *Санг-Ву Ким*, PhD, Пусанский национальный университет, Южная Корея; *А. Н. Тихонов*, к. б. н., Зоологический институт РАН, Санкт-Петербург, Россия; *Тозе Флавиан А.*, PhD, Университет Дуала, Республика Камерун; *А. П. Черняев*, д. ф.-м. н., МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия; *М. М. Черосов*, д. б. н., ЯНИИСХ ЯНЦ СО РАН, Якутск, Россия.

VESTNIK OF NORTH-EASTERN FEDERAL UNIVERSITY

Vol. 22 No. 1. 2025. Gross number: 99.

Academic periodical

Published since 2004

The frequency of publication is 4 times a year

The founder and publisher is Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “M.K. Ammosov North-Eastern Federal University”

The periodical is included in the list of periodicals recommended for publishing doctoral research results by the Higher Attestation Commission (HAC) of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation on Philological Studies

The aim of the scientific journal is to highlight the results of scientific research of university professors, employees, doctoral students, post-graduate students, undergraduates and applicants for doctoral and Ph.D. degrees, as well as Russian and foreign scientists in the fields of biological, physical, philological sciences.

The periodical is included into the system of Russian Index of Science Citation (RISC)

Founder and publisher address: NEFU, 58 Belinskogo str., Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), Russia, 677000

Editorial office address: NEFU, 1 office, 5 Petrovskogo str., Yakutsk, Republic of Sakha (Yakutia), Russia, 677027

Telephone/Fax: +7 (4112) 40-38-75

<https://vestvfu.elpub.ru/jour/index>

Subscription index in the “Ural-Press Okrug” catalogue 47182

Accreditation certificate ПИ № ФС77-67401 on October, 13, 2016 by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)

© North-Eastern Federal University, 2025

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief: *A. N. Nikolaev*, Dr. Sci. (Biology), NEFU, Yakutsk, Russia.

Deputy Chief Editor: *T. N. Permyakova*, Cand. Sci. (Philology), NEFU, Yakutsk, Russia.

Executive Editor: *M. V. Kulichkina*, NEFU, Yakutsk, Russia.

Philological sciences:

A. E. Agmanova, Dr. S. in Philol., L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan; *A. N. Varlamov*, Dr. S. in Philol., IHRISN SB RAS, Yakutsk, Russia; *L. S. Dampilova*, Dr. S. in Philol., IMBTS SB RAS, Ulan-Ude, Russia; *E. N. Dmitrieva*, Dr. S. in Philol., NEFU, Yakutsk, Russia; *N. I. Ivanova*, Dr. S. in Philol., IHRISN SB RAS, Yakutsk, Russia; *E. A. Ivanshina*, Dr. S. in Philol., Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russia; *V. V. Krasnykh*, Dr. S. in Philol., M.V. Lomonosov MSU, Moscow, Russia; *N. V. Malysheva*, Dr. S. in Philol., NEFU, Yakutsk, Russia; *V. Yu. Mikhhalchenko*, Dr. S. in Philol., Institute of Linguistics of the RAS, Moscow, Russia; *L. Kh. Mukhametzyanova*, Dr. S. in Philol., ILLA of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia; *K. N. Mpoche*, PhD, University of Douala, Douala, Cameroon; *A. A. Petrov*, Dr. S. in Philol., Herzen State Pedagogical University, Saint-Petersburg, Russia; *L. D. Radnaeva*, Dr. S. in Philol., Buryat State University, Ulan-Ude, Russia; *P. V. Sivtseva-Maksimova*, Dr. S. in Philol., Institute of A. E. Kulakovskiy, NEFU, Yakutsk, Russia; *G. G. Philippov*, Dr. S. in Philol., NEFU, Yakutsk, Russia; *E. E. Khabunova*, Dr. S. in Philol., Institute of Kalmyk Philology and Eastern Studies B.B. Gorodovikov KSU, Elista, Russia; *L. M. Khusainova*, Dr. S. in Philol., M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University, Ufa, Russia.

Physical sciences:

S.V. Alekseenko, Dr. S. in Phys. & Math., IT SB RAS, Novosibirsk, Russia; *S.V. Dmitriev*, Dr. S. in Phys. & Math., UFRS RAS, Ufa, Russia; *D.G. Kvashnin*, Dr. S. in Phys. & Math., N.M. Emanuel IBCP RAS, Moscow, Russia; *G. R. Kol*, PhD, University of Bertoua, Bertoua, Cameroon; *G. F. Krymskiy*, Dr. S. in Phys. & Math., ShICRA SB RAS, Yakutsk, Russia; *L. T. Ksenofontov*, Dr. S. in Phys. & Math., ShICRA SB RAS, Yakutsk, Russia; *A. A. Lagutin*, Dr. S. in Phys. & Math., Altai State University, Barnaul, Russia; *I. M. Lebedenko*, Dr. S. in Biol., N.N. Blokhin NMRCO, Moscow, Russia; *S. N. Mamaeva*, Cand. Sc. Phys. & Math., NEFU, Yakutsk, Russia; *V. V. Mishin*, Dr. S. in Phys. & Math., ISTP SB RAS, Irkutsk, Russia; *N. G. Musakaev*, Dr. S. in Phys. & Math., TumD of ITAM SB RAS, Tumen, Russia; *B. Ya. Narkevich*, Dr. S. in Tech., N.N. Blokhin NMRCO, Moscow, Russia; *D. V. Nikolaev*, Cand. S. Phys. & Math., NEFU, Yakutsk, Russia; *D. A. Rogatkin*, Dr. S. in Tech., M.F. Vladimirovskiy MRRCI, Moscow, Russia; *I. I. Rozhin*, Dr. S. in Tech., IOGP SB RAS, Yakutsk, Russia; *V. V. Rozanov*, Dr. S. in Biol., M.V. Lomonosov MSU, Moscow, Russia; *N. A. Savvinova*, Dr. S. in Phys. & Math., NEFU, Yakutsk, Russia; *A. S. Samardak*, Dr. S. in Phys. & Math., Sakhalin State University, Yuzhno-Sakhalinsk, Russia; *A. S. Semenov*, Dr. S. in Phys. & Math., NEFU, Mirny, Russia; *A. E. Stepanov*, Dr. S. in Phys. & Math., ShICRA SB RAS, Yakutsk, Russia; *D. A. Taiurskiy*, Dr. S. in Phys. & Math., Kazan Federal University, Kazan, Russia; *Ai. M. Timofeev*, Dr. S. in Phys. & Math., IPT NEFU, Yakutsk, Russia; *An. M. Timofeev*, Dr. S. in Tech., IPTPN SB RAS, Yakutsk, Russia; *A. P. Chernyaev*, Dr. S. in Phys. & Math., M.V. Lomonosov MSU, Moscow, Russia.

Biological sciences:

A. I. Anufriev, Dr. S. in Biol., IBPC SB RAS, Yakutsk, Russia; *A. V. Artemyev*, Dr. S. in Biol., KarRC RAS, Petrozavodsk, Russia; *L. G. Vartapetov*, Dr. S. in Biol., ISEA SB RAS, Novosibirsk, Russia; *V. V. Velichenko*, Dr. S. in Biol., IAEN, NEFU, Yakutsk, Russia; *Woo-Suk Hwang*, PhD, SOOAM Biotech Research Foundation, Seoul, Republic of Korea; *N. I. Germogenov*, Dr. S. in Biol., IBPC SB RAS, Yakutsk, Russia; *N. S. Danilova*, Dr. S. in Biol., IBPC SB RAS, Yakutsk, Russia; *T. V. Denisova*, Dr. S. in Biol., SFU, Rostov-on-Don, Russia; *E. N. Elaev*, Dr. S. in Biol., Buryat State University, Ulan-Ude, Russia; *A. N. Zhuravskaya*, Dr. S. in Biol., IBPC SB RAS, Yakutsk, Russia; *Al. P. Isaev*, Dr. S. in Biol., IBPC SB RAS, Yakutsk, Russia; *Ark. P. Isaev*, Dr. S. in Biol., IBPC SB RAS, Yakutsk, Russia; *M. M. Ishmuratova*, Dr. S. in Biol., Bashkir State University, Ufa, Russia; *V. E. Kolodeznikov*, Cand. S. in Biol., NEFU, Yakutsk, Russia; *I. M. Lebedenko*, Dr. S. in Biol., N.N. Blokhin NMRCO, Moscow, Russia; *G. V. Maksimov*, Dr. S. in Biol., M.V. Lomonosov MSU, Moscow, Russia; *A. D. Missoup*, PhD, University of Douala, Douala, Cameroon; *I. I. Mordosov*, Dr. S. in Biol., NEFU, Yakutsk, Russia; *B. Ya. Narkevich*, Dr. S. in Tech., N.N. Blokhin NMRCO, Moscow, Russia; *E. G. Nikolin*, Dr. S. in Biol., IBPC SB RAS, Yakutsk, Russia; *V. V. Rozanov*, Dr. S. in Biol., M.V. Lomonosov MSU, Moscow, Russia; *Sang-Woo Kim*, PhD, Busan National University, Busan, Republic of Korea; *A. N. Tikhonov*, Cand. S. in Biol., Zoological Institute of the RAS, Saint-Petersburg, Russia; *F. A. Toze*, PhD, University of Douala, Douala, Cameroon; *A. P. Chernyaev*, Dr. S. in Phys. & Math., M.V. Lomonosov MSU, Moscow, Russia; *M. M. Cherosov*, Dr. S. in Biol., YSRIA YSC SB RAS, Yakutsk, Russia.

СОДЕРЖАНИЕ

БИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Колесова Л. А., Соловьева М. И.* Биоморфологическая изменчивость *Allium splendens* Willd. ex Schult. в условиях Центральной Якутии..... 7
- Семенова В. В.* Пищевые растения, используемые в традиционных молочнокислых продуктах и блюдах народа саха..... 16

ФИЗИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Bahel B., Ngwem B. B., Kenmogne F., Kum R. A., Yamb E., Safonova M. N., Fedotov A. A., Ammosova N. E.* Mechanical behaviour of compressed earth blocks reinforced with random and aligned continuous distribution corn husk fibers..... 29
- Неустроев Е. П., Прокопьев А. Р.* Воздействие быстрого джоулевого нагрева на свойства углеродных пленок, сформированных осаждением в плазме метана..... 37

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Баранова Е. С.* Архетип «жертва»: ироническая виктимизация в текстах рассказов Сомерсета Моэм..... 48
- Васильева А. А.* Язык саха в сфере государственного и муниципального управления глазами служащих и населения г. Якутска Республики Саха (Якутия)..... 61
- Губанов С. А.* Счастье как объект эпитетации в текстах М. Цветаевой..... 75
- Даржаева Н. Б.* Макромодели бурятских эмотивных простых предложений..... 84
- Загидуллина Д. Ф.* Изображение «этнического прошлого» в тюркоязычных советских литературах (1960-е гг.)..... 92
- Либба Е. А.* Дискурс и дискурс-анализ: понятия и характерные аспекты в коммуникативной лингвистике..... 107
- Матюшкина Е. Н.* Авантюрный сюжет в прозе Б. Окуджавы (повесть «Похождения Шипова, или Старинный водевиль»)..... 115
- Мозоль Т. С.* Конвенционализация и легитимизация лексических заимствований (на примере англо-корейской языковой пары)..... 126
- Свиридова Т. Н.* Новые тенденции в англоязычном финансово-экономическом неологическом дискурсе..... 138
- Сивова Т. В.* Потенциал колористических дескрипций листвы в продуцировании цветообозначений: на фоне художественного и рекламного дискурсов..... 149
- Сивцева-Максимова П. В.* Поэма А. Е. Кулаковского «Сон шамана»: опыт анализа в аспекте проблем текстологии..... 162
- Тимофеева А. В.* Семантика и прототипы образной цветоцветовой лексики якутского языка..... 175
- Титов Я. Н.* Перевод пьесы «Ночь Гельвера» И. Вилквиста на якутский язык: анализ собственного перевода..... 187
- Чугуниева А. Н.* Сравнительные полипредикативные конструкции с послелогом чили 'как, как будто' в хакасском языке..... 198

ДАТЫ, СОБЫТИЯ, ЮБИЛЕИ

- Семенова И. Г., Огорокова В. Г., Семенов С. И., Огорокова В. Б., Семенова В. Г.* К юбилею ученого, литературного критика, педагога ЯГУ-СВФУ Гаврилы Гавриловича Огорокова (1925–1990)..... 209
- Тарабукина М. В.* Связующая нить поколений..... 214

CONTENT

BIOLOGICAL SCIENCES

- Kolesova L. A., Solovyeva M. I.* Biomorphological variability of *Allium splendens* Willd. ex Schult. in the conditions of Central Yakutia..... 7
- Semyonova V. V.* Food plants used in traditional fermented milk products and dishes of the Sakha people.....16

PHYSICAL SCIENCES

- Бахель Б., Нгвем Б. Б., Кенмоне Ф., Кум Р. А., Ямб Э., Сафонова М. Н., Федотов А. А., Аммосова Н. Е.* Механическое воздействие прессованных грунтовых блоков, армированных волокнами кукурузной шелухи с хаотичным непрерывным распределением..... 29
- Neustroev E. P., Prokopiev A. R.* Effect of fast Joule heating on the properties of carbon films formed by methane plasma deposition..... 37

PHILOLOGICAL STUDIES

- Baranova E. S.* The archetype of the “victim”: ironic victimization in the texts of Somerset Maugham’s short stories..... 48
- Vasilieva A. A.* The Sakha language in state and municipal administration from the perspective of officials and the people of the Sakha Republic (Yakutia)..... 61
- Gubanov S. A.* Happiness as an object of epithetation in Marina Tsvetaeva’s texts..... 75
- Darzhava N. B.* Macromodels of Buryat emotive elementary sentences..... 84
- Zagidullina D. F.* Depiction of the “ethnic past” in Turkic language Soviet literature (1960s)..... 92
- Libba E. A.* Discourse and discourse analysis: concepts and characteristic aspects in communicative linguistics..... 107
- Matyushkina E. N.* Specificity of adventurous in Bulat Okudzhava’s prose (based on the story “The Adventures of Shipov, or Old Vaudeville”)..... 115
- Mozol T. S.* Conventionalization and legitimization of lexical borrowings (on the example of the English-Korean language pair)..... 126
- Sviridova T. N.* New tendencies in English financial and economic neological discourse..... 138
- Sivova T. V.* The potential of foliage colour descriptions for creating colour terms: a study of artistic and advertising discourses..... 149
- Sivtseva-Maksimova P. V.* Alexei Kulakovsky’s poem “The Shaman’s Dream”: an analysis focusing on textual criticism aspects..... 162
- Timofeeva A. V.* Semantics and prototypes of figurative light and color terms in the Yakut language..... 175
- Titov Ya. N.* Translating Ingmar Villqist’s “Helver’s Night” into Yakut: an analysis of a translation experience..... 187
- Chugunekova A. N.* Comparative polypredicative constructions with the postposition чили ‘as if’ in the Khakass language..... 198

DATES, EVENTS, ANNIVERSARIES

- Semyonova I. G., Okorokova V. G., Semyonov S. I., Okorokova V. B., Semyonova V. G.* To the anniversary of Gavril Gavrilovich Okorokov (1925-1990), scientist, literary critic, academic of YSU-NEFU..... 209
- Tarabukina M. V.* The intergenerational thread..... 214

БИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 581.5

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2025-22-1-7-15>

Оригинальная научная статья

Биоморфологическая изменчивость *Allium splendens* Willd. ex Schult. в условиях Центральной Якутии

Л. А. Колесова, М. И Соловьева ✉

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
г. Якутск, Российская Федерация

✉ cmi79@mail.ru

Аннотация

В статье рассмотрены особенности разного уровня антропогенного воздействия на биоморфологическую изменчивость вегетативных органов *Allium splendens* Willd. ex Schult. в условиях Центральной Якутии. Биологический материал для исследования собран на трех географически однородных участках произрастания в Центральной Якутии с разной степенью антропогенного давления: в естественных условиях с низким антропогенным прессингом, в условиях значительного антропогенного воздействия и в условиях частной интродукции. Показано, что степень антропогенного давления может выражаться в адаптивных изменениях растения, выраженных в морфологических и биохимических характеристиках, измеримые показатели которых могут значительно отличаться от показателей растений, произрастающих в благоприятных естественных условиях или при оптимальных условиях интродукции. Полученные результаты морфометрической изменчивости признаков демонстрируют проявления защитной компоненты изменчивости возрастом вариабельности для растений, испытывающих высокое антропогенное давление. Определено, что антропогенное угнетение реализует механизмы адаптации через изменение габитуса, в частности морфометрии вегетативной массы листьев. Негативные условия среды вызывают изменение в соотношении возрастных групп особей и изменении стратегии размножения. При этом изменчивость содержания аскорбиновой кислоты более связана с ответом на стресс, реализуемым через выбор стратегии размножения, так как количество аскорбиновой кислоты не соответствовало последовательности ряда морфометрической изменчивости, что можно объяснить доминированием вегетативного способа размножения, при котором активно происходят биохимические процессы в подземной части растения.

Ключевые слова: лук блестящий, *Allium splendens* Willd. ex Schult, аскорбиновая кислота (АК), ценопопуляция, антиоксидантная система защиты растений, Эркээни, экологический оптимум, лимитирующие факторы, надпойменные террасы, антропогенное воздействие

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Колесова Л. А., Соловьева М. И. Биоморфологическая изменчивость *Allium splendens* Willd. ex Schult. в условиях Центральной Якутии. *Вестник СВФУ*. 2025, Т. 22, № 1. С. 7–15. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-1-7-15

Original article

Biomorphological variability of *Allium splendens* Willd. ex Schult. in the conditions of Central Yakutia

Lena A. Kolesova, Marianna I. Solovyeva ✉

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation

✉ cmi79@mail.ru

Abstract

The features of different levels of anthropogenic impact on the biomorphological variability of vegetative organs of *Allium splendens* Willd. ex Schult. in the conditions of Central Yakutia are considered. The biological material for the study was collected in three geographically homogeneous growing areas in Central Yakutia with different degrees of anthropogenic pressure: in natural conditions with low anthropogenic pressure, in conditions of significant anthropogenic impact and in conditions of private introduction. It has been shown that the degree of anthropogenic pressure can be expressed in adaptive changes in plants, expressed in morphological and biochemical characteristics, the measurable indicators of which can differ significantly from the indicators of plants growing in favorable natural conditions or under optimal conditions of introduction. Morphometric variability of traits demonstrates manifestations of the protective component of variability by increasing variability for plants experiencing high anthropogenic pressure. It has been determined that anthropogenic oppression implements adaptation mechanisms through changes in habitus, in particular, the morphometry of the vegetative mass of leaves; negative environmental conditions cause a change in the ratio of age groups of individuals and a change in the reproduction strategy. In this case, the variability of the ascorbic acid content is more associated with the response to stress, realized through the choice of a reproduction strategy, since the amount of ascorbic acid did not correspond to the sequence of a series of morphometric variability, which can be explained by the dominance of the vegetative method of reproduction, in which biochemical processes actively occur in the underground part of the plant.

Keywords: *Allium splendens* Willd. ex Schult, ascorbic acid, coenopopulation, antioxidant plant protection system, Erkeeni, ecological optimum, limiting factors, floodplain terraces, anthropogenic impact

Funding. No funding was received for writing this manuscript

For citation: Kolesova L. A., Solovyeva M. I. Biomorphological variability of *Allium splendens* Willd. ex Schult. in the conditions of Central Yakutia. *Vestnik of NEFU*. 2025, Vol. 22, No. 1. Pp. 7–15. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-1-7-15

Введение

Степень антропогенного давления может выражаться в адаптивных изменениях растения, выраженных в морфологических и биохимических характеристиках, измеримые показатели которых могут значительно отличаться от показателей

растений, произрастающих в благоприятных естественных условиях или при оптимальных условиях интродукции. Изучение изменчивости биохимического состава и биоморфологии видов в связи с локальными экологическими условиями растений наиболее полно отражает видовые адаптационные механизмы и могут служить биоиндикаторами экологического состояния фитоценоза.

Основные механизмы адаптации травянистых растений, в частности представителей *Alliaceae*, выражаются в изменении структуры ценопопуляции, доминирующего способа размножения, продолжительности отдельных фенологических фаз, общего габитуса и отдельных морфометрических параметров. Значимость морфометрического подхода для оценки реакции растений на изменение экологических условий обитания, например, в условиях интродукционного эксперимента, отмечал Ю. А. Злобин [1]. Изменчивость виталитетных спектров в сторону увеличения количества особей высшего и промежуточного классов при благоприятном экологическом режиме и увеличение доли угнетенных особей при антропогенной нагрузке исследованы в условиях Якутии в ценопопуляциях *A. prostratum* и *A. ramosum* [2].

Визуально фиксируемые изменения растений определяются внутренними биохимическими процессами, в первую очередь редокс-системой растений. Динамика накопления аскорбиновой кислоты (АК) отражает степень биохимических изменений в периоды активного стресса, в отличие от содержания многих вторичных метаболитов, возрастающего лишь при UV-облучении или температурных стрессах. АК индуцирует рост активности цитоплазматического Ca^{2+} , обеспечивая запуск реакций на конкретные стрессоры и определяет особенности роста и развития растений [1].

Цель работы – оценить изменчивость морфометрических параметров *Allium splendens* Willd. ex Schult. и содержания аскорбиновой кислоты вегетативных органов в зависимости от антропогенной нагрузки и экологических условий произрастания.

Объект и методы исследования

Для данного исследования нами был выбран лук блестящий *A. splendens* Willd. Ex Schult., подрод *Reticulobulbosa* (Kamelin) N. Friesen, Секция *Reticulobulbosa* Kamelin, род *Allium* L., Семейство *Alliaceae*. Типареала: сибирско-восточноазиатский [3]

Распространение в Республике Саха (Якутия) по Малышеву (1967): Алданский, Вилюйско-Верхнеленский флористические районы [4]. Мезоксерофит. Произрастает на степных участках, остепненных лугах, аласах, пойменных лугах, известковых скалах, в сухих сосновых и лиственных лесах [5].

Экологический оптимум (Л. Г. Раменский, 1956) выражен в следующий шкале: У – 59.8 БЗ – 10.5 ПД – 3.7, где У – увлажнение, БЗ – богатство почв – засоление, ПД – пастбищная дигрессия [6].

Лимитирующие факторы: зарастание мест обитания травянистой и кустарниковой растительностью, антропогенное освоение ландшафтов, заготовка в качестве пищевого или декоративного растения.

Allium splendens Willd. Ex Schultes et Schultes fil. – вид, который представляет собой сложный и полиморфный комплекс слабо разграниченных таксонов. Полиморфизм выражается в наличии полиплоидного ряда ($2n = 16, 32, 40, 48$) и довольно сильной изменчивости по целому ряду признаков [7]. На участках сбора произрастает третья морфологическая раса, которая описывается как: растения не очень крупные, относительно тонкие; луковицы узкоконические; зонтик от полушаровидного до почти шаровидного, многоцветковый; листья узкие

от 1,5–2 мм до 5–6 мм шириной. Наиболее сборная группа. Сюда относятся растения с $2n = 16, 32, 40, 48$. Распространены по всему ареалу вида [8].

A. splendens по феноритмотипу летнезеленый с вынужденным зимним покоем, среднелетнецветущий длительно вегетирующий вид (до установления достаточно низких температур), в вегетации участвуют листья двух формаций: весенней и летне-осенней [9]. Отрастает в начале мая, цветет с конца июня до середины июля. Прекрасно размножается семенами. Образует самосев и размножается вегетативно. Срок созревания семян – конец августа–начало сентября. К вредителям и болезням устойчив [10].

Вегетативное размножение происходит образованием рамок в результате ветвления одноосного побега в середине генеративного периода, определяя устойчивость популяций [11].

Физиологические, биохимические и цитологические характеристики семенного потомства *A. splendens* в зависимости от места обитания в условиях Центральной Якутии изучались Г. В. Филипповой и др. [5]. Кроме того, выбор объекта исследования также обусловлен результатами исследования Н. С. Даниловой и др., в которых наиболее заметная фенологическая реакция на изменения климата отмечена у *A. splendens* [12].

Сбор проводили в трех географически однородных участках произрастания с разной степенью антропогенного давления: в естественных условиях с низким антропогенным прессингом (окрестности села Кысыл-Сыр Намского района), в условиях значительного антропогенного воздействия (окрестности пос. Жатая, г. Якутска) и в условиях частной интродукции на дачном участке, г. Якутск. Сбор определения АК проводили в фазе отрастания, в период максимального накопления АК [13, 14].

Наблюдения проводили в четыре этапа: на первом – участки сбора оценивали согласно общим экологическим характеристикам с целью оценки степени и вида антропологического давления; далее оценивали общее экологическое состояние популяции на участке сбора, обращая внимание на способы размножения; на третьем этапе было определено содержание АК по общепринятой методике [15], сбор для биохимического анализа проводили в период массовой вегетации (3-я декада июня); на последнем – измеряли морфометрические показатели по методике В. Н. Голубева [16] на 25 среднегенеративных особях из каждой популяции для естественных популяций и 8 для искусственной в фазе цветения (2-я декада июля). Изучали следующие параметры: высоту и диаметр генеративного побега, см; длину и ширину 1-го листа, см; диаметр соцветия, см. Для оценки уровня влияния антропогенного пресса на морфометрические параметры *A. splendens* использовали однофакторный дисперсионный анализ.

Результаты и обсуждения

Участки произрастания, на которых проводили исследования и сбор объектов, относятся к Центрально-Якутскому флористическому району, на обширной Центральноякутской равнине в пределах 60° – 62° с. ш. и 130° – 132° в. д. Климат долин среднего течения реки Лена резкоконтинентальный со значительной годовой амплитудой температур и низким уровнем осадков (на участке частной интродукции искусственный агрополиив не применялся).

1. Участок сбора объекта исследования, выбранный, как популяция *A. splendens* в естественных условиях с низким антропогенным прессингом, находится на разнотравном лугу в долине Энсиэли, в окрестностях села Кысыл-Сыр Намского района ($62^{\circ}32'38.5''N$ $129^{\circ}49'58.4''E$) близ протоки на второй надпойменной террасе реки Лена, сложенной древними аллювиальными

песками в области речной гряды. Тип почвы: мерзлотная лугово-черноземная. Степень антропогенного воздействия выражена в низком содержании взвешенных веществ в воздухе (ВВ), обусловленным близостью лесных и сельских дорог.

2. Участок сбора *A. splendens* со значимым антропогенным давлением находится на берегу Тулагинской протоки, на прерывистом засоленном лугу между старицей и гравийной дорогой хозяйственного использования (62°10'46.1"N 129°51'24.7"E), расположенном на Жатайской (первой надпойменной) террасе реки Лена, сложенной супесчаным слоистым аллювием. Тип почвы: мерзлотная лугово-солончаковая. Характеризуется присутствием значимых источников антропогенного загрязнения, включая участие в радиусе воздействия сельскохозяйственных и агротехнических мероприятий. Высокое содержание ВВ, территориальная близость промышленных объектов (Жатайская нефтебаза, судовой верфь, Якутская ТЭЦ, автодорога) и аэропорт г. Якутска.

3. Участок сбора *A. splendens* в условиях частной интродукции (популяция образована путем пересадки нескольких взрослых растений за два года до исследования) на территории г. Якутска, ДПК «Надежда», Покровский тракт 10-й км (102 61°58'32.8"N 129°38'02.5"E). Относится к Сергеляхской (второй надпойменной) террасе реки Лена в районе высокой гряды. Характеризуется средним содержанием ВВ, общее городское воздушное загрязнение частично нивелируется местоположением дачного участка: в глубине дачного кооператива на территории которого сохранен лесной покров (сосновый бор).

Таким образом, мы выбрали сходные по эколого-географическим характеристикам участки произрастания *A. splendens* (надпойменные террасы в долине реки Лена в зоне недостаточного увлажнения, определяемой климатом Центрально-якутской равнины), но неоднородные по степени антропогенного давления.

Экологически благополучная популяция *Allium splendens* в долине Энсиэли может быть охарактеризована как нормальная, полноценная, многочисленная (в пределах характеристик рода *Allium* L., практически никогда не образующей доминантные ассоциации [11]. Особи произрастают равномерно в большей части, и наблюдаются единичные особи к периметру прилегающего березняка. Популяция зрелая, полночленная, особи на всех этапах онтогенеза, что говорит о благополучии. Габитус генеративных особей стабильный. Представляет собой реликтовое степное сообщество, злаково-разнотравная растительная ассоциация. По краю: спирея иволистная (*S. salicifolia* L.). Преимущественно: ковыль (*Stipa capillata*), тонконог жестколистный (*Koeleriacristata*), проломник нитевидный (*Androsace Filiformis*), полынь опушенная (*Artemisiapubescens*), лапчатка вильчатая (*Potentillabifurca*).

Популяция *Allium splendens* в Жатае регрессивная, при этом сильно разрежена, образует два наиболее благополучных участка, прилегающих к старице. В целом популяция неполночленная, преобладают прегенеративные особи, ярко выражено кущение, доминирует вегетативное размножение, играя решающую роль в поддержании жизнеспособности популяции в условиях низкой реализации семенной продуктивности. Нарушенная степная лапчатково-ковыльная растительная ассоциация. Визуально преобладают лапчатка вильчатая (*Potentillabifurca*) и ковыль (*Stipa capillata*).

Третья популяция *Allium splendens* – инвазионная, искусственная, интродуцированная. Растения поступили из природной флоры (изъяты из популяции в Жатае) в 2022 г. в виде живых растений.

Данные измерений морфометрических показателей приведены в табл.

Таблица

Морфометрические параметры *Allium splendens*

Table

Morphometric parameters of *Allium splendens*

Параметры	Популяция					
	Из долины Энсиэли		Жатайская		Частная интродукция	
	М ± m	Cv, %	М ± m	Cv, %	М ± m	Cv, %
Число листьев, шт.	3,16±0,37	11,84	3,92±0,40	10,20	3,75±0,43	11,55
Высота генеративного побега, см	31,39±1,80	5,74	26,54±1,33	5,00	38,13±1,32	3,46
Длина листа, см	24,42±1,15	4,71	22,77±1,29	5,67	28,71±1,92	6,69
Ширина листа, см	0,29±0,03	10,37	0,28±0,04	14,58	0,30±0,03	8,33
Диаметр соцветия, см	3,78±0,17	4,45	3,21±0,10	3,11	4,24±0,07	1,64
Число цветков, шт.	37,96±3,60	9,48	26,28±2,32	8,82	42,00±6,10	14,53

Примечание: М – среднее значение показателя; Cv – коэффициент вариации

Note: M – mean value; Cv – coefficient of variation

Результаты измерения морфометрического анализа демонстрируют превосходство габитуса вегетативной массы в условиях интродукции. Морфометрическая изменчивость признаков несколько более вариабельная для растений в популяции с высоким антропогенным давлением, что объясняется проявлением защитной компоненты изменчивости [11], антропогенное угнетение реализует механизмы адаптации через изменение морфологических показателей в Жатайской популяции. На растения, произрастающие в естественных местообитаниях, влияют антропогенные воздействия и плотный травостой, здесь мы видим среднюю вариабельность изменчивости. Также можно сделать вывод о достаточной экологической пластичности *A. splendens*.

Результаты спектрофотометрического исследования содержания АК в надземной части *A. splendens* в период массовой вегетации показали, что наибольшее значение получено для растений из долины Энсиэли для благополучной, процветающей популяции в естественных условиях (87,1 мг%), содержание АК в условиях интродукции имело среднее значение (73,2 мг%) и наименьшее содержание АК было получено для антропогенноугнетенной популяции из Жатая (64,8мг%). Таким образом, данные биохимического содержания АК не соответствовали последовательности ряда морфометрической изменчивости. Изучая эколого-ценотические факторы, мы пришли к выводу, что наименьшее значение АК для регрессивной популяции из Жатая обусловлено доминированием вегетативного способа размножения, при котором активно происходят биохимические процессы в подземной генеративной части растения.

Заключение

Результаты проведенных исследований демонстрируют, что растения *Allium splendens* в популяции, испытывающей значимое антропогенное давление, отличаются несколько более низкими морфометрическими параметрами, чем

растения *A. splendens*, произрастающие при позитивном или незначительном негативном антропогенном воздействии. При этом растения *A. splendens*, произрастающие в естественных условиях с низким антропогенным стрессом, имеют сравнительно меньшие морфометрические характеристики, чем растения, выращиваемые в условиях интродукции, что естественно связано с межвидовой конкуренцией в природной среде, плотным травостоем, характером и типом почвы.

При этом изменчивость морфологических признаков популяций *Allium splendens* и общая оценка экологической благополучности популяций определяются как низкие и угнетенные при выраженном антропогенном воздействии. Интенсивный негативный антропогенный пресс способствует переходу популяции в зону субоптима и пессима, определяя изменения габитуса и изменения на биохимическом уровне.

Количественное содержание АК подтверждает, что условия произрастания специфически влияют на динамику накопления БАВ в зеленой массе, запуская механизмы экологической адаптации на биохимическом уровне.

Л и т е р а т у р а

1. Злобин Ю.А. *Принципы и методы изучения ценологических популяций растений*. Казань, Изд-во Казанского университета. 1989:146.
2. Фризен Н.В. *Луковые Сибири: систематика, кариология, хорология*. Новосибирск: Наука; 1988:185.
3. Тухватуллина Л.А., Абрамова Л.М. Динамика накопления витамина С в листьях черемши при выращивании в разных условиях интродукции. *Известия Оренбургского государственного аграрного университета*. 2018;69(1):64-66
4. Данилова Н.С. *Интродукция многолетних травянистых растений флоры Якутии*. Якутск: ЯНЦ СО РАН. 1993:164.
5. Филиппова Г.В., Прокопьев И.А., Шеин А.А. и др. Влияние типов местообитания *Allium splendens* на физиолого-биохимические и цитологические характеристики семенного потомства. *Вестник СВФУ*. 2014;(3).
6. Тухватуллина Л.А., Абрамова Л.М. Среднемноголетние фенодаты и сезонный ритм роста и развития луков в условиях интродукции. *Региональные геосистемы*; 2013;10(153). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/srednemnogoletnie-fenodaty-i-sezonnyy-ritm-rosta-i-razvitiya-lukov-v-usloviyah-introduktsii> (дата обращения: 03.11.2024).
7. Черемушкина В.А. *Биология луков Евразии*. Новосибирск: Наука. 2004:280.
8. Ермаков А.И., Арасимович А.А., Смирнова-Иконникова М.И., Мурри И.К. *Методы биохимического исследования растений*. Москва; Ленинград: Сельхозиздат. 1972:308-315.
9. *Флора Якутии: географический и экологический аспекты*. Новосибирск: Наука; 2010:192.
10. Войтехович М.А., Кучинская В.А., Новосельский И.Ю. и др. Аскорбиновая кислота как антиоксидант и сигнально-регуляторный агент в клетках высших растений. *Журнал Белорусского государственного университета. Биология*. 2018;2:27-38.
11. Голубев В.Н. Основы биоморфологии травянистых растений центральной лесостепи. *Труды Центрально-черноземного заповедника им. В.В. Алехина*. Воронеж. 1962;7:602.
12. Данилова Н.С., Борисова С.З., Романова А.Ю. и др. Кадастр интродуцентов Якутии. Ч. 1. *Растения природной флоры Якутии*. Якутск: ЯНЦ СО РАН. 2000:158.
13. Синицына Т.А. Род *Allium* L. (Alliaceae) Сибири. *Vavilovia*. 2019;2(3):3-22. URL: <https://doi.org/10.30901/2658-3860-2019-3-3-22>
14. Флористическое районирование Сибири. *Под Allium* L. (Alliaceae) Сибири. *Vavilovia*. 2019;2(3):3-22. URL: <https://doi.org/10.30901/2658-3860-2019-3-3-22>

15. Данилова Н.С., Борисова С.З., Егорова Н.Н. и др. Фенологический отклик некоторых видов рода *Allium* на изменения климата в Центральной Якутии. *Природные ресурсы Арктики и Субарктики*. 2023;28(2):275-282. URL: <http://doi.org/10.31242/2618-9712-2023-28-2-275-282>

16. Федорова А.И., Николаева О.А., Андросова Д.Н. Изменчивость морфологических признаков Лука стелющегося (*Allium prostratum* Trevir.) и Лука ветвистого (*Allium ramosum* L.) в природе и культуре. *Научный журнал КубГАУ*; 2016;05:119.

References

1. Zlobin YuA. *Principles and methods of studying coenotic plant populations*. Kazan: Kazan University Publishing House; 1989:146 (in Russian).

2. Friesen N.V. *Onions of Siberia: systematics, karyology, chorology*. Novosibirsk: Nauka; 1988:185 (in Russian).

3. Tukhvatullina LA, Abramova LM. Dynamics of vitamin C accumulation in the leaves of ramson, growing in different introduction conditions. *Izvestia of the Orenburg State Agrarian University*. 2018;69(1):64-66 (in Russian).

4. Danilova NS. *Introduction of perennial herbaceous plants of the flora of Yakutia*. Yakutsk: YSC SB RAS; 1993:164 (in Russian).

5. Filippova GV, Prokopyev IA, Shein AA, et al. Influence of habitat area types of *Allium splendens* on the seed posterity's physiological-biochemical and cytological characteristics. *Vestnik of NEFU*. 2014;(3) (in Russian).

6. Tukhvatullina LA, Abramova LM. Average annual phenodate and seasonal rhythm of growth and development of *allium* in conditions of introduction. *Regional geosystems*. 2013;10(153). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/srednemnogoletnie-fenodaty-i-sezonnyy-ritm-rosta-i-razvitiya-lukov-v-usloviyah-introduktsii> [Accessed 11 March 2024] (in Russian).

7. Cheremushkina VA. *Biology of Eurasian bows*. Novosibirsk: Nauka; 2004:280 (in Russian).

8. Ermakov AI, Arasimovich AA, Smirnova-Ikonnikova MI, et al. *Methods for the biochemical analysis of plants*. Moscow; Leningrad: Selkhozizdat. 1972:308-315 (in Russian).

9. *Flora of Yakutia: geographical and ecological aspects*. Novosibirsk: Science; 2010:192 (in Russian).

10. Voitekhovich MA, Kuchinskaya VA, Novoselsky IYu, et al. L-Ascorbic acid as an important antioxidant and signal-regulatory agent in the cells of higher plants. *Journal of the Belarusian State University. Biology*. 2018;2:27-38 (in Russian).

11. Golubev V. N. Fundamentals of biomorphology of herbaceous plants of the central forest-steppe. In: *Proceedings of the Central Chernozem Reserve named after V.V. Alyokhin*. Voronezh: Publishing House of Voronezh State University; 1962;7:602 (in Russian).

12. Danilova NS, Borisova SZ, Romanova AYU, et al. Cadastre of introduced species of Yakutia. Part 1: *Plants of the natural flora of Yakutia*. Yakutsk: YSC SB RAS; 2000:158 (in Russian).

13. Sinitsyna TA. Genus *Allium* L. (Alliaceae) in Siberia. *Vavilovia*. 2019;2(3):3-22 (in Russian). [online] <https://doi.org/10.30901/2658-3860-2019-3-3-22>

14. Floristic zoning of Siberia. Genus *Allium* L. (Alliaceae) Siberia. *Vavilovia*. 2019;2(3):3-22 (in Russian). [online] <https://doi.org/10.30901/2658-3860-2019-3-3-22>

15. Danilova NS, Borisova SZ, Egorova NN, et al. Phenological response of some species of the genus *Allium* to climate change in Central Yakutia. *Arctic and Subarctic Natural Resources*. 2023;28(2):275-282 (in Russian). [online] <http://doi.org/10.31242/2618-9712-2023-28-2-275-282>

16. Fedorova AI, Nikolaeva OA, Androsova DN. Variability of morphological characters of creeping onion (*Allium prostratum* Trevir.) and branched onion (*Allium ramosum* L.) in nature and culture. *Scientific journal of Kuban State Agrarian University*. 2016;05:119 (in Russian).

Сведения об авторах

КОЛЕСОВА Лена Афанасьевна – аспирант биологического отделения ИЕН, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова», г. Якутск, Российская Федерация

E-mail: kolesova@mail.ru

СОЛОВЬЕВА Марианна Иннокентьевна – к. б. н., доц. биологического отделения ИЕН, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова», г. Якутск, Российская Федерация, ORCID: 0000-0001-9819-2001, Scopus Author ID: 57213421946

E-mail: cmi79@mail.ru

Information about the authors

Lena A. KOLESOVA – Postgraduate Student of Biology Department, Institute of Natural Sciences, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation

Marianna I. SOLOVYEVA – Cand. Sci. (Biology), Associate Professor of Biology Department, Institute of Natural Sciences, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation, ORCID: 0000-0001-9819-2001, Scopus Author ID: 57213421946

Вклад авторов

Колесова Л. А. – разработка концепции, верификация данных, проведение статистического анализа, проведение исследования, создание черновика рукописи

Соловьева М. И. – ресурсное обеспечение исследования, администрирование данных, редактирование рукописи, администрирование проекта

Authors' contribution

Lena A. Kolesova – conceptualization, validation, formal analysis, investigation, writing - original draft

Marianna I. Solovyeva – resources, data curation, writing - review & editing, project administration

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 27.02.25

Принята к публикации / Accepted 18.03.25

УДК 58.072;637.146

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2025-22-1-16-28>

Оригинальная научная статья

Пищевые растения, используемые в традиционных молочнокислых продуктах и блюдах народа саха

В. В. Семенова

Институт биологических проблем криолитозоны СО РАН, г. Якутск, Российская Федерация

✉ vvsemenova-8@yandex.ru

Аннотация

В старину народ саха в повседневном питании использовал в большом количестве растения. В списке А. А. Саввина приведено 76 используемых видов дикорастущих пищевых растений, что составляет 4% из флоры Якутии, но 11 видов остаются не определенными и приводятся только на якутском языке. Предварительно растение из этого списка кус тыла нами опеределено как ряска тройчатая *Lemna trisulca* и сем. Lemnaceae. Из его списка 59 видов из 42 родов, объединенных в 23 семейства, использовались в молочнокислых продуктах и блюдах народа саха. Наиболее представлены семейства Rosaceae (7), Polygonaceae (6) и Alliaceae, Ericaceae, Asteraceae по 4 вида. Биоморфологический спектр 59 видов растений включает 3 вида деревьев, кустарников – 9, кустарничков – 3, остальные относятся к многолетним травянистым растениям. Для дальнейшей работы с пищевыми растениями необходимо привести список видов в соответствие с современной номенклатурой. В результате работы было идентифицировано 15 видов, из которых до уровня родов были переопределены 4 вида. При определении некоторых видов, таких как *Saussurea amara*, *Rheum rhaponticum*, *Allium senescens*, было проведено сопоставление с данными из других источников. В старину народ саха готовил различные виды молочнокислых продуктов и блюд с добавлением растительного сырья – листьев, корней и ягод. Наиболее разнообразным по содержанию растений являются молочнокислые супы ас и үөрэ, для приготовления которых использовались до 35 видов растений. Сладкий вкус блюдам көбүөр, дагда, күөрчэх придавали корни и ягоды растений.

Ключевые слова: пищевые растения, флора Якутии, молочнокислые продукты и блюда, народ саха, А. А. Саввин, жизненная форма, деревья, кустарники, кустарнички, травянистые многолетние растения

Финансирование. Работа выполнена в рамках выполнения государственного задания Института биологических проблем криолитозоны СО РАН на 2021–2025 гг. по теме «Растительный покров криолитозоны таежной Якутии: биоразнообразие, средообразующие функции, охрана и рациональное использование» (№ госрегистрации АААА-А21-121012190038-0) с использованием научного оборудования ЦКП Федерального исследовательского центра «Якутский научный центр СО РАН» в рамках реализации мероприятий по гранту № 13.ЦКП.21.0016

Для цитирования: Семенова В. В. Пищевые растения, используемые в традиционных молочнокислых продуктах и блюдах народа саха. *Вестник СВФУ*. 2025, Т. 22, № 1. С. 16–28. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-1-16-28

Original article

Food plants used in traditional fermented milk products and dishes of the Sakha people

Varvara V. Semyonova

Institute for Biological Problems of Cryolithozone SB RAS, Yakutsk, Russian Federation

✉ vvsemenova-8@yandex.ru

Abstract

Historically, the Sakha people used plants in large quantities in their daily diet. According to A. Savvin's list, there are 76 species of wild food plants used, representing 4% of the flora of Yakutia. However, 11 of these species remain unresolved and are exclusively referenced by Yakut names. Based on preliminary assessment, the plant *kus tyla* from this list has been identified as *Lemna trisulca* and the *Lemnaceae* family. A. Savvin's list indicates that 59 species, representing 42 genera and 23 families, were used by Sakha people in fermented milk products and dishes. The families Rosaceae (7), Polygonaceae (6), Alliaceae (4), Ericaceae (4), and Asteraceae (4) are the most prominent in the dataset. The biomorphological spectrum of these 59 plant species includes 3 tree species, 9 shrubs species, and 3 dwarf shrub species, with the remaining species classified as perennial herbaceous plants. To continue research on food plants, the species list has to be consistent with modern scientific classification. This study identified 15 species, with 4 species reclassified to the level of genera. The identification of certain species, including *Saussurea amara*, *Rheum rhaponticum*, and *Allium senescens*, involved a comparative analysis of data from other sources. Traditionally, the Sakha people prepared diverse fermented milk products and dishes with the addition of plant ingredients, including leaves, roots and berries. Fermented milk soups, such as *ac* and *үөрэ*, exhibited the greatest botanical diversity, with up to 35 plant species were used in preparation. The sweet taste of the dishes *kyobyuyor*, *dagda*, *kyuorchekh* was given by the roots and berries of plants.

Keywords: food plants, flora of Yakutia, fermented milk products and dishes, Sakha people, A. A. Savvin, life form, trees, shrubs, dwarf shrubs, perennial herbaceous plants

Funding. The work was carried out under the state assignment of the Institute of Biological Problems of Cryolithozone SB RAS for 2021-2025, research theme: 'Vegetation cover of the cryolithozone of taiga Yakutia: biodiversity, environment-forming functions, protection and rational use' (state registration No. AAAA-A21-121012190038-0). The research utilized scientific equipment at Yakut Scientific Center (SB RAS, Research Sharing Department) within the framework of activities implemented under grant No. 13.ЦКП.21.0016

For citation: Semyonova V. V. Food plants used in traditional fermented milk products and dishes of the Sakha people. *Vestnik of NEFU*. 2025, Vol. 22, No. 1. Pp. 16–28. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-1-16-28

Введение

Сведения о пище народа саха можно найти в работах политических ссыльных, врачей и научных исследователей [1–17]. В ее составе до развития хлебопашества, т. е. до 80–90-х гг. XIX в., очень большое место после молочных и мясных продуктов занимали продукты растительного происхождения – стебли и корни дикорастущих растений, ягоды и древесная заболонь. Потребление

растительного состава зависело от характера хозяйства, обеспеченности рабочей силой, физико-географических особенностей. Например, в южных районах в год потреблялось в среднем на одно хозяйство в сыром весе приблизительно 640 кг растений, разных корней – 70 кг, заболони – 50–60 кг и ягод разных – 80 кг. В северных районах в большом количестве заготавливали корни копеечника и кровохлебки. Так, в Оймяконе потребляли в год до 480 кг растений, в Верхоянском улусе высушенных и растолченных корней копеечника запасали 30–50 кг на хозяйство. В виллюйских улусах преобладающее место из растений занимала заболонь, потребление которой составляло в год в одном хозяйстве от 1,52 до 18,32 ц [15].

Ежегодно в Центральной Якутии в июле группа из 10–20 женщин, детей и стариков отправлялась на ближайшие луга, где произрастали хрен, полынь обыкновенная, щавель, лук и другие съедобные растения. В начале июня и в сентябре в центральных и виллюйских улусах женщины и дети собирали корни сусака. Также осенью в основном из нор мышей выкапывали корни кровохлебки, лапчатки гусиной и копеечника [1, 2, 15]. Самое большое место из всех растений, используемых в пищу, занимала древесная заболонь или луб сосны и лиственницы. Весной в июньские дни, когда кора приобретает способность легко отдираться от стволов, начиналась страда заготовки заболони на зиму. Именно из-за этой страды июнь месяц получил у народа саха название «месяц заболони» – *бэс ыйа*, где под словом *бэс* подразумевалась не сама сосна, а ее заболонь, так как сосновую заболонь большей частью именовали кратко *бэс* (*бэһи сиэбит*, *бэс буһарбыт* и т. п.) [17].

Стебли и листья растений потребляли в свежем виде и запасали на зиму в сушеном и квашеном виде. Древесную заболонь сушили и измельчали в деревянной ступке *кэли*, затем разделяли на более крупную труху *уоба* и мелкую *оодул*. Различали два основных способа квашения растений: силосование и брожение в молочных продуктах. Квашение листьев, заболони и ягод в молочных продуктах – *тапе* (пахтанье) – было распространено повсеместно. В свежем и мороженом виде хранили бруснику [15, 17].

По сведениям политического ссыльного В. Е. Гориновича (1889), который расспрашивал стариков того времени, чем они лечились: «в старину до прихода инородцев болезней было гораздо меньше и излечивались они просто – пускали кровь или камлал шаман». Он отмечал, что организм якута очень здоров и крепок. За продолжительную 7–8-месячную зиму он ни разу не наблюдал у якутов цинготных явлений [3]. Первые попытки посева ячменя были начаты в 1737 г. в местном монастыре, и в 1842 г. ежегодно начали сеять пшеницу [18]. С этого времени большинство кисломолочных продуктов и блюд с использованием растений были вытеснены, способы их приготовления утеряны.

В настоящее время изучению пищевых растений народа саха уделяется немало работ в историческом, этнографическом, химическом, ботаническом, этнолингвистическом аспектах [13, 14, 16, 18, 19].

Ценные сведения о растениях в этнографической литературе со временем становятся труднодоступными для населения из-за непрекращающихся изменений номенклатуры растений вплоть до переименования их родовых названий. Определение растений становится трудным даже и для специалистов, которые не владеют специализированной литературой. Поэтому идентификация растений в работах исследователей XIX и начала XX вв. в соответствии с современной номенклатурой становится актуальной для дальнейшего изучения и использования растений для широкого круга людей.

Целью данной работы является анализ разнообразия пищевых растений, используемых в молочнокислых продуктах и блюдах, уточнение их наименований в соответствии с современной номенклатурой.

Материалы и методы

В работе для уточнения устаревших названий растений использованы труды В. Л. Комарова [20], «Флора СССР» [21], сводка С. К. Черепанова [22], «Флора Сибири» [23], «Определитель высших растений Якутии» [24].

Результаты и их обсуждение

Наиболее полно представлены пищевые растения в списке выдающегося этнографа А. А. Саввина (1896–1951) [15]. Далее приводится анализ разнообразия растений из его списка. В нем зафиксировано 76 видов растений, в том числе 11 видов приведены только на якутском языке (*быар от, эт эрбэһин, урүмэ ханатар, диэрэн тыла, кус тыла, хаххан борбуйа, обус кутуруга, хачыгыр, сылгы тыла, бэкээринник, чыраама*). Со слов Е. Е. Яковлевой, учителя биологии и химии СОШ с. Далыр Верхневилуйского улуса, растением *кус тыла* охотники называют ряску тройчатую, ее поедают водоплавающие птицы. Во флоре Якутии в настоящее время насчитывается 1950 видов растений [24], из которых список пищевых растений А. А. Саввина [15] составляет 4%. В то время растения были определены по книге В. Л. Комарова [20] и многотомному определителю растений «Флора СССР» (1934–1964) [21].

Представляем перечень растений с уточнениями в соответствии с современной номенклатурой, приведенной по «Определителю высших растений Якутии» [24]:

- герань якутская, *Geranium jacutense*, куохалас, тарбах от, тураах тарбажа, тараах от в настоящее время переименована в герань волосистоцветковая, *Geranium erianthum* DC, сибэккитэ түүлэх куохалас;

- лапчатка клейкая, *Potentilla viscosa* J. Don., хаддьа хайажа, сыстымтыа кэйингэс – лапчатка длиннолистная, *Potentilla longifolia* Willd. ex Schlecht., ухун сэбирдэхтээх кэйингэс;

- смородина красная, *Ribes acidum* Turch. – с. голенькая, *R. glabellum* Trautv. et C.A. Mey., хаптажас, сыгыннах хаптажас, аһы моонньофон; с. черная, *R. nigrum* L. – с. малоцветковая, *R. pauciflorum* Turcz. ex Pojark., моонньофон;

- горец живородящий *Polygonum viviparum* L., мэкээрсин, мэкээссин, мэкээкэй – змеевик живородящий, *Bistorta vivipara* (L.) Delabre, оҕолоох эриллэбэс от;

- змеиный корень (горец, макаршин корень), *Polygonum bistorta* L., мэкээрсин, мэкээссин, мэкээкэй – змеевик перистый, *Bistorta plumosa* (Small.) D. Löve, куорсуннаах эриллэбэс от;

- щавель кислый, *Rumex acetosa* L., кийһилэ, аһы кийһилэ, кэһилэ – щавель пирамидальный, *Acetosa thyrsiflora* (Fingerh.) A. Löve et D. Löve, пирамидальной кийһилэ;

- очиток (заячья капуста, сайгачья капуста, молодило, скрипун), *Sedum purpureum* (L.) Schult. – очиток трехлистный, *S. triphillum* (Haw.) Holub., үс сэбирдэхтээх очиток, таман;

- зопник клубненосный, *Phlomis tuberosa* L. – з. клубневой *Phlomoides tuberosa* (L.) Moench, астаах хортуос от, харбаһын, хадья от, харбыһын;

- лилия даурская, саранка, *Lilium dauricum* Ker. Gawl. – л. пенсильванская, *L. pensylvanicum* Ker-Gawl. (L), сардаана;

- лилия кудреватая, *L. martagon* L., сардаан, сэниэн, монуо, модуон, сомоҕо ымыях – л. скудноволосистая, *Lilium pilosiusculum* (Freyn) Mischz., убажас түүлэх сардаана, куударалаахтыгы сардаана;

- ежеголовник простой, *Sparganium simplex* Huds. – е. узколистый, *S. angustifolium* Michx., синньигэс сэбирдэхтээх дьуостуган и е. плавающий, *S. natans* L., устар дьуостуган;

– рдест взморниколистный, *Potamogeton zosterifolius* Schum., муорамсахтыны анаҕаһын, ымыйах уга, куба сиир ото, нуолу, бөөлтүүр, бөлчөк, бөлтөк, бөлчүөк – р. сплюснутая, *P. compressus* L., хаптаҕай анаҕаһын;

– нардосмия, *Nardosmia* Cass., үрүмэ от, кэбэ кулгааҕа – белокопытник холодный, *Pelasites frigidus* (L.) Fries, тонуй үрүн туйах;

– ячмень ржаной, *Hordeum secalinum* Shrab., халба дабыдала – я. короткоостистый, *H. brevisubulatum* (Trin.) Link, ньыырт кутуруга, сыһыы ньэчимиэн.

Соссюрея, солонцовая трава *Saussurea glomerata* Pourg., чыллырыыт, в источниках, использованных А. А. Саввиным [15], и в современных отечественных ботанических источниках не найдена. Каро Фердинанд Каэтановия, флорист, фармацевт, исследователь растений Сибири, во время своей ссылки в Иркутскую область (1888–1893) гербаризовал и определил вид как *Saussurea glomerata*, он хранится в Ботаническом музее Копенгагенского университета Дании [25, 26]. На сайтах интернет-энциклопедии «Википедия» и определителя растений и лишайников «Плантаариум» *Saussurea glomerata* представлен как синоним соссюреи горькой, *Saussurea amara* (L.) DC (S.) [27, 28].

В книге А. А. Саввина [15] упоминается два вида ревеня: *Rheum compactum* L. и *R. rhaponticum* L. В «Определителе высших растений Якутии» [24] приводятся ревень компактный, *Rheum compactum* L., чөкө аахта и р. восточный, *R. orientale* Losinsk, илинни аахта. Вид *R. rhaponticum* L. в списке С. К. Черепанова [22] указывается как культурный вид, который встречается в Восточной Европе (Европейской части бывшего СССР).

В определении такого растения, как лук, чеснок, *Allium safirum*, чочунаах, луук, вид «*safirum*» ошибочно дан от вида *Allium sativum*. В книге Н. В. Фризена «Луковые Сибири» [29] *Allium sativum* приводится как лектотип в систематике видов лука. В других источниках, кроме «Флоры СССР» [21], *Allium sativum* не приводятся. В народе саха под названием «чочунаах» собирают лук с плоскими листьями, произрастающий на остепненном лугу окрестности с. Тулагино, с подобными листьями на территории Якутии встречается только *Allium senescens* L., лук стареющий.

В приведенной ниже таблице приводится список растений, используемых в молочнокислых продуктах народа саха (табл.). Растения происходят из 23 семейств, 42 родов и 59 видов. Наибольшими видами представлены семейства Rosaceae (7) Polygonaceae (6) и Alliaceae, Ericaceae, Asteraceae (по 4). По жизненным формам из 59 видов растений к древесным видам относятся 3, к кустарникам – 9, к кустарничкам – 3, остальные – к многолетним травянистым растениям.

Из древесных растений в пищу использовали только луб, который в народе называли заболонь, из кустарников – в основном ягоды, кроме шиповника, у которого побеги применяли для приготовления кымыс. Из надземных частей травянистых растений готовили молочнокислые супы и каши, а измельченные корни и луковицы добавляли во многие блюда и напитки для придания густоты и сладкого вкуса.

В народе саха в кисломолочных продуктах хайах использовали 5 видов растений, размолотые корни копеечника и лапчатки, из ягод – бруснику и землянику. Молочнокислый квашеный продукт тар готовится длительное время в основе простокваши, суорат – с добавлением костей уток, мелких животных и трав. А. А. Саввин [15] приводит 11 видов растений, в том числе луб сосны и лиственницы, использовавшихся для приготовления тар. Для изготовления молочнокислых напитков кымыс и быырпах саха применяли побеги княжика, добытые во время цветения, кроме того, для кымыса брали луб березы и побеги шиповника. Шиповник считался ритуальным растением, его наделали

защитными свойствами. Для загущения молока с добавлением пахтанья, сметаны и улучшения вкусовых качеств напитка хойуннарбыт үүт использовали измельченные корни водных растений (ежеголовника, рдеста, сусака), а также луговых видов мзеевика живородящего и перистого.

Из ягод в качестве загущающего растения А. А. Саввин [15] указывает толокнянку. Наиболее богатый растительный состав представлен в молочно-кислых растительных и ягодных супах үөрэ, ас, ынах аһа, ытыйаҥ ас. Различные виды ас готовили в основном в летнее время с разным сочетанием сметаны, пахтанья, трав и ягод. Названия супы получали в зависимости от преобладающих видов растений, так, например, молочнокислый суп с квашеным щавелем назывался кииһилэ ас, с ягодами – отон ас, со смородиной черной – моонньоҕон ас, с земляникой –дъэдьэн ас и т. д.

В составе супов ас А. А. Саввин [15] приводит 35 видов растений, в үөрэ – 30. Үөрэ употребляют в питании до настоящего времени. Так же, как и ас, үөрэ бывает разных видов. Молочно-растительный суп үөрэ в старину готовили в зимнее время, в его состав обычно входили тар, молоко, вода, заболонь, травы, корни и мелкая рыба. Молочнокислая растительная каша бутугас по составу похожа на блюдо үөрэ, но отличается добавлением загущающих корней сусака, луковиц лилии, а позже их заменили на ячменную муку, а также в нее добавляли ягоды и квашеную рыбу сыма, лыба, аҕыраан.

Сладкие блюда и закуски из кисломолочных продуктов көбүөр, дагда, күөрчэх (моруос) готовили в основном в зимнее время и подавали в мороженом виде. Көбүөр наиболее богат растительным составом [7], его готовят из сочетания масла, молока и сметаны. Ранее в него добавляли измельченные корни, луковички растений и сухие ягоды толокнянки. Блюда дагда (сливочный крем) и күөрчэх (молочная пенка) являются более сладкими благодаря добавлению в них ягод земляники, смородины и брусники. В дагда также добавляли корни копеечника, кровохлебки и лапчатки. Эти блюда подавали и в теплые дни в свежем виде.

Таблица

Растения, используемые в молочнокислой пище народа саха,
по книге А. А. Саввина (2005)

Table

Plants used in fermented milk products of the Sakha people,
based on the work of A. A. Savvin (2005)

№	Название растения	Части растений	Блюда
Pinaceae			
1	Лиственница Каяндера, <i>Larix cajanderi</i> Мауг, каяндер тиитэ	луб	ас, ынах аһа, ытыйаҥ ас, кииһилэ ас,
2	Сосна обыкновенная, <i>Pinus sylvestris</i> L., бэс	луб	бутугас, тар, үөрэ
Typhaceae			
3	Рогоз широколистный, <i>Typha latifolia</i> L., өргүөт, куба аһылыга, бөөттүүр, тэбиэн	корни	бутугас, үөрэ, хойуннарбыт үүт

Spargaceae			
4	Ежеголовник мелкоплодный, <i>Sparganium microcarpum</i> (Neum.) Raunk., бытархай астаах дьуостуган	корни	үөрэ, хойуннарбыт үүт
5	Е. узколистный (е. простой), <i>S. angustifolium</i> Michx. (<i>S. simplex</i> Huds.), синньигэс сэбирдэх-тээх дьуостуган	корни	
6	Е. плавающий, <i>S. natans</i> L. (<i>S. simplex</i> Huds.), устар дьуостуган	корни	
Potamogetonaceae			
7	Рдест сплюснутый (рдест взморниколистный), <i>Potamogeton compressus</i> L. (<i>P. zosterifolius</i> Schum.), муорамсахтыны анаҕаһын, ымыйах уга, куба сиир ото, нуолу, бөөлтүүр, бөлчөк, бөлтөк, бөлчүөк, хаптаҕай анаҕаһын	корни	ас, ынах аһа, кииһилэ ас, ытыйан ас, отон ас, бутугас, үөрэ, хойуннарбыт үүт
Butomaceae			
8	Сусак зонтичный, <i>Butomis umbellatus</i> L., зонтик-таах унньуула, анаҕаһын, күөл аһа	корни	ас, ынах аһа, ытыйан ас, отон ас, «бутугас», үөрэ, хойуннарбыт үүт
9	С. ситниковый, <i>B. junceus</i> Turcz., чуурукталы унньуула, анаҕаһын, күөл аһа	корни	
Liliaceae			
10	Лилия пенсильванская (лилия даурская, саранка), <i>Lilium pensylvanicum</i> Ker-Gawl. (<i>L. dauricum</i> Ker. Gawl.), сардаана	луковицы	ас, ынах аһа, ытыйан ас, отон ас, бутугас, үөрэ, хойуннарбыт үүт
		побеги	тар
11	Лилия скудноволосяная (лилия кудреватая), <i>Lilium pilosiusculum</i> (Freyn) Miscz. (<i>L. martagon</i> L.), убаҕас түүлээх сардаана; куударалаахтыны сардаана; сардаан, сэниэн, моную, модуон, сомоҕо ымыйах	луковицы	ас, ынах аһа, ытыйан ас, отон ас, бутугас, үөрэ, хойуннарбыт үүт
		побеги	Тар
Alliaceae			
12	Лук блестящий, <i>Allium splendens</i> Willd. ex Schult., луук	листья	ас, ынах аһа, ытыйан ас
13	Л. стареющий, <i>A. senescens</i> L., чочунаах, луук	листья	
14	Л. стелющийся, <i>A. prostratum</i> Trev., луук	листья	
15	Л. скорода, <i>A. schoenoprasum</i> L. луук	листья	
Betulaceae			
16	Береза пушистая (береза белая), <i>Betula pubescens</i> Ehrh., үрүн хатын	луб	кымыс
Polygonaceae			
17	Змеевик живородящий (горец живородящий), <i>Bistorta vivipara</i> (L.) Delabre (<i>Polygonum viviparum</i> L.), оҕолоох эриллэбэс от, мэкээрсин, мэкээссин, мэкээкэй	корни	хойуннарбыт үүт
18	Змеевик перистый (змеиный корень), <i>Bistorta plumosa</i> (Small.) D. Lóve (<i>Polygonum bistorta</i> L.), куорсуннаах эриллэбэс от, мэкээрсин, мэкээссин, мэкээкэй	корни	
19	Ревень компактный, <i>Rheum compactum</i> L., чөкө аахта	листья	ас, ынах аһа, ытыйан ас

20	Щавель пирамидальный (щавель кислый), <i>Acetosa thyrsiflora</i> (Fingerh.) A. Löve et D. Löve (<i>Rumex acetosa</i> L.), пирамидальной кииһилэ, аһы кииһилэ	листья	ас, ынах аһа, кииһилэ ас, бутугас», «үөрэ, тар
21	Щавельник (щавель) водяной, <i>Rumex aquaticus</i> L., уу ат кииһилэтэ, уу кииһилэтэ, кытыл кииһилэтэ	листья	
22	Щавельник (щавель) курчавый, <i>Rumex crispus</i> L., кудархай ат кииһилэтэ, хочуон, кыыс от	листья	
Ranunculaceae			
23	Живокость крупноцветковая, <i>Delphinium grandiflorum</i> L., үрдүк танара кийиитэ	побеги	үөрэ
24	Княжик охотский, <i>Atragene ochotensis</i> Pall., охотской ситимэ, абыһы ситимэ, илим от, абааһы илимэ	побеги с цветками	быырпах, кымыс
25	Княжик сибирский, <i>Atragene sibirica</i> L., сибиир ситимэ, абааһы ситимэ, илим от, абааһы илимэ	побеги с цветками	
Cruciferae (Brassicaceae)			
26	Хрен гулявниковый, <i>Armoracia sisymbrioides</i> (DC.) Cajander, көннөрү кириэн	листья	ас, ынах аһа, ытыйан ас, үөрэ
Crassulaceae			
27	Очиток трехлистный (очиток пурпурный, заячья капуста), <i>Sedum triphillum</i> (Haw.) Holub. (<i>S. purpureum</i> (L.) Schult.), үс сэбирдэхтээх очиток, таман	листья	бутугас
Grossulariaceae			
28	Смородина голенькая (смородина красная; смородина кислая; кислица), <i>Ribes glabellum</i> Trautv. et C.A. Mey. (<i>Ribes acidum</i> Turch.), сыгыннах хаптаҕас, аһы моонньоҕон	ягоды	ас, отон ас
29	Смородина дикуша (охта, алданский виноград) <i>Ribes dikuscha</i> Fisch. ex Turcz., уохта моонньоҕон, бэллээнэ	ягоды	
30	Смородина малоцветковая (смородина черная), <i>Ribes pauciflorum</i> Turcz. ex Pojark., моонньоҕон	ягоды	ас, отон ас, моонньо- ҕон ас, дагда
Rosaceae			
31	Земляника восточная, <i>Fragaria orientalis</i> Losinsk., дьэдьэн	ягоды	дагда, хайах, отон ас, дьэдьэн ас
32	Княженика (поляника, мамура), <i>Rubus arcticus</i> L., арктика өлдүүнэ, киис тинилэбэ	ягоды	отон ас, киис тинилэбэ ас
33	Кровохлебка аптечная (кровохлебка лекарственная), <i>Sanguisorba officinalis</i> L., эмтээх ымыйах	корни	дагда, ас, ынах аһа, ытыйан ас, бутугас, көбүөр
		побеги	үөрэ
34	Лапчатка гусиная, <i>Potentilla anserina</i> L., хаас кэийингэһэ	корни	бутугас, көбүөр, хайах
		листья	үөрэ
35	Л. длиннолистная (клеякая), <i>P. longifolia</i> Willd. ex Schlecht., уһун сэбирдэхтээх кэийингэс, хаддьыа хайаҕа	листья	үөрэ
36	Малина сахалинская, <i>Rubus sachalinensis</i> Levl., биэ эмиийэ, сахалин өлдүүнэ	листья	отон ас, биэ эмиийэ ас

37	Шиповник иглистый, <i>Rosa acicularis</i> Lindl., дөлүһүн	побеги	кымыс
Fabaceae			
38	Горошек мышиный, <i>Vicia cracca</i> L., кутуйах чангычаба, күрдүгэс күрүөнэ, күрдүгэс күрүөтэ	побеги	ас, ынах аһа, ытыйан ас
39	Копеечник арктический, <i>Hedysarum arcticum</i> B. Fedtsch., аһыгар кыллаах сардаа	корни	ас, ынах аһа, ытыйан ас, бутугас, дагда, көбүөр, үөрэ, хайах
		побеги	тар
40	К. Гмелина, <i>H. gmelinii</i> Ledeb., гмелин сардаата	корни	ас, ынах аһа, ытыйан ас, бутугас, дагда, көбүөр, үөрэ, хайах
		побеги	тар
Geraniaceae			
41	Герань волосистоцветковая (герань якутская), <i>Geranium erianthum</i> DC, сибэккитэ түүлээх куохалас, тарбах от, тураах тарбаба, тараах от	побеги	үөрэ
42	Герань луговая (журавельник луговой), <i>Geranium pratense</i> L., сыһы куохалаһа, хаас тарбаба, сарааннык		
Onagraceae			
43	Иван-чай узколистный (кипрей узколистный), <i>Chamaenerion angustifolium</i> (L.) Holub, кучу от	побеги	ас, ынах аһа, ытыйан ас, тар, үөрэ
Umbelliferae (Apiaceae)			
44	Борщевик рассеченный, <i>Heracleum dissectum</i> Ledeb., тырыылаах истии от, абааһы тайаба	листья	үөрэ
45	Дудник низбегающий, <i>Angelica decurrens</i> (Ledeb.) B. Fedtsch., намылхай абааһы тайаба, маһаас тайаба, истии		
46	Д. лесной, <i>A. sylvestris</i> L., ойуур абааһы тайаба, маһаас тайаба, истии		
Ericaceae			
47	Брусника, <i>Vaccinium vitis-idaea</i> L., уулаах отон	ягоды	ас, отон ас, күөрчэх или мооруос, хайах
48	Голубика топяная, <i>Vaccinium uliginosum</i> L., сугун	ягоды	ас, сугун ас
49	Толокнянка обыкновенная (толокнянка боровая, медвежье ушко), <i>Arctostaphylos uva-ursi</i> (L.) Spreng., унуохтаах отон	ягоды	ас, отон ас, ынах аһа, ытыйан ас, көбүөр, хойуннарбыт үүт, хайах
50	Черника обыкновенная, <i>Vaccinium myrtillus</i> L., харас	ягоды	ас, отон ас, харас ас
Lamiaceae			
51	Зопник клубневой (зопник клубненосный), <i>Phlomis tuberosa</i> (L.) Moench (<i>Phlomis tuberosa</i> L.), астаах хортус от, харбаһын, хадыа от, харбыһын	листья	үөрэ
52	Тимьян ползучий, <i>Thymus serpyllum</i> L., боҕоруоскай от, сир сыта	побеги	ас, ынах аһа, ытыйан ас

Scrophulariaceae			
53	Льянка обыкновенная, <i>Linaria vulgaris</i> Mill., көннөрү көбүөр от, издэгэй эрбэһин	соцветия, листья	ас, ынах аһа, ытыйан ас
Plantaginaceae			
54	Подорожник большой, <i>Plantago major</i> L., улахан бохсурбан, биэс тымырдаах от, лохсурбан	листья	бутугас
55	Подорожник седеющий, <i>Plantago canescens</i> Adams., кэрэмэс бохсурбан	листья	үөрэ
Asteraceae			
56	Белокопытник холодный (nardосмия), <i>Pelasites frigidus</i> (L.) Fries (<i>Nardosmia</i> Cass.), тонуй үрүн туйах, үрүмэ от, кэбэ кулгааба	листья	ас, ынах аһа, ытыйан ас
57	Козелец лучистый, <i>Scorzonera radiata</i> Fisch., сардана алтан бас, алтан бас, эмэхлик	листья	үөрэ
58	Полынь обыкновенная (чернобыльник) <i>Artemisia vulgaris</i> L., кыа уга, үөрэ ото	побеги	ас, ынах аһа, ытыйан ас, үөрэ
59	Соссюрея горькая (солонцовая трава), <i>Saussurea amara</i> (L.) DC (<i>S. glomerata</i> Poir.), чыллырыт, хабаххай чыллырыт	листья	үөрэ

Заклучение

В старину народ саха в повседневном питании использовал растения в большом количестве. Выдающийся этнограф А. А. Саввин приводит 76 видов дикорастущих пищевых растений, что составляет 4% флоры Якутии. В его списке 11 видов остаются не определенными и приводятся только на якутском языке. Предварительно из этого списка растение *кус тыла* опеределено как ряска трючатая *Lemna trisulca* и сем. Lemnaceae.

Из основного списка 59 видов использовались в молочнокислых продуктах и блюдах народа саха. Растения представлены из 23 семейств, 42 родов и 59 видов. Наибольшими видами представлены семейства Rosaceae (7) Polygonaceae (6) и Alliaceae, Ericaceae, Asteraceae по 4. По жизненным формам из 59 видов растений к древесным видам относятся 3, к кустарникам – 9, к кустарничкам – 3, остальные – к многолетним травянистым растениям.

Для дальнейшей работы с пищевыми растениями необходимо привести названия видов в соответствие с современной номенклатурой. В результате работы были уточнены названия 15 видов, из которых до родов были идентифицированы 4 вида. Некоторые виды, такие как *Saussurea amara*, *Rheum rhaponticum*, *Allium senescens*, найдены в других источниках.

В старые времена саха готовили различные виды молочнокислых продуктов и блюд с добавлением растительного сырья: листьев, корней, ягод. Наиболее разнообразным по содержанию растений являются молочнокислые супы ас и үөрэ, для приготовления которых использовались до 35 видов растений. Сладкий вкус блюдам көбүөр, дагда, күөрчэх придавали корни и ягоды растений.

Л и т е р а т у р а

1. Маак Р.К. *Вилюйский округ Якутской области*. Ч. 2. Санкт-Петербург: Типография и хромолитография А. Траншеля; 1886:368.
2. Маак Р.К. *Вилюйский округ Якутской области*. Ч. 3. Санкт-Петербург: Типография и хромолитография А. Траншеля; 1887:192.
3. Горинович В.Е. *Народная медицина якутов*. 1889 (Ф.5. Оп.1. Д.350 Архив ФИЦ ЯНЦ СО РАН).
4. Попов Н.А. *О якутах, их образе жизни, питании и их болезнях*. Якутск: Областная типография; 1910:28.
5. Пекарский Э.К. *Словарь якутского языка*. Т. III, Ч. I. Вып. 10: (та - туор). Ленинград: АН СССР; 1927:2509-2828.
6. Колпакова Т.А. *Эпидемиологические особенности Якутского края*. Ленинград: АН СССР; 1927:109.
7. Колпакова Т.А. *Эпидемиологическое обследование Вилюйского округа ЯАССР*. Ленинград: АН СССР; 1933:292.
8. Караваев М.Н. *Дикорастущие лекарственно-технические и пищевые растения Якутии*. Якутск: Якутгосиздат; 1942:53.
9. Крашенинников С.П. *Описание земли Камчатки*. Москва; Ленинград: Главсевморпути; 1949:841.
10. Ионова О.В. *Пища якутов*. 1954, 103 л. (Ф.5. Оп.1. Д.554 Архив ФИЦ ЯНЦ СО РАН).
11. Худяков И.А. *Краткое описание Верхоянского округа*. Ленинград: Наука; 1969:437.
12. Серошевский В.Л. *Якуты: опыт этнографического исследования*. Москва: Российская политическая энциклопедия; 1993:713.
13. Федоров И.А. *Пищевые травы Якутии*. Москва: ФИПС; 1999:163-166.
14. Федоров А.А., Ефремова М.И., Чирикова Н.К. Химический состав уерэ ото (*Artemisia vulgaris* L.) как пищевого и лекарственного растения Якутии. *Фундаментальные исследования*. 2004;(11-9):1981-1983.
15. Саввин А.А. *Пища якутов до развития земледелия*. Якутск: Сахаполиграфиздат; 2005:274.
16. Попова А.С., Миронова Г.Е., Павлова А.С. и др. Влияние водных экстрактов пищевых и лекарственных растений на антиоксидантный статус организмов при стрессах. *Наука и образование*. 2005;2:33-37.
17. Николаев С.И. *Пища якутов*. Якутск: Якутский край; 2010:168. <https://cloud.mail.ru/public/aigJ/toDZj6gmd>
18. Чирикова Н.К., Ефремова М.И. Перспективные пищевые растения Якутии. *Научные перспективы XXI века. Достижения и перспективы нового столетия. X Межд. науч.-практ. конф.* Т. 3 (10), Сер. 6 Медицинские науки. Биологические науки. Новосибирск, 17-18 апреля, 2015:7-9.
19. Божедонова А.Е., Лугинова О.А., Чирикова Н.К. Этнолингвистический анализ наименований лекарственных и пищевых растений, произрастающих в Южной Якутии. *Мир науки, культуры, образования*. 2022:94(3):260-263.
20. Комаров В.Л. *Введение в изучение растительности Якутии*. Ленинград: Изд-во АН СССР; 1926:183.
21. *Флора СССР*. Т. 1-30. Москва; Ленинград: Изд-во Академии наук СССР; 1934-1964.
22. Черепанов С.К. *Сосудистые растения России и сопредельных территорий: в пределах бывшего СССР*. Санкт-Петербург: Издательство «Мир и семья – 95»; 1995:992.
23. *Флора Сибири*. Т. 1-14. Новосибирск: Наука; 1987-2003.
24. Афанасьева Е.А., Байков К.С., Бобров А.А. и др. *Определитель высших растений Якутии*. Москва: Товарищество научных изданий КМК; Новосибирск: Наука; 2020:896.

25. Каро Фердинанд. Библиотека сибирского краеведения [Электронный ресурс] <https://bsk.nios.ru/enciklodediya/karo-ferdynand>
26. *Saussurea glomerata*. Растения мира [Electronic resource] <https://plants.jstor.org/stable/10.5555/al.ap.specimen.c10007947>
27. *Saussurea amara* (L.) DC (S.). Плантариум <https://www.plantarium.ru/page/view/item/33752.html>
28. *Saussurea amara* (L.) DC (S.). Википедия https://ru.wikipedia.org/wiki/Соссюрея_горькая
29. Фризен Н.В. *Луковые Сибири: систематика, кариология, хорология*. Новосибирск: Наука Сиб. отд-ние; 1988:185.

References

1. Maack RK. *Vilyuisky district of the Yakutsk region*. Part 2. St. Petersburg: A. Tranchel's Publishing and Chromolithography House; 1886:368 (in Russian).
2. Maack RK. *Vilyuisky district of the Yakutsk region*. Part 3. St. Petersburg: A. Tranchel's Publishing and Chromolithography House; 1887:192 (in Russian).
3. Gorinovich VE. *Folk medicine of Yakut people*. 1889 (Coll. 5. Aids 1. Fol. 350 Archive of Federal Research Center of the YSC SB RAS) (in Russian).
4. Popov NA. *About Yakuts, their way of life, diet and their diseases*. Yakutsk: Regional Printing House; 1910:28 (in Russian).
5. Pekarsky EK. *Dictionary of the Yakut language*. Vol. III, Part I. Issue 10. Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences; 1927:2509-2828 (in Russian).
6. Kolpakova TA. *Epidemiology peculiarities of the Yakutsk region*. Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences; 1927:109 (in Russian).
7. Kolpakova TA. *Epidemiological survey of the Vilyui district in the Yakut ASSR*. Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences; 1933:292 (in Russian).
8. Karavaev MN. *Wild medicinal, technical, and food plants of Yakutia*. Yakutsk: Yakutgosizdat; 1942:53 (in Russian).
9. Krashennnikov SP. *Description of the Land of Kamchatka*. Moscow; Leningrad: Publishing House "Glavsevmorputi"; 1949:841 (in Russian).
10. Ionova OV. *Food of the Yakuts*. 1954, 103 p. (Coll. 5. Aids 1. Fol. 554 Archive of Federal Research Centre YSC SB RAS) (in Russian).
11. Khudyakov IA. *Brief description of Verkhoyansk district*. Leningrad: Nauka; 1969:437 (in Russian).
12. Seroshevsky VL. *Yakuts: experience of ethnographic research*. Moscow: Political Encyclopedia Publishers; 1993:713 (in Russian).
13. Fedorov IA. *Food herbs of Yakutia*. Moscow: FIIP; 1999:163-166 (in Russian).
14. Fedorov AA, Efremova MI, Chirikova NK. Chemical composition yere oto (*Artemisia vulgaris* L.) as food and medicinal plant of Yakutia. *Fundamental research*. 2004;(11-9):1981-1983 (in Russian).
15. Savvin AA. *Food of the Yakuts before agricultural development*. Yakutsk: Sakhapoligrafizdat; 2005:274 (in Russian).
16. Popova AS, Mironova GE, Pavlova AS, et al. Effect of aqueous extracts of food and medicinal plants on antioxidant status of organisms under stress. *The Education and Science Journal*. 2005;2:33-37 (in Russian).
17. Nikolaev SI. *Food of the Yakuts*. Yakutsk: Yakutsk region; 2010:168. [Electronic resource] <https://cloud.mail.ru/public/aigJ/toDZj6gmd> (in Russian).
18. Chirikova NK, Efremova MI. Promising edible plants of Yakutia. In: *Scientific Prospect for the 21st Century: Achievements and Prospects of the New Century. The 10th International Scientific and Practical Conference*. Medical Sciences. Biological Sciences. Novosibirsk, 17-18 April, 2015:3(10):7-9 (in Russian).

19. Bozhedonova AE, Luginova OA, Chirikova NK. Ethnolinguistic analysis of the names of medicinal and food plants growing in southern Yakutia. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 2022;94(3):260-263 (in Russian).
20. Komarov VL. *Introduction to the study of vegetation in Yakutia*. Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences; 1926:183 (in Russian).
21. *Flora of the USSR*. Vol. 1-30. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences; 1934-1964 (in Russian).
22. Cherepanov SK. *Vascular plants of Russia and adjacent states (the former USSR)*. St. Petersburg: Publishing House "Mir i sem'ya – 95"; 1995:992 (in Russian).
23. *Flora of Siberia*. Vol. 1-14. Novosibirsk: Nauka; 1987-2003 (in Russian).
24. Afanasyeva EA, Baikov KS, Bobrov AA, et al. *A guide to the vascular plants of Yakutia*. Moscow: Partnership of scientific editions KMK; Novosibirsk: Nauka; 2020:896 (in Russian).
25. Karo Ferdinand. *Siberian Regional Studies Library* [Electronic resource] <https://bsk.nios.ru/enciklodediya/karo-ferdynand> (in Russian).
26. *Saussurea glomerata*. Plants of the World [Electronic resource] <https://plants.jstor.org/stable/10.5555/al.ap.specimen.c10007947> (in English).
27. *Saussurea amara* (L.) DC (S.). Plantarium: [Electronic resource] <https://www.plantarium.ru/page/view/item/33752.html> (in Russian).
28. *Saussurea amara* (L.) DC (S.). Wikipedia: [Electronic resource] https://ru.wikipedia.org/wiki/Соссюрея_горькая (in Russian).
29. Frizen NV. *Alliaceae of Siberia: systematics, karyology, chorology*. Novosibirsk: Nauka; 1988:185 (in Russian).

Сведения об авторе

СЕМЕНОВА Варвара Васильевна – к. б. н., с. н. с., Институт биологических проблем криолитозоны СО РАН – обособленного подразделения ФГБУН ФИЦ СО РАН, г. Якутск, Российская Федерация, ORCID: 0000-0002-1473-3614
E-mail: vvsemenova-8@yandex.ru

Information about the author

Varvara V. SEMYONOVA – Cand. Sci. (Biology), Senior Researcher, Institute for Biological Problems of Cryolithozone SB RAS, a branch of the Federal Research Center YSC SB RAS, Yakutsk, Russian Federation, ORCID: 0000-0002-1473-3614

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 26.11.24
Принята к публикации / Accepted 24.12.24

УДК 537.9

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2025-22-1-29-36>

Original article

Mechanical behaviour of compressed earth blocks reinforced with random and aligned continuous distribution corn husk fibers

B. Bahel¹, B. B. Ngwem², F. Kenmogne¹, R. A. Kum³, E. Yamb¹ ✉, Maria N. Safonova⁴, Andrey A. Fedotov⁴, Nyurguyana E. Ammosova⁴

¹National Higher Polytechnic School of Douala, University of Douala, Douala, Cameroon

²Higher Technical Teachers' Training College, University of Douala, Douala, Cameroon

³Higher Technical Teachers' Training College, University of Buea, Kumba, Douala, Cameroon

⁴M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation

✉ yambbell@yahoo.com

Abstract

This study aims to characterise a composite material from compressed earth reinforced with corn husks fibers. In order to achieve this objective, the work started by conducting many laboratory tests on fibers and soils. The parameters that were determined included the diameters, stress at rupture, elongation at rupture, deformation at rupture, Young modulus 1 and Young modulus 2, and constraint maximum for fibers. In addition, geotechnical parameters of soils were determined, including the water limit liquid, plastic limit liquid also determine optimal moisture for soil and is maximum dry density. It is evident that the tensile strength decreases and varies depending on the amount of corn husk fiber has increased. The results also demonstrate that the rate of water absorption of the composite increases with the increase in the fiber content, which is explained in particular by the fact that the fibers' plant origins are hydrophilic and possess a porous character, thereby enabling water absorption. Furthermore, the study also shows that there is a reduction in the density of the fiber composite with increasing fiber content. It was equally observed that an increase in the fiber ratio let to an increase in the Young's modulus of the composite.

Keywords: corn husk fiber, Earth matrix, Young's modulus, compressive stress, tensile stress, water absorption of the composite, fiber composite, fiber composite, compressed earth, hydrophilic origin of fibers

Funding. No funding was received for writing this manuscript

For citation: B. Bahel, B. B. Ngwem, F. Kenmogne, R. A. Kum, E. Yamb, Safonova M. N., Fedotov A. A., Ammosova N. E. Mechanical behaviour of compressed earth blocks reinforced with random and aligned continuous distribution corn husk fibers. *Вестник СВФУ*. 2025, Т. 22, № 1. С. 29–36. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-1-29-36

Оригинальная научная статья

Механическое воздействие прессованных грунтовых блоков, армированных волокнами кукурузной шелухи с хаотичным непрерывным распределением

Б. Бахель¹, Б. Б. Нгвем², Ф. Кенмоне¹, Р. А. Кум³, Э. Ямб¹ ✉,
М. Н. Сафонова⁴, А. А. Федотов⁴, Н. Е. Аммосова⁴

¹Политехнический институт Дуалы, Университет Дуалы, г. Дуала, Камерун

²Педагогический институт, Университет Дуалы, г. Дуала, Камерун

³Педагогический институт, Университет Буэа, г. Кумба, Камерун

⁴Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
г. Якутск, Российская Федерация
✉ yambbell@yahoo.com

Аннотация

Целью данного исследования является характеристика композитного материала, полученного на основе прессованного грунта, армированного волокнами кукурузной шелухи. Для достижения этой цели работа началась с проведения множества лабораторных исследований волокон и грунтов. Были определены следующие параметры волокон: диаметр, предел прочности при разрыве, относительное удлинение при разрыве, деформация при разрыве, модуль Юнга 1, модуль Юнга 2 и максимальное напряжение. Кроме того, были определены геомеханические параметры грунтов, включая предел текучести, предел пластичности, а также оптимальную влажность грунта и его максимальную сухую плотность. Было выявлено, что прочность на растяжение снижается и варьируется в зависимости от увеличения содержания волокон кукурузной шелухи. Результаты также показывают, что скорость водопоглощения композитного материала увеличивается с увеличением содержания волокон, что объясняется, в частности, гидрофильной природой волокон растительного происхождения и их пористой структурой, способствующей поглощению воды. Кроме того, исследование показывает снижение плотности волокнистого композита с увеличением содержания волокон. Было также отмечено, что с увеличением соотношения волокон увеличивается модуль Юнга композита.

Ключевые слова: волокно кукурузной шелухи, матрица Земли, модуль Юнга, сжимающее напряжение, растягивающее напряжение, водопоглощение композита, волокнистый композит, композитный материал, прессованный грунт, гидрофильная природа волокон

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Б. Бахель, Б. Б. Нгвем, Ф. Кенмоне, Р. А. Кум, Э. Ямб, Сафонова М. Н., Федотов А. А., Аммосова Н. Е. Механическое воздействие прессованных грунтовых блоков, армированных волокнами кукурузной шелухи с хаотичным непрерывным распределением. *Vestnik of NEFU*. 2025, Vol. 22, No. 1. Pp. 29–36. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-1-29-36

Introduction

The increasing demand for housing, coupled with informal settlements constantly expanding as well as low-income household's inability to afford decent housing, is environmentally very dangerous shown in Fig. 1. Therefore, there is an important necessity for research into methods of designing new materials and technologies to become urgent in general and on earth in particular.

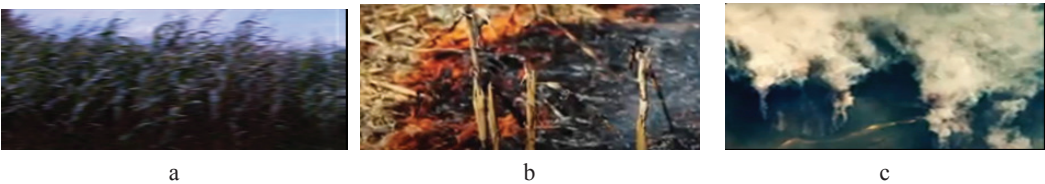

Fig. 1. Pollution of the environment: a) maize farm, b) burn waste, c) smoke pollution of the air

Рис. 1. Загрязнение окружающей среды:

а) кукурузная ферма, б) сжигание отходов, в) загрязнение воздуха дымом

One of the problems associated with earth as a construction material is the issue of low durability and strength properties [1,2]. Soil in its natural state lacks the dimensional stability required for building houses [9] (Fig. 2). There are also the problems of cracking and shrinkage with the use of earth for building houses.

The principal purpose of this research paper is to study the mechanical behaviour of the composite blocks based on compressed earth reinforced with corn husks fibers.

The following specific objectives are pursued in order to achieve this purpose: to determine the properties of earth and corn husks fibers as raw materials for the production of the composite; to determine the mechanical and physical properties of compressed earth blocks and the reinforcement; to determine and analyse the mechanical behaviour of the composite or compressed blocks reinforced by corn husks fibers.

Materials and methods

The aim of this section is to describe the process to obtaining the soil samples and fibers that were used for manufacture the block composite (Fig. 2). It is mainly also the laboratory tests used for determining the compression blocks properties, moisture and results and analysis.

Characterisation of corn husk fibers. After sampling and prepare the fibers as shown to the Fig. 3a above different parameters of the fibers are determine as diameter (Fig. 3b), rupture stress, deformation, Young modulus, and maximum stress (Fig. 3c).

Process of manufacturing blocks.

The processes involved in preparing the samples for testing are presented in Fig. 4. The figure demonstrates the procedure that was followed in order to create the earth blocks using agricultural waste fibers. Earth blocks measuring $290 \times 140 \times 100$ mm were made.

Fig. 2. Materials used for the experimentation: a) corn husk waste, b) soil and corn husk fibers, c) compression moulding machine, d) block obtain after moulding for drying

Рис. 2. Используемые материалы для проведения эксперимента: а) отходы кукурузной шелухи, б) почва и волокна кукурузной шелухи, в) устройство для компрессионного формования, г) блок, полученный после формовки для сушки

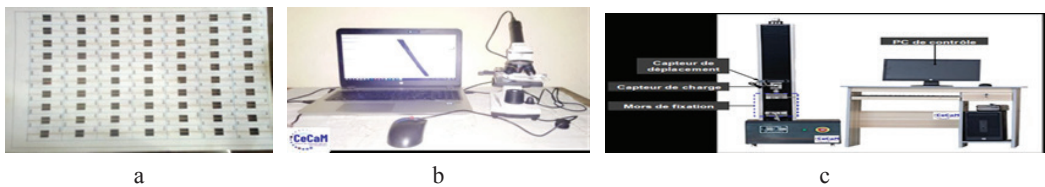

Fig. 3. Fibers experimentation equipments: a) sampling and preparation of fibers, b) computer and optical microscope, c) machine of determine fibers parameters
Рис. 3. Оборудования для проведения эксперимента по изучению волокон: а) отбор и подготовка волокон, б) компьютер и оптический микроскоп, в) аппарат для определения свойств волокон

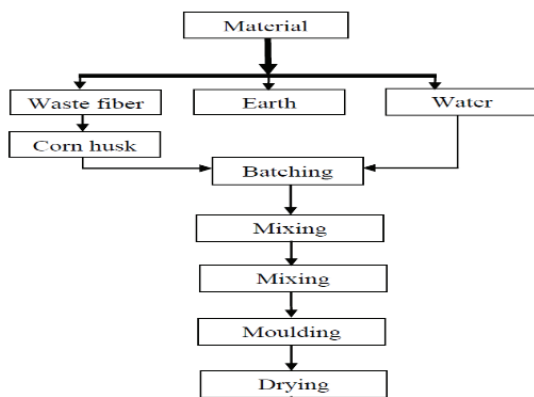

Fig. 4. Process of manufacturing blocks
Рис. 4. Процесс изготовления блоков

Laboratory tests.

Water absorption and swelling tests.

Water absorption and Swelling tests. Water absorption tests have been measured according to the international standard ASTM D570.

Compressive strength test and deformation of the blocks.

The test was conducted in accordance with British Standard Institute BS EN 772:1 (2011). Testing machine (CONTROLS 50-C46G2) with maximum capacity 200 kN was used for conducting the test (Fig. 5).

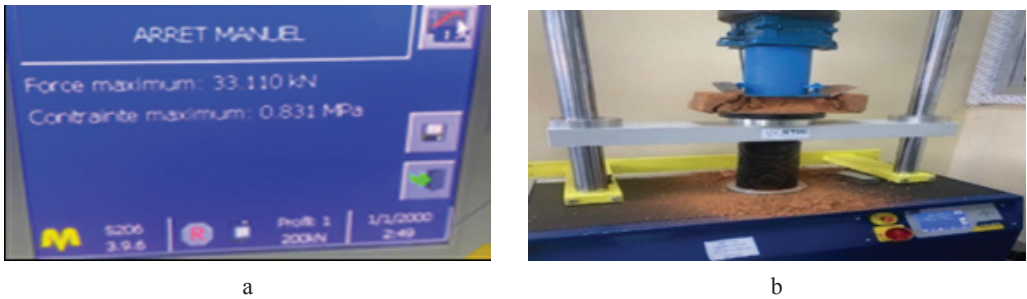

Fig. 5. Compressive test equipment: a) screen space of data reading, b) process of compression
Рис. 5. Оборудование для испытания на сжатие: а) экранное пространство для считывания данных, б) процесс сжатия

Compressive strength of the blocks reinforced with corn husks fiber.

Base on the homogenous equation in composite with discontinuous fiber randomly distributed the Young's modulus of the composite is:

$$E_C = KV_f E_f (d) + (1 - V_f) E_m \tag{2}$$

E_c : the Young's modulus of the composite, (ii) E_f : the Young's modulus of the fiber, (iii) E_m : the Young's modulus of the matrix , (iv) V_f : the volume fraction of the fiber, (v) K : the efficiency of the corn husks fiber depending on V_f and $\frac{E_f}{E_m}$.

By replacing the K with it value the:

$$E_C = (V_f^2 - V_f + 1) E_m \tag{3}$$

$$\sigma_c = E_c \in$$

The Young's modulus of the composite reinforced with continuous aligned fibers with used the formula:

$$E_C = V_f E_f (d) + (1 - V_f) E_m \tag{4}$$

Splitting tensile strength test.

The tensile splitting strength of the blocks was then calculated from the Equation below:

$$T = 0.637 \times K \times \frac{P}{S} \tag{5}$$

Where: T is the tensile strength (MPa), 0.637 is constant, k is correction coefficient of block thickness, P is the failure load (N), S is the cross sectional area of the block where the load was applied (mm²).

Results and discussion.

Some corn husks fibers characteristics.

Table

Characteristics of corn husks fibers

Таблица

Характеристики волокон кукурузной шелухи

Average interval fibers diameter μm	Stress at rupture Mpa	Deformation at rupture	Young modulus GPa	Maximum stress Mpa
[0,20 -0,30]	0.802 – 34.65	0.0392–0.260	374.46 – 2068	0.802 – 34.65
[0,30 -0,40]	7.699 – 32.24	0.0775 – 0.1947	165.41–899.219	9.83 – 32.44
[0,40 -0,50]	0.466 –11.686	0.044 – 0.114	234.979 – 750.277	7.62 – 23.493
[0,50 -0,60]	7.09 – 12.71	0.090 – 0.167	234 – 334 .640	6.94 – 17.12
[0,60 -0,70]	1.623	0.109	74.394	1.88
[0,70 -0,80]	4.39 – 22.326	0.0525 -0.139	165.416 – 773.141	7.6 – 22.15
[0,80 -0,90]	3.575 – 6.79	0.1113 – 0.1563	175.01 – 221.404	6.60 – 7.228

Some geotechnical parameters of the soils.

The Atterberg limits are the basic measure of the water contents of a fine-grained soil: its shrinkage limit, plastic limit, and liquid limit. Depending on its

water content, the soil may appear in one of four states: solid, semi-solid, plastic, and liquid. The results of the liquid limit (LL), plastic limit (PL), and plasticity index (PI).

Tensile and compressive stress of the compressed earth blocks reinforced with corn husks fibers.

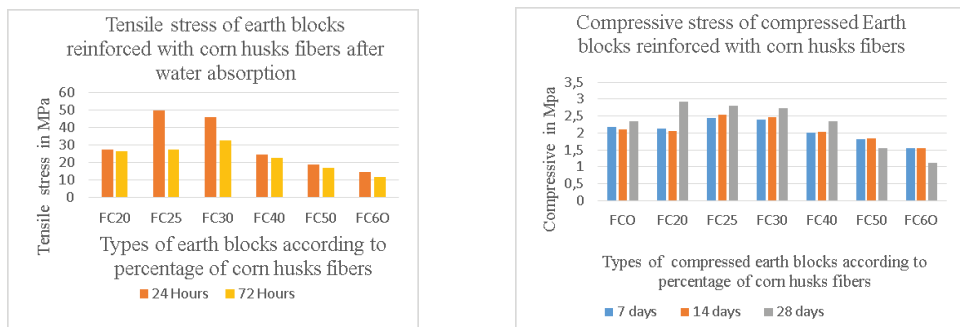

Fig. 6. Diagram of stretching and compression of earth blocks reinforced with corn husk fibers

Рис. 6. Схема растяжения и сжатия блоков, армированных волокнами кукурузной шелухи

Comparative compressive stress of the compressed earth blocks reinforced with random and continuous aligned corn husks fiber.

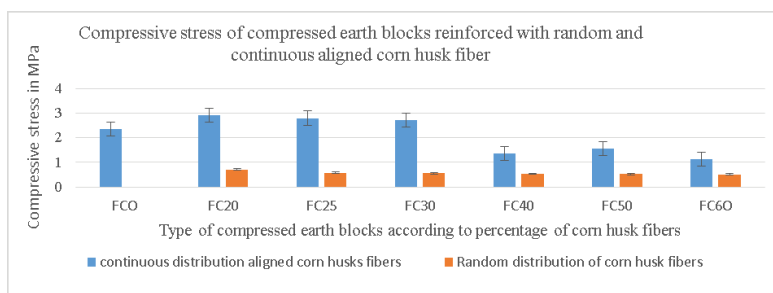

Fig. 7. Diagram of the comparative compression stress of compressed earth blocks reinforced with corn husk fibers

Рис. 7. Схема сравнения напряжения при сжатии спрессованных блоков, армированных волокнами кукурузной шелухи

Conclusion

The combine of earth and corn husks fibers to obtain sustainable and good mechanical behavior of compressed earth blocks is when the fibers are continuous and aligned on earth block closer to the Tsai-pagano model.

References / Литература

1. Achenza M, Fenu L. On earth stabilization with natural polymers for earth masonry construction. *Materials and Structures*. 2006;39:21-27. DOI: 10.1617/s11527-005-9000-0 (in English).
2. Adam EA, Agib ARA. *Compressed Stabilised Earth Block Manufacture in Sudan*. Graphoprint for the United Nation Educational, Scientific and Cultural Organization. UNESCO: France, Paris, 2001 (in English).
3. Aboudi J, et al. *Practical micromechanics of composite materials*. Oxford, United Kingdom. Butterworth-Heinemann, 2021 (in English).
4. Allahverdiyeva KhV, Kakhramanov NT, Ismayilov IA. Physicomechanical properties of composites based on various types of polyethylene and aluminum. *Inorganic Materials: Applied Research*. 2021;12(2):477-481 (in English).

5. Cui J, Zeng F, Yuan B. A comparative study on the interfacial characteristics and tensile behaviors of natural rubber composites reinforced by carbon and boron nitride nanotubes. *Polymer Composites*. 2022;43(9):6624-6636. DOI:10.1002/pc.26977 (in English).
6. Jiang K, Yan Zh, Fang W, Zhang Y. Molecular Dynamics Simulation on Tensile Behavior of Cellulose at Different Strain Rates. *Advances in Materials Science and Engineering*. 2023(1):1-10 (in English).
7. Jansen M. The evolution of thermoplastic composites: The road to highest lightweight potential in mass production. *Reinforced Plastics*. 2020;64(1):37-39 (in English).
8. Achille P. Ship project (unpublished). Douala 2019-2020 (in English).
9. Sari NH, Wardana ING, Irawan YuS, et al. Characterization of the Chemical, Physical and Mechanical Properties of NaOH-treated Natural Cellulosic Fibers from Corn Husks. *Journal of Natural Fibers*. 2017;15(4):545-558. DOI:10.101080/15440478.2017 (in English).
10. Shishehbor M, Pouranian MR. Tuning the Mechanical and Adhesion Properties of Carbon Nanotubes Using Aligned Cellulose Wrap (Cellulose Nanotube): A Molecular Dynamics Study. *Nanomaterials*. 2020;10(1):154 (in English).

Information about the authors

Benjamin BAHÉL – Professor, Department of Civil Engineering, Advanced Technical Teachers' Training College, University of Douala, Douala, Cameroon, Scopus Author ID: 57195717542

E-mail: yambbell@yahoo.com

Emmanuel YAMB – Professor, Department of Civil Engineering, Advanced Technical Teachers' Training College, University of Douala, Douala, Cameroon, Scopus Author ID 57195718467

E-mail: yambbell@yahoo.com

Blaise B. NGWEM – student at the Higher National Polytechnic, University of Douala, Douala, Cameroon, Scopus Author ID: 57208674039

E-mail: yambbell@yahoo.com

Fabien KENMOGNE – student at the Higher National Polytechnic, University of Douala, Douala, Cameroon, Scopus Author ID: 34872147200

E-mail: yambbell@yahoo.com

Robert A. KUM – student at the Higher Technical Teachers' Training College, University of Buea, Kumba, Cameroon

E-mail: yambbell@yahoo.com

Maria N. SAFONOVA – Cand. Sci. (Engineering), Associate Professor, Department of Applied Mechanics and Building Materials Science, Institute of Engineering and Technology, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation, Scopus Author ID: 54584285600, SPIN: 1561-8640

E-mail: marisafon_2006@mail.ru

Andrey A. FEDOTOV – Senior lecturer, Department of Applied Mechanics and Building Materials Science, Institute of Engineering and Technology, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation, Researcher ID: Q-5257-2017, Scopus Author ID: 56417207000, SPIN: 5933-0498

E-mail: fedot_andrey@mail.ru

Nyurguyana E. AMMOSOVA – Head of the educational laboratory of the Department of Applied Mechanics and Building Materials Science, Institute of Engineering and Technology, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation, ORCID: 0009-0001-4636-1421

E-mail: nurguyanaammosova@mail.ru

Сведения об авторах

БАХЕЛЬ Бенджамин – профессор, каф. гражданского строительства, педагогический институт, Университет Дуалы, г. Дуала, Камерун, Scopus Author ID: 57195717542

ЯМБ Эммануэль – профессор, каф. гражданского строительства, педагогический институт, Университет Дуалы, г. Дуала, Камерун, Scopus Author ID 57195718467

НГВЕМ Блейз Б. – студент политехнического института, Университет Дуалы, г. Дуала, Камерун, Scopus Author ID: 57208674039

КЕНМОНЕ Фабьен – студент политехнического института, Университет Дуалы, г. Дуала, Камерун, Scopus Author ID: 34872147200

КУМ Роберт А. – студент педагогического института, Университет Буза, г. Кумба, Камерун

САФОНОВА Мария Николаевна – к. т. н., доц. каф. прикладной механики и строительного материаловедения Инженерно-технического института, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова», г. Якутск, Российская Федерация, Scopus Author ID: 54584285600, SPIN: 1561-8640

ФЕДОТОВ Андрей Андреевич – ст. преп. каф. прикладной механики и строительного материаловедения Инженерно-технического института, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова», г. Якутск, Российская Федерация, Researcher ID: Q-5257-2017, Scopus Author ID: 56417207000, SPIN: 5933-0498

АММОСОВА Нюргуяна Егоровна – зав. учеб. лаб. каф. прикладной механики и строительного материаловедения Инженерно-технического института, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова», г. Якутск, Российская Федерация, ORCID: 0009-0001-4636-1421

Authors' contribution

Benjamin Bahel – investigation, validation, writing original draft

Emmanuel Yamb – investigation, validation

Blaise Bayiha Ngwem – formal analysis, methodology

Fabien Kenmogne – validation, formal analysis, writing original draft

Robert Akwa Kum – resources

Maria N. Safonova – project administration

Andrey A. Fedotov – writing, review and editing

Nyurguyana E. Ammosova – writing, review and editing

Вклад авторов

(указывается в журнале с 2025 года)

Бахель Бенджамин – проведение исследования, верификация данных, создание черновика рукописи

Ямб Эммануэль – проведение исследования, верификация данных

Блейз Баиха Нгвем – проведение статистического анализа, методология

Кенмоне Фабьен – верификация данных, проведение статистического анализа, создание черновика рукописи

Кум Роберт Аква – ресурсное обеспечение исследования

Сафонова М.Н. – администрирование проекта

Федотов А.А. – редактирование рукописи

Аммосова Н.Е. – редактирование рукописи

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interests

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Submitted / Поступила в редакцию 24.09.24

Accepted / Принята к публикации 14.10.24

УДК 538.953;538.911

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2025-22-1-37-47>

Оригинальная научная статья

Воздействие быстрого джоулева нагрева на свойства углеродных пленок, сформированных осаждением в плазме метана

Е. П. Неустроев ✉, **А. Р. Прокопьев**

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова, г. Якутск,
Российская Федерация

✉ neustr@mail.ru

Аннотация

Быстрый джоулев нагрев аморфных углеродных пленок, сформированных осаждением в плазме метана, производился электрическим разрядом батареи конденсаторов общей емкостью 180 мФ, заряженных до напряжения от 100 до 300 В. Для исследований привлечены методы спектроскопии комбинационного рассеяния света, сканирующей электронной микроскопии, рентгеновской энергодисперсионной спектроскопии и вольт-амперных характеристик. В спектрах комбинационного рассеяния света образцов после джоулева нагрева отчетливо проявляются G-, 2D- и D-пики, характерные для графеновых структур с sp^2 -гибридизованными связями. Анализ спектров показал, что отношение интенсивностей 2D- и G-пииков и D- и G-пииков свидетельствует о высоком качестве формируемых чешуек плоских структур турбостратного графена. Наиболее эффективным, с точки зрения формирования однослойных графенов, оказался джоулев, проведенный в результате протекания через углеродную пленку тока разряда конденсаторов, заряженных до напряжения $U=160$ В. Методами электронной микроскопии установлено, что быстрый термический нагрев при электрическом разряде приводит к значительной трансформации состояния атомарно-гладкой поверхности аморфной углеродной пленки. В результате на поверхности образуются сферические частицы размерами около 1 мкм, которые имеют зернистую структуру с размерами зерен около 100 нм. С другой стороны, сферические частицы собираются в агломерации размерами до нескольких единиц микрометров. Элементный анализ, проведенный методом энергодисперсионной спектроскопии, помимо углерода, показал высокое содержание кислорода в сферических частицах. Наиболее вероятной причиной данного явления может являться поглощение кислорода сформированными графеновыми чешуйками. Исследования смачиваемости поверхности образцов до и после джоулева нагрева показали повышение гидрофобности. Причиной возникновения водоотталкивающих свойств может являться «эффект лотоса», вызванный формированием сферических частиц размерами до 1 мкм и их более крупных конгломератов на поверхности пленки. Обнаружено кардинальное уменьшение электрического сопротивления исходной аморфной пленки от значений, соответствующих изолятору ($R > 1$ ТОм), до единиц кОм на квадрат поверхности. Увеличение электропроводности объясняется переходом углерода из аморфного состояния в электропроводящую графеноподобную структуру.

Ключевые слова: плазма метана, осаждение углерода, углеродная аморфная пленка, быстрый джоулев нагрев, графеноподобная структура, электронная микроскопия, морфология поверхности, рамановский спектр, гидрофобная поверхность, электропроводность

Финансирование. Работа выполнена в рамках гранта Российского научного фонда (проект №24-22-20087)

Для цитирования: Неустроев Е. П., Прокопьев А. Р. Воздействие быстрого джоулева нагрева на свойства углеродных пленок, сформированных осаждением в плазме метана. *Вестник СВФУ*. 2025, Т. 22, № 1. С. 37–47. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-1-37-47

Original article

Effect of fast Joule heating on the properties of carbon films formed by methane plasma deposition

Efim P. Neustroev ✉, *Aisen R. Prokopiev*

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation

✉ neustr@mail.ru

Abstract

Fast Joule heating of amorphous carbon films formed by deposition in methane plasma was performed by electric discharge of a capacitor bank with a total capacity of 180 mF charged to a voltage of 100 to 300 V. The methods of Raman spectroscopy, scanning electron microscopy, X-ray energy-dispersive spectroscopy and current-voltage characteristics were used for the study. The Raman spectra of the samples after fast Joule heating clearly show G-, 2D- and D-peaks characteristic of graphene structures with sp²-hybridized bonds. Analysis of the spectra showed that the intensity ratio of the 2D- and G-peaks and the D- and G-peaks indicates a high quality of the formed flakes of turbostratic graphene structures. The most effective, in terms of the formation of single-layer graphenes, was fast Joule heating, carried out as a result of the discharge current of capacitors charged to a voltage of $U = 160$ V. Electron microscopy methods have established that fast thermal heating during electric discharge leads to a significant transformation of the state of the atomically smooth surface of the amorphous carbon film. As a result, spherical particles of about 1 μm in size are formed on the surface, which have a granular structure with grain sizes of about 100 nm. On the other hand, spherical particles are collected in agglomerations of up to several micrometers in size. Elemental analysis carried out by energy-dispersive spectroscopy, in addition to carbon, showed a high oxygen content in spherical particles. The most likely cause of this phenomenon may be the absorption of oxygen by the formed graphene flakes. Studies of the wettability of the surface of the samples before and after Joule heating showed an increase in hydrophobicity. The reason for the emergence of water-repellent properties may be the “lotus effect” caused by the formation of spherical particles up to 1 μm in size and their larger conglomerates on the film surface. A radical decrease in the electrical resistance of the original amorphous film from values corresponding to an insulator ($R > 1 \text{ T}\Omega$) to units of k Ω per square of surface was found. The increase in electrical conductivity is explained by the transition of carbon from an amorphous state to an electrically conductive graphene-like structure.

Keywords: methane plasma, carbon deposition, carbon amorphous film, fast Joule heating, graphene-like structure, electron microscopy, surface morphology, Raman spectrum, hydrophobicity, electrical conductivity

Funding. This study was carried out with support from the Russian Science Foundation (Project No. 24-22-20087)

For citation: Neustroev E. P., Prokopiev A. R. Effect of fast Joule heating on the properties of carbon films formed by methane plasma deposition. *Vestnik of NEFU*. 2025, Vol. 22, No. 1. Pp. 37–47. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-1-37-47

Введение

Углеродные пленки сочетают в себе уникальные электрические, оптические и механические свойства, которые в перспективе позволяют применять данную структуру во многих приложениях, от нанoeлектроники до космической промышленности [1, 2]. В работе Луонга и др. [3] предложен метод получения турбостратного флэш-графена из углеродных прекурсоров методом мгновенного джоулевого нагрева и последующего быстрого охлаждения. Такой нагрев происходит благодаря протеканию через образец больших (сотни ампер) токов электрического разряда батареи конденсаторов большой емкости в силу закона Джоуля-Ленца. Температура образца за несколько миллисекунд или секунд достигает 2500–3500 °C [4–6]. Из-за скоротечности процесса и возникающего яркого свечения при нагреве обработка получила название «флэш-нагрев» (flash – вспышка) [2]. В результате воздействия высоких температур и приложенного электрического поля во время процесса разрываются связи углеродных прекурсоров и при охлаждении реорганизуются в структуры с sp^2 -гибридизацией графеновых слоев как более благоприятных с точки зрения термодинамической устойчивости. Высокая скорость процесса не позволяет сформироваться стабильным и устойчивым слоям графита с АВ-укладкой. В результате формируются метастабильные состояния в виде турбостратного графена (тФг), представляющего собой графеновые слои, повернутые относительно перпендикулярной к поверхности оси [7]. Наличие вращательного беспорядка увеличивает межплоскостное расстояние и позволяет сохранить графеновые свойства при большом количестве слоев [6]. Во многих работах в качестве прекурсоров использованы такие материалы, как полимерные отходы, резина, уголь и т. д. [3, 4, 5, 6, 8, 9, 10, 11], которые измельчаются в виде аморфного углеродного порошка. Флэш-обработка – это электротермический процесс, результат воздействия которого зависит от тепловых и электрических свойств материала, таких как удельное электрическое сопротивление, теплопроводность и теплоемкость [6]. Поэтому изначально неоднородный состав обрабатываемых материалов, включающий примеси и различные добавки, вызывает затруднения в понимании природы структурной трансформации при флэш-обработке и установлении необходимых параметров процесса. Применение исходно однородного прекурсора способствовало бы решению этой проблемы. В данной работе исследуется воздействие быстрого джоулевого нагрева на аморфную углеродную пленку, осажденную в плазме метана на подложку SiO_2/Si .

Материалы и методы

В качестве исходного материала была использована пленка, полученная осаждением атомов углерода на поверхность подложки SiO_2/Si в плазме метана. Толщины SiO_2 и Si составляли 300 нм и 400 мкм, соответственно. Осаждение углерода проводилось на установке ЭТНА-100-ПТ (Зеленоград, Россия) с индуктивно связанным источником плазмы. Мощность высокочастотного (13,56 МГц) генератора плазмы составляла 200 Вт при отраженной мощности 1–2 Вт. Метан запускался в реакционную камеру, предварительно откачанную до давления 0,005 мбар, со скоростью потока 60 см³/мин, что увеличивало давление до 0,08 мбар. Длительность процесса осаждения составляла от 6 до 9 минут. Температура образца в процессе обработки не превышала 50 °C. В результате осаждения формировались пленки гидрированного аморфного углерода (a-C:H) толщиной 70–80 нм, имеющие цветовой оттенок, отличный от подложки. Толщины пленок были измерены с помощью рефлектометра Thetrametrisis SA FR-pOrtable (Греция) и атомно-силового микроскопа (АСМ) в составе нанолaborатории «Интегра Спектра» (Зеленоград, Россия).

Установка быстрого джоулевого нагрева была собрана согласно схеме, приведенной в работе А. Р. Прокопьева и др. [12]. На установке, использованной в данной работе, конденсаторный блок имел суммарную емкость 180 мФ (конденсаторы Jianghai CD135 емкостью 18 мФ, Китай) и был заряжен от 100 до 300 В. Образец помещался в реакционную камеру и обхватывался прижимными контактами. При замыкании ключа через заземленный держатель с образцом происходила разрядка батареи конденсаторов длительностью до 100 мс. Так как исходный материал обладал изолирующими свойствами на начальном этапе, разряд конденсаторов осуществлялся через алюминиевую фольгу, закрепленную между контактами. В процессе разряда при увеличении температуры до ~ 1000 °С и выше начинается процесс графитизации аморфного углерода [13], приводящий к повышению его электропроводности. При этих температурах алюминиевая фольга полностью расплавляется и испаряется, а ток разряда уже идет через графитизированную пленку. Процесс проводился в атмосфере азота при давлении $\sim 0,3$ бар.

Для исследований спектров комбинационного рассеяния (КР) света использовалась нанолaborатория «Интегра Спектра» (Зеленоград, Россия) с длиной волны излучения лазера 532 нм (2,32 эВ) и диаметром светового пучка ~ 1 мкм. Мощность лазера составляла 1 мВт для устранения перегрева исследуемых образцов. Сканирующий электронный микроскоп (СЭМ) JEOL 7800F с приставкой рентгеновской энергодисперсионной спектроскопии (РЭДС) использован для изучения морфологии поверхности и проведения элементного анализа состава поверхности образцов. Измерения вольтамперных характеристик полученных образцов были проведены двухзондовым методом при постоянном напряжении и комнатной температуре. Для создания контактов использована серебряная паста.

Результаты и обсуждение

На рис. 1 представлены спектры КР света до (рис. 1а) и после разряда батареи конденсаторов, заряженных до различных напряжений (100 В (рис. 1б), 160 В (рис. 1в) и 300 В (рис. 1г)), через исследуемые образцы. Исходная углеродная пленка, полученная плазменным осаждением в метане на поверхность SiO_2/Si , имеет типичную для аморфного углерода (а:С) широкую и интенсивную полосу фотолюминесценции [14, 15], которая полностью затмевает спектр КР света. Проведенная флэш-обработка приводит к кристаллизации исходной аморфной пленки с формированием кристаллической структуры с sp^2 -гибридизованными связями. Это следует как из подавления интенсивной полосы фотолюминесценции аморфного углерода, так и из появления характерных для кристаллической структуры пиков графена в окрестности ~ 1580 cm^{-1} (G-пик), ~ 2700 cm^{-1} (D-пик) и ~ 1350 cm^{-1} (D-пик) в спектрах КР света [16, 17]. Следует отметить, что воздействие джоулевого нагрева неоднородно по поверхности пленки. При разряде конденсаторов через образец образуются локальные пути прохождения тока, в которых происходит наибольший разогрев. По мере удаления от этих областей степень кристаллизации значительно снижается и на окраинах пленки мало отличается от исходной. Прохождение тока разряда через образец вызывает почернение, связанное с графитизацией углеродной пленки, различной степени интенсивности в токопроводящих каналах и прилегающих областях. Для сравнения спектров КР света были выбраны области пленок с наибольшей степенью воздействия тока разряда батареи конденсаторов.

В спектрах КР света природа пиков G и D связана с дважды вырожденной (продольной оптической и плоскостной поперечной оптической) фононной модой (симметрия E_{2g}) в центре зоны Бриллюэна [16, 17] и «дыхательными» колебаниями

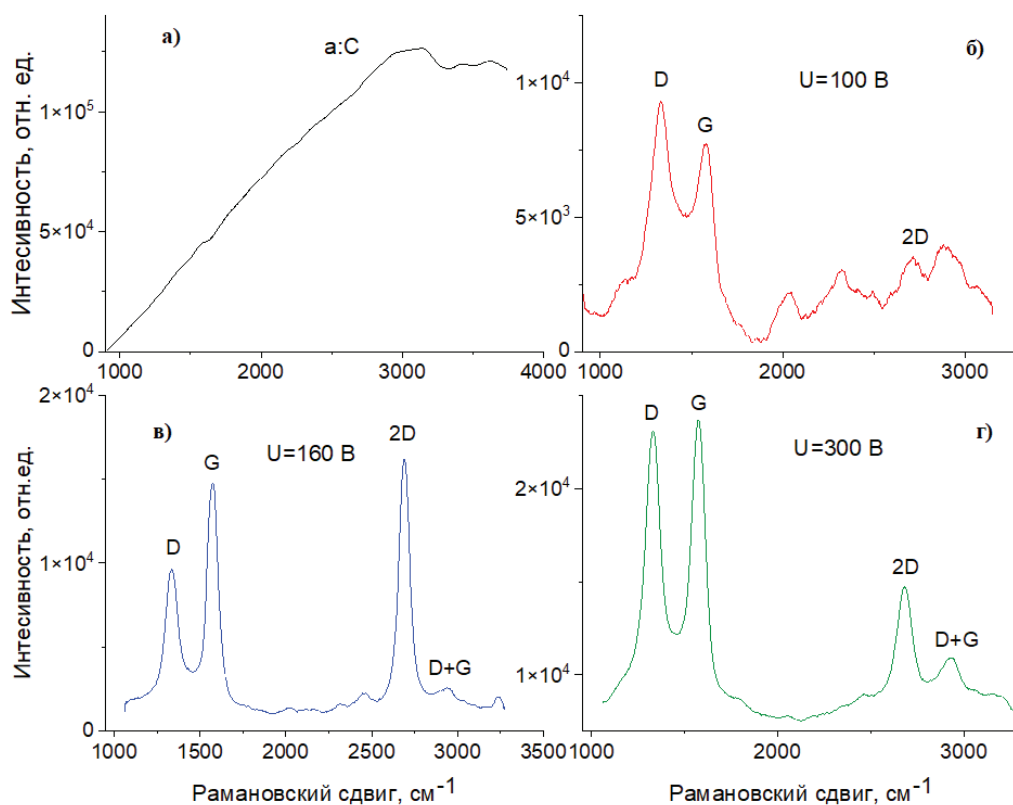

Рис. 1. Спектры КР света углеродной пленки после плазменного осаждения в метане (a:C) и флэш-обработки при напряжениях 100, 160 и 300 В

Fig. 1. Raman spectra of methane plasma-deposited amorphous carbon (a:C) films following flash Joule heating at 100, 160, and 300 V

шестиугольных ароматических колец атомов углерода [14, 16] соответственно. Движение атомов, вызывающее появление D-пика в идеальной решетке графита, является запрещенным, но становится возможным при наличии разупорядочения в плоской структуре шестиугольных ячеек графита (или графена) [16, 17]. Отношение интенсивностей пиков D и G (I_D/I_G) используется для оценки степени дефектности кристаллической структуры графена [16, 17]. Значение I_D/I_G в образцах, подвергнутых флэш-обработке, представлено в табл. Наименьшее значение I_D/I_G достигается при напряжении разряда $U_{\text{разр}} = 160$ В и составляет $\sim 0,65$, что свидетельствует о значительной степени упорядоченности сформированной структуры. Как при уменьшении, так и при увеличении напряжения от 160 В отношения I_D/I_G пиков возрастают. В первом случае это может быть вызвано недостаточной степенью кристаллизации, связанной с малой тепловой мощностью, выделяемой при джоулевым нагреве. В то же время происходят перестройки в структуре, которые приводят к формированию sp^2 -гибридизированных связей и подавлению люминесценции аморфного углерода. При большем напряжении ($U_{\text{разр}} = 300$ В) избыточная тепловая мощность, вероятно, приводит к росту степени дефектообразования формируемых графитовых структур, на что указывает увеличение интенсивности D-пика.

Таблица

Отношение интенсивностей пиков в спектрах КР света в образцах, подвергнутых флэш-обработке

Table

Intensity ratios of Raman spectral bands in flash Joule-heated samples

U, В	I_D/I_G	I_{2D}/I_G
100 В	~1,18	~0,44
160 В	~0,65	~1,09
300 В	~0,97	~0,65

В спектрах КРС, помимо G- и D-пиков, имеются полосы в окрестностях волновых чисел $\sim 2700\text{ см}^{-1}$ (2D-пик) и $\sim 2930\text{ см}^{-1}$ (D+G-полоса) (рис. 1). 2D-пик является обертоном D-пика, но для его наблюдения в спектрах КР света не требуется наличие нарушений структуры решетки [16]. Интенсивность этого пика максимальна при $U_{\text{разр}} = 160\text{ В}$ и значительно уменьшается при повышении напряжения разряда до 300 В. При флэш-обработке с $U_{\text{разр}} = 100\text{ В}$ данный пик не проявляется. Отношение интенсивностей пиков 2D и G (I_{2D}/I_G) в спектрах КР света используется для оценки количества слоев графена [9, 16, 17], где $I_{2D}/I_G < 1$ обозначает наличие многослойного мультиграфена, а $I_{2D}/I_G > 1$ означает присутствие однослойного графена [9]. Оценки интенсивностей этих пиков представлены в табл. Как следует из полученных данных, при $U_{\text{разр}} = 160\text{ В}$ формируется больше однослойного графена, чем при 300 В, в котором преобладают многослойные графеновые чешуйки. Вместе с этим незначительное значение соотношения I_{2D}/I_G ($\sim 1,09$) и достаточно высокое значение I_D/I_G ($\sim 0,65$) свидетельствуют в пользу того, что формируются чешуйки сморщенного графена [16].

Слабая и широкая D+G-полоса является комбинацией D- и G-пиков и проявляется в спектрах КРС при наличии дефектов [16, 17]. Пики TS_1 (1886 см^{-1}) и TS_2 (2031 см^{-1}), соответствующие турбостратному графену и наблюдаемые в спектрах КРС после флэш-обработки углеродных прекурсоров [2, 3, 4, 10], не обнаружены. Возможно, это связано с малой интенсивностью данных пиков.

Таким образом, проведенный анализ спектров КР света показывает наличие оптимальных условий флэш-обработки, которые могут привести к формированию графеноподобных структур высокой степени совершенства.

Изображения исходной поверхности аморфной пленки углерода и после ее флэш-обработки при $U_{\text{разр}} = 160\text{ В}$, полученные методом СЭМ, показаны на рис. 2. Поверхность а-С:H, сформированная осаждением в плазме метана, имеет ровную и однородную структуру (рис. 2а). Флэш-обработка при $U_{\text{разр}} = 160\text{ В}$ приводит к значительному изменению морфологии поверхности (рис. 2б, в, г). На снимках можно выделить шарообразные частицы размерами до 1 мкм. Местами эти объекты слипаются между собой, образуя агрегации размерами до нескольких единиц микрометров (рис. 2в, г). С другой стороны, структура этих образований имеет зернистую структуру с диаметром зерен

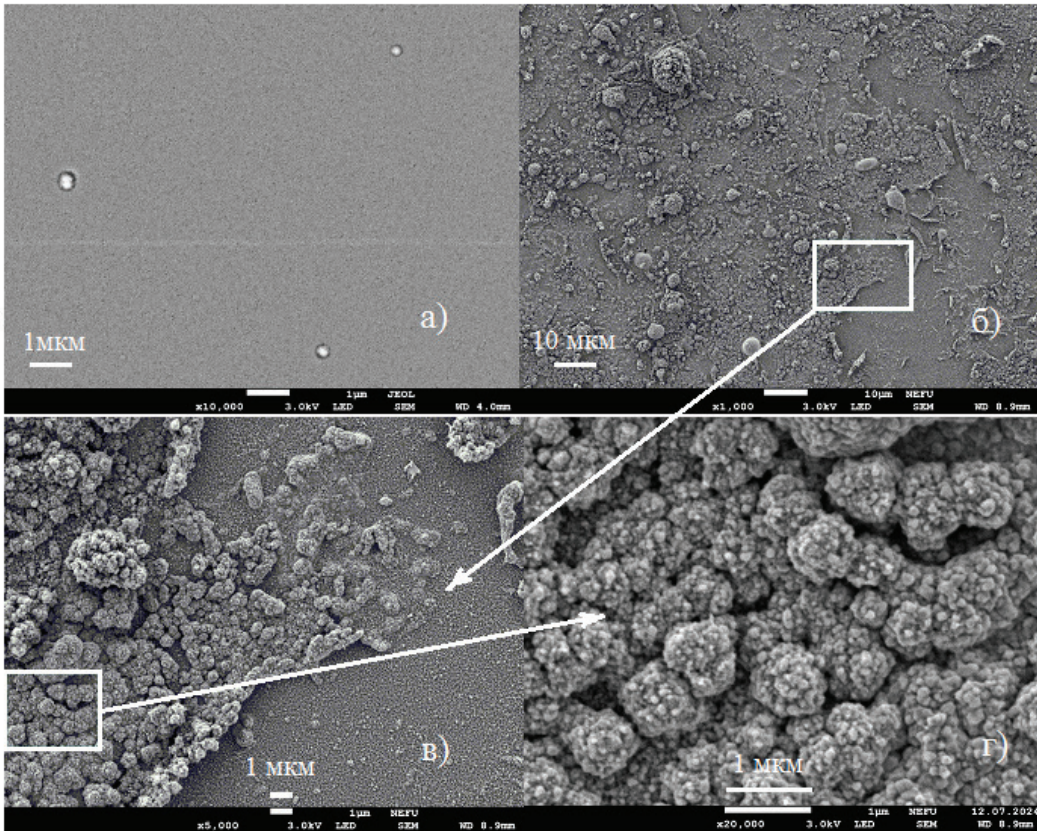

Рис. 2. Изображения, полученные методом СЭМ: а) исходной поверхности аморфной пленки углерода; б), в) и г) после флэш-обработки при разряде батареи напряжением 160 В при различных увеличениях

Fig. 2. SEM images of: а) pristine amorphous carbon film; б), с), and d) films after flash Joule heating at 160 V, obtained at different magnifications

около 100 нм (рис. 2в). При разряде батареи, заряженной до напряжения 300 В, количество шарообразных частиц становится заметно меньше, вместе с этим увеличивается концентрация мелких зерен размерами ~100 нм. Увеличение числа таких зерен могло быть вызвано распадом крупных микрометровых шаровидных частиц при увеличении напряжения воздействия.

Элементный анализ, проведенный методом РЭДС, показал высокое содержание кислорода в исследуемых пленках (вставка на рис. 3). Причиной этого может являться поглощение кислорода из окружающей среды в течение и/или после флэш-обработки. Отношение содержания атомов кислорода и углерода (О/С) в разных точках на поверхности пленок варьирует в пределах от 0,9 до 1,1 после флэш-обработки при напряжении разряда 160 В. С увеличением напряжения до 300 В это отношение изменяется в пределах от 0,7 до 1,25. Разброс значений О/С можно объяснить неравномерным разогревом образца от каналов протекания электрического тока разряда к периферийным областям, приводящего к разным скоростям реакций, идущих с участием кислорода. Особенностью методики РЭДС является нечувствительность к содержанию атомов водорода. С другой стороны, ранее авторами было показано наличие комплексов водорода в аморфных углеродных пленках, полученных осаждением в плазме метана [18].

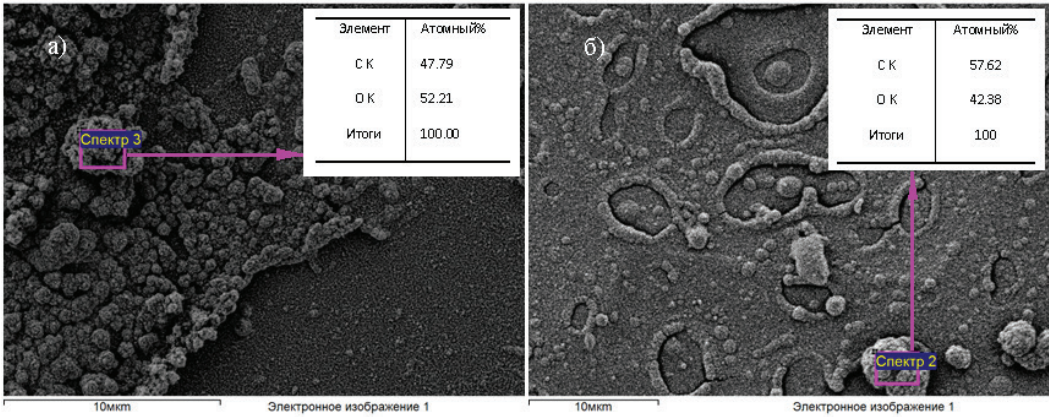

Рис. 3. Содержание кислорода и углерода на поверхности пленки после разряда напряжениями а) 160 В и б) 300 В

Fig. 3. Oxygen and carbon content on the film surface after discharge at a) 160 V and b) 300 V

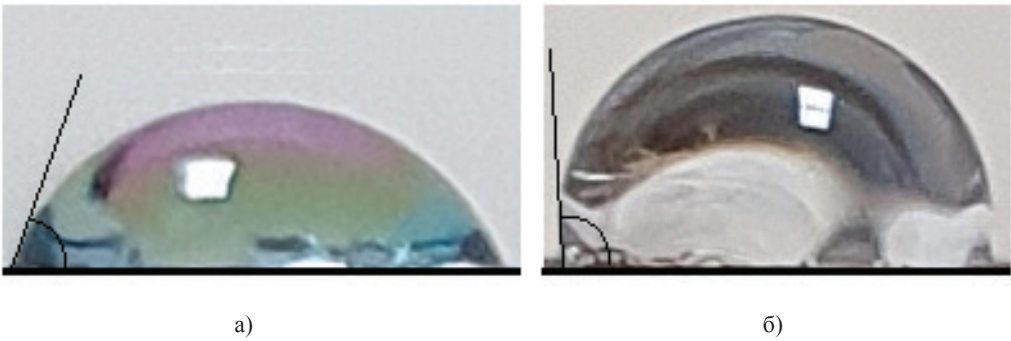

Рис. 4. Краевые углы смачивания а) исходной углеродной пленки и б) после флэш-обработки ($U = 160$ В)

Fig. 4. Contact angles of a) the pristine amorphous carbon film and b) the film after flash Joule heating ($U = 160$ V)

Наблюдаемые на рис. 3б кратеры могли быть вызваны интенсивным выходом газов (прежде всего водорода) из структуры материала при флэш-нагреве. Кроме того, водород может активно участвовать в поглощении кислорода в процессе флэш-обработки.

Для исследования гидрофильных свойств наносилась капля дистиллированной воды на поверхность образца (рис. 4). В результате флэш-обработки при $U_{\text{разр}}=160$ В краевой угол смачивания возрастает от $\sim 70^\circ$ (гидрофильное состояние), соответствующих аморфному углероду, до $\sim 105^\circ$ (гидрофобное состояние). Такое изменения смачиваемости может являться проявлением «эффекта лотоса» [19], обусловленного наличием большого числа сферических частиц микрометровых размеров и их агломераций на поверхности пленки.

Измерения вольт-амперных характеристик показали значительное уменьшение электрического сопротивления исходной аморфной углеродной пленки, являющейся изолятором ($R > 10^{12}$ Ом/квadrat), до значений $\sim 1,5$ кОм/квadrat после флэш-обработки ($U=160$ В). Увеличение электропроводности объясняется переходом углерода из аморфного состояния в электропроводящую графеноподобную структуру.

Таким образом, проведенные исследования показывают, что флэш-обработка аморфного углерода, осажденного на диэлектрическую поверхность, приводит к формированию графеноподобных структур. Оптимальным параметром обработки при конденсаторном разряде батареи является напряжение 160 В.

Заключение

Впервые проведено исследование воздействия быстрого (<100 мс) джоулевого нагрева на свойства аморфных углеродных пленок, сформированных осаждением в плазме метана. Ток разряда батареи конденсаторов емкостью 180 мФ, заряженных до напряжения в пределах от 100 до 300 В, вызывает выделение значительного количества тепла и нагрев образцов до высоких температур за короткий промежуток времени. Анализ спектров КР света показал наличие оптимальных условий быстрого джоулевого нагрева, которые приводят к формированию графеноподобных структур высокой степени совершенства. В результате такой обработки происходит структурная перестройка а-С:Н, приводящая к графитизации и значительному повышению электропроводности (от состояния изолятора до 1,5 кОм/квадрат). Исследования морфологии поверхности показали формирование шарообразных частиц и их агломератов размерами до единиц микрометров, состоящих из более мелких зерен диаметром около 100 нм. Такая структура, вероятно, ответственна за переход состояния поверхности из гидрофильного в гидрофобное благодаря «эффекту лотоса». Полученные результаты могут быть востребованы для лучшего понимания физических процессов, протекающих при флэш-обработке углеродных прекурсоров, с целью получения графеноподобных материалов, пригодных для широкого круга практического применения.

Л и т е р а т у р а

1. Aslan N. Structural, photovoltaic and optoelectronic properties of graphene–amorphous carbon nanocomposite. *Journal of Materials Science: Materials in Electronics*. 2021;32(12):16927-16936.
2. Wyss KM, Luong DX, Tour JM. Large-scale syntheses of 2D materials: flash joule heating and other methods. *Advanced materials*. 2022;34(8):2106970.
3. Luong DX, Bets KV, Stanford MG, et al. Gram-scale bottom-up flash graphene synthesis. *Nature*. 2020;577(7792):647-651.
4. Advincula PA, Luong DX, Chen W, et al. Flash graphene from rubber waste. *Carbon*. 2021;178: 649-656.
5. Choi CHW, Shin J, Eddy L, et al. Flash-within-flash synthesis of gram-scale solid-state materials. *Nature Chemistry*. 2024;16(11):1831-1837.
6. Deng B, Eddy L, Wyss KM, et al. Flash Joule heating for synthesis, upcycling and remediation. *Nature Reviews Clean Technology*. 2025;1(1):32-54.
7. Бобенко Н.Г., Чумаков Ю.А., Белослудцева А.А. Особенности адсорбции фтора и водорода на поверхности турбоэлектродного графена. *Химическая физика и мезоскопия*. 2022;24(1):69-81.
8. Sun Z, Hu YuH. Ultrafast, low-cost, and mass production of high-quality graphene. *Angewandte Chemie International Edition*. 2020;59(24):9232-9234.
9. Liu X, Luo H. Preparation of Coal-Based Graphene by Flash Joule Heating. *ACS omega*. 2024;9(2):2657-2663.
10. Stanford MG, Bets KV, Luong DX, et al. Flash graphene morphologies. *ACS nano*. 2020;14(10):13691-13699.
11. Chen W, Li JT, Wang Zhe, et al. Ultrafast and Controllable Phase Evolution by Flash Joule Heating. *ACS Nano*. 2021;15(7):11158-11167.

12. Прокопьев А.Р., Васильева Е.Д., Лоскин Н.Н., Попов Д.Н. Получение быстрым джоулевым нагревом углеродных графенсодержащих порошков и их применение в качестве модификаторов для стекловолокна. *Природные ресурсы Арктики и Субарктики*. 2024;29(4):651-660.
13. Kim T, Lee J, Lee KH. Full graphitization of amorphous carbon by microwave heating. *RSC advances*. 2016;6(29):24667-24674.
14. Ferrari AC, Robertson J. Resonant Raman spectroscopy of disordered, amorphous, and diamondlike carbon. *Physical Review B*. 2001;64(7):075414.
15. Casiraghi C, Ferrari AC, Robertson J. Raman spectroscopy of hydrogenated amorphous carbons. *Physical Review B*. 2005;72(8):085401.
16. Wu JB, Lin ML, Cong X, et al. Raman spectroscopy of graphene-based materials and its applications in related devices. *Chemical Society Reviews*. 2018;47(5):1822-1873.
17. Beams R, Cançado LG, Novotny L. *Journal of Physics: Condensed Matter*. 2015;27(8):083002.
18. Neustroev EP, Prokopiev AR, Popov VI, et al. Optical properties of thin films formed by carbon deposition in methane plasma and subsequent annealing. *AIP Conference Proceedings*. 2021;2328(1):050017.
19. Zhang Ch, Liang F, Zhang W, et al. Constructing mechanochemical durable and self-healing superhydrophobic surfaces. *ACS omega*. 2020;5(2):986-994.

References

1. Aslan N. Structural, photovoltaic and optoelectronic properties of graphene–amorphous carbon nanocomposite. *Journal of Materials Science: Materials in Electronics*. 2021;32(12):16927-16936 (in English).
2. Wyss KM, Luong DX, Tour JM. Large-scale syntheses of 2D materials: flash joule heating and other methods. *Advanced materials*. 2022;34(8):2106970 (in English).
3. Luong DX, Bets KV, Stanford MG, et al. Gram-scale bottom-up flash graphene synthesis. *Nature*. 2020;577(7792):647-651 (in English).
4. Advincula PA, Luong DX, Chen W, et al. Flash graphene from rubber waste. *Carbon*. 2021;178: 649-656 (in English).
5. Choi CHW, Shin J, Eddy L, et al. Flash-within-flash synthesis of gram-scale solid-state materials. *Nature Chemistry*. 2024;16(11):1831-1837 (in English).
6. Deng B, Eddy L, Wyss KM, et al. Flash Joule heating for synthesis, upcycling and remediation. *Nature Reviews Clean Technology*. 2025;1(1):32-54 (in English).
7. Bobenko NG, Chumakov YuA, Belosludtseva AA. Features of adsorption of fluorine and hydrogen on the surface of turbostrate graphene. *Chemical physics and mesoscopy*. 2022;24(1):69-81 (in Russian).
8. Sun Z, Hu YuH. Ultrafast, low-cost, and mass production of high-quality graphene. *Angewandte Chemie International Edition*. 2020;59(24):9232-9234 (in English).
9. Liu X, Luo H. Preparation of Coal-Based Graphene by Flash Joule Heating. *ACS omega*. 2024;9(2):2657-2663 (in English).
10. Stanford MG, Bets KV, Luong DX, et al. Flash graphene morphologies. *ACS nano*. 2020;14(10):13691-13699 (in English).
11. Chen W, Li JT, Wang Zhe, et al. Ultrafast and Controllable Phase Evolution by Flash Joule Heating. *ACS Nano*. 2021;15(7):11158-11167 (in English).
12. Prokopev AR, Vasilieva ED, Loskin NN, Popov DN. Production of graphene-containing carbon powders via fast Joule heating for fiberglass modification *Arctic and Subarctic Natural Resources*. 2024;29(4):651-660 (in Russian).
13. Kim T, Lee J, Lee KH. Full graphitization of amorphous carbon by microwave heating. *RSC advances*. 2016;6(29):24667-24674 (in English).
14. Ferrari AC, Robertson J. Resonant Raman spectroscopy of disordered, amorphous, and diamondlike carbon. *Physical Review B*. 2001;64(7):075414 (in English).

15. Casiraghi C, Ferrari AC, Robertson J. Raman spectroscopy of hydrogenated amorphous carbons. *Physical Review B*. 2005;72(8):085401 (in English).
16. Wu JB, Lin ML, Cong X, et al. Raman spectroscopy of graphene-based materials and its applications in related devices. *Chemical Society Reviews*. 2018;47(5):1822-1873 (in English).
17. Beams R, Cançado LG, Novotny L. *Journal of Physics: Condensed Matter*. 2015;27(8):083002 (in English).
18. Neustroev EP, Prokopiev AR, Popov VI, et al. Optical properties of thin films formed by carbon deposition in methane plasma and subsequent annealing. *AIP Conference Proceedings*. 2021;2328(1):050017 (in Russian).
19. Zhang Ch, Liang F, Zhang W, et al. Constructing mechanochemical durable and self-healing superhydrophobic surfaces. *ACS omega*. 2020;5(2):986-994 (in English).

Сведения об авторах

НЕУСТРОЕВ Ефим Петрович – к. ф.-м. н., доцент кафедры радиофизики и электронных систем ФТИ, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова», г. Якутск, Российская Федерация, ORCID: 0000-0002-8163-2012

E-mail: neustr@mail.ru

ПРОКОПЬЕВ Айсен Русланович – к. т. н., с. н. с. лаборатории «Дизайн-центр электроники «Север», ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова», г. Якутск, Российская Федерация, ORCID: 0000-0002-2212-2485

E-mail: aisenprokopiev@mail.ru

Information about the authors

Efim P. NEUSTROEV – Cand. Sci. (Phys.-Math.), Associate Professor, Department of Radiophysics and Electronic Systems, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation, ORCID: 0000-0002-8163-2012

Aisen R. Prokopiev – Cand. Sci. (Engineering), Senior Researcher, Laboratory of the Electronics Design Center “Sever”, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation, ORCID: 0000-0002-2212-2485

Вклад авторов

Неустроев Е.П. – разработка концепции, методология, верификация данных, проведение исследования, ресурсное обеспечение исследования, редактирование рукописи, визуализация, получение финансирования, руководство исследованием

Прокопьев А.Р. – методология, верификация данных, проведение исследования, ресурсное обеспечение исследования, получение финансирования, создание черновика рукописи

Authors' contribution

Efim P. Neustroev – conceptualization, methodology, validation, investigation, resources, writing - review & editing, visualization, funding acquisition, supervision

Aisen R. Prokopiev – methodology, validation, investigation, resources, funding acquisition, writing - original draft

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The authors declare no relevant conflict of interest

Поступила в редакцию / Submitted 10.02.25

Принята к публикации / Accepted 24.02.25

УДК 81'33

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2025-22-1-48-60>

Оригинальная научная статья

Архетип «жертва»: ироническая виктимизация в текстах рассказов Сомерсета Моэма

Е. С. Баранова

Забайкальский институт железнодорожного транспорта,
Иркутский государственный университет путей сообщения, г. Чита, Российская Федерация
✉ evgeniya_chita@mail.ru

Аннотация

Лингвистика текста как современное направление способна выявить архетипическую суть сюжетной линии авторского текста. Тексты коротких рассказов британского писателя Сомерсета Моэма в данном аспекте являются примером синергии авторских сюжетов и архетипического подтекста, обусловленного смысловым посылом самого автора как «метаморфозы» сюжета. Статья посвящена анализу особенностей иронической виктимизации в текстах рассказов, а также описанию архетипического концепта «жертва», который служит ключом к пониманию глубинных смыслов, заложенных в текстах рассказов С. Моэма. В статье приводятся примеры из рассказов, что позволяет выявить универсальные паттерны и специфические характеристики иронической виктимизации в контексте дискурс-анализа. Цель достигается посредством разрешения нескольких задач, а именно: исследовать особенности использования архетипа «жертва» в текстах коротких рассказов С. Моэма; проанализировать роль иронии в формировании образов персонажей и их взаимодействий; оценить влияние ироничной виктимизации на восприятие Читателем моральных норм и человеческой природы. Выяснилось, что в текстах рассказов С. Моэма возможно выявить два типа образов персонажей, коррелирующих с признаками архетипического концепта «жертва» – «истинные» жертвы и «ложные» жертвы. При этом выявляется сложность сюжета (сценария) в коротких рассказах С. Моэма, когда так называемая «ложная жертва» в процессе повествования «превращается» в «истинную жертву», обнаруживая тем самым категорию иронической виктимизации сюжета (сценария). В текстах рассказов С. Моэма, такая «метаморфоза» образов персонажей не только подчеркивает внутренние конфликты персонажей и акцентирует внимание на социальных и культурных обстоятельствах, в которых они находятся, но и предоставляет новые возможности для осмысления более обширных тем, касающихся человеческого существования и моральных дилемм. В статье анализируются тексты коротких рассказов: «The Mother», «Rain».

Ключевые слова: сценарий, «ложный» / «истинный» образы, ироническая виктимизация, архетип, ирония, Сомерсет Моэм, текст, «The Mother», «Rain»

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Баранова Е. С. Архетип «жертва»: ироническая виктимизация в текстах рассказов Сомерсета Моэма. *Вестник СВФУ*. 2025, Т. 22, № 1. С. 48–60. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-1-48-60

Original article

The archetype of the “victim”: ironic victimization in the texts of Somerset Maugham’s short stories

Evgenia S. Baranova

Zabaikalsky Institute of Railway Transport (branch) of Irkutsk State Transport University,
Chita, Russian Federation

✉ evgeniya_chita@mail.ru

Abstract

Text linguistics, as a modern discipline, is capable of revealing the archetypal essence of the narrative structures within the author’s text. The short stories of Somerset Maugham, in this regard, serve as an example of the synergy between the author’s plots and the archetypal subtext, shaped by the semantic message of the author as a “metamorphosis” of the narrative. The article is devoted to the analysis of the features of ironic victimization in the texts of the stories, as well as the description of the archetypal concept of “victim”, which serves as a key to understanding the deep meanings embedded in the texts of S. Maugham’s stories. The article provides examples from short stories, which allows us to identify universal patterns and specific characteristics of ironic victimization in the context of discourse analysis. The goal is achieved by solving several tasks, namely: to investigate the features of the use of the archetype “victim” in the texts of short stories by S. Maugham; to analyze the role of irony in the formation of images of characters and their interactions; to assess the impact of ironic victimization on the Reader’s perception of moral norms and human nature. It has been determined that in Maugham’s stories, two types of character images correlating with the characteristics of the “victim” concept can be identified – “true” and “false” victims. Furthermore, the complexity of Maugham’s narrative is revealed, as the so-called “false victim” gradually “transforms” into a “true victim,” thereby embodying the category of ironic victimization within the plot. In the texts of S. Maugham’s short stories, such a “metamorphosis” of the characters’ images not only highlights the character’s internal conflicts and focuses on the social and cultural circumstances in which they find themselves, but also provides new opportunities for understanding broader topics related to human existence and moral dilemmas. The article focuses on the texts of the short stories “The Mother” and “Rain”.

Keywords: script, “false” / “true” images, ironic victimization, archetype, irony, Somerset Maugham, text, “The Mother”, “Rain”

Funding. No funding was received for writing this manuscript

For citation: Baranova E. S. The archetype of the “victim”: ironic victimization in the texts of Somerset Maugham’s short stories. *Vestnik of NEFU*. 2025, Vol. 22, No. 1. Pp. 48–60. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-1-48-60

Введение

Архетип «жертва»/«victim» является одной из ключевых концепций в области лингвистики текста, способствующих исследованию глубинных психологических,

социальных и культурных аспектов человеческого существования. В художественных текстах этот архетип служит мощным инструментом для раскрытия внутренних конфликтов и динамики взаимоотношений между героями-персонажами. В данном контексте особое внимание заслуживают тексты коротких рассказов Сомерсета Моэма, где виктимизация зачастую приобретает ироничный оттенок. С. Моэм, мастерски владея искусством повествования, использует архетип «жертва» не только для создания драматических ситуаций, но и для того, чтобы подчеркнуть сложность человеческой природы и неоднозначность моральных норм.

Статья посвящена анализу текстов нескольких рассказов У. Сомерсета Моэма с позиции лингвистики текста. Основное внимание уделяется феномену иронической виктимизации сюжета, который раскрывает сложные взаимодействия между героями-персонажами и их внутренними мотивами. Автор через призму иронии и сарказма бросает вызов традиционным представлениям о жертве, предлагая Читателю задуматься о границах между добром и злом, силой и слабостью. В статье также рассматривается влияние социального контекста на формирование образов героев-персонажей, а также роли Автора и Читателя в процессе интерпретации текста.

Целью работы является выявление и анализ особенностей иронической виктимизации, а также описание архетипического концепта «жертва», который служит ключом к пониманию глубинных смыслов, заложенных в текстах рассказов С. Моэма. Для достижения этой цели поставлены следующие задачи: исследовать особенности использования архетипа «жертва» в текстах коротких рассказов С. Моэма; проанализировать роль иронии и сарказма в формировании образов персонажей и их взаимодействий; рассмотреть, каким образом Автор бросает вызов традиционным представлениям о жертве; оценить влияние ироничной виктимизации на восприятие Читателем моральных норм и человеческой природы.

Языковым материалом являются англоязычные тексты коротких рассказов Сомерсета Моэма «The Mother / Мать» и «Rain / Дождь». Для анализа данных текстов нами использовался метод контекстуального анализа, метод дискурс-анализа, позволяющий выявить и описать элементы дискурса наряду с описательным методом. Метод дискурс-анализа текста, помимо выявления элементов связности текста, также способствовал формулировке выводов относительно влияния ироничной виктимизации на восприятие архетипа «жертва», что позволяет выявить авторский замысел при создании рассказа.

В данной статье мы опираемся на категорию модальности как одну из базовых категорий языка, мышления и логики. Категория модальности выражает точку зрения Автора текста, определяя тем самым отношение содержания высказывания к действительности. Категория модальности (от лат. *modus* – мера, способ) присутствует в разных языках, имеет разные формы лексического выражения [1].

Также известно, что модальность в логике – это «категория, выражающая отношение говорящего к содержанию высказывания»; модальность в лингвистике – это «грамматическая категория, выражающая формами наклонения глагола, интонацией, вводными словами и т. п. отношение говорящего к содержанию высказывания» [2]. На основании этого в рамках данной статьи мы опираемся и на аксиологический подход, который затрагивает вопросы логики и текста.

Архетип «жертва»: ироническая виктимизация

Настоящая статья продолжает наше исследование текстов С. Моэма в качестве лингвистического материала [3–5], акцентируя внимание на анализе художественного дискурса в контексте архетипа «жертва» и иронической виктимизации.

Общее представление о том, что включает в себя ирония, ясно большинству людей, однако данное понятие на удивление неопределенно [6]. Со времен Сократа значение этого термина значительно изменилось и вошло в XX век как признак всей хорошей литературы.

Область применения иронии расширилась и включает не только остроумие и юмор, но также то, что мы сейчас называем драматической, трагической и ситуационной иронией. Тем не менее, все виды иронии объединены одним общим принципом: контрастом или парадоксом, поскольку ирония – это способ как мышления, так и языка признать противоречие между ожиданием и реальностью [7].

В последние десятилетия, в связи с поворотом лингвистики к исследованию целостного текста, дискурса – «текста, погруженного в ситуацию» [8], интерес лингвистов к данному феномену стремительно возрос. Это внимание к иронии как к многозначному и контекстуально зависимому явлению создает основу для дальнейшего анализа более сложных смысловых структур, таких как архетипические концепты.

В этом контексте любопытно мнение А. Машаевой о соотношении смысла и архетипического концепта, согласно которому «архетипический концепт – это саморазвивающаяся смысловая (синергетическая) система». Особенность смысловой структуры архетипического концепта (АК) заключается в ее неоднородности. Это обусловлено, по нашему мнению, тезисом Ю. С. Степанова, что в обширном поле культуры эволюционные ряды культурных явлений могут быть подразделены на чисто концептуальные ряды, чисто материальные ряды, смешанные концептуально-материальные ряды [9].

В текстах С. Мозма при детальном рассмотрении логики сюжетной канвы мы также, возможно, «сталкиваемся» с манифестацией архетипического концепта как некой смысловой системой, имея в виду авторский сюжет (сценарий) короткого рассказа.

Архетипический концепт «жертва» в сюжетах Мозма условно «зашифрован» посредством использования категории т. н. «иронической виктимизации». Во-первых, попробуем описать то, что имеем в виду под иронией вообще.

Ирония, как многофункциональное явление, рассматривается с разных точек зрения: как вид юмора (В. И. Карасик, Е. Л. Шмелева, А. Д. Шмелев); как форма «оценочного, критического, эмоционального освоения действительности» (С. И. Походня); как феномен культуры (В. М. Пивоев); как вид тропа (О. С. Ахманова) и как вид языковой манипуляции (О. П. Ермакова).

Согласно И. А. Антонио, ирония – это семантический механизм переключения между отрицательной и утвердительной модальностями одного и того же высказывания (слова, словосочетания, предложения), или положительной и негативной оценкой объекта высказывания, осуществляющийся при помощи интонации, контекста (как текстового, так и экстралингвистического) [10]. Коммуникативная цель иронических высказываний может варьироваться от «выражения сомнения» до «дискредитации адресата». Смех может возникнуть как незапланированный перлокутивный эффект, но только у косвенного адресата. Имплиcitный характер негативной оценки делает возможным признать иронию «скрытой речевой агрессией» [11].

Наиболее распространенная классификация иронии представляет собой ее разделение на вербальную, ситуативную и драматическую. Вербальная ирония – это своего рода несоответствие между тем, что сказано, и тем, что подразумевается; ситуативная ирония возникает, когда конечный результат ситуации, описанной в рассказе, отличается от того, что ожидают читатели. Когда вводится драматическая ирония, читатели делятся знаниями о настоящем и будущем

персонажа, но действия самого персонажа совершенно не соответствуют реальным обстоятельствам.

Таким образом, этот парадокс лежит в основе любого примера иронии.

Ирония – это «семантический механизм переключения между отрицательной и утвердительной модальностями одного и того же высказывания» [6], по-другому, «использование» иронии в сюжете проявляет категорию модальности текста.

Понимая под категорией модальности манифестацию смыслов, логических штампов, авторских умозаключений и т. д. [12], мы полагаем, что тексты С. Моэма в аспекте дискурс-анализа текста, особенно художественного, возможно «дешифровать» посредством описания такого элемента как ироническая виктимизация [13].

Автор включает этот элемент как через слова или мысли персонажей и рассказчиков, так и через другие структуры, такие как обстановка, исторический и тематический фон. Парадоксальность хода сюжета Моэма любопытна еще и тем, что подкатегория ироническая виктимизация способна «вовлечь» и Читателя в сюжетную линию текста.

К примеру, если Читатель ошибочно истолковывает (как будто бы) иронические намерения автора (или наоборот, когда ирония читается там, где она не подразумевалась), это иллюстрирует наличие элемента непреднамеренной виктимизации сценария (сюжета) в сознании Читателя. Читатель может стать жертвой иронии в двух случаях: когда не заметил иронического парадокса и когда ирония намеренно направлена против него: Автор скрывает свои действительные убеждения, так что Читатель не может однозначно распознать, что над чем иронизирует.

Не менее важно пояснить, что выражение «жертва/ victim иронии» может показаться несущим сильную негативную коннотацию, однако в литературе, посвященной изучению иронии, оно воспринимается как нейтральный литературный термин. Д. К. Мюке явно использует слово «жертва» в своей работе «Ирония и ироничное» и представляет жертву как антагониста ирониста [14]. Аналогичные идеи высказывает В. Д. Вишневская, которая выделяет трех участников иронической ситуации: говорящего или ирониста, слушателя или жертву и аудиторию или оценивающего [15]. Она также признает жертвой иронии невинного человека. Нортроп Фрай также использует термин «жертва иронии» в своей работе «Анатомия критики» и проводит различие между трагической (абсолютной) и ироничной (выбранной случайным образом и заслуживающей того, что с ней происходит) жертвами [16]. Он называет такую фигуру типичной жертвой – фармакосом.

Понятие «farmacoí/фармакос» пришло из Древней Греции, где во времена бедствий или календарных кризисов выбиралась жертва и проводилось ритуальное изгнание, которое, как считалось, поможет городу очиститься, а остальная часть населения будет спасена. Истории с участием мифических фармакосов могут быть объединены общим сюжетом: один из персонажей (жертва) опускается до состояния низших каст общества. Чтобы подчеркнуть «худшую сторону» фармакоса, обычно вводится другой персонаж с гораздо более высоким статусом. Изгнание, смерть или нисхождение (по крайней мере, символическое) является традиционным финалом истории фармакоса. Наличие значительного числа этих тем позволяет идентифицировать исследуемого персонажа как жертву. Легенды о фармакосах, появившиеся в Древней Греции, дошли до наших дней, и мотив жертвы очень силен, и со временем он стал одним из самых мощных архетипов, сохранившихся до наших дней. Следовательно, ирония в сценариях о жертве возникает из парадокса ожидания читателем неизбежного падения

жертвы и противоположного развития сюжета. В нашем случае, тексты С. Моэма посредством категории иронической виктимизации обнаруживают, с одной стороны, обращение Автора к архетипическому концепту «жертва», с другой стороны, проявляется категория модальности текста. Проиллюстрируем это положение примерами из текстов Автора – С. Моэма.

Согласно этимологическому словарю английского языка, жертва / victim – это «living creature killed and offered as a sacrifice to a deity or supernatural power, or in the performance of a religious rite; person oppressed by some power or situation» [17]. «Жертва / victim» в тексте рассказов олицетворена образами-персонажами, которые обладают признаками «фармакоса»: принадлежность к низшему классу, девиантное поведение, неприятие их остальной частью общества. Данный образ персонажей можно встретить в текстах коротких рассказов «Rain / Дождь», «The Vessel of Wrath / Сосуд гнева», «Before the Party / Собираясь в гости», «The Mother / Мать» и др.

В рассказе «The Mother / Мать» рассказывается о женщине по имени Ла Качирра, которая, движимая ревностью, совершает убийство возлюбленной своего сына. В начале повествования Читатель узнает, что она недавно освобождена из заключения, отбыла семилетний срок за убийство. В подобных обстоятельствах индивид нередко становится социальным изгоем, что объясняет негативное восприятие Ла Качирры окружающими. Усугубляя свое положение, она сознательно дистанцируется от соседей и открыто отвергает какие-либо попытки установления контакта. Тем самым Автор текста «рисует» образ «фармакоса», описав причины ее социального изгойства.

Другой причиной нежелания мириться с изгоями является инвалидность или уродство «фармакоса». Внешность Ла Качирры столь же непривлекательна, как и ее личность, и Моэм недвусмысленно описывает это: «haggard and very thin, with bony hands and fingers like a vulture's claws / изможденная и очень худая, с костлявыми руками и пальцами, похожими на когти стервятника», «teeth that were pointed like those of a beast of prey / зубы были заострены», «her eyes [...] shone fiercely / ее глаза [...] яростно сверкали», «Her face bore an expression of such ferocity that no one dared come near to speak with her / На ее лице застыло выражение такой свирепости, что никто не осмеливался приблизиться и заговорить с ней» [18, с. 237]. В результате создается архетипически легко идентифицируемая фигура жертвы (социального изгоя): физически непривлекательная женщина и бывшая заключенная, отвергаемая обществом. По мере развития сюжета такой негативный образ вступает в контраст с ее ролью матери, особенно в сценах ее взаимодействия с сыном. Автор акцентирует внимание на реакции окружающих, наблюдающих за данной сценой, демонстрируя противоречие через их восприятие: «The woman threw her arms round his [son's] neck and kissed him passionately. She fondled him and with a loving gesture stroked his face with both her hands. The girl and the mother who watched would never have thought her capable of such tenderness / Женщина обвила руками шею сына и поцеловала его. Она приласкала его и любовным жестом погладила его лицо рукой. Девушка и мать, которые наблюдали за происходящим, никогда бы не подумали, что она способна на такую нежность» [18, с. 239].

Эта сцена невольно вводит Читателя в заблуждение. Женщина, демонстрирующая безразличие к своему ребенку, вызвала бы значительно более отрицательную реакцию, чем та, которая чрезмерно заботлива и любвеобильна. Тем не менее у Читателя возникают амбивалентные чувства. Сомерсет Моэм не акцентирует внимание на материнских эмоциях, которые героиня испытывает по отношению к своему сыну, за исключением этого единственного небольшого эпизода. Напротив, акцентируется внимание на ее нецивилизованной, животной ревности: «she could not bear him to look at a woman and she writhed at the bare idea that he might pay court

to some girl / она не могла вынести, когда он смотрел на женщину, и ее корчило от одной мысли, что он может ухаживать за какой-нибудь девушкой» [18, с. 240], «when she saw Rosalia's provoking glance and Currito's answering smile, rage leap to her throat / когда она увидела вызывающий взгляд Розалии и ответную улыбку Куррито, ярость охватила ее», «stood [...] with fury gnawing at her heart / стояла [...] с яростью, гложущей ее сердце» [18, с. 240], «her eyes glowed like coals of fire and she felt them burning in the sockets; but no one noticed her, and she gave a groan of rage / ее глаза пылали, как огненные угли, и она чувствовала, как они горят в глазницах; но никто не замечал ее, и она издала стон ярости» [18, с. 243] и т. д.

Единственный пример проявления материнской нежности у Автора являет собой пример иронической виктимизации данного образа. Таким образом, Моэм увеличивает разрыв между ожиданиями Читателя и реальностью, которую он рисует, демонстрируя силу архетипа «жертва». В итоге возникает диссонанс в процессе стереотипных ожиданий Читателя и концовкой рассказа как авторской модальности с точки зрения дискурса текста рассказа.

Известно, что женщины стереотипно изображаются как слабые, зависимые существа, которые не способны совершить акт настоящего насилия, поскольку «агрессивная женщина – это не «нормальная» женщина» [19]. Вероятной реакцией Читателя на концовку сюжета является наличие иного смысла, вложенного Автором в образ женщины, разрушающий все стереотипы. Таким образом, архетип «жертва» описанный как таковой, является парадоксом, вытекающим из ожиданий Читателя относительно персонажа, сформированного на основе глубоких гендерных предубеждений, который возникает у Читателя посредством иронической виктимизации.

Финал классических сюжетов о «фармакозах» включает их убийство или вечное изгнание. Образ Ла Качирры в тексте рассказа «The Mother / Мать» иллюстрирует тезис о присутствии в смысловом содержании архетипического концепта «жертва» двух амбивалентных начал: «истинной жертвы» и «ложной жертвы». В финале казалось бы «истинная жертва» в образе женщины-изгоя по иронии судьбы сама становится насильником, т. е. Автор «превращает» ее образ в образ «ложной жертвы». Ла Качирра не только не сожалеет о совершении преступления, но и ликует по поводу своей победы: «her eyes shone with triumph / ее глаза сияли торжеством» [18, с. 247].

Таким образом, С. Моэм посредством иронической виктимизации, по-другому переворачивая сюжет вопреки стереотипам и ожиданиям Читателя, заставляет его размышлять об истинности / ложности восприятия смысла текста, равно как и сюжета или персонажа.

В тексте рассказов «The Unconquered / Непокоренная», «Before the Party / Собираясь в гости» и «The Footprints in the Jungle / Следы в джунглях» рассматривается схожая тема: женщина, совершающая агрессивные действия, связанные с убийством, что бросает вызов традиционному стереотипу о женщине как о существе неагрессивном. Патриархальные структуры, доминировавшие в большинстве обществ, привели к неравному восприятию ролей мужчин и женщин. Мужчины ассоциируются с силой и умом, в то время как женщины считаются их более слабыми аналогами.

Таким образом, можно предположить, что С. Моэм с иронией ставит под сомнение стереотипы о слабой женщине, не способной на насилие, и жертвы (изгоя), который слабеет под бременем общества.

В текстах рассказов Сомерсета Моэма часто наблюдается сложная структура повествования, в которой фигурируют как «истинные», так и «ложные» персонажи-жертвы, создавая многослойные мишени для иронии. «Ложный» образ

жертвы вовлекает Читателя в своеобразную ловушку, где Читатель сам становится объектом иронии, в то время как «истинная» жертва, служащая источником дополнительной иронии, призвана вызывать эмоциональные отклики у аудитории. Примером такого сценария послужит текст рассказа С. Моэма – «Rain / Дождь». Первый ироничный случай в тексте рассказа имеет ситуативный характер: герои не намерены оставаться в Паго-Паго, но вынуждены сделать это из-за вспышки кори на соседнем острове, куда они планировали отправиться. Усиливает напряжение ироничная природная деталь – непрекращающийся дождь, который становится символом неизбежной коммунальной катастрофы, типичной для нарративов о жертвах обстоятельств.

Сценарий, включенный в начало рассказа «Rain / Дождь», распределяет роли персонажей согласно модели фармакоса. Преподобный Дэвидсон рассказывает о Фреде Олсоне, датском торговце, который обитал на островах задолго до миссионеров. Олсон представлен как человек, неверный своей жене, склонный к пьянству и коррупции, что создает контраст и подчеркивает моральные и культурные конфликты в рассказе. Мистер Дэвидсон говорит, что этому человеку был дан шанс «to mend his ways / исправиться» [20], но он отказался. Из следующего отрывка очевидно, что преподобный нашел способ заставить Олсона измениться: «In two years he was a ruined man. He'd lost everything he'd saved in a quarter of a century. I broke him, and at last he was forced to come to me like a beggar and beseech me to give him a passage back to Sydney / за два года он превратился в разоренного человека. Он потерял все, что накопил за четверть века. Я сломил его, и в конце концов он был вынужден прийти ко мне, как нищий, и умолять меня дать ему билет обратно в Сидней» [20].

В тексте рассказа персонаж Фреда Олсона репрезентирует собой архетип «жертва». Это обусловлено не только его социальным статусом как «низшего», но и его стремлением покинуть город, что можно интерпретировать как добровольное изгнание. Образ мистера Дэвидсона в рамках аксиологического подхода конструируется как фигура более высокого социального статуса, «высшего», что усиливает контраст между ним и фармакосом. Более того Дэвидсон выполняет роль катализатора, усугубляющего положение жертвы, создавая для нее невыносимые условия существования. История выполняет функцию предвосхищения в нарративной структуре классического сюжета о жертве; данный флэшбэк раскрывает методы, применяемые преподобным, и предвещает аналогичную схему поведения, направленную теперь на мисс Томпсон. Последняя, будучи проституткой, символизирует «низшее», чье поведение воспринимается как деструктивное для социального порядка.

В ряде нарративов наблюдается феномен, при котором перед актом изгнания объекту оказывается доброжелательное обращение; его облачают в эстетически привлекательные одеяния и обеспечивают качественным питанием. Хотя в случае с мисс Томпсон не фиксируется физического преобразования, согласно интерпретации Дэвидсона, она претерпевает значительные трансформации на уровне психоэмоционального состояния. Рассказчик подчеркивает ритуальность процесса: «The whole household, intent on the wretched, tortured woman downstairs, lived in a state of unnatural excitement. She was like a victim that was being prepared for the savage rites of a bloody idolatry / Вся семья, сосредоточенная на несчастной, замученной женщине внизу, жила в состоянии неестественного возбуждения. Она была подобна жертве, которую готовили к диким обрядам кровавого идолопоклонства» [20]. С точки зрения нарративного анализа, начальная экспозиция и последующие трансформации женского персонажа, а также ожидания Читателя, основанные на архетипических представлениях о жертве,

создают предпосылки для социальной изоляции мисс Томпсон. Автор использует риторические средства, чтобы акцентировать внимание на неизбежности данного исхода, вводя в текст неудачные попытки персонажа-доктора Макфейла повлиять на решение преподобного относительно изгнания мисс Томпсон. Однако кульминация сюжета неожиданно нарушается смертью – не «ложной» жертвы, а ее антагониста – мистера Дэвидсона, что представляет собой пример драматической иронии.

С точки зрения лингвистики текста акцентирование на модальности является ключевым аспектом, который позволяет глубже понять структуру и смысловое наполнение сюжета (сценария) рассказа. В данном контексте мистер Дэвидсон олицетворяет «истинный» образ жертвы иронии в рассказе «Rain / Дождь». Модальность текста, представляющая собой совокупность средств, с помощью которых С. Моэм выражает свою позицию и отношение к описываемым событиям и персонажам, играет важную роль в формировании читательского восприятия.

С. Моэм использует различные лексические и синтаксические средства для передачи модальности, что позволяет создать многослойный образ Дэвидсона. Его действия и характеристики, которые на первый взгляд могут показаться положительными, в действительности раскрывают двойственность его натуры. Эта модальность выступает в качестве инструмента, позволяющего показать, как высокие социальные позиции и моральные убеждения могут быть искажены предассудками и эгоизмом.

Таким образом, посредством категории модальности текста в рассказе «Rain / Дождь» нам удалось выявить иронический контраст между внешними атрибутами Дэвидсона и его истинной сущностью, и осознать иронический подтекст, заключающийся в том, что именно персонаж с высоким социальным статусом становится основным источником страдания для других.

Этот контраст, в свою очередь, подчеркивает роль мистера Дэвидсона как носителя идеологии религиозного спасения, что приводит к глубокому конфликту с местной культурой и традициями: «If you leave a mission in charge of a native missionary, no matter how trustworthy he seems, in course of time you'll find he's let abuses creep in / Если вы оставите миссию под руководством местного миссионера, каким бы заслуживающим доверия он ни казался, со временем вы обнаружите, что он допустил злоупотребления» [20]. Преподобный ошибочно полагает, что западные миссионеры обладают иммунитетом к моральным слабостям, присущим местным жителям, что становится причиной его трагического заблуждения. Саморазоблачение мистера Дэвидсона, осознание им собственной подверженности порокам, которые он стремился искоренить, приводит его к решению о самоубийстве, что вносит дополнительный уровень иронии и делает его «истинной» жертвой иронии.

В данном нарративе наблюдается лексико-семантическое противопоставление, в котором мистер Дэвидсон вынужден конструировать идентичность своего внутреннего «я» через призму ироничной добродетели, возникающей в контексте взаимодействия с его антагонистом. Вектор профессиональной деятельности мистера Дэвидсона направлен на коррекцию социальных девиаций, однако он демонстрирует когнитивный диссонанс, не осознавая наличие собственного порока, который постепенно эволюционирует от стремления к доминированию до проявления сексуального влечения. Эта метаморфоза последовательно эксплицируется Автором посредством нарративных стратегий в тексте. Моэм применяет методику, в рамках которой Читатель становится объектом иронической виктимизации. Первичный маркер данного процесса имплицитно присутствует в характеристике мистера Дэвидсона, обладающего чувством «of suppressed fire

/ подавленного огня» [20]. Это описание заканчивается словами: «He was not a man with whom any intimacy was possible / Он не был человеком, с которым была возможна какая-либо близость» [20].

В процессе повторного прочтения рассказа Читатель сталкивается с фразой, которая неизбежно вызывает ироническую интерпретацию, не заметную при первом знакомстве с текстом. В общественном сознании часто доминирует образ человека, глубоко преданного религии, как индивида, сознательно воздерживающегося от сексуальных контактов. Если бы изначально святость и моральное превосходство преподобного Дэвидсона подвергались сомнению, финал истории не обладал бы элементом неожиданности, который стремился создать Моэм. Моэм, будучи приверженцем устойчивой повествовательной структуры, полагал, что все элементы истории должны способствовать неожиданному, но в ретроспективе неизбежному завершению.

Таким образом, мистер Дэвидсон представляет собой образ «истинной» жертвы, поскольку его персонаж претерпевает деградацию по мере развития сюжета, что в конечном итоге приводит к его «изгнанию из общины». Он становится жертвой иронии, на которую Читатель должен эмоционально реагировать с элементом удивления. Акт его самоубийства может интерпретироваться как форма жертвоприношения – добровольное самоустранение из социума с целью его очищения. В противоположность этому мисс Томпсон выступает в образе «ложной» жертвы на протяжении всего сюжета (сценария). Первоначально Читатель убежден в ее неизбежном исключении и наказании, что подкрепляется Автором до момента неожиданного поворота в кульминации. В результате этого поворота и сам Читатель становится жертвой иронии. Этот контраст между «истинной» и «ложной» жертвой подчеркивает сложность и многогранность человеческой природы, а также указывает на то, как социальные нормы и ожидания могут искажать восприятие индивидуумов. В итоге Автор использует модальность как инструмент для создания глубокой иронии, которая заставляет Читателя переосмыслить собственные моральные установки и представления о справедливости.

Заключение

Таким образом, можем сделать вывод, что ряд персонажей в коротких рассказах С. Моэма обладает явными чертами фармакоса: они изгои, жертвы, которых не принимает общество, их «изгнание» является ключевой темой, и все события в сюжете приводят к такому финалу. В этих сценариях смерть или нисхождение является традиционным и ожидаемым финалом. Повторяющееся использование архетипической структуры «жертвы / victim» поддерживает идентификацию образов «истинных» и «ложных» героев и персонажей-жертв. Однако эффект, который эти образы-персонажи производят на Читателя, отличается от классических сюжетов о жертвах. Прежде всего, нарушается традиционный образ «жертвы»: в то время как фармакос должен быть либо изгнан, либо убит, фармакос в рассказах С. Моэма восстает и торжествует над обществом. В сценариях с образами «ложных» фармакосов ирония только кажется направленной на жертву. В то время реальный объект иронической виктимизации – «истинная» жертва – раскрывается только через контакт с «ложным» образом жертвы. Категория иронической виктимизации С. Моэма дискурсивирует посредством стереотипов, либо архетипов, иногда смешивая и то, и другое. Стереотип предлагает наличие фоновой иронии, в то время как архетип «выдает» подсознательные ожидания Читателя.

В сценариях об «истинных» жертвах ирония Автора диссонирует с ожиданиями Читателя. Таким образом, Читатель становится на одну сторону с рассказчиком и провоцируется на эмоциональную реакцию. Здесь в полной

мере проявился великий талант С. Моэма как наблюдателя, поскольку лишь несколько намеков, расставленных по всему сюжету, способствуют глубокому психологическому изображению персонажей, вызывая у Читателя различные, но всегда сильные эмоции.

Иронические элементы могут быть введены в сценарии в любой момент, после чего они повторяются несколько раз. Эти элементы могут быть включены в качестве поворотного момента в конце, или они могут быть скрыты в рамках сценария, который раскрывается и направляется с помощью центральных или периферийных персонажей. Ирония может представлять собой простой и очевидный парадокс или может основываться на предполагаемых стереотипных ожиданиях читателей, воздействуя на них на подсознательном уровне. Жертвами иронии могут быть либо персонажи, либо читатели, либо оба одновременно.

Л и т е р а т у р а

1. Серганова Д.А. Модальность и текст: смещение акцентов в исследовании категории модальности. *E-Scio*. 2021;56(5):586-592.
2. Кузнецов С.А. *Большой толковый словарь русского языка*. Санкт Петербург: Норинт; 2000:1536.
3. Баранова Е.С. Тема-рематическая связность как импликация эмоционального концепта «ненависть» в произведении Сомерсета Моэма «Непокоренная». *Евразийский Союз Ученых. Серия: филология, искусствоведение и культурология*. 2021;87(6):3-5.
4. Баранова Е.С. Импликатура как единица дискурс-анализа в рассказе Сомерсета Моэма «Mr. Know-all». *Социальные и гуманитарные науки. Юриспруденция: Материалы Национальной научно-практической конференции ВСГУТУ, Улан-Удэ*. 2023:161-165.
5. Жамсаранова Р.Г. Макро- и микротемы в тексте рассказа Сомерсета Моэма *Rain*. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки*. 2022;8(2):12-21.
6. Походня С.И. *Языковые виды и средства реализации иронии*. Киев: Наукова думка; 1989:128.
7. Ахманова О.С. *Словарь лингвистических терминов*. Москва: Эдиториал УРСС; 2004:571.
8. Арутюнова Н.Д. Дискурс. *Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва: «Советская энциклопедия»; 1990:688.
9. Машаева А. Архетипический концепт и смыслоддержание: проблемы соотношения. *Проблемы современного мира глазами молодежи: Сборник трудов*; 2015:265-268.
10. Антонио И.А. Терминология комического в лингвистических исследованиях. Опыт интерпретации: Автореферат дис. ... к. филол. н. Москва; 2009:16.
11. Фомичева Ж.Е. Интертекстуальность как средство воплощения иронии в современном английском романе: Автореферат дис. ... к. филол. н. Санкт-Петербург; 1992:17.
12. Гальперин И.Р. *Текст как объект лингвистического исследования*. Москва: УРСС; 2007:113.
13. Франк Л.В. *Виктимология и виктимность*. Москва; 1975.
14. Muecke DC. *Irony and the Ironic*. London: Publishing House "Methuen & Co."; 1970.
15. Вишневская В.Д. К вопросу о статусе иронии. *Языковые средства выражения. Мир культуры: теория и феномены*. Пенза: 2002.
16. Northrop F. *Anatomy of Criticism*. Princeton: Princeton University Press; 1957.
17. Harper D. *Etymology Dictionary*. 2001. [Electronic resource] Available at: www.etymonline.com/index.php [Accessed 11 January 2025].
18. Maugham WS. *The world over: the collected stories*. London: The Reprint Society Publisher; 1954:729.

19. Stapel DA, Koomen W. When stereotype activation results in (counter) stereotypical judgments: priming stereotype-relevant traits and exemplars. *Journal of Experimental Social Psychology*. 2018;34(2):136-163. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0022103197913469>. [Accessed 17 January 2025].

20. Maugham WS. *Rain*. New York: Pocket Books; 1942:305-355.

References

1. Serganova DA. Modality and text: shifting focus in emphasis in the study of the category of modality. *E-Scio*. 2021;5(56):586-592 (in Russian).
2. Kuznetsov SA. *A large explanatory dictionary of the Russian language*. Saint Petersburg: Norint; 2000:1536 (in Russian).
3. Baranova ES. The theme-rhema coherence as the implication of the emotional concept "hatred" in Somerset Maugham's short story "The Unconquered". *Eurasian Union of Scientists. Series: Philology, Art History and Cultural Studies*. 2021;87(6):3-5 (in Russian).
4. Baranova ES. Implicature as a unit of discourse analysis in Somerset Maugham's short story "Mr. Know-all". *Social and Humanitarian Sciences. Jurisprudence: Proceedings of the National Scientific and Practical Conference of ESSUTM, Ulan-Ude: East Siberia State University of Technology and Management*; 2023:161-165 (in Russian).
5. Zhamsaranova RG. Macro- and microemes in the text of Somerset Maugham's short story "Rain". *Scientific notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological Sciences*. 2022;8(2):12-21 (in Russian).
6. Pokhodnya SI. *Linguistic facilities and types to express irony*. Kiev: Naukova dumka; 1989:128 (in Russian).
7. Akhmanova OS. *Dictionary of linguistic terms*. Moscow: Editorial URSS; 2004:571 (in Russian).
8. Arutyunova ND. Discourse. *Linguistic encyclopedic dictionary*. Moscow: Publishing House "Soviet Encyclopedia"; 1990:688 (in Russian).
9. Mashaeva A. Archetypal concept and semantic content: problems of correlation. In: *Problems of the modern world through the eyes of youth*; 2015:265-268 (in Russian).
10. Antonio IA. Terminology of the comic in linguistic research. Interpretation experience. Summary of Candidate's dissertation (Philology). Moscow: 2009 (in Russian).
11. Fomicheva JE. Intertextuality as a means of embodying irony in the modern English novel. Summary of Candidate's dissertation (Philology). St. Petersburg: 1992:17 (in Russian).
12. Galperin IR. *Text as an object of linguistic research*. Moscow: URSS; 2007:113 (in Russian).
13. Frank LV. *Victimology and victimhood*. Moscow: 1975 (in Russian).
14. Muecke DC. *Irony and the Ironic*. London: Publishing House "Methuen & Co."; 1970 (in English).
15. Vishnevskaja VD. To the question about the status of irony. Linguistic means of expression. *World of Culture and Culturology*. Penza: 2002 (in Russian).
16. Northrop F. *Anatomy of Criticism*. Princeton: Princeton University Press; 1957 (in English).
17. Harper D. *Etymology Dictionary*. 2001. [Electronic resource] Available at: www.etymonline.com/index.php [Accessed 11 January 2025] (in English).
18. Maugham SW. *The world over: the collected stories*. London: The Reprint Society Publisher; 1954:729 (in English).
19. Stapel DA, Koomen W. When stereotype activation results in (counter) stereotypical judgments: priming stereotype-relevant traits and exemplars. *Journal of Experimental Social Psychology*. 2018;34(2):136-163. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0022103197913469>. [Accessed 17 January 2025] (in English).
20. Maugham WS. *Rain*. New York: Pocket Books; 1942:305-355 (in English).

Сведения об авторе

БАРАНОВА Евгения Сергеевна – аспирант ЗабГУ, преподаватель отделения общеобразовательных дисциплин Забайкальского института железнодорожного транспорта – ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет путей сообщения», Чита, Российская Федерация, ORCID: 0009-0001-8928-5908, ResearcherID: rid102210

E-mail: evgeniya_chita@mail.ru

Information about the author

Evgenia S. BARANOVA – Postgraduate Student, Lecturer, Department of General Education Disciplines, Zabaikalsky Institute of Railway Transport (branch) of Irkutsk State Transport University, Chita, Russian Federation, ORCID: 0009-0001-8928-5908, ResearcherID: rid102210

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 20.02.25

Принята к публикации / Accepted 11.03.25

УДК 811.512.157;81-25

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2025-22-1-61-74>

Оригинальная научная статья

Язык саха в сфере государственного и муниципального управления глазами служащих и населения г. Якутска Республики Саха (Якутия)

А. А. Васильева

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова,

г. Якутск, Российская Федерация

✉ vaaperevod@mail.ru

Аннотация

В статье излагаются результаты опроса населения столицы Республики Саха (Якутия) г. Якутска об исполнении требований статей 12–18 Закона о языках в Республике Саха (Якутия), действующего с 1992 г. Указанные статьи закона касаются применения государственных и официальных языков республики в сфере официально-делового общения. Опрос проводился в двух группах респондентов: 1) государственные и муниципальные служащие, ответственные за реализацию государственного статуса языка саха; 2) жители столицы, представляющие разные социальные слои населения и испытывающие на себе действие языковой политики республиканских властей. С помощью методов статистического анализа полученных ответов респондентов определяется общественное мнение о качестве исполнения требований Закона о языках в Республике Саха (Якутия), в том числе о языке заседаний в организациях, о языке законодательных актов республиканских и местных органов власти, о языке делопроизводства, о языке коммуникации между гражданами и органами власти и др. В результате интерпретации ответов респондентов сделаны выводы о том, что язык саха имеет очень узкое применение в сфере государственного и муниципального управления; он преимущественно является языком неформального общения в государственных и муниципальных организациях; переводческая деятельность, призванная обеспечивать равноправное использование обоих государственных языков, организована недостаточно хорошо; некоторые статьи закона, касающиеся делопроизводства на языке саха, утратили свою актуальность в связи с развитием технологий и стандартов, в том числе систем автоматизированного оборота финансовой и статистической документации. Основной причиной невыполнения требований Закона о языках в Республике Саха (Якутия) в сфере государственного и муниципального управления, по мнению автора статьи, является широкое распространение якутско-русского двуязычия, влекущее переход на русский язык значительного числа билингвов и отсутствие целенаправленных мероприятий по поддержке государственного статуса языка саха со стороны республиканских властей.

Ключевые слова: Закон о языках Республики Саха (Якутия), языковая ситуация, государственный язык, официальный язык, родной язык, язык саха, русский язык, коренные малочисленные народы Севера, языковая политика

Финансирование. Исследование выполнено в рамках проекта «Мониторинг исполнения и соблюдения требований статей Закона о языках в г. Якутске Республики Саха (Якутия)» государственной программы Республики Саха (Якутии) «Сохранение и развитие государственных и официальных языков в Республике Саха (Якутия) на 2023 год»

Для цитирования: Васильева А. А. Язык саха в сфере государственного и муниципального управления глазами служащих и населения г. Якутска Республики Саха (Якутия).

Вестник СВФУ. 2025, Т. 22, № 1. С. 61–74. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-1-61-74

© Васильева А. А., 2025

The Sakha language in state and municipal administration from the perspective of officials and the people of the Sakha Republic (Yakutia)

Akulina A. Vasilieva

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation

✉ vaaperevod@mail.ru

Abstract

The article presents the results of the survey of the population of Yakutsk (the capital of the Sakha Republic) on the implementation of the requirements of articles 12-18 of the Law on Languages in the Sakha Republic, in effect since 1992. These articles concern the use of the republic's state and official languages in official communication. The survey was conducted among two groups of respondents: 1) government and municipal employees responsible for implementing the state status of the Sakha language; 2) the capital's residents of different social strata who experience the effects of the language policy of the republican authorities. The responses received were analyzed using statistical analysis methods, and the public opinion on the quality of implementation of the requirements of the Law on Languages in the Sakha Republic was determined, including the language of meetings in organizations, the language of legislative acts of republican and local authorities, the language of office administration, the language of communication between citizens and authorities, etc. As a result of this analysis, it was concluded that the Sakha language has a very narrow application in state and municipal administration – it is mainly the language of informal communication. Translation activities aimed at ensuring equal use of both state languages are not well organized. Some articles of the law concerning office administration in the Sakha language have lost their relevance due to the development of technologies and standards, including systems for the automated circulation of financial and statistical documentation. According to the author of the article, the main reason for the failure to comply with the requirements of the Law on Languages in the Sakha Republic in state and municipal administration is the widespread Yakut-Russian bilingualism, which entails the transition to Russian by a significant number of bilinguals and the lack of targeted measures to support the state status of the Sakha language from the republican authorities.

Keywords: Law on Languages of the Sakha Republic, language situation, state language, official language, native language, Sakha language, Russian language, indigenous minorities of the North, language policy

Funding. The study was carried out within the framework of the project “Monitoring the implementation and compliance with the requirements of articles of the Law on Languages in the city of Yakutsk of the Republic of Sakha (Yakutia)” of the state program of the Republic of Sakha (Yakutia) “Preservation and development of state and official languages in the Republic of Sakha (Yakutia) for 2023”

For citation: Vasilieva A. A. The Sakha language in state and municipal administration from the perspective of officials and the people of the Sakha Republic (Yakutia). *Vestnik of NEFU*. 2025, Vol. 22, No. 1. Pp. 61–74. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-1-61-74

Введение

В 1992 г. был принят Закон о языках в Республике Саха (Якутия), который определяет статусы языков народов Якутии – язык саха обладает государственным статусом наряду с государственным языком Российской Федерации, а эвенский, эвенкийский, долганский, юкагирский, чукотский являются

официальными языками республики [1]. В законе указываются сферы использования этих языков и базовые меры поддержки их статусов. За 30 лет произошли многие изменения как в жизни общества, так и в развитии языков и их функционирования. Начиная с 2012 г., в данный закон было внесено 13 поправок для приведения в соответствие с федеральным законодательством, а в языковой ситуации Якутии постоянно происходят изменения. Социолингвисты отмечают, что «в контексте наметившегося изменения речевого поведения, языковых установок молодежи и детей саха, сводящихся к русскому моноязычию, сокращению билингвальных установок, неравномерность законодательных инициатив по отношению к использованию языков вызывает обеспокоенность общественности республики, что предопределяет анализ мероприятий проводимой языковой политики» [2, с. 16]. В связи с этим актуальным становится исследование соответствия статей закона и существующего положения языков для выработки более эффективных нормативно-правовых актов и других мер языковой политики. В разные годы исследователями проводился анализ языкового законодательства Республики Саха (Якутия), результаты которых опубликованы в статьях А. Н. Биткеевой и Н. И. Ивановой [2–4], Л. Е. Манчуриной [5], И. В. Собакиной [6, 7], С. В. Ивановой [8] и др., но сфера, регламентируемая статьями 12–18, в них не затрагивается.

Целью данной статьи является изложение результатов опроса населения г. Якутска об исполнении и соблюдении требований статей 12–18 (часть главы II «Использование языков в деятельности органов государственной власти Республики Саха (Якутия), органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций») Закона о языках в Республике Саха (Якутия) в государственных, муниципальных организациях, учреждениях столицы Республики Саха (Якутия) г. Якутске.

Методы исследования: опрос населения; анализ собранного материала; синтез данных из двух параллельных источников – заполненных анкет представителей власти и остального населения г. Якутска с применением методов статистического анализа, измерения и сравнения данных. Основными принципами при проведении опроса были принципы добровольности и анонимности участия респондентов для того, чтобы ответы были максимально честными и независимыми. Первую группу респондентов составляют государственные и муниципальные служащие, так как они являются: а) представителями законодательной, исполнительной, судебной власти Республики Саха (Якутия), несущими ответственность за исполнение и соблюдение требований статей Закона о языках в РС (Я); б) руководителями государственных и муниципальных организаций и их подчиненными, непосредственно реализующими Закон о языках в РС (Я). В группу мы так же включили специалистов, в обязанности которых входит составление текстов на государственных и официальных языках республики (секретари, референты, переводчики, специалисты пресс-службы, отдела по работе с общественностью, корреспонденты и т. п.). Вторую группу респондентов составляют жители г. Якутска, т. е. граждане – получатели государственных и муниципальных услуг, испытывающие на себе действие языкового законодательства, гарантирующего соблюдение их языковых прав.

В исследовании принял участие 141 респондент в первой группе и 566 респондентов во второй группе. Гугл-форма опросника для первой группы (представителей власти) состоит из 4 обязательных для заполнения разделов, содержащих в общей сложности 109 вопросов, 17 из которых посвящены статьям 12–18, и 2 – исполнению Конституционного Закона Республики Саха (Якутия) 3 №929-VI «О внесении изменений в отдельные конституционные законы РС

(Я)» (принят 14 июня 2022 года) [10]. Гугл-форма опросника для второй группы (разных слоев населения) состоит из 8 разделов с общим количеством вопросов 187. Из них к статьям 12–18 относится 16 вопросов. Эти вопросы повторяют вопросы, заданные первой группе респондентов, но переформулированы так, чтобы выявить взгляд со стороны потребителя государственных и муниципальных услуг.

Характеристика респондентов

Участники первой группы респондентов были представителями 19 сфер: образование – 38 респондентов (27%), администрация муниципального образования (далее – мэрия) – 19 (13,5%), министерства и ведомства – 19 (13,5%), суды – 10 (7,1%), депутатский корпус (Ил Тумэн, Городская Дума) – 8 (5,7%), учреждения культуры – 5 (3,5%), Администрация Главы и Правительства РС (Я) (далее – АгиП) – 5 (3,5%), избирательные комиссии (далее – избиркомы) – 5 (3,5%), СМИ – 5 (3,5%), книжное издательство – 5 (3,5%), военный комиссариат (далее – военкомат) – 3 (2,1%), предприятия бытового обслуживания населения – 3 (2,1%), Управление ЗАГС – 2 (1,4%), организации здравоохранения – 2 (1,4%), предприятия транспорта – 2 (1,4%), индивидуальный предприниматель – 2 (1,4%), нотариальная контора – 2 (1,4%), архив 2 (1,4%), легкая промышленность 2 (1,4%).

По занимаемой должности были определены три группы: а) руководитель или заместитель руководителя организации, ведомства, учреждения и т. п. – 52 (37%); б) руководитель отдела, департамента и др. подразделений – 40 (28,36%); в) специалист, составляющий тексты на обоих государственных языках республики – 46 (33%); другое – 2 (1,4 %) (индивидуальный предприниматель и системный администратор).

На вопрос «Какими языками и на каком уровне Вы владеете?» всего 16 ответов показали наличие монолингвов в данной группе, и всего 1 – полилингв. Остальные респонденты – 124 человека считают себя билингвами (88%), причем свободное владение обоими государственными языками Республики Саха (Якутия) декларирует подавляющее большинство выборки – 97 чел. (69,5%), и это – 78% из числа лиц, считающих себя билингвами. На вопрос «К какой национальности Вы себя относите?» ответы распределились таким образом: саха – 122 ответа; русский, русская – 13 ответов; эвенк, эвенкийка – 5 ответов; эвен, эвенка – 1 ответ.

Вторую группу респондентов составили 566 жителей г. Якутска, из них 532 женщины и 34 мужчины. Возраст респондентов: а) 26–45 лет – 417 ответов; б) 46–60 лет – 83 ответа; в) 18–25 лет – 62 ответа; 61 год и старше – 4 ответа. Образование респондентов: а) высшее – 371 ответ; б) среднее специальное – 144 ответа; в) средняя школа – 51 ответ. На вопрос о месте работы поступили следующие ответы: сфера образования и наука – 172 ответов (30,4%); сфера обслуживания (общепит, торговля, транспорт, связь, бытовое обслуживание, финансовая и айти-сфера) – 157 (27,7%); неработающие (безработные, пенсионеры, женщины по уходу за детьми) – 71 (12,5%); медицина – 61 (10,8%); государственная и муниципальная служба – 42 (7,4%), промышленность, энергетика, строительство – 19 (3,3%); сфера культуры – 14 (2,5%), правоохранительные и судебные органы – 13 (2,3%); сельское хозяйство и природопользование – 9 (1,6%); студенты – 2 (0,3%); неясные ответы – 5 (0,8%).

В данной группе выявилось 165 монолингвов (29%), владеющих только русским языком; билингвами являются 390 респондентов (71,8%). Из них обоими государственными языками Республики Саха (Якутия) в разной степени владеют 383 респондента (67,6%), а предпочитающих русский язык билингвов меньше, чем предпочитающих якутский язык (11,7% и 16,4% соответственно).

Другие варианты двуязычия: всего – 4 ответа, из них 1 с эвенским языком, 2 с армянским языком, 1 с таджикским языком. Трехязычие отмечено у 10 респондентов, которые помимо государственных языков еще владеют: эвенкийским языком – 3; эвенским – 3; долганским – 1; английским – 3.

Ответы на вопрос о национальной самоидентификации в этой группе распределились следующим образом: саха – 345 ответов (61%), русские – 173 (30,6%), эвенки – 19 (3,4%), эвены – 8 (1,4%), долганы – 1 (0,1%), люди смешанной национальной идентичности (из представителей народов РС (Я)) – 7 (1,2%). Среди респондентов есть буряты – 5 чел. (0,8%), армяне – 3 чел. (0,5%), одна чувашка (0,1%), одна киргизка (0,1%), одна эстонка (0,1%), одна таджичка (0,1%).

Анализ ответов респондентов об исполнении и соблюдении статей 12–18 главы II Закона о языках в г. Якутске Республики Саха (Якутия)

Далее более подробно рассмотрим ответы на вопросы по интересующим статьям Закона о языках РС (Я) и сделаем выводы о том, соблюдается ли паритет двух государственных языков республики при коммуникации граждан с государственными и муниципальными организациями, а также между сослуживцами, коллегами в сфере делового общения.

Статья 12 Закона о языках в РС (Я) касается языка заседаний и совещаний в органах государственной власти РС (Я), органах местного самоуправления, предприятиях, учреждениях, организациях РС (Я). Также в ней ясно говорится о том, что «лицам, не владеющим государственными языками, обеспечивается перевод» [1]. Для проверки соблюдения данной статьи было задано 6 вопросов в первой группе и 7 вопросов во второй. В результате анализа поступивших ответов мы пришли к выводу о том, что языком совещаний в организациях и предприятиях столицы республики является русский язык у 77 (54,6%) респондентов в первой группе и у 386 (68,2%) респондентов во второй группе. Двуязычие на совещаниях практикуется в коллективах 54 руководителей (38,2%) и у 142 представителей населения столицы (25%). В то же время на языке саха проходят совещания у 9 руководителей и у 22 (3,8%) жителей г. Якутска, 1 – на русском и родном (0,7%) только в группе руководителей; и 3 – на русском и языках КМНС (0,5%) в группе населения. Из той же группы поступило 13 неинформативных ответов, или 2,3%, это ответы типа «Не работаю», «Не знаю» и т. д. Из вопроса для населения выяснилось, что протоколы заседаний, совещаний, собраний на работе оформляются на русском языке у 517 (91,3%) респондентов; на русском и саха – у 31 (5,4%) респондента; на саха – у 5 (0,8%) респондентов; на русском и языках КМНС – у 2 (0,2%); на языках КМНС – у 1 респондента (0,17%). Оказались неинформативными 10 ответов.

На вопрос «Если на собрании в Вашем коллективе присутствует человек, не знающий языка, на котором идет собрание, то обеспечивается ли ему перевод?» 69 (49%) респондентов из первой группы и 286 (50,5%) респондентов из второй группы ответили «Нет, в таком случае все начинают говорить на русском языке»; 38 (27%) респондентов из первой группы и 117 (20,67%) респондентов из второй группы ответили «Да, переводить может любой сотрудник»; 15 (10,6%) респондентов из первой группы и 47 (8,3%) из второй группы ответили, что у них нет людей другой национальности; всего 7 (4,96%) респондентов в первой группе и 48 (8,48%) во второй группе ответили, что у них есть переводчик для таких случаев; трое (2,12%) в первой группе и 19 (3,35%) во второй группе ответили, что «такому человеку предоставляются материалы собрания на русском языке». Свои варианты дали несколько респондентов в группе руководителей: шесть ответов были вариациями «все знают русский язык» (4,2%), эти ответы можем

интерпретировать так, что в данной ситуации все переходят на язык межнационального общения, он же государственный язык страны, т. е. русский. Один респондент ответил, что заседания идут на русском языке, а при необходимости переводить может любой (0,7%). Это означает, что в двуязычном коллективе предпочтительным языком совещаний является русский, при потенциальной возможности полноценного использования языка саха. Таким образом, можно сделать два вывода: 1) двуязычие государственных и муниципальных служащих создает условия, при которых нет необходимости в переводчике, так как деловое общение в сфере государственного и муниципального управления в столице республики ведется преимущественно на русском языке; 2) применение языка саха почти не распространяется на главную коммуникативную сферу, которая и должна поддерживать государственный статус языка.

На вопрос «Какие языки, кроме русского языка, и в какой форме используются в деятельности органов государственной власти или местного самоуправления, предприятия, учреждения или организации, в которой Вы работаете?» респонденты первой группы ответили «Только русский язык» – 48 (34%), такой ответ выбрали 345 (60,9%) респондентов из второй группы; «Саха, устно, а также письменно во всех внутренних документах» – 12 (2%) и 91 (16,1%); «Саха, устно, а также письменно в некоторых внутренних документах» – 26 (18%) и 63 (11,1%); «Саха, только устно» – 54 (9,5%) и 121 (21,4%); «Комбинация других языков» – 4 (2,8%) и 15 (2,65%). Из ответов респондентов обеих групп следует, что в деловой сфере используется преимущественно устная форма языка саха. Из респондентов, указавших на то, что язык саха используется во внутренних документах, подавляющее большинство – представители образовательных учреждений, далее – представители мэрии (4 чел.), министерства (3 чел.), депутатского корпуса (2 чел.), по одному человеку из организаций культуры, СМИ, издательств и ЗАГС. Более 60% ответивших жителей столицы республики утверждают, что языком официального общения со стороны муниципалитета является русский язык, а язык саха применяется только в устном общении (21,4%) и в некоторых документах (16%).

Большинство респондентов утверждает, что выбор официального языка общения в их трудовом коллективе зависит от национального состава коллектива, такой вариант ответа выбрали 70 чел. (61,4%) в первой группе. В той же группе 29 человек утверждают, что это зависит от национального состава посетителей, получателей услуг. 18 человек утверждают, что выбор языка делового общения зависит от Закона о языках в РФ, а четверо – от Закона о языках в РС (Я). Пять человек ответили, что язык общения им предписывает вышестоящее начальство. Разные вариации о том, что общение по умолчанию происходит на русском языке, высказали 7 респондентов, два из которых уточнили, что переходят на русский язык, если в разговоре участвует человек, не понимающий языка саха. Два представителя судебной сферы отметили, что суды идут на русском языке, поэтому и официальный язык является русским. Двое сослались на «миссию организации» и «зависимость выбора языка от формы мероприятия», а четыре ответа оказались неинформативными. Приходится делать вывод о том, что при отсутствии четких предписаний по использованию государственного языка саха в официальной среде наблюдается тенденция перехода на язык межнационального общения, обладающего более широкими коммуникативными возможностями. В такой ситуации язык с более узкими возможностями теряет свою привлекательность, следовательно, выходит из употребления. Поэтому, в целях соблюдения паритета государственных языков необходимы сознательные действия по расширению коммуникативных возможностей государственного языка саха.

На вопрос об обеспечении переводчиком в соответствии со ст. 12 Закона о языках в РС (Я), ответы распределились так: «Нет, все жители РС (Я) понимают по-русски» – 53 (37,6%); «Да, такое право предоставляется, но не все и не всегда им пользуются» – 40 (28,3%); «Да, на любом собрании выступления на русском языке переводятся на языки народов РС (Я)» – 14 (10%), «Да, но только в судах и правоохранительных органах» – 11 (7,8%), «Нет, т. к. власти республики не могут обеспечить переводчиков соотв. должностью и зарплатой» – 8 (5,7%); «Не знаю» – 6 (0,4%); «Нет, трудно найти переводчиков на/с языков народов РС (Я)» – 3 (2,1%); «Не было таких случаев» – 2 (1,4%); «Нет необходимости» – 2 (1,4%); «По-якутски все понимают» – 1 (0,7%); «-» 1 (0,7%) ответ. Из ответов следует, что реализации равного использования языка саха как государственного языка республики препятствует развитое саха-русское двуязычие. Треть опрошенных считает, что многие просто не знают о своем праве на услуги переводчика. Всего 25 (17,7%) респондентов подтвердили, что осуществляется перевод на язык саха содержания собраний. Это представители сферы образования, мэрии, судов и др. Восемь человек считают, что деятельность переводчиков не организована (представители министерств, образования, избиркома и др.), а трое написали, что трудно найти переводчика (сфера образования и избирком).

В группе населения на такой вопрос утвердительных ответов поступило 418 (73,85%), из них 188 (33,2%) уточнили, что такое право предоставляется только в судах и правоохранительных органах. 97 (17%) респондентов ответили отрицательно, а еще 51 (9%) респондент объяснил свой отрицательный ответ тем, что «трудно найти переводчиков на/с языков народов РС (Я)». Итого отрицательных ответов – 148 (26,15%). Другими словами, четверть опрошенных считает, что ст. 12 Закона о языках в РС (Я) полностью не соблюдается, в т. ч. из-за распространения двуязычия и отсутствия переводчиков. Следует также принять во внимание выводы социолингвистов о централизации языковой политики, усиленно поддерживающей статус русского языка [9, с. 11; 2, с.13].

Статья 13 Закона о языках в РС (Я) гласит о том, что законы и другие акты республиканских, муниципальных органов власти принимаются и публикуются на обоих государственных языках республики и оба языковых варианта таких актов имеют одинаковую юридическую силу [1]. Из ответов на вопрос «Используете ли Вы в своей управленческой деятельности законы и другие акты республиканских органов государственной власти и управления РС (Я), опубликованные в официальных изданиях на языке саха?» выяснилось, что всего 24,8% или 35 человек используют переведенные на язык саха НПА. Причина такой непопулярности – медлительность переводчиков, неосведомленность управленцев. Поздний выход переводов законов и других НПА связан с недостаточным количеством переводчиков, с неорганизованностью их труда и отсутствием заинтересованности в их услугах. Возможно, второй большой проблемой могут быть методические недоработки, в том числе слабая терминологическая работа и т. п.

Из ответов на вопрос «Используете ли Вы в своей профессиональной деятельности опубликованные в официальных изданиях улуса (района) на языке саха и местных официальных языках акты местного самоуправления?» видно, что 56 (39,7%) респондентов используют первоисточник на русском языке, 35 (24,8%) – не осведомлены о том, что НПА переводятся на язык саха, 47 (33%) респондентов знают, что акты местного самоуправления издаются на языке саха или переводятся с русского языка и, возможно, используют их в своей профессиональной деятельности.

После анализа ответов на вопрос «Если Вы считаете, что ст. 13 Закона о языках в РС (Я), предписывающая опубликование республиканских законов и др.

актов республиканского и муниципального значения на языке саха и местных официальных языках, не соблюдается или соблюдается частично, то укажите не более 3 причин неисполнения закона:» запрашиваются такие выводы: во-первых, среди чиновников преобладает мнение о ненужности дублирования законов и других НПА на языке саха; во-вторых, ощущается нехватка профессиональных переводчиков для исполнения законов, предписывающих равноправное использование обоих государственных языков республики. Выбором варианта «Республиканские и муниципальные власти не могут найти переводчиков» о нехватке переводчиков высказались представители СМИ, образовательных организаций, избиркомов, мэрии, АГиП, министерств, судов, нотариата, архивов, учреждений культуры и ИП.

Для проверки исполнения ст. 13 было сформулировано также 3 вопроса для второй группы респондентов. На вопрос «Видели ли Вы опубликованные в официальных изданиях республики законы и другие акты республиканских органов государственной власти и управления РС (Я) на языке саха? (ст. 13)» от населения поступило 306 (53,9%) отрицательных ответов, 249 (43,9%) утвердительных ответов, 11 неинформативных ответов.

На вопрос «Видели ли Вы опубликованные в официальных изданиях улуса (района) акты местного самоуправления и управления на языке саха и КМНС? (ст. 13)» поступило 344 (60,7%) отрицательных ответов, утвердительных ответов поступило всего 198 (35%). К неинформативным ответам мы отнесли 23 ответа: вариаций «Не знаю» – 17; вариаций «Не задумывался/-ась об этом» – 6.

Ответы респондентов демонстрируют то, что язык саха не выполняет своих функций как язык законодательных актов, не соблюдается задекларированного в законе равноправия, равнозначности двух государственных языков республики, а к языкам и народам КМНС остальные жители столицы относятся равнодушно.

С 1 января 2023 г. вступил в силу Конституционный Закон РС (Я) от 14 июня 2022 года 3 №929-VI «О внесении изменений в отдельные конституционные законы РС (Я)», по которому установлено, что необходимым условием внесения проекта закона в Государственное Собрание (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) является представление текста законопроекта на языке саха и русском языке, а также установлено, что конституционные законы и законы Республики Саха (Якутия) принимаются на языке саха и русском языке [10]. От 28 респондентов-руководителей, коллективы которых причастны к законотворческой деятельности (представители министерств и ведомств, депутатского корпуса, АГиП, судов), поступили ответы, которые говорят о наличии трудностей организационного характера, включая подбор кадров, организацию труда переводчиков и регламент принятия законопроектов на языке саха.

На вопрос «Какие меры необходимо принять, чтобы качественно исполнять требования Конституционного Закона РС (Я) от 14 июня 2022 года 3 №929-VI «О внесении изменений в отдельные конституционные законы РС (Я)»» ответы распределились следующим образом (можно было выбирать несколько вариантов ответа или давать свой): а) Обеспечить каждое министерство и др. штатными переводчиками в паре «русский и якутский языки» – 35 респондентов; б) Организовать переводческое агентство при Правительстве РС (Я) – 35; в) Организовать обучение переводу официально-деловых текстов для госслужащих-билингвов – 38; г) Организовать систему аккредитации, аттестации и т. п. лиц, привлекаемых к переводу – 13 респондентов.

К ст. 14, которая устанавливает языком взаимоотношений между республиканскими и федеральными органами власти государственный язык РФ, не было сформулировано вопросов.

По исполнению ст. 15, т. е. о функционировании языка саха как языка делопроизводства, был задан один вопрос «Издаются ли приказы, распоряжения, протоколы и др. документы внутреннего делопроизводства Вашей организации на языке саха или КМНС?». На этот вопрос 127 (90%) респондентов первой группы и 465 (82,15%) респондентов из второй группы ответили «Нет, делопроизводство у нас ведется только на русском языке». Всего 11 (7,8%) из группы руководителей ответили утвердительно (представители книжных издательств – 3, учреждений культуры – 1, министерств и ведомств – 2, Ил Тумэна – 1, организаций образования – 2, АГиП – 2), а в группе населения всего 78 (13,78%) респондентов ответили, что внутреннее делопроизводство ведется на языке саха или языках КМНС.

Для проверки исполнения ст. 16 обеим группам были заданы вопросы о том, на каком языке происходит коммуникация между гражданами и государственными, муниципальными органами власти. Поступили следующие ответы: «Да, на языке саха, письменно» – 50 (35%) из первой группы, 54 (9,5%) из второй группы; «Нет, обращаются только на русском языке, письменно и устно» – 38 (6,7%) и 426 (75,2%); «Да, на языке саха, устно» – 26 (18,4%) и 73 (12,9%); «Да, на языке саха, письменно и устно» – 20 (14%) и «Да, на одном из языков КМНС, письменно и устно» – 1 (представитель нотариата) из первой группы; из второй группы – «Да, на одном из языков КМНС, письменно» – 6 (1%); «Да, на одном из языков КМНС, устно» – 2 (0,3%). Также в первой группе поступили ответы «единичные случаи есть» – 1 (избирком), «Мы сами обращаемся к носителям языка с предложениями» – 1 (СМИ), «на русском языке, иногда очень редко на якутском» – 1 (депутатский корпус), неинформативные ответы – 3. Во второй группе неинформативных ответов было 4, а также поступило одно пояснение «Обычно есть шаблоны на русском языке, поэтому заявление принимаются на русском языке, могут принять на якутском языке, но рассмотрение будет долгим, и могут не верно истолковать суть проблемы», которое объясняет преимущество обращений на русском языке. Итак, 96 (68%) респондентов из первой группы утверждают, что население обращается в их организации на языке саха. Это представители организаций образования – 11, мэрии – 8, министерств и ведомств – 8, учреждений культуры – 5, книжных издательств – 3, депутатского корпуса – 3, АГиП – 3, организаций здравоохранения – 2, военкомата – 2, СМИ – 2, ИП – 1.

На вопрос «Укажите количество обращений от населения, поступивших в Вашу организацию на языках народов РС (Я), кроме русского» было предложено выбрать ответы «менее 10», «10–50», «50–100», «более 100» для каждого из последних пяти лет. По мнению 80–82% респондентов-чиновников (113 в последние два года, 114 в 2021 г. и 116 в первые два года рассматриваемого периода), обращений на языках народов РС (Я) было «менее 10» в каждом году. От 9,2% до 12% респондентов выбрали ответ «10–50 [обращений в год]»; всего 3,5% респондентов выбрали ответ «50–100 [обращений в год]» для каждого года рассматриваемого периода; от 4,2% до 5% респондентов выбрали ответ «более 100 [обращений в год]». Больше всего обращений на языках народов РС (Я) получают организации образования, книжные издательства, нотариусы, мэрия.

На вопрос «На каком языке Вы и Ваши сотрудники составляете ответы на предложения, заявления и жалобы населения, поданные на другом языке, кроме русского?» неинформативных ответов было 7, остальные респонденты из группы руководителей выбрали один из трех вариантов: «К нам не поступают предложения, заявления и жалобы на другом языке, кроме русского» – 57 (40,4%); «Ответы на обращения на языке саха мы составляем на русском языке»

– 35 (24,8%); «Ответы на обращения на языке саха мы составляем на языке саха» – 42 (29,8%). Остальные три варианта ответа об использовании языков КМНС остались невыбранными никем. Это означает, что в учреждения и организации столицы республики не поступают обращения на языках КМНС.

На вопрос о языке ответов на обращения в органы власти респонденты из второй группы выбрали следующие варианты ответов: 1) «Я не подавал(а) предложения, заявления и жалобы на другом языке, кроме русского» – 516 (91,1%); 2) «На русском языке на свои обращения, поданные на языке саха» – 24 (4,2%); 3) «На русском языке на свои обращения, поданные на языках КМНС» – 11 (1,9%); 4) «На языке саха на свои обращения, поданные на языке саха» – 9 (1,6%); 5) «На языке саха на свои обращения, поданные на языках КМНС» – 0; 6) «На языке КМНС на свои обращения, поданные на языках КМНС» – 1 (0,17%). Три респондента ответили, что не знают; один респондент удивился: «а разве имею права писать заявление и прочие документы на родном языке, кроме русского?», и один ответил: «На каком языке пишешь, на этом языке и будет ответ».

На вопрос «При обращении за государственными и муниципальными услугами обслуживали ли Вас, давали ли Вам устные консультации на языке саха? Можно отметить несколько вариантов (ст. 16)», заданный респондентам второй группы, 11 вариантов ответов распределились следующим образом (в порядке убывания): 1) «Да, при обращении в МФЦ «Мои документы»» – 240 ответов (42,5%); 2) «Нет, меня всегда обслуживают и консультируют на русском языке» – 180 ответов (31,8%); 3) «Нет, я сам(-а) выбираю русский язык при обращении в учреждения» – 124 ответа (22%); 4) «Да, при обращении в Управление социальной защиты населения» – 103 ответа (18%); 5) «Да, при обращении в отделения Пенсионного фонда России» – 97 ответов (17%); 6) «Да, при обращении в паспортные столы» – 63 ответа (11%); 7) «Да, при обращении в администрацию муниципального образования» – 60 ответов (10%); 8) «Да, при обращении в отделы администрации муниципального образования» – 52 ответа (9%); 9) «Да, при обращении в земельные службы» – 49 ответов (8,6%); 10) «Да, при обращении в министерства Республики Саха (Якутия)» – 39 ответов (6,8%); 11) «Да, при обращении в Ил Тумэн» – 12 ответов (2%). Поступило 5 неинформативных ответов. Еще 7 ответов были утвердительные, но отличались от предложенных вариантов ответов, например: «И на русском, и на якутском языках», «Везде, где есть работник саха, пытаюсь общаться на якутском языке», просто «да» и т. п. Ответы демонстрируют широту функционирования устной формы языка саха в официальной среде предоставления государственных и муниципальных услуг. Из 124 респондентов, выбирающих русский язык по собственной воле при получении государственных и муниципальных услуг, 89 оказались русскоязычными монолингвами, а 35 человек оказались билингвами. Среди них 22 человека идентифицируют свою национальность как саха, из них 16 владеют и русским, и якутским языками в равной мере свободно, но при общении с клерками госслужб предпочитают русский язык. Остальные 19 билингвов выбирают русский язык в силу того, что владеют им лучше, чем вторым языком (языком саха, эвенкийским, эвенским, бурятским).

На вопрос об исполнении статьи 17 «Ваша организация когда-либо получала/отправляла адресатам в РС (Я) телеграммы, посылки, бандероли, конверты с письмами и т. п., оформленные на языке саха или местных официальных языках?» подавляющее большинство респондентов первой группы – 96 чел. (68%) ответили отрицательно, 19 ответов были неинформативными, а 2 респондента выбрали ответ «да, в 2010-х гг.», один ответил «иногда», и 24 (17%) респондента выбрали ответ «да, всегда». Это представители организаций образования – 8,

книжных издательств – 4, министерств и ведомств – 3, СМИ – 3, депутатского корпуса – 3, мэрии – 2, учреждений культуры – 1. На такой же вопрос подавляющее большинство респондентов из группы населения ответили отрицательно – 497 (87,8%) ответов; 38 (6,7%) ответили, что всегда получают или отправляют из государственных почтовых отделений телеграммы, посылки, бандероли, конверты с письмами и т. п., оформленные на языке саха или КМНС; 13 (2,3%) респондентов вспомнили, что так было в советское время; 8 (1,4%) – что в 1990-х гг., 8 (1,4%) – что в 2000-х гг., и двое (0,3%) – что в 2010-х гг.

На вопрос «Ведется ли переписка учреждений, предприятий и организаций республиканского подчинения с органами государственной власти и управления РС (Я), а также между собой, на языках саха или КМНС?» подавляющее большинство ответило отрицательно – 126 (89,3%), неинформативных ответов 5, а 10 (7%) респондентов подтвердили, что ведут переписку на языке саха – это представители министерств и ведомств – 3, организаций образования – 3, депутатского корпуса, СМИ, издательства.

Статья 18 гласит, что «Учетно-статистическая и финансовая документация на предприятиях, в учреждениях и организациях, расположенных на территории Республики Саха (Якутия), ведется на саха, русском или местных официальных языках» [1]. На вопрос об исполнении этой статьи поступило 125 (88,6%) отрицательных ответов, 10 (7%) положительных ответов и 6 неинформативных ответов в первой группе, а также вариации ответа «не знаю» – 6, неинформативный – 1 ответ («в соответствии с делопроизводством»).

На такой же вопрос из второй группы отрицательно ответили 462 (81,6%) респондента, положительно – 36 (6,3%) респондентов, двое из них (респонденты №52, №63) признали, что частично. 68 (12%) респондентов ответили, что не работают – это студенты, пенсионеры, женщины по уходу за детьми. Ответившие «частично» не смогли пояснить свой ответ в следующем вопросе – все 16 ответов (требовалось дать ответ всего двум, на самом деле) оказались неинформативным спамом. Таким образом, ответы респондентов обеих групп подтвердили, что статистическая и бухгалтерская документация ведется на государственном языке Российской Федерации.

Данные нашего опроса подтвердили заключение д. филол. н. Н. И. Ивановой: «Анализ содержания статей закона в Главе II в соответствии с существующей функциональной дистрибуцией языков позволяет резюмировать о доминировании русского языка в регулируемых (в государственно-административном управлении, в ведении делопроизводства) и некоторых нерегулируемых сферах общения (Статья 25 – сфера услуг, торговли, медицинской помощи, местного транспорта, бытового обслуживания, междугородной связи и т. д.). Но при этом, этнодемографический фактор, обусловленный массовой сельско-городской миграцией, положительно влияет на распространение двуязычия и якутского языка в устной форме» [4, с. 30]. Мы склонны считать ничтожно малым упомянутое положительное влияние распространения двуязычия и отмечаем необходимость специальных действий со стороны республиканских властей для укрепления позиций языка саха в официально-деловой сфере.

Заключение

Итак, в результате анализа ответов двух групп респондентов можно сделать следующие выводы. По исполнению требований ст. 12: языком заседаний и совещаний является преимущественно русский язык. Язык саха используется в сахаязычных коллективах. Перевод для лиц, не владеющих языком совещания, чаще всего не делается, вместо этого все переходят на русский язык. По

исполнению требований ст. 13: отмечается недостаточность распространения и использования законодательных, нормативно-правовых актов на языке саха и недостаток переводчиков. По исполнению требований ст. 15: языком делопроизводства является русский язык, язык саха редко используется в некоторых внутренних документах. По исполнению ст. 16: письменные обращения граждан в органы государственной и муниципальной власти и ответы на них преимущественно составляются на русском языке, но устные консультации граждане предпочитают получать на языке саха. По исполнению ст. 17: ничтожно малое количество организаций ведет переписку на языке саха, а почтовые отправления на языке саха редко оформлялись только в советское и постсоветское время. По исполнению ст. 18: вся учетно-статистическая и финансовая документация составляется только на государственном языке РФ в связи с развитием системы автоматизированного учета.

Таким образом, приходим к выводу о том, что язык саха в сфере государственного и муниципального управления в столице Республики Саха (Якутия) имеет очень узкое применение преимущественно в устной форме и в неофициальной обстановке. Одной немаловажной причиной такого положения может быть широкое распространение якутско-русского двуязычия, когда каждый говорящий легко переходит с родного языка на язык с более широкими коммуникативными возможностями. В такой ситуации для защиты, сохранения и развития языка саха необходимо укрепить его положение во всех коммуникативных сферах, в т. ч. в сфере официально-делового общения, и поддерживать его статус специальными мерами языковой политики.

Л и т е р а т у р а

1. Закон Республики Саха (Якутия) «О языках в Республике Саха (Якутия)» (принят 16.10.1992 г.) (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://docs.cntd.ru/document/804911252/titles/3FJ86J7> (дата обращения: 16.10.24).
2. Биткеева А.Н., Иванова Н.И., Ядреев И.В. Динамика развития федерального и регионального языкового законодательства в РФ: опыт Республики Саха (Якутия). *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*. 2022;38(4):9-26.
3. Иванова Н.И. Состояние языкового законодательства в Республике Саха (Якутия) в контексте нормативно-правовых актов федерального центра и их оценка экспертным сообществом. *Правовые основы функционирования государственных и региональных языков в условиях дву- и многоязычия (мировой опыт реализации языковой политики в федеративных государствах)*. Сборник материалов Международной научно-практической конференции (Казань, 21 декабря 2021 г.). Казань: Изд-во Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ; 2021:28-31.
4. Биткеева А.Н., Иванова Н.И., Каплунова М.Я. Якутский язык в современной системе образования Республики Саха (Якутия): акторы, дебаты, новые вызовы. *Научный диалог*. 2022;11(9):27-45. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-27-45.
5. Манчурина Л.Е. Представленность языков в визуальных текстах г. Якутска. *Северо-Восточный гуманитарный вестник*. 2024;2(47):95-110. DOI: 10.25693/SVGV.2024.47.2.008.
6. Собакина И.В. К вопросу о функционировании Закона «О языках в Республике Саха (Якутия)» в городе Якутске (на материале результатов анкетирования по статьям 19–23, 33). *Алтаистика. Altaistics*. 2024;(1):26-40. DOI: 10.25587/2782-6627-2024-1-26-40.
7. Собакина И.В. Функционирование закона «О языках в Республике Саха (Якутия)» в поселке Батагай Верхоянского улуса (результаты работы летней научной школы «Юные исследователи Верхоянья»). *Арктика XXI век. Гуманитарные науки*. 2024;36(2):5-40. DOI: 10.25587/2310-5453-2024-2-5-40.

8. Иванова С.В. Двухязычные вывески государственных и муниципальных учреждений (на примере Центрального округа г. Якутска). *Алтаистика. Altaistics*. 2024;(2):68-78. DOI: 10.25587/2782-6627-2024-2-68-78.

9. Замятин К.Ю. Российское языковое законодательство: динамика становления и изменения. *Вестник Бурятского государственного университета. Филология*. 2022;2:8-15.

10. Конституционный Закон Республики Саха (Якутия) 3 №929-VI «О внесении изменений в отдельные конституционные законы РС (Я)» (принят 14 июня 2022 года). URL: <https://yakutia-daily.ru/konstituczionnyj-zakon-respubliki-saha-yakutiya-ot-14-iyunya-2022-goda-z-%E2%84%96929-vi-o-vnesenii-izmenenij-v-otdelnye-konstituczionnye-zakony-respubliki-saha-yakutiya/> (дата обращения: 16.10.24).

References

1. Law of the Republic of Sakha (Yakutia) dated October 16, 1992 No. 1170-XII “On the languages of the Republic of Sakha (Yakutia)”. [online] Consortium “Codex”. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/804911252/titles/3FJ86J7> [Accessed 16 October 2024] (in Russian).

2. Bitkeeva NA, Ivanova NI, Yadreev IV. The dynamics of the development of federal and regional language legislation in the Russian Federation: the experience of the Republic of Sakha (Yakutia). *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2022;38(4):9-26 (in Russian).

3. Ivanova NI. State of language legislation in the Republic of Sakha (Yakutia) in the context of regulatory legal acts of the federal center and their assessment by the expert community. In: *Legal framework for the functioning of state and regional languages in the context of bi- and multilingualism (international practices of implementing language policy in federal states)*: Proceedings of the International Research-to-Practice Conference, 21 December 2021, Kazan. Kazan: G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art publishing (Tatarstan Academy of Sciences); 2021:28-31 (in Russian).

4. Bitkeeva AN, Ivanova NI, Kaplunova MYa. Yakut Language in Modern Education System of Republic of Sakha (Yakutia): Actors, Debates, New Challenges. In: *Nauchnyi dialog*. 2022;11(9):27-45. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-27-45 (in Russian).

5. Manchurina LE. Representation of languages in visual texts of Yakutsk. In: *North-Eastern Journal of Humanities*. 2024;2(47):95-110. DOI: 10.25693/SVG.2024.47.2.008 (in Russian).

6. Sobakina IV. On the functioning of the Law “On Languages in the Republic of Sakha (Yakutia)” in the city of Yakutsk (based on the results of the questionnaire on Articles 19-23, 33). In: *Altaistics*. 2024;(1):26-40. DOI:10.25587/2782-6627-2024-1-26-40 (in Russian).

7. Sobakina IV. Functioning of the Law “On Languages in the Republic of Sakha (Yakutia)” in Batagai settlement, Verkhoyansky district (results of the Summer Scientific School “Young Researchers of Verkhoyansk”). In: *Arctic XXI century*. 2024;(2):5-40. DOI: 10.25587/2310-5453-2024-2-5-40 (in Russian).

8. Ivanova SV. Bilingual signage at state and municipal institutions: the case of the Central District of Yakutsk. In: *Altaistics*. 2024;(2):68-78. DOI: 10.25587/2782-6627-2024-2-68-78 (in Russian).

9. Zamyatin KYu. Russian language legislation: dynamics of development and changes. *Bulletin of Buryat State University. Philology*. 2022;2:8-15 (in Russian).

10. Constitutional Law of the Sakha Republic (Yakutia) No. 929-VI “On Amendments to Certain Constitutional Laws of the Sakha Republic (Yakutia)” (dated on June 14, 2022). Available at: <https://yakutia-daily.ru/konstituczionnyj-zakon-respubliki-saha-yakutiya-ot-14-iyunya-2022-goda-z-%E2%84%96929-vi-o-vnesenii-izmenenij-v-otdelnye-konstituczionnye-zakony-respubliki-saha-yakutiya/> [Accessed 16 October 2024] (in Russian).

Сведения об авторе

ВАСИЛЬЕВА Акулина Александровна – к. филол. н., доцент кафедры стилистики якутского языка и русско-якутского перевода Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», г. Якутск, Российская Федерация, ORCID: 0000-0003-2692-7026

E-mail: vaaperevod@mail.ru

Information about the author

Akulina A. VASILIEVA – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Yakut Stylistics and Russian-Yakut Translation Department, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the Northeast, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation, ORCID: 0000-0003-2692-7026

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 28.10.24

Принята к публикации / Accepted 10.03.25

УДК 81.373

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2025-22-1-75-83>

Оригинальная научная статья

Счастье как объект эпитетации в текстах М. Цветаевой

С. А. Губанов

Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики,
г. Самара, Российская Федерация

✉ gubanov5@rambler.ru

Аннотация

Актуальность и значимость исследования обосновываются необходимостью актуализации методологии изучения эпитетного комплекса в современной лингвистике. Новизна исследования заключается в том, что эпитетация рассматривается как когнитивно-семантический процесс, имеющий блендинговую природу. В данной статье ставится цель выявить специфику направлений эпитетации в текстах М. Цветаевой. Для этого необходимо решить следующие задачи: рассмотреть роль эпитетации в контексте идиостиля и идиолекта поэта, выявить основные стратегии эпитетации на материале текстов М. Цветаевой, определить специфику эпитетации счастья в ее произведениях. В данном исследовании используется сочетание когнитивных методов анализа языковых фактов – когнитивно-семантического, блендингового и лексико-семантических – компонентного, лексикографического; также применяется метод количественного анализа языковых данных. Привлечение лексикографических источников дает возможность сопоставить речевое употребление атрибутивных слов с рассматриваемым концептом и индивидуально-авторское, что выявляет специфику эпитетации счастья в русском языковом сознании и языке М. Цветаевой. Для анализа привлекалось все творчество поэта, включая прозаические тексты. Осмысление счастья в текстах М. Цветаевой занимает заметное место и приобретает признаки, традиционно связанные с данным понятием и закрепившиеся в узусе (*детское, материнское*), однако довольно рано поэт отходит от традиции. Эпитетация счастья связывается прежде всего с любовным чувством. Осознание противоречивости счастья реализуется через оппозицию сначала книжного и бытового, а затем земного и внематериального счастья, духовного единения с другим человеком, творчества. Мимолетность счастья, его материальная сторона, стремление к воплощению идеала – данные направления осмысления феномена счастья реализуются эпитетным способом. Доказано, что специфика эпитетации счастья основана на ассоциативном сходстве смежных концептуальных областей антропоцентрического характера, в результате чего формируется эпитетный комплекс метонимического типа. Эпитетация представляет собой наложение признаков, создание временного общего ментального пространства и формирование блендированного признака. Субъективное, эмоциональное восприятие мира М. Цветаевой обуславливает актуализацию периферийных признаков объектов, что приводит к созданию окказиональных его характеристик: данная тенденция отражается в осмыслении счастья как борьбы, гордости, повиновения и множества иных сущностей. Делается вывод о центральной роли эпитетации в идиолексиконе поэта.

Ключевые слова: эпитетация, эпитетный комплекс, Марина Цветаева, концепт, идиостиль, блендинг, признак, адъектив, качество, ментальное пространство

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Губанов С. А. Счастье как объект эпитетации в текстах М. Цветаевой. *Вестник СВФУ*. 2025, Т. 22, № 1. С. 75–83. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-1-75-83

Original article

Happiness as an object of epithetation in Marina Tsvetaeva's texts

Sergei A. Gubanov

Povolzhskiy State University of Telecommunications and Informatics,
Samara, Russian Federation

✉ gubanov5@rambler.ru

Abstract

The topicality and significance of the research are substantiated by the need to update the methodology for studying the epithet complex in modern linguistics. The novelty of the scientific research consists of the fact that epithetation is considered as a cognitive-semantic process of blending nature. In this article our purpose is to identify the specifics of epithetation directions in Marina Tsvetaeva's texts. For this purpose, it is necessary to explain the following main tasks: to consider the role of epithetation in the context of the Marina Tsvetaeva's individual style and idiolect, to identify the main strategies of epithetation based on Marina Tsvetaeva's texts, to determine the specifics of the epithetation of happiness in her texts. This research is based on the combination of cognitive methods of analyzing linguistic facts – cognitive-semantic, blending and lexical-semantic – component, lexicographic; the method of quantitative analysis of linguistic data is also used. The involvement of lexicographic sources makes it possible to compare the speech use of attributive words with the concept under consideration and the individual author's, which reveals the specificity of the epithet of happiness in the Russian linguistic consciousness and Marina Tsvetaeva's language. All of the poet's works, including prose texts, were involved in the analysis. The understanding of happiness in Marina Tsvetaeva's texts occupies a prominent place and acquires attributes traditionally associated with this concept and entrenched in usage (*childish, maternal*), but the poet departs from tradition quite early. The epithet of happiness is associated primarily with the feeling of love. Awareness of the contradictory nature of happiness is realized through the opposition, first of bookish and everyday, and then of earthly and extraterrestrial happiness, spiritual unity with another person, creativity. The fleeting nature of happiness, its material side, the desire to embody the ideal – these directions of understanding the phenomenon of happiness are realized in an epithetical way. It is proved that the specificity of the epithetation of happiness is based on the associative similarity of adjacent conceptual areas of anthropocentric nature, as a result of which an epithet complex of the metonymic type is formed. Epithetation is an imposition of attributes, the creation of a temporary common mental space and the formation of a blended attribute. The subjective, emotional perception of the world by Marina Tsvetaeva determines the actualization of the peripheral attributes of objects, which leads to the creation of its occasional characteristics: this tendency is reflected in the understanding of happiness as struggle, pride, obedience and many other entities. In conclusion, epithetation a central role in the Marina Tsvetaeva's idiolect.

Keywords: epithetation, epithet complex, Marina Tsvetaeva, concept, individual style, blending, attribute, adjective, quality, mental space

Funding. No funding was received for writing this manuscript

For citation: Gubanov S. A. Happiness as an object of epithetation in Marina Tsvetaeva's texts. *Vestnik of NEFU*. 2025, Vol. 22, No. 1. Pp. 75–83. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-1-75-83

Введение

В настоящей работе эпитетация рассматривается в качестве когнитивного механизма структурирования данных об объектах действительности на основе их атрибутизации, выделении существенных для них признаков. В отличие от атрибутизации, имеющей в большей степени логический и общезыковой характер, эпитетация представляется процессом, ориентированным на уникальность рубрикации мира автором высказывания, высвечивающим доминантные концепты, осознаваемые в качестве символов, репрезентантов поэтического мышления.

Методологическая новизна работы связывается с актуальностью исследования эпитетного комплекса с когнитивных позиций блендирования, смешивания признаков различных концептуальных областей.

Предметом исследования выступает эпитетация как когнитивно-дискурсивный процесс образования нового смысла на основе выдвижения неявного, ассоциативного мотивированного признака объекта.

Целью исследования является изучение специфики эпитетации одного из ключевых концептов творчества – концепта *счастье* в текстах М. Цветаевой. Смысловая (счастье) и речевая (система эпитетов) доминанты творчества поэта дают материал для наблюдения за логикой отбора признаков и обновлением значения рассматриваемого концепта в идиолексиконе.

Гипотеза исследования основана на утверждении о том, что для М. Цветаевой не существует ограничений в плане варьирования признаков объектов, что репрезентируется средствами эпитетации, отражающей временные, ситуативные признаки объекта, но именно они значимы и незаменимы в поэтическом дискурсе поэта.

Материалы и методы

Методом сплошной выборки в текстах М. Цветаевой было выявлено 87 эпитетных комплексов, содержащих *счастье* в качестве объекта эпитетации. В прозаических текстах единичны случаи аппозитивного употребления лексемы *счастье*, а также генитивные конструкции-определения. Также в поэтической речи было зафиксировано 30 адъективных слов *счастливым* и одно наречие *счастливо*.

Для достижения поставленной цели исследования используется сочетание когнитивных методов анализа языковых фактов – когнитивно-семантического, блендингового и лексико-семантических – компонентного, лексикографического; также применяется метод количественного анализа языковых данных и метод сплошной выборки

Материалом для проведения анализа эпитетации концепта *счастье* выступили: Словарь эпитетов русского литературного языка [1], Словарь поэтического языка Марины Цветаевой в 4 томах [2], собрание сочинений М. Цветаевой в 7 томах [3].

Сравнение описания признаковой составляющей концепта позволяет увидеть различные подходы к его интерпретации с позиции носителя русского языка, с позиции исследователя языка М. Цветаевой, а также со стороны самого поэта. Такое трехстороннее моделирование признаков концепта создает глубокое понимание эпитетации как многовекторного когнитивного процесса.

Теоретической основой работы выступили труды по классической эпитетологии [4, 5], когнитивной теории эпитета [6–9], блендинговой теории метафоры (теории концептуальной интеграции) [10–14].

Эпитетация и ее когнитивный характер

Когнитивный характер эпитетации определяет сущность данного процесса наделения признаком. Эпитетация осуществляется в рамках эпитетного комплекса, двухкомпонентной структуры, представляющей ментальное пространство двух объектов, соположенных на основе общей ассоциативной

связи между ними. В результате пересечения признаков данных концептуальных полей происходит выдвижение признака, актуального для обеих областей. Это сближение может быть основано на метонимии за счет смежности и близости ментальных пространств, что делает употребительными эпитетные комплексы такого типа в речи, или на метафоре, устанавливающей сходство между довольно далекими доменами. Переходными признаем случаи метафтонимической эпитетации, представляющей собой поэтапную категоризацию знания о признаках объектов и последующее наложение на чаще метонимическую основу метафорического механизма ассоциирования признаков.

Таким образом, перенос признака и переносный эпитет, о котором много говорится в стилистике, основан на сложной когнитивной процедуре пере-структурирования знания о предмете на основе его признаковой природы.

Эпитетация и теория концептуальной интерграции (блендинга)

Поскольку эпитетация выражается в виде эпитетного комплекса, единства признакового слова и объекта эпитетации, возникает вопрос о сущности когнитивного механизма наделения признаком. Установление связи между объектом, репрезентирующим сферу-цель и объектом, репрезентирующим сферу-источник, может опираться на когнитивную теорию метафоры, а может, что кажется нам более продуктивным, основываться на теории концептуальной интеграции (блендинга).

Под концептуальной интеграцией ученые понимают базовую когнитивную операцию, которая осуществляется по определенной схеме на различных уровнях абстракции и имеет четкую структуру, которая включает в себя исходные пространства (input spaces), общие пространства (generic spaces) и смешанное пространство (blended spaces) или бленд (blend). Все три перечисленные компонента представляют собой ментальные пространства [12, 13]. Сети концептуальной интеграции могут включать в себя несколько ментальных пространств. На основе данных пространств образуется новая когнитивная структура, включающая в себя корпус смыслов, соотносимых друг с другом по разным параметрам. Э. В. Будаев отмечает динамический характер теории концептуального блендинга, где подробно анализируется сам процесс образования нового смысла [10].

Эпитетация в данном случае состоит в механизме переструктурирования признаков между ментальными пространствами объектов, в результате чего моделируется временное когнитивное пространство с набором новых признаков.

Концепт счастье и его осмысление в русском языке

Данный концепт относится к базовым лингвокультурологическим концептам, телеономным, формирующим смысл жизни человека. Как показало исследование С. Г. Воркачева, счастье принимает форму своего субъекта, это «желанное настоящее», поэтому многим понятно, что стоит за выражениями материнское, мещанское или женское счастье. Счастье и интуитивно понятно, и всегда индивидуально настроено. Оно может мыслиться вне или внутри субъекта; под ним может пониматься высшее благо, идеал или следование долгу. Часто со счастьем связывается наслаждение от жизни, радость, тогда как их отсутствие ощущается как горе и несчастье [11].

Признаки и параметры категоризации счастья многочисленны, однако словарь эпитетов русского литературного языка ограничивается двумя глобальными рубриками, структурирующими признаки данного понятия. Под счастьем понимается «состояние полной удовлетворенности; удача, успех» [1, с. 436]. В этом значении в языке существуют характеристики счастья, с одной стороны,

с позиции его продолжительности, прочности, актуализируется неожиданность, неизведанность счастья: счастье *бесконечное, быстротечное, вечное, долгожданное, короткое, мимолетное, неожиданное, хрупкое, шаткое* и т. д. (65 эпитетов) [1, с. 436-437]. С другой стороны, о счастье говорится с позиции его полноты, глубины, характере, и это более разнообразная рубрика (105 эпитетов): *безграничное, безумное, высокое, гордое, доброе, земное, золотое, могучее, молодое, неистовое, радостное, скромное, тихое, унылое, шальное* и т. д. [1, с. 437]. В языке фиксируется метафорическая, пусть и стертая, эпитетация счастья, которое приобретает черты характера человека, собственно эмоции, чувства, сопровождающие ощущение счастья, становятся им (*скромное счастье* – счастье в ограниченности жизни, скромного человека; *молодое счастье* – счастье периода молодости).

Когнитивный подход в цветаяеведении

В прозаических текстах находим немало рассуждений поэта относительно выбора нужного слова и происходящих при этом языковых метаморфоз: *Повторить себя в словах невозможно; любая же, самая малая, перемена речи – уже не повторение, а преобразование, за которым стоит другая суть* [3, т. 5, с. 407].

Тексты М. Цветаевой изучаются с позиций идиостилистики [15], причем все больше работ выполнены в русле когнитивной лингвопоэтики: подчеркивается метонимичность мышления поэта, выявляются когнитивные принципы отбора лексики [16], в том числе в прозе [17].

Образность связывается с формульностью идиолекта поэта, емкостью его языка, стремление философски обосновать свой выбор как жизненный, так и выбор языковой; изучаются концепты его творчества, в том числе счастье [18–21], что позволяет говорить о сформировавшемся когнитивном цветаяеведении.

Эпитетация счастья в поэзии М. Цветаевой

Словарь поэтического языка М. Цветаевой фиксирует 65 упоминаний слова *счастье* в поэтических текстах (из них 17 в составе эпитетных комплексов), 30 единиц эпитета *счастливый* и одну единицу эпитета-наречия *счастливо* [2, с. 122–126].

Как показало исследование И. А. Пушкаревой, эволюция осмысления, в ее терминологии, «слово-образ» счастья в поэзии М. Цветаевой состоит в преодолении юношеского понимания счастья как радости, блаженства, предчувствия любви и движении к сложной трактовке счастья, иногда очень субъективной [19]. Однако лейтмотивом проходит мысль о том, что счастье есть не просто *миг*, а *состояние* радости бытия. Далее о счастье говорится реже, оно приобретает оттенок обобщенности (*женское, городское*), ощущается через контрасты (*несчастное счастье*), связывается с недостижимым идеалом.

Счастье в поэтическом дискурсе М. Цветаевой всегда субъективно, даже если речь идет о типичном, устоявшемся значении этого понятия, точнее, для нее чувства; важна манифестация признака принадлежности, оно *мое*: *Но знаю, что только в плену колыбели // Обычное – женское – счастье мое!* [3, т. 1, с. 54].

Счастье приобретает признаки субъекта, его испытывающего, поэтому оно *гордое, грустное, роковое, тяжкое*, потому что *земное*. Однако оно связано с любовным чувством, это – основа бытия:

Судьба ты моя! Роковое и грустное счастье! [3, т. 3, с. 475].

Счастливыми могут быть *миг, шаг*, проявления этого счастья, что фиксируется эпитетом *счастливый*, однако важнее противопоставление настоящего, моего, счастья как несбыточного идеала и того, что под ним понимает обыватель.

Приведем пример из поэмы «Автобус», где дана развернутая сложная предикативно-атрибутивная характеристика счастья:

Ворота... Львиной пастью // Пускающие – свет. – // Куда ворота? – В счастье, // Конечно! – был ответ // (Двойной)... // Счастье? Но это же там, – на Севере

– // **Где-то – когда-то – простыл и след!** // Счастье? Его я искал **в клевере**, // На четвереньках! четырех лет! // **Четырехлистником!** В полной спорности; // Три ли? Четыре ли? Полтора? // Счастье? Но им же – **коровы кормятся** // **И развлекается детвора** // **Четвероногая, в жвачном обществе** // Двух челюстей, четырех копыт. // Счастье? Да это ж – **ногами топчется**, // А не воротами предстоит! [3, т. 3, с. 756].

Признаки земного счастья низведены до зооморфных, примитивных инстинктов (сытость, жвачное общество), это не будущее (воротами предстоит; где-то когда-то), а несовершенное настоящее. Экстраполяция признаков счастья из далеких когнитивных сфер рождает сложный блендированный образ на стыке темпоральной, зооморфной, антропоморфной метафор.

Метафорический признак, заимствованный из другой концептуальной области, строения, рождает яркий образ разрушенного счастья:

На развалинах счастья нашего // Город встанет – мужей и жен [3, т. 3, с. 28].

Слово *блаженный* / *блаженство* семантически близко счастью. Максимально абстрактный объект, с которым сравнивается счастье, называется окказионально: это длинноты, широты:

Блаженны длинноты, // Широты забвений и зон [3, т. 2, с. 216].

Творческий гений М. Цветаевой поднимается на высочайший уровень абстрагирования, поскольку заочность в данном стихотворении – это и есть тот мир, духовный, идеальный, счастливый.

Многовекторность признакового осмысления счастья в поэзии М. Цветаевой основана на установлении временных когнитивных связей между далекими ментальными областями, что позволяет точно передать авторское понимание этого феномена.

Эпитетация счастья в прозе М. Цветаевой

В прозаических текстах М. Цветаевой эпитетация счастья менее частотна (40 единиц), однако содержит развернутые характеристики понятия, рефлексии над счастьем.

Контрастная эпитетация вновь проявляется в виде генитивных конструкций: счастье связывается с отношением к жизни двух поэтов:

Счастье **повиновенья** (Бальмонт). Счастье **преодоленья** (Брюсов). Счастье **отдачи** (Бальмонт). Счастье **захвата** (Брюсов). По течению собственного дара – Бальмонт. Против течения собственной неодаренности – Брюсов [3, т. 4, с. 54].

Несчастное счастье – это любовь:

Она уже не могла ни слушать музыки, ни читать без мысли, что теряет в одиночестве единственное человеческое счастье, – то именно, для чего и созданы книги и музыка: **несчастную, прекрасную любовь** [3, т. 5, с. 636].

Несчастное счастье связывается с разрывом между телом и душой:

Два **несчастливых** счастья: 1) Несчастье для души и счастье для тела: – **Брать в долг** 2) Счастье для души и несчастье для тела: – **Отдавать долг** [3, т. 4, с. 585].

Эволюция понимания счастья наглядно проявляется в отношении автора к чтению книг: от полного принятия: *Потому что с ним входило счастье – на целый вечер, счастье надежное и верное, как любимая книга, на которую даже не надо света* [3, т. 4, с. 345] до осознания того, что книги отрывают от жизни. В письме к М. А. Волошину она выходит на уровень глобального обобщения: счастье – бессознательное: *Ведь это ужасно! Книги – гибель. Много читавший не может быть счастлив. Ведь счастье всегда бессознательно, счастье только бессознательность* [3, т. 6, с. 46].

Эпитетация неизменно строится на антонимичности семантики признаков счастья, его «жалкости»:

Ночной час, с его жуткой жалобой, погружался на самое дно ее души жалким счастьем [3, т. 5, с. 543].

Эпитетация счастья в прозе М. Цветаевой строится на метонимической логике, в результате которой антропоморфные признаки (*верный, надежный, несчастный*) экстраполируются на когнитивную область абстракции, счастья; счастье ассоциируется с миром поведения и действий человека, актуализируются признаки преодоления, отдачи, захвата, повиновения.

Заключение

Эпитетация представляет собой когнитивный процесс, имеющий блендинговую основу. Заимствование и переработка знания о признаках соположенного объекта формируют его новый образ, выдвигая признаки, ранее не осознаваемые в качестве определяющих его сущность.

Понятие счастья актуализируется во всех языках, является философским; в русском языке оно имеет мерцающий смысл, колеблющийся от радости до глубокого принятия своей жизни.

В творчестве М. Цветаевой эпитетация счастья отражает сущность ее понимания этого концепта. Поэт актуализирует общезыковые признаки счастья, намеренно заостряя их (*материнское, женское, юное*). Вместе с тем присутствует устойчивое противопоставление мещанского, земного счастья и духовного, его мимолетности. Особый пласт составляет окказиональное осмысление счастья в антропоморфном и зооморфном кодах.

Эпитетация счастья отличается в поэтических и прозаических текстах М. Цветаевой. В первых наблюдается более узואльное осмысление счастья, метонимическое по своей природе (*грустное, гордое*), в то время как в прозе возникает больше возможностей для языкового эксперимента. Сущность процесса авторской эпитетации заключается в ничем не ограниченной ассоциативной связи между ментальными пространствами сталкиваемых объектов по атрибутивному параметру: при этом происходит наложение (блендирование) сферы-цели и сферы-источника, в результате чего появляется временный образ с ситуативно обусловленными признаками.

Перспективы изучения когнитивных основ эпитетации связывается с экстраполяцией данной теории блендинга на тексты иных идиостилей, а также с развитием когнитивной теории метафоры и метонимии.

Л и т е р а т у р а

1. Горбачевич К.С., Хабло Е.П. *Словарь эпитетов русского литературного языка*. Ленинград: Наука; 1979:567.
2. Словарь поэтического языка Марины Цветаевой: в 4 т. – Москва: Дом-музей Марины Цветаевой, 2004. Т. 4. Кн. 2; 2004:784.
3. Цветаева М.И. *Собрание сочинений*: в 7 т. Москва: Эллис-Лак; 1994–1995.
4. Булахова Н.П., Сковородников А.П. К определению понятия эпитет (предуготовление к функциональной характеристике). *Экология языка и коммуникативная практика*. 2017;9(2):122-143.
5. Арнольд И.В. *Стилистика*. Современный английский язык. Москва: Флинта; Наука; 2002:384.
6. Гращенков П.В., Лютикова Е.А. Прилагательные в типологии и теории языка: семантика, дистрибуция, деривация. *Rhema*. 2018;(4):9-25. DOI: 10.31862/2500-2953-2018-4-9-33
7. Виноградова С.А. Пластичность семантики признаков слов. *Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология»*. 2021;71(4):30-38. DOI: 10.26456/vtfilol/2021.4.030

8. Губанов С.А. Эпитетация любви в текстах М. Цветаевой. *Неофилология*. 2024;10(2):326-333. DOI: 10.20310/2587-6953-2024-10-2-326-333
9. Губанов С.А. Страсть как объект эпитетации в текстах М. Цветаевой. *Теория языка и межкультурная коммуникация*. 2024; 52(1):58-68.
10. Будаев Э.В. Когнитивная метафора в ракурсе теории концептуальной интеграции. *Культура и текст*. 2016;4:6-13.
11. Воркачев С.Г. *Счастье как лингвокультурный концепт*. Москва: ИТДГК «Гнозис»; 2004:236.
12. Fauconnier G. *Mental spaces: aspects of meaning construction in natural language*. Cambridge University Press; 1994:190.
13. Fauconnier G, Turner M. *Mental spaces: conceptual integration networks*. Cognitive linguistics: basic readings. Publishing House "Walter de Gruyter"; 2006:303-371.
14. Sweetser E. Blended spaces and performativity. *Cognitive linguistics*. 2000;11(3-4):305-333.
15. Зубова Л.В. *Поэзия Марины Цветаевой: Лингвистический аспект*. Ленинград: Изд-во Ленинградского университета; 1989:264.
16. Ревзина О.Г. *Словарь поэтического языка Марины Цветаевой в 4 т.* Москва: Дом-музей Марины Цветаевой; 1996;1:5-40.
17. Ляпон М.В. *Проза Цветаевой: Опыт реконструкции речевого портрета автора*. Москва: Языки славянских культур; 2010:528.
18. Пушкарева И.А., Ломакова А.В. Слово-образ «память» в лирике М.И. Цветаевой 1920 года. *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2020;209(3):124-131. DOI: 10.23951/1609-624X-2020-3-124-131
19. Пушкарева И.А. Слово-образ «счастье» в лирике М. И. Цветаевой. *Ученые записки Орловского государственного университета*. 2023;98(1):128-134. DOI: 10.33979/1998-2720-2023-98-1-128-134
20. Крылов В.Н., Кучумова М.О. Метонимия в структуре прозы М. И. Цветаевой. *Вестник Томского государственного университета. Серия Филология*. 2020;(68):267-279. DOI: 10.17223/19986645/68/13
21. Козакова А.А. Семантическая емкость слова счастье в поэзии М.И. Цветаевой. *Язык как система и деятельность-4*. Ростов-на-Дону: Южный федеральный университет; 2013:183-186.

References

1. Gorbachevich KS, Hablo EP. *Dictionary of epithets of the Russian literary language*. Leningrad: Nauka; 1979:567 (in Russian).
2. Dictionary of the poetic language of Marina Tsvetaeva: in 4 vol. Book 2. Moscow: House-Museum of Marina Tsvetaeva; 2004;784 (in Russian).
3. Tsvetaeva MI. *Collected works*. Moscow: Publishing House "Ellis-Lak"; 1994-1995:1-7 (in Russian).
4. Bulakhova NP, Skovorodnikov AP. Concerning the definition of epithet (preparation to the functional characteristic). *Ecology of Language and Communicative Practice*. 2017;2(9):122-143 (in Russian).
5. Arnold IV. *Stylistics. Modern English language*. Moscow: Flinta; Nauka; 2002:384 (in Russian).
6. Grashchenkov PV, Lyutikova EA. Adjectives in typology and theory of language: semantics, distribution, derivation. *Rhema*. 2018;(4):9-25 (in Russian). DOI: 10.31862/2500-2953-2018-4-9-33
7. Vinogradova SA Plasticity of semantics of predicate words. *Vestnik of Tver State University Series: Philology*. 2021;4(71):30-38 (in Russian). DOI: 10.26456/vtphilol/2021.4.030
8. Gubanov SA. Epithetization of love in M. Tsvetaeva's texts. *Neophilology*. 2024;10(2):326-333 (in Russian). DOI: 10.20310/2587-6953-2024-10-2-326-333

9. Gubanov SA. Passion as an object of epithetization in Marina Tsvetaeva's texts. *Theory of Language and Intercultural Communication*. 2024;1(52):58-68 (in Russian).
10. Budaev EV. Cognitive metaphor in the framework of the conceptual integration theory. *Kul'tura i tekst*. 2016;4:6-13 (in Russian).
11. Vorkachev SG. *Happiness as a linguocultural concept*. Moscow: Gnosis; 2004:236 (in Russian).
12. Fauconnier G. *Mental spaces: aspects of meaning construction in natural language*. Cambridge University Press; 1994:190 (in English).
13. Fauconnier G, Turner M. *Mental spaces: conceptual integration networks*. Cognitive linguistics: basic readings. Publishing House "Walter de Gruyter"; 2006:303-371 (in English).
14. Sweetser E. Blended spaces and performativity. *Cognitive linguistics*. 2000;11(3-4):305-333 (in English).
15. Zubova LV. *Poetry of Marina Tsvetaeva: Linguistic Aspect*. Leningrad: Publishing House of Leningrad University; 1989:264 (in Russian).
16. Revzina OG. *Dictionary of the poetic language of Marina Tsvetaeva: in 4 vol*. Moscow: House-Museum of Marina Tsvetaeva Publ.; 1996;1:5-40 (in Russian).
17. Lyapon MV. *Prose of Tsvetaeva. Experience of reconstruction of the author's speech portrait*. Moscow: Languages of Slavic cultures; 2010:528 (in Russian).
18. Pushkareva IA, Lomakova AV. The word-image Memory in M.I. Tsvetaeva's lyric poetry of 1920. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2020;209:124-131 (in Russian). DOI: 10.23951/1609-624X-2020-3-124-131
19. Pushkareva IA. The word-image "happiness" in the lyric poetry by M. I. Tsvetaeva. *Scientific notes of the Orel State University*. 2023;1(98):128-134 (in Russian). DOI: 10.33979/1998-2720-2023-98-1-128-134
20. Krylov VN, Kuchumova MO. Metonymy in the structure of Marina Tsvetaeva's prose. *Tomsk State University Journal of Philology*. 2020;68:267-279 (in Russian). DOI: 10.17223/19986645/68/13
21. Kozakova AA. Semantic capacity of the word happiness in the poetry of M. I. Tsvetaeva. *Language as a system and activity-4*. Rostov-on-Don: Publishing House of the Southern Federal University; 2013:183-186 (in Russian).

Сведения об авторе

ГУБАНОВ Сергей Анатольевич – д. филол. н., доцент, профессор кафедры философии, ФГБОУ ВО «Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики», г. Самара, Российская Федерация, ORCID: 0000-0003-3011-4589, SPIN-код: 9955-2958, AuthorID: 589890

E-mail: gubanov5@rambler.ru

Information about the author

Sergei A. GUBANOV – Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Professor, Department of Philosophy, Povolzhskiy State University of Telecommunications and Informatics, Samara, Russian Federation, ORCID: 0000-0003-3011-4589, SPIN-код: 9955-2958, AuthorID: 589890

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 15.02.25

Принята к публикации / Accepted 10.03.25

УДК 811.512.31

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2025-22-1-84-91>

Оригинальная научная статья

Макромодели бурятских эмотивных простых предложений

Н. Б. Даржаева

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ,

Российская Федерация

✉ dnadezhda@mail.ru

Аннотация

Актуальность работы определяется основной тенденцией современных лингвистических исследований – антропоцентрической, в центре которой находится человек с его мыслями, чувствами, переживаниями. В статье впервые в монголоведении представляются модели эмоциональной реакции, эмоционального состояния и каузации эмоций как макромодели с набором разных вариантов конструкций в зависимости от лексико-семантического наполнения и коммуникативных установок. Структурное разнообразие конструкций объясняется коммуникативным намерением говорящего сфокусировать внимание либо на Экспериенцере, либо на самой эмоции, либо на Стимуле. В структуре бурятских конструкций коммуникативно выделенной является позиция подлежащего. Акцентирование внимания на Экспериенцере или на самой эмоции достигается также редукцией Стимула. При отнесении вариантов конструкций к той или иной модели учитывалась прежде всего семантика: отношения между субъектом и предикатом, субъектом и объектом, а также «степень активности» субъекта. В результате исследования каждая макромодель снабжается списком структурных схем вариантов входящих в нее конструкций. С точки зрения структурного разнообразия выделяется макромодель эмоциональной реакции, включающая семь вариантов конструкций. В макромодели каузации эмоций позицию подлежащего занимает Стимул. Основным методом исследования – метод моделирования, в качестве дополнительных методик использовались элементы трансформационного, дистрибутивного и компонентного анализов. Материалом исследования послужили современные словари, тексты бурятских авторов, в том числе размещенные в электронном Бурятском корпусе, а также результаты опроса носителей языка. При сборе материала использовались традиционные методы первичного лингвистического наблюдения, описания, сопоставления.

Ключевые слова: монгольские языки, бурятский синтаксис, модели простых предложений, эмотивные предложения, модели эмоциональной реакции, модели эмоционального состояния, модели эмоциональной каузации, подлежащее, стимул, экспериенцер

Финансирование. Статья подготовлена в рамках государственного задания (Мир человека в монгольских языках: анализ средств выражения эмотивности, № 121031000258-9)

Для цитирования: Даржаева Н. Б. Макромодели бурятских эмотивных простых предложений. *Вестник СВФУ*. 2025, Т. 22, № 1. С. 84–91. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-1-84-91

Original article

Macromodels of Buryat emotive elementary sentences

Nadezhda B. Darzhaeva

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS, Ulan-Ude, Russian Federation

✉ dnadezhda@mail.ru

Abstract

The relevance of the work is determined by the main trend of modern linguistic research – anthropocentric, in the center of which is a person with his thoughts, feelings, and experiences. In the article, for the first time in Mongolian studies, models of emotional reaction, emotional state and causation of emotions are presented as macromodels with a set of different design options depending on lexical and semantic content and communicative attitudes. The structural diversity of the constructions is explained by the speaker's communicative intention to focus attention either on the Experiencer, or on the emotion itself, or on the Stimulus. In the structure of constructions, the position of the subject is communicatively highlighted. By reducing the Stimulus, attention is also focused on the Experiencer or on the Emotion itself. When assigning variants of constructions to a particular model, semantics were taken into account first of all: the relationship between subject and predicate, subject and object, as well as the “degree of activity” of the subject. As a result of the study, each macromodel is provided with a list of structural schemes of variants of its structures. From the point of view of structural diversity, a macromodel of emotional reaction is distinguished, including seven types of constructions. In the macromodel of causation of emotions the position of the subject is occupied by the Stimulus. The main research method is the modeling method, and elements of transformational, distributive, and component analyses were used as additional techniques. The research material is modern dictionaries, texts by Buryat authors, including those posted in the electronic Buryat corpus, as well as the results of a survey of native speakers. When collecting the material, traditional methods of primary linguistic observation, description, and comparison were used.

Keywords: Mongolian languages, Buryat syntax, models of simple sentences, emotive sentences, models of emotional reaction, models of emotional state, models of emotional causation, subject, Stimulus, Experiencer

Funding. The research was carried out within the state assignment (project “Man's World in Mongolian Languages: Analysis of Expressive Means of Emotional Breadth” No. 121031000258-9)

For citation: Darzhaeva N. B. Macromodels of Buryat emotive elementary sentences. *Vestnik of NEFU*. 2025, Vol. 22, No. 1. Pp. 84–91. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-1-84-91

Введение

По мнению В. И. Шаховского, языковые средства выражения категории эмотивности представляют собой определенную систему – поле, в центре которого располагаются разноуровневые элементы, в семантике которых преобладает эмотивно-оценочный компонент [1]. И в том, что эмотивные синтаксические конструкции являются элементами системы, сомнений нет: системообразующими параметрами являются характер диатезы, способ

выражения субъекта и предиката [2]. С одной стороны, набор эмотивных конструкций в каждом языке специфичен, но, с другой стороны, наблюдаются типологические универсалии в виде субъектно-объектно-предикатных отношений между компонентами конструкции.

Наше исследование проводилось в рамках новосибирской синтаксической школы, разрабатывающей модели элементарных простых предложений (далее ЭПП) для тюркских языков Сибири. М. И. Черемисина, теоретик и основатель данной школы, писала: «... модель – это образец, по которому строится правильная фраза. Модель объединяет инварианты минимальных структурных схем, обеспечивающих законченность предложения, и соотнесенные с ними обобщенные пропозиции» [3, с. 6]. При проведении исследования в качестве основного применялся метод структурного моделирования, а также элементы трансформационного и компонентного анализов. «Метод моделирования предложения как единицы языка предполагает абстрагирование от напластований смыслов в речи и вычленение в качестве объекта моделирования элементарного простого предложения» [4, с. 66].

Вслед за Е. В. Падучевой выделяем два обязательных участника эмотивной ситуации: «Экспериент, испытывающий эмоцию, и Стимул, он же Причина и Содержание эмоции» [5, с. 278].

В данной статье впервые в монголоведении рассматриваются модели эмотивных простых предложений бурятского языка. В работах предыдущих исследователей проанализированы сложные (причастно-падежные) эмотивные конструкции [6, 7], бифинитные конструкции с показателем *гэжэ* [8], а также каузативные конструкции с фразеологическими единицами [9]. Е. К. Скрибник выделяет три основные модели (мы будем называть их макромоделями): «В зависимости от того, какая из трех составляющих (экспериенцер, эмоция, стимул) имеет большую коммуникативную значимость, различаются три разных структурно-семантических типа конструкций, задающих эмоциональное переживание под разными углами зрения: на переднем плане стоит либо субъект эмоции (экспериенцер), испытывающий эмоцию как непосредственную динамическую реакцию, либо сама эмоция как статическое состояние, либо событие-стимул, эту эмоцию вызвавшее. Соответственно меняются формы: эмотивный предикат представлен либо глаголом в формах активного и побудительного залога, либо именем эмоционального состояния» [8, с. 37]. Три макромоделей эмотивных конструкций:

1. Модель эмоциональной реакции

$$N_{\text{NOM}}^S \leftrightarrow V_f^{\text{em}} \rightarrow N_{\text{obj}}^{\text{ob}}$$

‘кто – испытывает эмоцию – от чего’

2. Модель эмоционального состояния

$$N_{\text{DAT}}^S \leftrightarrow N\text{-тай/гүй -POSS}$$

‘кто – находится в эмоциональном состоянии’

3. Модель эмоциональной каузации

$$N_{\text{NOM}}^{\text{ob}} \leftrightarrow V_f^{\text{em.caus.}} \rightarrow N_{\text{ACC}}^S$$

‘что – эмоционально каузирует – кого’

Каждая модель представлена разными вариантами конструкций в зависимости от лексико-семантического наполнения и коммуникативных установок. Это и является целью нашего исследования – уточнить варианты конструкций, входящих в каждую модель.

Макромодель эмоциональной реакции

Эта подсистема является центральной и характеризуется разнообразием входящих в нее конструкций. В ЭПП предикат выражен глаголами эмоциональной

реакции в активном залоге. Субъект-активный участник эмотивной ситуации (Экспериенцер) представлен одушевленным именем и занимает позицию подлежащего. Семантика этих конструкций такова: «Активный субъект-Экспериенцер эмоционально реагирует на Стимул». В бурятском языке базовые глаголы эмоциональной реакции стандартно управляют Стимулом, выраженным именем в дательном-местном падеже (1), за исключением глаголов страха, управляющих исходным (2):

- (1) *Доржо* *намда* *уурла-ба* (инф.)
Д. я:dat злиться-pst[3sg/pl]

‘Доржо разозлился на меня’.

- (2) *Эжы-мни* *Сада* *ахай-һаа* *ай-на* (БК)
мать-poss1sg С. дядя-abl бояться-prs[3sg/pl]

‘Моя мать боится дядю Сада’.

В следующей конструкции Стимул эмоциональной реакции введен с помощью послелога *түлөө* ‘за, из-за, ради’:

- (3) *Эжы-мни* *минш-нгээ* *түлөө* *баярла-на* (инф.)
мать-poss1sg я:gen-refl pstp радоваться-prs[3sg/pl]

‘Моя мама радуется за меня’.

Однако в этой подсистеме нами обнаружены еще три конструкции, но без одного участника эмотивной ситуации – Стимула, поэтому в центре внимания находится субъект и его эмоция: «Активный субъект-Экспериенцер эмоционально реагирует».

- (4) *Буда-шье* *саагуур-аа* *баярла-на* (БК)
Б.-pcl подальше-refl радоваться-prs[3sg/pl]

‘Идаже Буда радуется втихую (букв. у себя за спиной)’.

В одной из этих конструкций эмотивный предикат выражается идиоматическим сочетанием переходного глагола с именем-названием эмоции в винительном падеже:

- (5) *Жамсаран* *Галданович* *уур-а* *хүдэлгэ-бэ* (БК)
Ж. Г. злость-refl шевелить-pst[3sg/pl]

‘Жамсаран Галданович разозлился (букв. расшевелил свою злость)’.

Представляем еще одну конструкцию с редукцией Стимула и с семантикой «Активный субъект-Экспериенцер эмоционально отрицательно реагирует». В ней эмотивный предикат (чаще зависимый) выражается аналитическими глагольными формами со специфическим значением (*тэһэр- алда* – ‘чуть не взрываться’, *тэһэ буу- алда* – ‘чуть не разорваться’), управляющими именем / названием эмоции *уур сухал* или *уур хилэн* ‘гнев, злость’ в дательном-местном либо исходном падеже. Конструкция выражает крайнюю степень проявления отрицательной эмоциональной реакции:

- (6) *Уур_сухал-д-аа* *тэһэ буу-н* *алда-жа,* *... саашаа*
гнев-dat-refl разорваться-cvb аух-cvb дальше

тэдэ *унт-аа-гүй* (БК)
они спать-рс.prs-neg

‘Чуть не разорвавшись от гнева, дальше они не смогли уснуть’.

- (7) *Тамара* *... заримдаа* *уур_сухал-һаа* *тэһэр-шэ-н*
Т. иногда гнев-abl взрываться-intens-cvb

алда-даг *һэн* (БК)
аух-рс.hab pcl[3sg/pl]

‘Тамара иногда чуть не взрывалась от гнева’.

Мы выделяем также метафорический вариант конструкции без выражения Сtimула с коммуникативным акцентом на самой эмоции. Связь с Экспериенцером устанавливается через падежный (генитив) или посессивный маркер:

- (8) Ошоров-ой уур хүдэл-шэ-бэ (БК)
O-gen гнев двигаться-intens-pst[3sg/pl]

‘Ошоров разозлился (букв. гнев зашевелился)’.

- (9) Ганса жаргал, ганса-хан баяр зүрхэ
только счастье только-dim радость сердце

сэдхэл-нээ-нь хали-на (БК)
душа-abl-poss3 переливаться-prs[3sg/pl]

‘Только счастье, только радость переполняют его сердце и душу’.

Таким образом, в этой эмотивной макромодели представлено семь вариантов конструкций, в четырех из которых отсутствует Сtimул, тем самым внимание говорящего направлено либо на субъект и его эмоциональную реакцию, либо на эмоцию. Структурные схемы конструкций данной модели выглядят следующим образом:

1. $N_{NOM}^s \leftrightarrow V_f^{em} \rightarrow N_{DAT}^{ob}$
2. $N_{NOM}^s \leftrightarrow V_f^{em} \rightarrow N_{ABL}^{ob}$
3. $N_{NOM}^s \leftrightarrow V_f^{em} \rightarrow \text{түлөө } N_{GEN}^{ob}$
4. $N_{NOM}^s \leftrightarrow V_f^{em}$
5. $N_{NOM}^s \leftrightarrow V_f \rightarrow N_{ACC}^{em}$
6. $N_{NOM}^s \leftrightarrow V_{f,inf} \rightarrow N_{DAT,ABL}^{em.neg.}$
7. $N_{NOM}^{em} \leftrightarrow V_f$

Макромодель эмоционального состояния

Эта модель также представлена несколькими конструкциями, выражающими семантику «Субъект-экспериенцер находится в эмоциональном состоянии». В центральной конструкции Экспериенцер стоит в дательном-местном падеже, предикат выражается именами состояния на *-тай/-гүй*, а отсутствие Сtimула позволяет говорящему сконцентрировать внимание на эмоциональном состоянии:

- (10) Доржо, та мэдэ-нэ гү-т, намда ехэ ая-гүй,
Д. вы знать-prs q-2sg я:dat очень приличие-neg

эихэбтэр, даншье айдаха-тай (БК)
стыдно слишком страх-com

‘Доржо, знаете ли вы, мне очень неудобно, стыдно, и очень страшно’.

В следующей конструкции семантика эмоционального состояния Экспериенцера передается результативным причастием в роли сказуемого:

- (11) Дарим-ын эхэ Должид хүгшэн баярла-х-ын
Д.-gen мать Д. старуха радоваться-prs.fut-gen

ехээр баярла-нхай (БК)
много радоваться-prs[3sg/pl]

‘Мать Даримы, старуха Должид, очень радостна’.

К модели эмоционального состояния мы относим также специальную каузативную конструкцию, в которой субъект, испытывающий эмоцию, стоит в позиции подлежащего, но семантически он имеет объектное значение, он не активен, и как бы подвергается воздействию со стороны негативной эмоции (примеры с положительными эмоциями крайне редки). Существительное – название эмоции – стоит в дательном-местном падеже, а предикат выражается

глаголами определенной семантики в каузативном залоге (*диилдэ* – ‘быть побежденным, поддаваться’, *ээлэгдэ* – ‘быть охваченным’, *абта* – ‘быть взятым, схваченным’, *эдигдэ* – ‘быть съеденным’ и т. п.). В конструкции отсутствует Сtimул эмоциональной реакции, поэтому здесь также фокус внимания направлен на испытывающего эмоцию субъекта. Следует отметить, что чаще всего это сочетание встречается в зависимой предикативной единице. Семантика конструкции: «Пассивный субъект-Экспериментер подчиняется эмоции или охватывается ею».

Пример:

- (12) *Тархай уур_сухал-д-аа эзэлэ-гдэ-жэ, хаихар-ба* (БК)
Т. гнев-dat-refl захватить-caus-cvb кричать-pst[3sg/pl]

‘Тархай, подчинившись гневу, закричал (букв. будучи захвачен гневом)’.

Итак, структурные схемы конструкций макромодели эмоционального состояния:

$N_{DAT}^s \leftrightarrow N\text{-тай/гүй} - \text{POSS}$

$N_{NOM}^s \leftrightarrow V_{f, pc, res}^f$

$N_{NOM}^s \leftrightarrow V_{f, inf}^f \cdot \text{caus.} \rightarrow N_{DAT}^{em}$

Макромодель эмоциональной каузации

Следующая макромодель характеризуется выдвиганием Сtimула в центральное положение – позицию подлежащего и смещением коммуникативного фокуса на него. Глаголы в каузативном залоге, в том числе и эмотивные, в одной словоформе представляют две ситуации: названную основной эмоциональную реакцию и представленную залоговым суффиксом ситуацию каузации (‘заставить’, ‘вызвать’). Соответственно, в таких конструкциях Экспериментер эмоции одновременно является Пациентом каузации, так что оформляется как прямое дополнение, т. е. винительным падежом. Семантика конструкции: «Сtimул эмоции каузирует эмоциональную реакцию Экспериментера».

Примеры:

- (13) *Сада ах-айн үгэ-нүүд намайе гайх-уул-ба* (БК)
С. брат-gen слово я:acc удивиться-caus-pst[3sg/pl]

‘Слова брата Сады меня удивили’.

При предикатах *гуниг*, *баяр түр-уул* – ‘рождать печаль, радость’, в составе которых в позиции прямого дополнения уже стоят имена-названия эмоций, Сtimул каузирует эмоциональную реакцию Экспериментера опосредованно, через локативы, имена в дательном-местном падеже – ‘в душе’, ‘на сердце’ и т. п.:

- (14) *Наран-ай туяа Дорж-ын ханаа сэдхэл-дэ*
солнце-gen луч Д.-gen мысль душа-dat
баяр түр-уул-нэ (инф.)
радость рождаться-caus-prs[3sg/pl]

‘Луч солнца рождает радость в душе Доржо’.

Структурные схемы конструкций:

1. $N_{NOM}^{ob} \leftrightarrow V_{f, em, caus.}^f \rightarrow N_{ACC}^s$

2. $N_{NOM}^{ob} \leftrightarrow V_{f, em, caus.}^f \rightarrow N_{DAT}^{loc}$

Заключение

Таким образом, мы уточнили список вариантов конструкций, входящих в каждую макромодель: эмоциональной реакции, эмоционального состояния и каузации эмоций. Самой обширной и разнообразной по типам входящих в нее конструкций является макромодель эмоциональной реакции, объединяющая семь вариантов конструкций. Все эти варианты связаны субъектно-предикатными

отношениями, часто с высокой степенью активности субъекта-Экспериенцера. Структурная вариативность конструкций объясняется коммуникативным намерением говорящего сдвинуть фокус внимания либо на Экспериенцера (макромодель эмоциональной реакции), либо на саму эмоцию / состояние (макромодель эмоционального состояния), либо на Стимул эмоции (макромодель эмоциональной каузации).

Принятые сокращения

V – глагол, глагольная основа	INTENS – интенсивное действие
PST – прошедшее время	PRS – настоящее время
AUX – вспомогательный глагол	CAUS – каузатив
FUT – будущее время	ADJ – прилагательное
GEN- родительный падеж	PCL – частица
ACC – винительный падеж	PSTP – послелог
DAT – дательный-местный падеж	REFL – притяжание
ABL – исходный падеж	POSS – личн. притяжание
INS – орудный падеж	CVB – деепричастие
COM – совместный падеж	PC – причастие
SG – ед. число	PL – мн. число
DIM – уменьшительный суффикс	PROP – проприатив (обладание чем-л.)
SOC - совместный залог	NEG – отрицание
RES - результатив	

Л и т е р а т у р а

1. Шаховский В.И. *Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка*. Москва: Изд-во ЛКИ; 2008:208.
2. Романовская И.Э. *Эмотивные конструкции русского языка*. Автореферат дис. ... канд. филол. н. Ленинград; 1991:19.
3. Черемисина М.И., Озонова А.А., Тазранова А.Р. *Элементарное простое предложение с глагольным сказуемым в тюркских языках Южной Сибири*. Новосибирск: Изд-во «Любава»; 2008:205.
4. Кошкарева Н.Б. Метод моделирования структуры и семантики элементарного простого предложения как единицы языка. *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2006;4(2):64-76.
5. Падучева Е.В. *Динамические модели в семантике лексики*. Москва: Языки славянской культуры; 2004:608.
6. Скрибник Е.К. Эмотивные конструкции в бурятском языке. *Грамматические исследования по языкам Сибири*. Новосибирск: Наука; 1982:83-90.
7. Скрибник Е.К. *Полипредикативные синтетические предложения в бурятском языке*. Новосибирск: Наука; 1988:198.
8. Скрибник Е.К. Скрепя гэжэ в бурятских эмотивных конструкциях. *Сибирский филологический журнал*. 2015;2:36-43.
9. Дадиева Е.А. Фразеологические единицы в каузативных эмотивных конструкциях бурятского языка. *Вестник Северо-Восточного федерального ун-та им. М.К. Аммосова*. 2023;20(3):72-79.

References

1. Shakhovsky VI. *Categorization of emotions in the lexical and semantic system of the language*. Moscow: Publishing House LKI; 2008:208 (in Russian).
2. Romanovskaya IE. *Emotive constructions of the Russian language*. Summary of Candidate's dissertation (Philology). Leningrad: Leningrad State Pedagogical University; 1991:19 (in Russian).

3. Cheremisina MI, Ozonova AA, Tazranova AR. *An elementary simple sentence with a verb predicate in the Turkic languages of the Southern Siberia*. Novosibirsk: Publishing House "Lubava"; 2008:205 (in Russian).
4. Koshkareva NB. Elementary simple sentence as a language unit: structural and semantic modelling method. *NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural communication*. 2006;4(2):64-76 (in Russian).
5. Paducheva EV. *Dynamic models in lexical semantics*. Moscow: Languages of Slavic Culture; 2004:608 (in Russian).
6. Skribnik EK. Emotive constructions in Buryat language. *Grammar researchers on Siberian languages*. Novosibirsk: Nauka; 1982:83-90 (in Russian).
7. Skribnik EK. *Polypredicative synthetic sentences in Buryat language*. Novosibirsk: Nauka; 1988:198 (in Russian).
8. Skribnik EK. Buryat emotive constructions with the complementizer geze. *Siberian philological journal*. 2015;2:36-43 (in Russian).
9. Dadueva EA. Phraseological units in causative emotive constructions of the Buryat language. *Vestnik of North-Eastern Federal University*. 2023;20(3):72-79 (in Russian).

Сведения об авторе

ДАРЖАЕВА Надежда Баировна – д. филол. н., в. н. с. отдела языкознания, ФГБУН «Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук», г. Улан-Удэ, Российская Федерация, ORCID: 0000-0002-1701-2329, WOS Research ID: T-9638-2019, Scopus Author ID: 57211553848
E-mail: dnadezhda@mail.ru

Information about the author

Nadezhda B. DARZHAeva – Dr. Sci. (Philology), Leading Researcher, Department of Linguistics at the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russian Federation, ORCID: 0000-0002-1701-2329, WOS Research ID: T-9638-2019, Scopus Author ID: 57211553848

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 09.12.24
Принята к публикации / Accepted 22.12.24

УДК 821.51

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2025-22-1-92-106>

Оригинальная научная статья

Изображение «этнического прошлого» в тюркоязычных советских литературах (1960-е гг.)

Д. Ф. Загидуллина

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан,
г. Казань, Российская Федерация

✉ zagik63@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена осмыслению возрожденческих процессов, произошедших в национальных тюркоязычных литературах СССР во второй половине XX века. Сочетание контекстного и герменевтического методов позволили определить основные художественные тенденции в тюркоязычных литературах в изображении этнического прошлого. Материалом для исследования послужили произведения азербайджанских, казахских, чувашских, якутских, туркменских и татарских писателей, в которых началось изображение этнического прошлого, быта и традиций в положительном ключе. Среди них имеются социально-психологические, историко-биографические и исторические произведения. Первые серьезные попытки национально-культурного возрождения были связаны с изучением и возвращением в художественное сознание мотивов, образов, приемов народного творчества. Литературная деятельность П. А. Ойунского и М. Джалиля, Н. Сарыханова свидетельствуют об этом. Произведения М. Ибрагимова, Ильбека, М. Ауэзова, Г. Баширова и др. указали путь к художественному воссозданию прошлого народа как истории уникальной культуры и нравственно-философских представлений. Путем рассмотрения произведений установлено, что тюркоязычная литература данного периода характеризуется такими чертами, как: возвращение к национальным художественным традициям; изображение этнической жизни как единого образа, охватывающего стремление народа к знаниям; красота природы и установленный порядок быта; существование вековой мудрости и нравственных канонов; продуманность обычаев и праздников и мн. др. Этот образ утверждает тесную взаимосвязь человека со своим миром, родной землей, землей предков. Ключевыми художественными приемами в тюркоязычных литературах 1960-х годов, способствовавшими созданию новых контуров самой литературы, стали неразрывная взаимосвязь этнических и общечеловеческих ценностей; обращение к древнетюркским и этническим мифам, легендам; внутренние монологи, изображение душевных качеств в динамике и расширение смыслового диапазона традиционных образов от единичного ко всеобщему, к архетипическим началам и др.

Ключевые слова: тюркоязычные литературы, изображение этнического прошлого, М. Ибрагимов, Ильбек, Н. Сарыханов, М. Ауэзов, Г. Баширов, преодоление соцреалистического канона, углубление личностного начала

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Загидуллина Д. Ф. Изображение «этнического прошлого» в тюркоязычных советских литературах (1960-е гг.). *Вестник СВФУ*. 2025, Т. 22, № 1. С. 92–106. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-1-92-106

Original article

Depiction of the “ethnic past” in Turkic language Soviet literature (1960s)

Daniya F. Zagidullina

G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Academy of Sciences
of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russian Federation

✉ zagik63@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the understanding of the renaissance processes that took place in the national Turkic language literatures of the USSR in the second half of the 20th century. The combination of contextual and hermeneutic methods made it possible to identify the key artistic trends in the depiction of the ethnic past within Turkic language literatures. The study is based on literary works by Azerbaijani, Kazakh, Chuvash, Yakut, Turkmen, and Tatar authors that initiated a positive way to portray the ethnic past, way of life, and traditions. These works include socio-psychological, historical, and biographical narratives. The first serious attempts at national cultural revival were associated with the study and return to the artistic consciousness of motifs, images, and techniques of folk art. The activities of P. Oyunsky, M. Jalil, and N. Sarykhanov testify to this. The works of M. Ibragimov, Ilbek, M. Auezov, A. Yakubov, G. Bashirov, and others laid the foundation for the artistic reconstruction of the people's past, presenting it as a history of unique culture and profound moral and philosophical ideas. A close examination of these works reveals that Turkic literatures of this period are characterized by a renewed emphasis on national artistic traditions, as well as the fostering the personal development and psychology, intellectuality and philosophy. It asserts the close relationship of man with his world, his native land, and the land of his ancestors. The key artistic techniques in Turkic literatures of the 1960s contributed to the creation of new literary landscapes included: the inextricable interrelation of ethnic and universal values; the appeal to ancient Turkic and ethnic myths and legends; internal monologues; the depiction of spiritual qualities in dynamics; and the expansion of the semantic range of traditional images from the individual to the universal, to archetypal principles, etc.

Keywords: Turkic language literature, depiction of the ethnic past, M. Ibragimov, Ilbek, N. Sarykhanov, M. Auezov, G. Bashirov, overcoming the socialist realist canon, fostering the personal development

Funding. No funding was received for writing this manuscript

For citation: Zagidullina D. F. Depiction of the “ethnic past” in Turkic language Soviet literature (1960s). *Vestnik of NEFU*. 2025, Vol. 22, No. 1. Pp. 92–106. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-1-92-106

Введение

В сфере литератур народов России разделение на «старое» и «новое» произошло уже в начале 1920-х гг. Творческие личности были поставлены перед выбором: служить строительству социализма или стать объектом тотальной травли. Поиск нового в искусстве, в свою очередь, сопровождался отказом от традиций прошлого, имеющих национальные особенности.

Национальное было противопоставлено интернациональному, а вся дореволюционная татарская литература, например, в Татарстане, объявлена «байской», а значит ее традиции должны быть полностью забыты, уничтожены. Однако разрушение «старой» культуры, морали, гуманистических платформ рождало хаос в представлениях, в мышлении, в отношении к искусству.

Многие проблемы, обсуждаемые в кулуарах в связи с этой ситуацией, были озвучены в докладе «По какому пути пойдет татарская культура?» (1927) Г. Ибрагимова, имевшего в то время огромный авторитет не только среди татарской интеллигенции, но и в советской партийной верхушке. Доклад сразу же был подвергнут жесткой критике со стороны официальных партийных органов, в том числе московских чиновников такого уровня, как М. Калинин. «Показательная порка» в адрес одного из советских идеологов стала сигналом для татарской интеллигенции: после этого таких резких заявлений с их стороны мы уже не наблюдаем.

К началу 1930-х гг. в татарской литературе окончательно установился диктат советской идеологии [1]. В литературных произведениях и критических статьях, опубликованных в 1927–1930-е гг., главным критерием художественности начинает провозглашаться показ классовой борьбы. Постановление ЦК ВКП (б) от 23 апреля 1932 года «О перестройке литературно-художественных организаций» привело к окончательной смене творческого многообразия единообразием. Вместе с ликвидацией всех литературно-художественных объединений и учреждением единого Союза советских писателей установилась политика жесткой регламентации и контроля писательского труда.

Безусловно, наряду с официальной литературой создавались произведения, для которых была свойственна опора на традиции дореволюционной классики. Но они не достигали своей цели – не доходили до читателя.

В скором времени «социалистический реализм» стал определяющим методом (стилем) в литературе, он полностью вытеснил творческую индивидуальность писателей, ориентируя их на возвеличивание масс. Поворот к новой действительности требовал нового героя – представителя масс, строителя коммунизма и борца за свободу всех народов. Новая концепция личности и идеологические требования к художественным текстам приводили к формализму в литературе, создавали ощущение искусственности произведений. Многие писатели и поэты, осознав это, начинают искать новые смыслы и поэтические приемы – в народной жизни, в народной речи, в народном образе мышления.

Эта тенденция находит отражение прежде всего в поэзии, в которой начинают возрождаться образность народной песни, особенности ее звучания. В прозе все было не так однозначно: поиск национальных традиций непременно вел к истокам народной жизни: прошлому, которое было табуировано советской идеологией. Советским прозаикам «...были предложены темы: недавнее прошлое и современность – как предпочтительные» [2, с. 165]. Картина «сегодняшней» борьбы за завтрашнее счастливое будущее требовала, чтобы вчерашний день (дореволюционное прошлое) народов рисовался в черных тонах.

По нашему мнению, смягчение соцреализма в прозе тюркоязычных народов началось с обращений к прошлому своего этноса, изображения народной жизни, быта, духовной культуры в единой связке как самой высшей ценности, позволяющей сохранить национальную идентичность.

Целью настоящего исследования является определение авторов и произведений в тюркоязычных литературах 1960-х годов, благодаря которым в советской прозе начались изменения в сторону возрождения образа этнического прошлого как символа национального самосознания.

Методы и история вопроса

Теоретико-методологическую основу проводимого исследования составили труды отечественных исследователей, в которых представлены новые подходы к изучению русской литературы советского периода: монография М. М. Голубкова, в которой рассматриваются особенности государственной политики в отношении к литературе и основные пути художественного развития [3], учебное пособие Н. Л. Лейдермана и М. Н. Липовецкого, содержащее новую методологию анализа литературного процесса 1950–1990 гг., который авторы оценивают как «крупный исторический этап, сущность которого состояла в развитии кризиса тоталитарного общества и лежащей в его основании коммунистической идеологии – от публичного выражения первых, еще робких и половинчатых, сомнений в ее справедливости до полного краха с распадом многонационального Советского Союза – наследника великой империи, которая создавалась в течение трехсот лет» [4, с. 8–9].

С точки зрения нашего исследования значимыми являются научные статьи, включенные в сборник статей «Соцреалистический канон» [5]. Кроме того, на концепцию предлагаемого исследования оказали влияние работы, посвященные исследованию исторического авангарда на материале русской литературы [6].

Хочется особо отметить важность научного исследования А. Н. Мыреевой, в котором 1960-е гг. оцениваются как «время, отмеченное глубинным переосмыслением многих прямолинейных социальных представлений о личности человека, время реабилитации национальной истории, возрождения интереса к народу, его исторической судьбе» [7, с. 7].

В монографии В. А. Семенова «Творчество П. А. Ойунского и становление социалистического реализма в якутской советской литературе», хотя многогранная деятельность выдающегося якутского писателя, ученого и общественного деятеля Платона Алексеевича Ойунского рассматривается в контексте формирования советской литературы, обращается внимание на то, что своим самобытным творчеством, проникнутым фольклорными мотивами, он доказал существование глубоких традиций художественного изображения [8]. Исследователь творческой биографии якутского прозаика Е. П. Антонов упоминает слова Е. Добренко о том, что в национальных младописьменных культурах «откат в фольклор и эпос» был неизбежным [9, с. 31]. Однако эта тенденция прослеживается и в старописьменных литературах.

В татарском литературоведении художественный процесс 1920–1930-х годов освещается в работах Ф. Г. Галимуллина [1], материалы по историческим мотивам в прозе XX века содержатся в трудах по истории татарской литературы и литератур тюркоязычных народов. Однако в определенном нами ракурсе – с точки зрения изменений в изображении этнического прошлого – работ немного. В частности, значение либретто «Алтынчеч» М. Джалиля в общем контексте татарской литературы 1930–1940-х годов рассмотрено в трудах Н. Юзеева [10], символическое содержание образов – в монографии Н. М. Юсуповой [11].

Произведения, о которых мы ведем речь, литературоведами чаще всего рассматриваются как историко-биографические тексты. Однако в них важным является не реконструкция исторических событий или биографических (автобиографических) материалов. Многие исследователи обращают внимание на стремление писателей представить прошлое народа как единый образ. Например, вот что писал Вилаят Гулиев о романе М. Ибрагимова: «В своем последнем большом произведении, которое, к сожалению, он не успел завершить, – в романе «Перван», автор вновь возвращается к феномену Нариманова и создает живой, монументальный образ-панораму Азербайджана XIX века, вошедшего в систему новых общественных отношений» [12].

В казахской науке о литературе, с нашей точки зрения, роман «Путь Абая» М. Ауэзова наиболее полно проанализирован в указанной плоскости в монографии Л. Ауэзовой [13]. Исследователь пишет: «Сочетая в своей работе точность историка и воображение художника, М. О. Ауэзов сумел добиться соответствия исторической и художественной правды, слияния вымысла с реальной историей, что дало возможность наиболее ярко и достоверно отобразить суть эпохи, воссоздав правдивые исторические характеры. Масштабность «Пути Абая» обусловлена и всесторонним изображением жизни народа, его исторической судьбы на протяжении полувека» [13, с. 298–299].

В «Истории чувашской литературы XX века» А. Мышкиной определяется, что в романе «Черный хлеб» Ильбека, к которому мы обращаемся в статье, «любовь к своему народу составляет внутренний пафос романа», а воссоздание истинно чувашского мира изнутри «достигается им через сочетание эпоса народной жизни и глубокого психологического анализа одного жизненного типа» [14, с. 52–53].

В решении поставленных задач предполагается использование сравнительно-исторического, системно-структурного и контекстно-герменевтического методов, которые реализуются в подходе к анализу отдельных произведений.

Результаты и обсуждение

Уже на рубеже 1940–1950-х гг. в национальных литературах народов России усиливается ощущение застоя. Для преодоления кризисных явлений потребовалась смена концепции личности. В качестве первого шага на пути к таким резким изменениям во многих национальных литературах предпринимались попытки изображения прошлого своего народа, этноса в деталях и красочных образах. В национальных литературах к таким темам обращались «первые» прозаики: признанные и официально, и в писательских кругах, заслужившие доверие своей биографией и талантом. Исторические мотивы позволяли им не только вести речь об этническом прошлом своего народа, но и возрождать национальные художественные традиции, а также затрагивать актуальные этнические проблемы современной им действительности.

Выдающийся государственный деятель, поэт, ученый и организатор науки П. А. Ойунский (1893–1939 гг.) – один из первых якутских коммунистов – был такой личностью. Он посвятил всю свою жизнь установлению советской власти в Якутии, был первым председателем Якутского ВЦИКа, с 1934 по 1938 гг. являлся председателем Союза писателей республики. Считавший, что каждый образованный человек обязан знать свои корни и происхождение, П. А. Ойунский, «занимавшийся исследованием якутского фольклора со студенческих лет, создал монументальный эпос “Нюргун Боотур Стремительный”» [9, с. 32].

Повесть-предание «Великий Кудангса» (1929) прозаика реконструирует «жизнь саха» в «допетровские времена», основываясь на древнеякутской легенде. Об этом он пишет во введении к тексту: «Время, в котором жил Кудангса – должно быть, время до Петра Великого. Это сказание очень хорошо показывает жизнь саха (якута) того времени, когда, с каких пор она изменилась. Потому тем, кто занимается исследованием народа саха, это сказание должно дать много полезного» [15].

Повествование начинается с описания земли и уклада жизни саха. Самый богатый и могущественный глава рода Кудангса, когда на их земле наступил лютый холод и воцарилась вечная зима, а затем разразилась эпидемия смертельной болезни и старожилы винят в этом звезду Чолбон (Венеру), велит шаману Чачыгыру Таас разрубить ее. После этого подвига он, желая спасти народ от болезней, решает породниться со злыми духами, выдав единственную дочь за сына повелителя бесов и женив своего сына на его дочери. Это приводит к страшным последствиям.

А. Н. Мыреева, проанализировав повесть «Великий Кудангса», пишет о «воссоздании писателем духовного менталитета своего народа»: «его произведения открыли миру национально-самобытный духовный мир якутского народа» [7, с. 237]. Вместе с тем в целом писателя «волнует судьба всего человечества», его «идеал – свободные люди на свободной земле» [7, с. 233]. Эта тенденция, скорее всего, соответствует духу советского интернационализма.

Однако путь, выбранный Кудангса, не приближает его к идеалу. Разъясняя поступок главного героя как искажение человеческих ценностей, исследователь М. А. Бурцева пишет: «Его собственные человеческие пороки и страсти подготовили почву для нравственного падения и разрушения личности. Беды и несчастья, постигшие род Кудангсы, на первый взгляд, кажутся внешними обстоятельствами действия в произведении. Однако с их приходом пробуждаются те скрытые и потаенные желания, которые гнездились в его сознании задолго до того, как они получили реальное воплощение» [16, с. 25]. Ошибка героя оборачивается не только его одиночеством и нищетой, но еще и тем, что приходят в запустение некогда богатые земли, рушится вековой уклад жизни.

Так прозаик затрагивает проблему ответственности великих личностей перед родной землей и своим народом. Эта проблема являлась основополагающей в национальных литературах дореволюционного периода (например, в татарской литературе), освещающих тему судьбы нации и создающих этнический образ мира.

В татарской литературе либретто «Алтынчеч» (1939) М. Джалиля, сюжет которого построен на мотивах героического эпоса о Джик-Мергене, сказках «Ханская дочь Алтынчеч», «Золотое перо» и других легендах и преданиях татарского народа, созвучно в этом плане с преданием П. А. Ойунского. В отличие от установленного соцреалистического канона в образотворчестве, когда масса ставилась выше личности, Джалиль центральными фигурами делает условно-символические образы, каждый из которых является идеалом мужества, силы и красоты. Одновременно и Тугзак-ана, и Джик, и его возлюбленная Алтынчеч представлены как свободолюбивые личности, воплотившие в себе мечту народа о воле и независимости. Так формируется единый образ этнического прошлого. Этот идейно-художественный замысел автора ассоциируется с традициями патриотических мотивов в Орхоно-Енисейских надписях, с классическими прозаическими произведениями Г. Исхаки, Ф. Амирхана, Г. Ибрагимова и др.

В представлении актуальных для эпохи проблем сказочная форма выполняла роль своеобразного «эзопова языка». Это особенно заметно в туркменской литературе: романтическая повесть Нурмурата Сарыханова (1906–1944) «Шукур-бахши» (1941; пер. А. И. Аборского) воспринимается образцом гражданского мужества автора. Конфликт между музыкантом Бахши и ханом, возникший из-за его брата Берды, с самого начала получает другую, подтекстовую символическую интерпретацию.

Вернувшись домой, Бахши получает трагическое для семьи известие: его брат оказался в ханских застенках. Мужчины аула, собравшись, обсуждают план освобождения Берды. Из двух возможностей: освободить силой или заплатить – они склоняются к первой. Бахши предлагает иной путь: «Я поеду один, вот с этим дутаром, к самому хану!» [17].

Безусловно, советская идеология требовала, чтобы при разрешении этого конфликта хан обманул, показав себя недостойным. Однако символическое содержание этого противостояния жестокости и искусства, зла и красоты указывают на иной исход. При помощи своей музыки, победив в честном бою Гулама-бахши, герой сумел освободить брата: Мамед-Яр хан сдержал свое слово.

Положив в основу туркменскую легенду, автор воссоздает поистине удивительный образ прошлого своего народа, который может быть прочитан и как история о духовной поддержке родной земли в трудную минуту, история о крепости братских уз, история о вере и таланте и о благотворной силе музыки и искусства. Обойти жесткие каноны Н. Сарыханову помогли исторический материал и образ главного героя – известного среди туркмен музыканта, с именем которого ассоциировались этническая музыка и культура в целом. В этом контексте повесть воссоздает жизнь, быт, историю и культуру туркмен в деталях, их отношение к музыке и сочинительству. Молодой писатель будто бы задается вопросом: была ли необходимость для кровопролития, чтобы получить свободу? Подчеркивая музыку как отличительную черту, этническую особенность туркмен, он связывает будущее народа с развитием искусств: «К счастливому племени тянутся музыканты, а к несчастному – враги» [17].

Произведение Н. Е. Мординова (Амма Аччыгыйа) «Весенняя пора» (1944) стало первым романом в якутской литературе. Ученые называют его «подлинной энциклопедией жизни якутского народа в начале XX века». «В романе Мординова своеобразно переплелись традиции устного народного творчества, якутской письменной литературы и русской классики. Создавая эпическую картину жизни народа саха в исторически переломную эпоху, автор многопланово показывает традиционный уклад жизни народа, его нравственно-эстетические устои» [7, с. 237–238].

Основная сюжетная линия романа – история нравственного и духовного формирования Никиты Ляглярина – выводит на первое место классовый подход. В качестве единого образа складывается «духовный мир героя романа, будущего писателя» [7, с. 245], который изображается в контексте взаимоотношений природы и человека. По мнению А. Н. Мыреевой, «с этих позиций можно подойти и к романной диалогии юкагирского писателя С. Н. Курилова «Ханидо и Халерха» (1969) и «Новые люди» (1975), где отразились самосознание небольшого, но своеобразного народа, его история, традиционный быт, система нравственно-философских воззрений» [7, с. 263]. Хотя здесь речь идет не о тюркоязычном народе, пример позволяет сделать заключение о том, что у народов, сохранивших в исторической памяти представление о единстве с природой, образ прошлого этноса был неразрывно связан с натурфилософией.

Таким образом, еще в первой половине XX века во многих литературах прослеживается попытка поиска нравственно-эстетических ценностей, являющихся основополагающими для культуры своего этноса. Для этого прозаики обращались к мифологическим мотивам и образам.

На этой основе в 1960–е гг. происходит обновление эпических жанров. А. Н. Мыреева указывает на несколько характерных особенностей, которые выделяются в литературном процессе. По ее мнению, описательный роман уходил на второй план, жанр «все более превращался в социальное исследование, а эпическое в романе все чаще выступало как эпическое в характере» [7, с. 29]. Во всех литературах преобладал «качественно обновленный» социально-психологический роман, эволюция которого была подготовлена повестью. В жанре повести «тема сохранения духовных ценностей стимулировала поиски стиля, новых изобразительных возможностей, обращение писателей к народно-поэтическому творчеству, к приемам обобщающе-символизирующего значения. Обогащение психологизма позволило авторам обнаруживать скрытые национальные истоки мировосприятия героев, концентрировать общечеловеческое в характере и ситуациях» [7, с. 34]. В национальных литературах эти изменения сопровождались выведением на первый план этнической проблематики.

Эту мысль можно подкрепить конкретными примерами из литератур народов СССР.

Азербайджанский писатель, государственный и общественный деятель Мирза Ибрагимов (1911–1993) завоевал известность не только на родине. Народный писатель Азербайджанской ССР, Герой Социалистического Труда, он в 1942–1947 годах работал министром просвещения АзССР, был Председателем Президиума ВС АзССР, долгие годы работал председателем правления Союза писателей Азербайджана, был секретарем правления Союза писателей СССР.

Уже в 1930-е гг. Ибрагимов получил известность как один из ярких представителей советской литературы, освоивший метод соцреализма. С одной стороны, его социально-психологический роман «Великая опора» («Слияние вод») (1957) рассказывает о жизни послевоенной колхозной деревни. В соответствии с духом времени автор строит основной конфликт между старыми и новыми взглядами, порядками и обычаями, который разворачивается внутри колхоза, внутри семьи председателя Рустама, а также внутри него самого. Писатель создает психологические коллизии, в результате возникает не только столкновение противоположных интересов, мнений, стремлений, но и прослеживается ситуация, когда человек вынужден принять новый образ жизни. Это приводит к широкому спектру эмоциональных проявлений и психологизм становится одним из главных приемов при создании подобных сильных личностей – в амплуа национальных характеров. Такое явление присуще и следующему роману писателя.

Роман М. Ибрагимова «Перванэ» (1969–1970) по материалам, которые легли в основу (он – о детских и юношеских годах Н. Н. Нариманова) произведения, можно определить как историко-биографический, однако в стилевом плане он более подходит к социально-психологическому роману. В нем реконструируется жизнь, быт, история и культура азербайджанского народа в XIX веке.

Автор уделяет внимание взаимовыручке и дружбе между азербайджанцами, именно эти качества стали самыми важными в жизни дореволюционных этнических сообществ. В этом плане особое значение имеют образы Вафадара, Джафара, Рейхан, Сакины, Идриса и др., воссозданные писателем с использованием психологических коллизий.

В романе значительное место уделяется изображению национального быта. На протяжении всего романа присутствует чарующая музыка, которая представляется неотъемлемой частью азербайджанской культуры. Ашугское искусство представлено в разделе о тоске Вафадара о любимой, которая выражается в игре на сазе и его авторской песне [18, с. 285–286]. Описывая рождение Наримана, писатель рассказывает о празднике Новруз [18, с. 318–321]. Обычаи и обряды, связанные со сватовством, женитьбой, рождением ребенка, религиозными праздниками, составляют особый узор этнической духовной жизни. Представляя картины детства Наримана, писатель затрагивает тему традиционного отношения к младшему сыну в азербайджанских семьях, которая также нашла отражение в легендах и преданиях [18, с. 327]. Со слов французского путешественника он в лице Хури описывает природу и образованность азербайджанских женщин [18, с. 302–304]. Писатель знакомит со многими известными личностями азербайджанского народа, среди которых Мирза Фатали Ахундов, Александр Осипович Черняевский, касается вопросов истории женского образования, открытия первых женских школ, гимназического образования в Азербайджане и т. д. В таких деталях проявляется образ жизни азербайджанского общества XIX века, в центре которого находится стремление людей к знаниям, к свету.

Особую роль для интерпретации романа играет его название. «Перванэ», или бабочка, в мусульманской культуре – элемент парного суфийского символа, который означает стремящегося к Всевышнему влюбленного, крылья которого по

мере приближения к источнику света будут опалены. В самом романе не только Н. Нариманов, выбравший смыслом жизни служение азербайджанскому народу, а практически все герои одержимы достижением своей жизненной цели. У каждого из героев: двуличных и жестоких богачей Ильяса бека, Джахан-ханум, Сафигулу-бека, Селима, Афериды и др., противопоставленных им Хури-ханум, Сахиба, Вафадара, Сафарали и др. – жизнь и деятельность подчиняется этой цели, каждый шаг мотивирован.

Безусловно, автор не порывает с соцреалистическим каноном. Но для него на первый план выходит изображение национальной картины мира, акцентуация этнических проблем. Биография самого автора, его борьба за сохранение национального в азербайджанской культуре, кроме того, ограничение романного материала юношескими годами Наримана свидетельствуют о том, что главной целью писателя являлась реконструкция прекрасного национального образа мира.

Для сравнения можно вспомнить исторический роман в четырех книгах «Путь Абая» (1 кн. – 1942) Мухтара Ауэзова (1897–1961), который стал для казахской литературы «возвращением» в историческую память дореволюционной жизни своего народа. Главный герой романа – реальное историческое лицо, знаменитый казахский поэт, основоположник казахской письменной литературы Абай Кунанбаев. Писатель во всех четырех книгах представляет две основные линии народной жизни: родоплеменные отношения в степи и духовная жизнь казахского народа. В романе развернута панорама быта и нравов кочевых и оседлых степняков конца XIX века, однако она находится в «тени» сюжетной линии, посвященной изображению классовой борьбы: остается контекстом и одним из мотивов в романе.

В системе образов писатель противопоставляет отца и сына, последний свободное время посвящает чтению и игре на домбре. Ауэзов показывает особенности быта и духовной жизни своего народа через восприятие Абая, через его видение. Так, в самом начале произведения, Байтас-сере (певец) рассказывает своим молодым попутчикам, как все лето развлекал народ пением, а теперь пришло время возвращаться к жене: «Решил остудить ее гнев заранее, еще издали – сочинил для нее песенку, напел ее кое-кому из своих друзей и отправил их домой к жене, за день – за два до моего возвращения, чтобы они успели ее спеть Ойке-апа...» [19, с. 9]. В небольшом эпизоде раскрываются мировоззрение и характер певца, отношение в степи к пению. Лирика самого Абая и его «Слова назидания» в целом становятся лейтмотивом романа.

Зачастую патриархально-родовые традиции, вызывающие у читателя негативное отношение, как, например, многоженство, уже в самом начале романа – в описании встречи Абая с семьей – указывают и на теплые взаимоотношения в семье, и на уважение к старшим (бабушке). Далее М. Ауэзов изображает народные обычаи, свадебные обряды, народные празднества, связанные с рождением ребенка, похоронный ритуал, верования, и т. д. К. И. Сатпаев пишет, что эпопея «Путь Абая» представляет собой «подлинную энциклопедию всех многогранных сторон жизни и быта казахского народа во второй половине XIX века» [20, с. 28–29]. Однако эта линия, как было сказано выше, является не главной, уступая место изображению классовых взаимоотношений.

Биографизм произведения позволяет писателю найти «золотую середину» в изображении прошлого, считает К. Уразаева: «Это результат столкновения просветительского реализма, сформировавшегося в поэтике казахской литературы рубежа XIX–XX веков, критического реализма, формирующегося в поэтике Ауэзова, и нормативной поэтики соцреализма с фольклорной поэтикой» [21, 1., с.167].

В 1948 г. роман (1–2 книги) был удостоен Сталинской премии, а в 1959 г., после завершения эпопеи, он был отмечен Ленинской премией как выдающееся произведение социалистического реализма.

Не все исторические романы в тюркоязычных литературах, затрагивающие жизнь и быт своего народа, сумели воссоздать единый образ этнического прошлого: примеров этому много. Например, в романе узбекского писателя Айбека «Священная кровь» (1938), посвященном пути выдуманного героя по имени Юлчи к классовой борьбе, хотя и уделяется внимание изображению обычаев, традиций, особенностей межличностных отношений, однако они остаются контекстными деталями в описании ситуаций. В татарской литературе в 1952 г. появляется первая книга романа А. Файзи «Тукай». Роман был задуман как эпопея о жизни татарского народа, начиная с рождения будущего поэта в 1886 г. К сожалению, писатель успел запечатлеть лишь детство маленького Апуша и начальный период его творчества (книга охватывает период с 1886 по 1905 гг.), роман стал по жанру биографическим повествованием.

В чувашской литературе в 1957 г. появляется социально-психологический роман Мигулая Ильбека (Николай Филиппович Ильбеков, 1915–1981) «Черный хлеб», изображающий жизнь чувашской деревни XIX в. Пролог начинается со смерти отца главного героя Шеркея – Сямаки. Жажда обогащения приводит семью Шеркея к потерям: самоубийству дочери, смерти жены, пожара в доме. Через большие жизненные испытания герой приходит к пониманию цены «черного хлеба» – родной земли, которая дает жизнь, ее нравственных законов, народной мудрости. Образ, давший название роману, писатель сделал символом: к прологу и к первой части романа предпосланы эпиграфы: «Жизнь прожить – не поле перейти»; «Того не насытила беда, кто ел черный хлеб» (чувашская пословица); «И будь вовек благословенен, хлеб ржаной, просоленный потом» (Митта Васлее) [22]. Как во всех произведениях тюркоязычных советских авторов тех лет, обратившихся к мотиву истории своего народа, главный герой в романе размышляет о самой главной ценности, которая дает силы пережить все испытания эпохи. В переживаниях Шеркея это звучит так: «Самое худшее для человека – потерять надежду. Когда есть надежда и вера, он силой души осуществит мечту свою. Не таков ли наш народ?» [22].

В «Черном хлебе» широко представлено дореволюционное прошлое чувашей-язычников. С особой теплотой описаны их традиционные обычаи: встреча гостей, жертвоприношения, ворожба, свадьба, похороны, праздник синьзе, обряд воровства воды и т. д. Но тем не менее на первое место выходит изображение того, как под влиянием российской действительности конца XIX и начала XX столетий формировались самосознание чувашского крестьянина и его стремление к независимости. Детальное повествование о росте социального расслоения, конфликтов между зажиточными и бедными крестьянами позволило писателю соответствовать принципам социалистического реализма. Это особенно заметно во второй книге романа, в которой Шеркей становится серьезным предпринимателем и хозяином деревни. Писатель завершает роман в 1962 г. Но третья книга, в которой в соответствии с хронологией Шеркей должен был быть представлен в гуще революционных событий 1917 г., не была написана.

Следующим шагом в изображении прекрасного прошлого своего народа как истории, запечатленной в едином образе родной стороны, стала социально-психологическая повесть «Туган ягым – яшел бишек» («Родная сторона – моя зеленая колыбель», 1967) татарского писателя Г. Баширова. На этом месте хочется привести еще одну цитату А. Н. Мыреевой: «Иная жанровая структура отличает социально-психологическую повесть середины 1960-х гг. Стремление авторов ряда значительных произведений осмыслить «судьбу человеческую» как «судьбу народную» обусловило «романизацию» повести» [7, с. 46]. Это наблюдается в повести Г. Баширова.

Хронологически прозаик охватывает последние 15 лет до революции 1917 г. Не сбиваясь с идеологически выверенной стези, в основной сюжетной линии писатель воссоздает жизнь мальчика Гумера, начиная с подросткового возраста и до взрослой жизни, доводит его до точки безысходности: оставшись с долгами после смерти отца, юноша не знает, как жить дальше. В это время был свергнут царь, начинаются разговоры о разделе земли, приезжает Ахат (идеализированный автором деревенский парень из бедняков), они строят новый дом. Революция приносит людям новую надежду. Эта часть – семнадцатая глава – развязка, на этой точке повесть заканчивается.

Произведение, полностью посвященное описанию татарской деревни начала XX в., отражает все прекрасное, что было в ней: стремление к знаниям и свету, теплые взаимоотношения людей, красоту и самобытность обрядов и обычаев. Повернувшись лицом к духовному миру татарского народа, повесть словно призывает читателя осознать, что татарская деревня до 1917 г. не была гнездом невежества и темноты, как тогда твердила советская идеология.

Каждая из 17 глав повести пронизана безмерной любовью к татарской жизни, ностальгией по чистоте той эпохи. Например, в первой главе «Грусть рыжего коня» говорится о том, как ожеребилась кобыла главного героя повести – мальчика по имени Гумер, как увезенный на базар жеребенок не вернулся домой, описываются игры деревенских мальчишек, катания с горы, семейная традиция читать в доме вечерами книги, участие Уммикамал в девичьих посиделках, чтение Хамзой-абый книги, происшествие с упавшим с печи ягненком и испугом матери, любовь Гумера к чтению.

Первая же картина повести, когда мальчика будят сообщением «Кобыла ожеребилась!», иллюстрирует традиционный в татарской литературе мотив любви к коню, подчеркивает, насколько дорогим созданием для мальчишек был жеребенок. «Выбежав во двор, от радости чуть речи не лишился. Вот он, тот жеребенок, которого я так ждал! Сам рыжий, вдоль хребта идет коричневая полоса, шириной с палец, передние ноги до колен словно одеты в белые носки. На лбу звездочка. Странно расставив в разные стороны тонкие и длинные, как палки, ноги, он пытается сосать.

Рядом со мной, отведя руки назад, не отрывая от жеребенка глаз, стоит и улыбается отец. Он тоже доволен.

– Наша кобыла давно хотела привести красивого жеребенка и все искала его, – говорит он.

– А чего раньше не приводила?

– Ха, легко тебе говорить! Думаешь, такого красивого жеребенка часто можно встретить? Вот вчера ходила в ночное, да и привела с собой этого в белых носочках...» [23, с. 8].

Эти слова, сказанные от имени мальчика, отношение отца к лошади вызывают ассоциацию с рассказом Г. Ибрагимова «Алмачуар» («Чубарый»), любовь татарина к лошади закрепляется в сознании читателя как национальная черта. Описания жеребенка, его повадок, мест, в которых деревенские мальчишки выхаживают и растят своих жеребят, составляют целую историю. В дальнейшем многие знаковые явления из жизни татарского народа, представленные в повести, усиливаются на волне интертекстуальных связей с другими известными произведениями татарской литературы.

Первая глава состоит из 9 подглав. Здесь мы знакомимся с мальчиком по имени Гумер. Как и все мальчишки, он любит игры, шаловлив – из тех, кто сначала делает, а затем думает. Но у него есть и свои особенности. В первой подглаве, в которой мальчик рассказывает, как Закир-абый в валенках перепрыгивал речку,

сам герой выглядит гордым и обидчивым. Услышав слова: «Да разве есть в нашем околотке такие храбрые мальчишки! Одни трусы, одни куриные сердца!», Гумер прыгает через речку, в отличие от других мальчишек. А еще он мечтательный мальчик. Например, вот как он представляет себе буран: «...играющий, пеший буран хвостом задевает окошко. Иногда, обессилев, падает и остается у окна». Тень матери на печке он воспринимает как «большой человек, оседлавший длиннее таинственное животное», тени кажутся ему сказочным волшебством. Луну он воспринимает как живое существо, его занимает вопрос: о чем она размышляет... Так понемногу писатель раскрывает характер мальчишки – татарина.

Далее Гумер делает шаг из детского возраста в подростковый мир, а в конце уже перелистывает книгу о Юсуфе. Последние подглавы посвящены его подростковому годам. У Гумера умирает отец, юноша вынужден выплачивать его долги и постепенно становится опорой семьи. Таким образом, повествуя от имени Гумера, выступающего в произведении рассказчиком, о встреченных в жизни людях, событиях и явлениях, писатель создает панораму татарской деревни начала XX века.

Каждая подглава повести рассказывает о каких-то надеждах и ожиданиях героя, о том хорошем, что происходит в жизни, но большинство событий оканчивается некрасиво, не так, как ожидалось и хотелось. Отец героя – справедливый, суровый, требовательный Башир-агай – влюблен в прекрасное, он выращивает в своем саду удивительные цветы, но однажды умер соловей, кто-то убил певца красоты (вторая глава). С подобным же явлением мы встречаемся, когда Башир наносит на стул узор, в то время как заказчику это вовсе не нужно. Описывается яркий, радостный праздник сабантуй, но в конце его разгоняют (третья глава). У каждого героя есть надежды и мечты, но они не сбываются. Гумер хотел жеребенка – он потерялся; пошел учиться на портного, чтобы помочь семье, но оказалось, что заработал лишь себе на пропитание и рубашку; мечтал об описанной в книгах жизни – а жизнь оказалась совсем иной. Башир-ага жил мечтой вырастить сына Хамзу и тем самым немного облегчить жизнь семьи, но началась война, и Хамза ушел на фронт (четырнадцатая глава). Тогда Башир подался было в религию, но старый хазрет его разочаровал (тринадцатая глава). Уммикамал и Ахат мечтали создать счастливую семью, но ничего не получилось (одиннадцатая глава). Построение каждой главы по этой структуре, в конечном итоге, формирует философский вывод: человек жив надеждой! Необходимо отметить, что эта мысль является лейтмотивом татарской советской литературы, так или иначе повторяясь в каждом произведении, будь оно прозаическим или поэтическим.

С помощью образов сельских жителей автор рассказывает о татарской деревне начала XX века, ее жизни, ежедневных делах и хлопотах, надеждах и ожиданиях, обычаях и обрядах, о том, как это было прекрасно. Сабантуи, выработка льна и ткачество, вечерние игрища, детские шумные забавы, ночное, посиделки, сватовство, приход жениха – все описано с необычайной теплотой. Так повесть выходит за рамки автобиографического произведения: начинает восприниматься не как определенный период жизни Гумера, а как описание жизни татарской деревни во всех ее красивых, привлекательных проявлениях. Здесь будет уместным привести слова Т. Галиуллина: «Несмотря на то, что социалистический реализм официально не отвергался, писатель чувствует возможность расширения его узких рамок, опираясь на нравственные нормы татарского народа, становится на путь более полного раскрытия переживаний личности. Постановка во главу угла национального начала, отражение основ жизни тонкими, неброскими деталями и картинками, поиск глубинных корней истории народа дают возможность в обозначенном выше полуавтобиографическом произведении через судьбу

отдельной личности образно представить жизнь целого поколения» [24, с. 7–8]. Продолжая эту мысль, надо сказать, что на фоне идеологического направления, призывавшего показывать жизнь до 1917 г. лишь в черных тонах, татарскую повседневную жизнь писатель отразил как красивое, самобытное, удивительное явление, доказав, что и в литературе той поры была возможность писать иначе. И если учесть, что в татарской литературе 1970–1980-х гг. изображение татарской деревни, ее жизни с привлекательных сторон приняло массовый характер, превратилось в широкое движение, то следует подчеркнуть, что Г. Баширов своей цели добился.

Заключение

В истории советской литературы 1960-е годы характеризуются масштабной трансформацией художественного сознания, обусловленной «хрущевской оттепелью». Важной составляющей этого процесса стал поиск новых художественных ориентиров, выходящих за рамки соцреалистического канона. Характер этого поиска в тюркоязычных литературах отличается от ситуации в русской литературе: в них «новое» находилось не в противостоянии советской идеологии. Тем не менее агрессивная героика соцреализма исчезла.

В результате тюркоязычная проза постепенно начинает преобразоваться. Изменения были обусловлены стремлением ряда писателей преодолеть характерное для соцреализма нивелирование национального в литературе. Указанный процесс постепенной трансформации был сопряжен с обращением писателей татарской и других тюркоязычных литератур в тематическом плане – к истории и культуре своего народа, в эстетическом – к традициям прошлого, художественному опыту предыдущих поколений. Ярким воплощением данной тенденции стало творчество таких авторов, как Г. Баширов, М. Ибрагимов, Ильбек и др. – самых влиятельных и видных представителей литератур своих народов. Возглавив процесс преодоления соцреализма, они обеспечили, по нашему мнению, возвращение искусства слова к национальным истокам.

Л и т е р а т у р а

1. Галимуллин Ф.Г. *Әле без туганчы...: 1920–1930 еллар әдәби хәрәкәтенә бер караш*. Казан: Татар. кит. нәшр.; 2001:320. (На татар. яз).
2. Хомяков В.И. Социально-философская модель русской советской литературы 1920–1930-х гг. *Ученые записки Орловского государственного университета*. 2018;80(3):161–166.
3. Голубков М.М. *Утраченные альтернативы: Формирование монистической концепции советской литературы, 20–30-е гг.* Москва: Наследие; 1992:199.
4. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. *Современная русская литература: 1950–1990-е годы*. В 2 т. Т. 1. 1953–1968. Москва: Академия; 2003:416.
5. Соцреалистический канон. Сборник статей под общей редакцией Х. Гюнтера и Е. Добренко. Санкт-Петербург: Академический проект; 2000:1040.
6. Гирин Ю. *Картина мира эпохи авангарда*. Авангард как системная целостность. Москва: ИМЛИ РАН; 2013:400.
7. Мыреева А.Н. *Многонациональный роман 1960–1980-х гг.: Типологические аспекты*: дисс. ...д. филол. наук. Якутск: 1999:337.
8. Семенов В.А. *Творчество П. А. Ойунского и становление социалистического реализма в якутской советской литературе*. Новосибирск: Наука, Сиб. Отделение; 1980:219.
9. Антонов Е.П. Платон Ойунский: национальная биография в советской империи. *Северо-Восточный гуманитарный вестник*. 2018(25)4:27–32.
10. Юзеев Н.Г. *Муса Жәлил поэмалары*. Казан: Татар. кит. нәшр.; 1960:205 (На татар. яз).
11. Юсупова Н.М. *Система образов-символов в татарской поэзии первой половины XX века*. Казань: Ихлас; 2018:312.

12. Гулиев В. *Мирза и эмирзаде*: Вспоминая академика Мирзу Ибрагимову. URL: <http://azyb.az/index.php/memuar/post/115> (дата обращения: 2 сентября 2024).
13. Ауэзова Л. *История Казахстана в творчестве М. Ауэзова*. Алматы: Санат; 1997:320.
14. *История чувашской литературы XX века*. Часть 2 (1956-2000 годы). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во; 2017:432.
15. Ойунский П.А. *Кудангса Великий*. Перевод с якутского А.А. Борисовой. URL: <https://fb2.pf/v-poiskah-zolotogo-zerna-70539769/read/part-4> (дата обращения: 10 декабря 2024).
16. Бурцева М.А. «Красный Шаман» и «Кудангса Великий» П.А. Ойунского в свете шекспировских сюжетов и образов: Автореферат дис. ... к. филол. н. Улан-Удэ; 2021:28.
17. Сарыханов Н. *Шукур-бахши*. URL: <https://tapemark.narod.ru/shukur-bakhshi.html> (дата обращения: 4 апреля 2024).
18. Ибрагимов М. *Перванэ*. Москва: Известия; 1978:372.
19. Ауэзов М. *Путь Абая*. Алматы: Жибек жолы; 2012:568 (На каз. яз).
20. Сатпаев К. *Выдающееся произведение казахской советской литературы*. Сборник статей к его шестидесятилетию. Алма-Ата: 1959:28-39.
21. Уразаева К. «Путь Абая»: актуально об актуальном. *Простор*. 2017;(12):166-180.
22. Ильбек М. *Черный хлеб*. URL: <https://www.rulit.me/books/chernyj-hleb-read-590254-1.html?ysclid=m4gyeryskr361857817> (дата обращения: 10 ноября 2024).
23. Бәширов Г. *Туган ягым – яшел бишек*. Сайланма әсәрләр: 5 томда. Т. 2. Казан: Татар. кит. нәшр.; 2005:398. (На татар. яз.).
24. Галиуллин Т.Н. *Без белгән һәм әле беләсе Гомәр Бәширов*. Сайланма әсәрләр: 5 томда. Т. 5. Казан: Татар. кит. нәшр.; 2005:3-8. (На татар. яз.).

References

1. Galimullin FG. *Even before our birth: a look at the literary movement of the 1920s and 1930s: a monograph*. Kazan: Tatar Book Publishing House; 2001:320 (in Tatar).
2. Khomyakov VI. The social and philosophical model of the Russian Soviet literature of the 1920-1930's. *Scientific Notes of the Orel State University*. 2018;3(80):161-166 (in Russian).
3. Golubkov MM. *Lost alternatives. Formation of the monistic concept of Soviet literature*. 20–30-ies. Moscow: Heritage; 1992:199 (in Russian).
4. Leiderman NL, Lipovetsky MN. *Modern Russian literature: the 1950s and 1990s*. In 2 volumes. Vol. 1. 1953–1968. Moscow: Publishing House “Academy”; 2003:416 (in Russian).
5. The Socialist Realism canon. Collection of articles under the general editorship of H. Gunther and E. Dobrenko. St. Petersburg: Academic Project; 2000:1040 (in Russian).
6. Girin Y. *The picture of the world of the avant-garde era*. Avant-garde as a system integrity. Moscow: IWL RAS; 2013:400 (in Russian).
7. Myreeva AN. *Multinational novel of the 1960s-1980s: Typological aspects*. Doctoral dissertation (Philology). Yakutsk: 1999:337 (in Russian).
8. Semyonov VA. *Creativity of P. A. Oyunsky and formation of socialist realism in Soviet Yakut literature*. Novosibirsk: Nauka; 1980:219 (in Russian).
9. Antonov EP. Platon Oyunsky: national biography in the Soviet Empire. *North-Eastern Journal of Humanities*. 2018;4(25):27-32 (in Russian).
10. Yuzeev NG. *The poems of Musa Jalil*. Kazan: Tatar Book Publishing House; 1960:205 (in Tatar).
11. Yusupova NM. *The system of images-symbols in Tatar poetry of the first half of the twentieth century*. Kazan: Ikhlas Publishing House; 2018:312 (in Russian).
12. Guliyev V. *Mirza and Emirzade*: memoirs of academic Mirza Ibragimov. [Electronic resource] <http://azyb.az/index.php/memuar/post/1> [Accessed 2 September 2024] (in Russian).
13. Auezova L. *The history of Kazakhstan in the works of M. Auezov*. Almaty: Publishing House “Sanat”; 1997:320 (in Russian).

14. *History of Chuvash literature of the twentieth century*. Part 2 (1956-2000): collective monograph. Cheboksary: Chuvash Book Publishing House; 2017:432 (in Russian).
15. Oyunsky PA. *Great Kudangsa*. Translated from Yakut by A.A. Borisova. [Electronic resource] <https://ф62.пф/в-poiskah-zolotogo-zerna-70539769/read/part-4> [Accessed 10 December 2024] (in Russian).
16. Burtseva MA. *“The Red Shaman” and “Kudangsa the Great” by P. A. Oyunsky in the light of Shakespearean plots and images*. Summary of Candidate’s dissertation (Philology). Ulan-Ude: 2021:28 (in Russian).
17. Sarykhanov N. *Shukur-bakhshi*. [Electronic resource] <https://tapemark.narod.ru/shukur-bakhshi.html> [Accessed 4 April 2024] (in Russian).
18. Ibragimov M. *Pervane: a novel*. Moscow: Publishing House “Izvestia”; 1978:372 (in Russian).
19. Auezov M. *The Path of Abai*. Almaty: Publishing House “Silk Road”; 2012:568 (in Kazakh).
20. Satpayev K. *Outstanding work of Kazakh Soviet literature*. A collection of articles dedicated to his sixtieth birthday. Alma-Ata: 1959:28-39 (in Russian).
21. Urazayeva K. “The Path of Abai”: relevant about the relevant. *Prostor*. 2017;(12):166-180 (in Russian).
22. Ilbek M. *Black bread*. [Electronic resource] <https://www.rulit.me/books/chernyj-hleb-read-590254-1.html?ysclid=m4ryepyckr361857817> [Accessed 10 November 2024] (in Russian).
23. Bashirov G. *Native Land – My Green Cradle*. Selected works: in 5 volumes. Vol. 2. Kazan: Tatar Book Publishing House; 2005:398 (in Tatar).
24. Galiullin TN. *Gumer Bashirov. Whom we know and whom we have to learn*. Selected works: in 5 volumes. Kazan: Tatar Book Publishing House; 2005:3-8 (in Tatar).

Сведения об авторе

ЗАГИДУЛЛИНА Дания Фатиховна – д. филол. н., проф., г. н. с. отдела литературоведения, обособленного подразделения ГНБУ «Академия наук РТ» Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Российская Федерация, ORCID: 0009-0000-1651-8347

E-mail: zagik63@mail.ru

Information about the author

Daniya F. ZAGIDULLINA – Dr. Sci. (Philology), Professor, Chief Researcher, Department of Literary Studies, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russian Federation, ORCID: 0009-0000-1651-8347

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interest

Поступила в редакцию / Submitted 16.01.25

Принята к публикации / Accepted 11.02.25

УДК 81-139

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2025-22-1-107-114>

Оригинальная научная статья

Дискурс и дискурс-анализ: понятия и характерные аспекты в коммуникативной лингвистике

Е. А. Либба

Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России), г. Саранск, Российская Федерация

✉ snezhinka_elena@mail.ru

Аннотация

Начиная с конца XX в. и на протяжении первой половины XXI в. интенсивно развивается направление лингвистических исследований, внесших большой вклад в формирование нынешнего положения вещей в области языкознания, теории и практики перевода, методологии преподавания иностранных языков, лингвофилософии. Это направление – *дискурсивный анализ* – осуществляется в последние десятилетия преимущественно в коммуникативных аспектах языка. Дискурсивный анализ становится все более влиятельной областью исследований в ряде гуманитарных дисциплин, включая социологию, социолингвистику, психологию, антропологию, лингвистику, лингвофилософию, рассматриваемой как лингвистический феномен. Коммуникативный подход к изучению и преподаванию языка с ориентацией на практическую коммуникативную деятельность привел к потребности в анализе конкретных примеров употребления языковых средств (в письменной и устной формах) с целью повышения эффективности методик для изучающих язык, а также для привлечения большего количества необходимого лингвистического материала. Целью работы является выявление ряда характерных аспектов этого современного направления, а именно некоторые основополагающие характеристики понятия *дискурс*. Так как *дискурс* является общим для разных областей гуманитарного знания, есть возможность более детального его рассмотрения через призму таких направлений, как общая теория информации и теория коммуникации в свете социального функционирования.

Ключевые слова: дискурс, дискурсивный анализ, интеграция, коммуникативная лингвистика, концепт, лингвистика, метод, научный дискурс, политический дискурс, принцип дополнительности, философия

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Либба Е. А. Дискурс и дискурс-анализ: понятия и характерные аспекты в коммуникативной лингвистике. *Вестник СВФУ*. 2025, Т. 22, № 1. С. 107–114. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-1-107-114

Original article

Discourse and discourse analysis: concepts and characteristic aspects in communicative linguistics

Elena A. Libba

Middle Volga Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia), Saransk, Russian Federation

✉ snezhinka_elena@mail.ru

Abstract

Since the late 20th century and continuing into the first half of the 21st century the direction of linguistic research has been increasingly developed, significantly contributing to the current state of affairs in linguistics, theory and practice of translation, foreign language teaching methodology, and linguophilosophy. In recent decades, *discourse analysis* has been primarily concerned with the communicative aspects of language. Discourse analysis has become an increasingly prominent area in several humanities disciplines, including sociology, sociolinguistics, psychology, anthropology, linguistics, and linguophilosophy, as a linguistic phenomena. The communicative approach to language education, with its focus on practical communicative ability, necessitates the analysis of specific examples (written and spoken forms) to improve language learning methods, as well as to attract the available linguistic material. This study aims to identify key characteristic aspects of this modern direction, focusing on fundamental features of the concept of discourse. Because discourse is a common element across diverse fields in humanities, its examination through the frameworks of general information theory and communication theory is valuable, particularly in relation to its social functions.

Keywords: discourse, discursive analysis, integration, communicative linguistics, concept, linguistics, method, scientific discourse, political discourse, complementarity principle, philosophy

Funding. No funding was received for writing this manuscript

For citation: Libba E. A. Discourse and discourse analysis: concepts and characteristic aspects in communicative linguistics. *Vestnik of NEFU*. 2025, Vol. 22, No. 1. Pp. 107–114. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-1-107-114

Введение

Развитие дискурсивного анализа как направления в лингвистике в практическом отношении нацелено на создание идеальной академической медиасреды, так как эта среда обеспечивает широкий доступ к отдельным специализированным текстам и текстовым корпусам. Под специализированными текстами мы понимаем как письменные, так и разговорные сообщения, которые дают рекомендации преподавателям, не имеющим достаточного опыта в области дискурсивного анализа.

В связи с отмеченными факторами следует подробнее остановиться на понятии-термине *дискурс* в рассматриваемых аспектах настоящего исследования в преломлении современных проблем лингвофилософии и коммуникативной лингвистики.

Как известно, понятие *дискурс* сложно и многогранно, несводимо просто к понятию *речь*. Также невозможно дать какое-либо точное, однозначное, во всех практических ситуациях сохраняющее свою значимость определение концепту

дискурс, так как в этом понятии есть нечто непостоянное, меняющееся в зависимости от темпорального и пространственного фактора, что роднит понятие *дискурс* с такими сложно поддающимися точному определению понятиями, как, например, понятие *бессознательное*, которое может быть определено только более или менее теоретически, и которое, однако, в каждом практическом случае своей актуализации в реальной жизни требует уточнения и поправок в той или иной конкретизации.

Дискурс и дискурс-анализ: понятия и характерные аспекты в коммуникативной лингвистике

Понятие *дискурс* относится к той части теоретической модели языка, которая при каждом своем феноменологическом воплощении привносит индивидуальные элементы коммуникативного характера, не всегда могущие быть охваченными рамками даже самого универсального определения, так как процесс коммуникации посредством языка относится не только и не столько к сфере теоретико-ноуменальной плоскости, но и к плоскости феноменально-конкретной. Это означает, в частности, что при любых попытках обобщить все потенциально содержащее концепта *дискурс*, мы неизбежно так или иначе сталкиваемся с проблемой неустранимости частного характера абстрактных определений.

При этом можно формально выделить несколько моделей такого дискурсивного взаимопроникновения: синтез, полную автономию и дополнительность. Подлинным взаимопроникновением дискурсов считаем только последнюю из указанных моделей, построенную по принципу *дополнительности*, так как синтез и полная автономия осуществляются или путем утверждения одной дискурсивной модели за счет другой, или взаимодействие вовсе исключается.

К трем важнейшим системам запретов М. Фуко относит «запрещенное слово, выделение безумия и волю к истине» [1, с. 58]. Далее в этом же контексте М. Фуко отмечает: «Существует довольно много сообществ ... присвоивших себе медицинский ..., экономический или политический дискурс» [1, с. 72]. «Любая система образования является политическим способом поддержания или изменения форм присвоения дискурсов» [1, с. 74]. «Европейская мысль, кажется, не переставала заботиться о том, чтобы для дискурса оставалось как можно меньше места между мыслью и речью, о том, чтобы дискурс выступал только как некоторая вставка между “думать” и “говорить”; как если бы дискурс был мыслью, облеченной в свои знаки, мыслью, которая становится видимой благодаря словам, ровно как и наоборот, – как если бы дискурс и был самими структурами языка, которые, будучи приведены в действие, производили бы эффект смысла» [1, с. 75–76]. «Дискурс, скорее, следует понимать как насилие, которое мы совершаем над вещами, во всяком случае – как некую практику, которую мы навязываем» [1, с. 80]. «Мне бы хотелось, чтобы книга не сводила собственный статус к статусу текста – с этим прекрасно справится педагогика или критика, – но чтобы ей хватило нахальства объявить себя дискурсом, иначе говоря, одновременно сражением и оружием, стратегией и ударом, борьбой и трофеем или боевой раной, стечением обстоятельств и отголоском минувшего, случайной встречей и повторяющейся картиной» [1, с. 22].

Для того чтобы проанализировать это обстоятельство системно, также отметим, что, начиная с XVII в. и до настоящего времени, были предприняты попытки осуществления различных стратегий. Более детальным рассмотрением способов решения проблемы занимался ученый С. Прист («Теории сознания», 2000).

Несмотря на наличие исследовательской литературы по данному вопросу, на сегодняшний день остается недостаточно изученной проблема дискурса и дискурсивного анализа: при тщательном рассмотрении противоречий феномена

дискурса в рамках теории дискурсивных формаций М. Фуко возникает практически неразрешимый вопрос: какие факторы вызывают и обуславливают смену формаций? Другими словами, если мы свяжем с понятием *дискурс* исторический аспект формации как системы правил создания речевых моделей, тогда на каком основании мы можем быть уверены, что сами правила изменения системы этих правил будут вызваны собственно лингвистическими причинами? При рассмотрении концепта *дискурс*, например, в свете «языковых игр» Л. Витгенштейна, где феномен дискурса понимается как совокупность разнообразных языковых игр, возникает вопрос: почему из неопределенного количества потенциально возможных языковых игр одни получают социальные функции и распространяются в дискурсивных сообществах, в то время как другие языковые игры обречены на «угасание и забвение» [2, с. 497].

Выражения типа *политический дискурс* или *научный дискурс* не выражают конкретного жанра или литературного стиля, то есть не имеют чисто лингвистической природы, так как языковой стиль меняется в процессе истории. Например, сочинения Спинозы однозначно и бесспорно признаны работами научными, принадлежащими научному дискурсу. При этом, однако, стиль сочинений Спинозы относится к его эпохе, и с тех пор стиль этот претерпел ряд существенных изменений.

Такие выражения, как *политический дискурс* или *научный дискурс* [3] употребляются, скорее, в смысле логико-коммуникативного *направления*, в котором выражают себя говорящие о политике (в случае политического дискурса), либо те, кто составляет научные тексты в соответствии с правилами и нормами, подобающими научному тексту (в случае дискурса научного).

Кроме того, вполне возможно подражать тому или иному стилю, как, например, в случае с «подделыванием» ненаучного текста под текст научный [4], что указывает на возможность чисто формального использования правил стиля, не подразумевающего смыслового содержания. При этом из чисто теоретических причин возникает соблазн найти и исследовать модели этой матрицы, которая лежит в основе основополагающего формирующего дискурса языка, которым выражается наука вообще, а не только стилистическая специфика научного текста XVIII в., например. Ведь тогда при попытке «подделать» тот или иной дискурс [5, с. 309] мы нашли бы эти формирующие правила, которые лежат в основе дискурса как такового и отвечают за его специфику и направление.

Конечно, такая задача является труднодостижимой на современном уровне развития технологий (хотя и очень высоких) при тех особенностях и аспектах дискурса, которые дали бы возможность идентифицировать ту или иную область знания, как, например, отличать *науку* от *религии*, *идеологию* от *искусства* по качествам самих *коммуникативно-речевых высказываний* [6], которые создаются в процессе осуществления соответствующих видов деятельности и социальных практик.

В связи с вышесказанным отметим, что рассмотрение дискурса осуществляется в настоящее время по следующим направлениям:

1) дискурсивный анализ в современных методиках преподавания языка в профессиональных целях (Foucault, 1969; Hyland, 2002; Gaskell, 2004; Flowerdew, 2002; O'Sullivan, 2006; Wynne, 2005);

2) дискурс в системе общего языкознания и теории коммуникации (Караулов, 2010; Henry, Roseberry, 2001; Johns, 2007; Laffont, 2006);

3) дискурс в теории и практике перевода (Carter-Thomas 2019; Percebois, 2006; Sinclair, 2004);

4) дискурс как коммуникативное междисциплинарное явление лингвофилософского характера (Vaughn, 2006; Wright, 2011; Желтухина, 2017).

Необходимо в данной связи отметить один из важнейших принципов дискурсивности: онтология самого дискурса происходит из недискурсивных видов человеческой деятельности, которые охватываются дискурсом лишь частично. Провести четкую грань между дискурсивной и недискурсивной практиками часто оказывается невозможно, что приводит к такому феномену, как *трансдискурсивность*, подразумевающей взаимопроникновение дискурсов.

Таким образом, на основе проведенных нами анализов в настоящем исследовании мы обосновываем вывод о том, что *дополнительность* – это единственный, на наш взгляд, принцип взаимопроникновения дискурсов по той причине, что эта модель осуществляется только путем взаимодействия и согласования одного или нескольких сторон взаимопроникающих дискурсов.

Причина самой возможности такого взаимодействия дискурсов обусловлена общностью их происхождения; одна и та же предметная область дискурсивных типов может включать в себя генетически связанные дискурсы, с одной стороны, в то время как с другой – возможны столкновения разнородных дискурсов на «спорной территории» [7, с. 41].

Результаты исследования

Итак, под значимыми качествами дискурса мы понимаем лингво-дискурсивные механизмы, не сводящиеся ни к социально-коммуникативным функциям языка, ни к особенностям психологии говорящего, ни к лингвистическим характеристикам литературных жанров, но представляющие собой собственную деятельность языка как живого организма. Например, при чтении всемирно известной фразы: «В начале было Слово», у нас возникает целый поток ассоциаций с религиозным дискурсом.

Тогда в данном контексте возникает вопрос: почему мы ощущаем большую внутреннюю напряженность этой фразы, находящейся в религиозном дискурсе. Как мы понимаем сам концепт *Слова*: как синекдоху, подразумевая под *Словом* саму возможность и дар разума выражать свои мысли словами? Или же *Слово* означает источник такой великой мощи, что все высказывания мыслятся как «растворенные» в нем либо логически «опущенные» в момент Творения, представляющий собой «начало»? В любом случае *Слово* подразумевает указание на концепт и в смысле прояснения его значения, и в смысле его непосредственного понимания, и в смысле его адекватного перевода на другой язык, поэтому в границах сингулярного конкретного слова невозможно говорить об определении поля его дискурсивности.

Однако где-то вне границ слова должен существовать механизм, который позволит ограничить так называемый «интерпретационный произвол» [8, с. 27] – механизм, выполняющий коммуникативную функцию языка, что придает высказыванию определенное направление, стремится к определенному «центру тяжести», а не просто находится в «невесомости» [9, с. 18].

Многообразие типов дискурса обеспечивается тем, что таких механизмов за пределами конкретного слова бывает множество, что и объясняет существование многих «речевых моделей» [10, с. 83], включая как синхронные дискурсивные модели, так и диахронные. За счет принципиального различия устройства этих коммуникативных механизмов дискурсы, как правило, оказываются разнородными, несводимыми друг к другу, непереводаемыми друг в друга.

В данной связи особенно актуален вопрос о языковых средствах в дискурсивном пространстве, так как анализ их применения сделал бы возможным выявление и классификацию дискурсивных построений. К числу таких языковых средств, при помощи которых выстраивается дискурс, в частности, относятся устойчивые

метафоры и фразеологические обороты. Также различные комбинации в тексте и сопоставления репрезентативности языковых средств, формирующих дискурс, соотносятся с видами коммуникативных целей авторов текстов, в том числе коррелируются с адресатом и темпоральными характеристиками текста. Это означает, что выбор языковых средств зависит от того, в какой временной период и для кого создавался конкретный текст.

В этой связи следует отметить, что в процессе настоящего исследования автор статьи использовала алгоритмы и методы для проведения классификации дискурсивных построений на основе языковых средств. Методы исследования представляют собой комплексный анализ явлений на основе междисциплинарного подхода. В статье рассмотрение сложившейся лингво-дискурсивной ситуации осуществляется преимущественно двумя способами. Во-первых, на примерах ряда публикаций рассматриваются современные лингвистические исследования с целью выявления значения, которое приобретает в дискурсивном пространстве изучение отдельных текстов. Во-вторых, настоящее исследование также распространяется на дискурсивный анализ текстов, относящихся к таким областям, как академическое письмо, включая такие типы дискурса, как деловой, религиозный, научный, художественный, рецензионный.

Остается отметить еще один важный вопрос относительно «долгожительства» [11, с. 184] отдельных языковых средств, применяемых для построения дискурса (например, фразеологические единицы), так как неустойчивость таких единиц, более или менее скоротечно утрачивающих коммуникативную функцию, не сочетается с фактом относительно «долгоживущих» дискурсивных конструкций [12, 13]. Для приведения этих противоречий к «общему знаменателю» в настоящем исследовании выявляются относительно устойчивые дискурсивные построения, основанные на онтологизации лексико-грамматических метаморфоз дискурса.

Заключение

Таким образом, в данной работе было показано, что при теоретическом рассмотрении понятий *дискурс* и *дискурсивность* мы не можем построить окончательную конструкцию их смысло-феноменологического функционирования безотносительно к той или иной конкретной речевой актуализации.

Также были выявлены основополагающие характеристики понятия *дискурс*, которые являются общими для разных областей гуманитарного знания, что дает возможность более детального его рассмотрения через призму таких направлений, как общая теория информации, теория коммуникации в свете социального функционирования, а также концепция «языковых игр» Л. Витгенштейна.

Тем не менее рассмотрение концепта *дискурс* в каждой области отдельно или во всех областях, вместе взятых, не дает нам возможности выявить и определить спектральные границы дискурса: в любом случае остается некое неопределяемое смысловое пространство, требующее уточнений каждый раз в процессе конкретной коммуникативно-речевой актуализации.

Несмотря на попытку найти решение этой проблемы, которой была посвящена статья, автор отмечает, что необходимы дальнейшие исследования, посвященные более подробному изучению данной области дискурсивного анализа. Рамки статьи не позволяют рассмотреть проблему глубже и многограннее, однако данные, полученные в результате исследования, могут послужить заделом для будущих исследований.

Л и т е р а т у р а

1. Foucault M. *Archeology of knowledge*. Kyiv: 1996:513 (in English).
2. Bouchard G. Michel Foucault: unité ou dispersion de l'oeuvre? In: *Laval Théologique et Philosophique*. Paris: Minuit; 2003;59(3):485-502 (in French).
3. Henry A, Roseberry RL. Using a small corpus to obtain data for teaching a genre. In: *Small Corpus Studies and ELT: Theory and Practice*. Amsterdam: John Benjamins; 2001:93-133 (in English).
4. Flowerdew J. *Academic Discourse*. London: Pearson Education; 2002:264 (in English).
5. Gaskell D, Cobb T. Can learners use concordance feedback for writing errors? *System*; 2004:301-319 (in English).
6. Hyland K. *Teaching and researching writing*. London: Pearson Education; 2002:324 (in English).
7. Carter-Thomas Sh, Rowley-Jolivet E. Syntactic differences in oral and written scientific discourse: the role of information structure. *Asp: La revue du GERAS*. 2019:37-42 (in English).
8. Resche C. Décryptage d'un genre particulier: les communiqués de presse de la Banque Centrale américaine. *Asp: La revue du GERAS*. 2003:21-35 (in French).
9. Laffont H. Un ingénieur est-il bien an engineer? *Asp*. 2006:9-21 (in French).
10. Percebois J. Les économistes universitaires français et leurs homologues anglais et américains: aspects institutionnels, culturels et linguistiques. *Asp: La revue du GERAS*. 2006:79-91 (in French).
11. Sinclair J. *How to use corpora in language teaching*. Amsterdam: John Benjamins; 2004:317 (in English).
12. Johns T. Data-driven learning page. In: *Language learning as discourse analysis: Implications for the LSP learning environment*. *Asp: La revue du GERAS*. 2007;(51-52):35-51 (in English).
13. Gaskell D, Cobb T. *Is there any measurable learning from hands-on concordancing?* Cambridge: Cambridge University Press; 1997:301-315 (in English).

References

1. Фуко М. *Археология знания*. Киев: 1996:513 (на англ).
2. Бушар Г. Мишель Фуко: единство или рассеяние творчества? *Теология и философия*. Париж: Издательство «Минюи»; 2003;59(3):485-502 (на франц).
3. Генри А, Розберри Р. Использование малого корпуса для получения данных для обучения жанру. *Исследования на материале малого корпуса: Теория и практика*. Амстердам: Издательство Джона Бенджамина; 2001:93-133 (на англ).
4. Флауэрдью Дж. *Академический дискурс*. Лондон: Издательство «Пирсон»; 2002:264 (на англ).
5. Гаскелл Д, Кобб Т. *Могут ли обучающиеся использовать конкордантный анализ для исправления ошибок в письме?* Издательство «Система»; 2004:301-319 (на англ).
6. Хайланд К. *Обучение и исследование письма*. Лондон: Издательство «Пирсон»; 2002:324 (на англ).
7. Картер-Томас Ш, Роули-Жоливе Э. Синтаксические различия в устном и письменном научном дискурсе: роль информационной структуры. *Асп: Ля ревью дю Герас*. 2019:37-42 (на англ).
8. Реш К. Декодирование особого жанра: пресс-релизы американского Центрального банка. *Асп: Ля Ревю дю Герас*. 2003:21-35 (на франц).
9. Лаффон Х. Инженер – это действительно *engineer*? *Асп: Ля Ревю дю Герас*. 2006:9-21 (на франц).
10. Персебуа Ж. Французские университетские экономисты и их английские и американские коллеги: институциональные, культурные и лингвистические аспекты. *Асп: Ля Ревю дю Герас*. 2006:79-91 (на франц).
11. Синклер Дж. *Как использовать корпуса в обучении языку*. Амстердам: Издательство Джона Бенджамина; 2004:317 (на англ).

12. Джонс Т. Управление данными в обучении. Изучение языка как дискурс-анализ. *Асп: Ля Ревю дю Герас*. 2007;(51-52):35-51 (на англ).

13. Гаскелл Д, Кобб Т. *Существует ли измеримое обучение на основе практического конкорданса?* Кембридж: Издательство Кембриджского университета; 1997:301-315 (на англ).

Сведения об авторе

ЛИББА Елена Александровна – к. философ. н., доцент кафедры гуманитарных и специальных дисциплин Средне-Волжского института (филиала) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», г. Саранск, Российская Федерация, ORCID: 0009-0001-7203-4491

E-mail: snezhinka_elena@mail.ru

Information about the author

Elena A. LIBBA – Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines, Middle Volga Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Saransk, Russian Federation, ORCID: 0009-0001-7203-4491

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 04.11.24

Принята к публикации / Accepted 09.01.25

УДК 821.161.1

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2025-22-1-115-125>

Оригинальная научная статья

Авантюрный сюжет в прозе Б. Окуджавы (повесть «Похождения Шипова, или Старинный водевиль»)

Е. Н. Матюшкина

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,

г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

✉ ekaterina-matyush@yandex.ru

Аннотация

Цель настоящего исследования заключается в рассмотрении закономерностей преобразования авантюрной модели в повести Б. Окуджавы «Похождения Шипова, или Старинный водевиль». Актуальность исследования определяется тем, что осмысление авантюрного сюжета в прозе Б. Окуджавы, с одной стороны, необходимо для уточнения основных тенденций и путей развития литературного процесса 1960-70-х годов, а с другой – для понимания жанровой специфики повести автора «Похождения Шипова, или Старинный водевиль». Исследование основывается на использовании совокупности методов: историко литературного, сравнительно-типологического, социокультурного. Авантюрная канва и водевильный сюжет «Похождения Шипова» помогли, с одной стороны, предложить читателю соотнести данное произведение с определенной устойчивой структурой (повесть А. Толстого «Похождения Невзорова, или Ибикус», роман И. Эренбурга «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников» или роман чешского писателя Я. Гашека «Похождения бравого солдата Швейка»), с другой – добиться остроты в постановке актуальных вопросов, раскрыть сложность социокультурной ситуации. В результате исследования обнаруживается, что авантюренность, с одной стороны, связана со специфической формульностью, которая проявляется в широком применении соответствующих повествовательных приемов (авантюрный герой, яркость, зрелищность образов, фиксация деталей и др.), с другой – отражает фарсовость действительности. Структурная организация повести драматургична. Стилиевой доминантой текста Б. Окуджавы является тесная связь авантюренности с идеей театральности, которая в свою очередь достигается постоянным столкновением реальности и вымысла. Создание прозы с очевидным лирическим и философским началом не препятствует проникновению в нее авантюренности. Авантюрно в произведении Б. Окуджавы представление о судьбе «частного» человека как зависимости от истории и безуспешной попытке преодолеть её, а также предельно заостряется вопрос о свободе творческого самовыражения. Авантюрная схема используется автором с целью усиления пародийного звучания «истинного происшествия» в Ясной Поляне. Молодой граф Л.Н. Толстой подвергается преследованию в результате абсурдного донесения жандармского штаб-офицера. «Неканоничная» повесть, несомненно, являются новым этапом в развитии темы «глотка свободы» в творчестве автора. Перспективы дальнейшего исследования могут быть связаны с рассмотрением авантюрного начала в исторической прозе Б. Окуджавы, которая является примером сочетания историзма и авантюренности.

Ключевые слова: Б. Окуджава, авантюренность, авантюрный герой, театральность, водевиль, стилизация, мироощущение, гротеск, ирония, социокультурная ситуация

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Матюшкина Е. Н. Авантюрный сюжет в прозе Б. Окуджавы (повесть «Похождения Шипова, или Старинный водевиль»). *Вестник СВФУ*. 2025, Т. 22, № 1. С. 115–125. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-1-115-125

Original article

Specificity of adventurous in Bulat Okudzhava's prose (based on the story "The Adventures of Shipov, or Old Vaudeville")

Ekaterina N. Matyushkina

St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russian Federation

✉ ekaterina-matyush@yandex.ru

Abstract

The purpose of this study is to analyze the transformation of the adventure model in Bulat Okudzhava's story "The Adventures of Shipov, or Old Vaudeville". The relevance of the study is grounded in the fact that understanding the adventure plot in Bulat Okudzhava's prose is necessary, to begin with, to clarify the main trends and paths of development of the literary process of the 1960-70s and, additionally, to understand the genre specifics of the author's story "The Adventures of Shipov, or Old Vaudeville". The study is based on the use of a set of methods: historical and literary, comparative typological, socio-cultural. The adventure canvas and vaudeville plot in "The Adventures of Shipov" allowed the author to suggest that the reader relate this work to a specific literary structure (A. Tolstoy's story "The Adventures of Nevzorov, or Ibicus", I. Ehrenburg's novel "The Extraordinary Adventures of Julio Jurenito and His Disciples" or the novel by the Czech writer J. Hasek "The Adventures of the Good Soldier Schweik"). This allows the author to address complex socio-cultural issues with greater clarity. The study reveals that adventurousness is associated with a specific formulaic nature, manifested in the extensive use of narrative techniques (adventurous hero, brightness, spectacularity of images, and attention to details, etc.). Furthermore, it reflects the farcical nature of reality. The structural organization of the story is dramatic. The stylistic dominant of Bulat Okudzhava's text is the close connection of adventurism with the idea of theatricality, which, in turn, is achieved by the constant clash of reality and fiction. The creation of prose with an obvious lyrical and philosophical beginning does not prevent the penetration of adventurism into it. The adventurousness in Bulat Okudzhava's work is the idea of the fate of a "private" person as dependent on history and an unsuccessful attempt to overcome it, and the issue of freedom of creative expression is extremely sharpened. The adventurous scheme is used by the author in order to enhance the parodic sound of the "true incident" in Yasnaya Polyana. Young Count L. N. Tolstoy is persecuted as a result of an absurd report from a gendarme staff officer. The "non-canonical" story is undoubtedly a new stage in the development of the theme of "a breath of freedom" in the author's work. Prospects for further research may be related to the consideration of the adventurous beginning in the historical prose of Bulat Okudzhava, which is an example of a combination of historicism and adventurism.

Keywords: B. Okudzhava, adventurousness, adventure hero, theatricality, vaudeville, stylization, worldview, grotesque, irony, socio-cultural situation

Funding. No funding was received for writing this manuscript

For citation: Matyushkina E. N. Specificity of adventurous in Bulat Okudzhava's prose (based on the story "The Adventures of Shipov, or Old Vaudeville"). *Vestnik of NEFU*. 2025, Vol. 22, No. 1. Pp. 115–125. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-1-115-125

Введение

Необычна на фоне исторической романистики Б. Окуджавы авантюрная повесть «Похождения Шипова, или Старинный водевиль. Истинное происшествие». Помимо сатирического звучания ее выделяет прежде всего неожиданное в рамках творчества писателя прочтение прошлого. Авантюрность может считаться не только «пружиной» в развитии действия, но и возможностью проявления авторской иронии, отмеченной юмором и саркастической интонацией. Повесть не относится к классическим образцам авантюрной литературы, однако данная жанровая модель позволяет продемонстрировать «неканоничность прозы Окуджавы» [1, с. 12]. Стилизация в данном случае достигается взаимодействием традиционной художественной формы и индивидуальности автора.

Выбранный жанр «похождений» должен заставить читателя соотнести «истинное происшествие» с определенной устойчивой структурой. Достаточно вспомнить названия произведений, являющихся примерами авантюрной литературы: повесть А. Толстого «Похождения Невзорова, или Ибикус», роман И. Эренбурга «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников» или роман чешского писателя Я. Гашека «Похождения бравого солдата Швейка».

Актуальность исследования определяется, тем, что осмысление авантюрного сюжета в прозе Б. Окуджавы, с одной стороны, необходимо для уточнения основных тенденций и путей развития литературного процесса 1960-70-х годов, а с другой – для понимания жанровой специфики повести автора «Похождения Шипова, или Старинный водевиль».

Цель исследования заключается в рассмотрении закономерностей преобразования авантюрной модели в повести Б. Окуджавы «Похождения Шипова, или Старинный водевиль».

Определены задачи исследования:

- 1) выделить принципы реализации авантюрности в повести Б. Окуджавы «Похождения Шипова, или Старинный водевиль»;
- 2) рассмотреть взаимосвязь авантюрного начала с идеей театральности в повести Б. Окуджавы «Похождения Шипова, или Старинный водевиль»;
- 3) показать отдельные приемы авантюрного повествования, с помощью которых Б. Окуджава подчеркивает абсурдность, водевильность ситуации, а также воссоздает неоднозначность современной ему эпохи.

Теоретической базой исследования явились труды М. Бахтина, Ю. Лотмана, Д. Николаева, Р. Тазетдиновой и др. Особую значимость имеют работы, посвященные прозе Б. Окуджавы: Г. Белой, С. Бойко, Э. Зобниной.

Исследование основывается на использовании совокупности методов: историко-литературного, сравнительно-типологического, социокультурного.

Художественное своеобразие авантюрной повести Б. Окуджавы

Сочетание лирического, философского начала с авантюрностью становится способом моделирования художественной реальности в прозе Б. Окуджавы. Если главными героями его исторических романов («Бедный Авросимов», «Путешествие дилетантов», «Свидание с Бонапартом») были рефлексирующие «дилетанты», ощущающие глубокий конфликт с окружающим миром, невольно очутившиеся в центре событий прошлого, то в «старинном водевиле» главным становится образ авантюриста, в руках которого оказывается судьба великого писателя. М. Бахтин дает следующую характеристику авантюрному герою: «У него нет твердых социально-типических и индивидуально-характерологических качеств, из которых слагался бы устойчивый образ его характера, типа или темперамента. Такой определенный образ отяжелел бы авантюрный сюжет, ограничил бы авантюрные

возможности. С авантюрным героем все может случиться, и он всем может стать. Он тоже не субстанция, а чистая функция приключений и походов» [2].

Авантюрная схема используется Б. Окуджавой с целью усиления пародийного звучания абсурдной ситуации, связанной с преследованием Л. Толстого. Молодой граф в Ясной Поляне открыл школу для крестьянских детей и пригласил в преподаватели студентов, которые «подверглись каким-либо случайностям, оставили Университет». Существует донесение жандармского штаб-офицера о том, что они ведут «опасные» разговоры, произносят речи, «заимствованные из разных предосудительных изданий», а сам Л. Толстой «весьма замечателен своим либеральным направлением» [3, с. 6]. Для выяснения всех обстоятельств этого «деликатного дела» агент Михаил Иванович Шипов – «специалист по карманным воришкам» вместе со своим «компаньоном» доносчиком и филером Амадеем Гирсом («грек, а может быть, цыган или итальянец»), напоминая «тощую огорченную птицу с длинным лиловым клювом», тайно отправляются в имение уже известного на тот момент писателя.

В повести Б. Окуджавы два сыщика при московской полиции, получив большую сумму в канцелярии, не торопятся приступить к выполнению своих обязанностей. Так ни разу не побывав в Ясной поляне, в течение долгого времени они предаются пьянству, пускаются в любовные приключения, при этом сочиняя многочисленные донесения, в которых докладывают о своих значительных успехах в раскрытии заговора и наличии в имении Л. Толстого потайных ходов и комнат, в которых должны разместиться станки для «печатания противозаконных сочинений», а также придумывают различные предлоги для получения дополнительных средств. В кульминационный момент Шипов даже забывает о своем ответственном задании: «Чего мне там, в Ясной-то, надо? <...> - Чего? - И тут же вспомнил: - Да граф же Лев Толстой, господи! А я-то... <...> А чего Толстой-то, чего? Чего я ему?.. Чего я должен?..» [3, с. 126].

Будучи «вообще удачником», авантюрный герой Б. Окуджавы мечтает во что бы то ни стало продвинуться по карьерной лестнице, оправдывая свой успех предначертанием судьбы: «Нет, судьба не швырнула Шипова на произвол, не оставила в покое. Она тащила его за собой все выше и выше, тащила за руку, да он и не упирался. Лестницы из чистого мрамора покорно сияли под его ногами. Резные тяжелые двери распахивались перед ним. Среди надменных мундиров как равный мелькал его поношенный мышинный сюртук» [3, с. 24]. К своим 36 годам Михаил Шипов стал не только «за жульем охотник», но и, являясь бывшим дворовым человеком князя В.А. Долгорукова, ловко обращался с подносом и умел подать на стол, что с гордостью демонстрировал в трактире. «Измученная» публика к нему обращалась «великий человек», а хозяин был уверен, что глаза сыщика излучают «свет наподобие искр», сам же он, «окрыленный удачей», размышлял: «Когда бы вы знали, пустоглоты, на какую я верхушку залетел, вы бы все в ножках у меня валялись» [3, с. 21]. Все это резко контрастирует с описанием «поношенного горохового пальто» и «темно-серого, мышинного сюртука». Поддерживая водевильный комизм, речь героя изобилует разными, по всей видимости, выученными до «эманципации» французскими «словечками», которые он часто использует совершенно неуместно в сочетании с просторечиями: «Ну, будь, <...> Наговорил, консоме, с три короба» [3, с. 15–16], «Так понимайте, что я просто, тре жолы, с вами сижу, ласы точу» [3, с. 17], «У меня есть в затылке такая струночка <...> Как что - она у меня лямур-тужур, тенькает – и готово» [3, с. 21]. Все это дает представление о характере персонажа, а также подчеркивает нелепость происходящего.

Многое в прозе и поэзии Б. Окуджавы было продиктовано событиями, происходившими в стране и в его собственной судьбе. Трагические процессы эпохи определяют содержание и пронизывают собой всю ткань произведений автора. В конце 1960-х годов у Б. Окуджавы все настойчивее и смелее звучат темы сыска, преследования и доноительства. В марте 1966 года он подписывает коллективное писательское письмо в защиту А. Синявского и Ю. Даниэля, осужденных за публикацию на Западе «антисоветских» сатирических произведений. В то же время собственная творческая судьба Б. Окуджавы складывалась непросто, в частности возникали большие трудности с публикацией прозы. Повесть «Похождения Шипова, или Старинный водевиль», законченная в июне 1970 года, отдельной книгой была опубликована только в 1975 году. Это связано с давлением на Б. Окуджаву из-за зарубежных публикаций: в 1960-е годы записи его песен вышли в Лондоне и Париже, сборники прозы и поэзии – в издательстве «Посев» (Франкфурт-на-Майне). Он обратился в партком Московской писательской организации с просьбой объяснить причины сложившейся ситуации. В свете данных событий становится очевидно, почему в списке действующих лиц, нетривиальном элементе для прозаического произведения, на первом месте стоит вовсе не филер Шипов, а «граф, отставной артиллерии поручик, тульский помещик, литератор, 34 лет» [10, с. 4]. Предлагая периодизацию творчества Б. Окуджавы, С. Бойко выделяет «период исторических романов» – «приблизительно с 1965 до 1983 г». Именно в это время создаются «Похождения Шипова». Представляется значимой в контексте размышлений исследователя мысль: «писатель обращается к фантазмагории и гротеску, а также к традиционным для возрожденческой литературы образам плутов. В этот период создаются песни, прославляющие человека-творца, говорящие о живой связи настоящего с далеким прошлым» [4, с. 30].

Секретные доносы в повести Б. Окуджавы чередуются с отрывками писем ничего не подозревающего о слежке Л. Толстого, в которых он высказывает беспокойство о своей школе, интересуется состоянием здоровья сестры, рассказывает о планах публикации нового романа и др. Значимым оказывается то, что как и во всей его прозе, в повести наблюдается синтез «частного» и «исторического», в основе которого история неизменно главенствует над «я» отдельного человека, а также предельно заостряется вопрос о свободе творческого самовыражения.

Известный исследователь авантюрной литературы Д. Николаев обращает внимание на тесную связь авантюрного начала с идеей театральности в истории европейской литературы: «все меньше значит таинственный режиссер-кукловод, решающую роль теперь играет автор сценария, в чьем воображении рождаются сцены бытия» [5, с. 8]. Таким образом, в авантюрном произведении возможно формирование театрального кода, который раскрывается через поведение героев и особое видение событий. Н. Заварницына справедливо отмечает, что «театрализация прозы зачастую является актом бессознательного творчества писателя, что приводит к особому восприятию текста читателем» [6, с. 111]. Театральность прозы Б. Окуджавы проявляется в особом мироощущении и очевидно связана с увлечением автора кинематографией: он принимает участие как сценарист и автор песен в ряде фильмов («Верность» 1965 г., «Женя, Женечка и "катюша"» 1967 г., «Соломенная шляпка» 1974 г. др.). Необходимо отметить, что в повести «Похождения Шипова» используются несколько иные приемы для создания театральнойности, нежели в исторических романах. В них театральность представлена как один из способов репрезентации прошлого, который предполагает определённую форму отношений человека с миром.

Структурная организация авантюрной повести Б. Окуджавы подчеркнута драматургична, что в полной мере соответствует поэтике заявленного в заглавии водевиля, в основе которого некий случай из жизни, обман, но главное - выявление пороков человеческой природы.

В качестве одного из ключевых признаков водевиля выделяют наличие куплетов, которые подчеркивают «связь данного жанра со сценическим мастерством, а также с музыкой» [7, с. 837]. Куплеты в повести Б. Окуджавы не связаны с основным действием, не содержат в себе вывода или морали, просьбы или выражения чувств. Всегда повторяются одни и те же строки, неожиданно появляющиеся в разных ситуациях. Впервые читатель встречается с ними при знакомстве с Шиповым: «И в этой благодатной тишине вдруг откуда ни возьмись звучали какие-то слабые струны; какие-то неясные звуки вырывались из-за домов, из подворотен; какие-то слова, которых было не понять, не запомнить, разрозненные, сбивчивые: какая-то песня, что ли, которую напевал некий невидимый житель - не пьяный сапожник, не сбитенщик, не бродяга, не вор, не извозчик, но и не тайный советник, или генерал, или князь...

Зачем тебе алмазы и клятвы все мои?

В полку небесном ждут меня.

Господь с тобой, не спи...» [3, с. 27–28]

Тяготение к театральной форме подачи литературного материала проявляется у Б. Окуджавы в специфической графике текста. В повести «Похождения Шипова» писатель использует тот же прием, который уже наблюдался в его первом историческом романе «Бедный Авросимов»: драматургический отрывок вмонтирован в основное пространство прозаического произведения. При этом данные конструкции не выглядят инородными, они логически продолжают пространственные диалоги героев, создают комический эффект. Достаточно вспомнить забавный эпизод с безуспешным поиском типографических станков на дне пруда в имении Л. Толстого. Прозаическое повествование прерывается несколько раз драматургическими вставками:

«Полковник (Шипову). Кстати, вы настаиваете, что станки в пруду?

Шипов. А как же <...>

Полковник (Шипову). А вы уверены, что в пруду? Уверены?.. Вы что, голову мне морочите? Отвечайте...

Шипов. Тама, тама, где ж им еще-то быть? <...>

Михаил Иванович усмехнулся невесело, покачал головой и увидел, как он, еще молодой и красивый, в розовой рубашке и новых сапогах, легко летит к берегу озера, где в синей воде топчутся два толстоногих рыбака, выбирая из бредня скользкую пятнистую форель <...>

Полковник. Стой!.. Попалось что-нибудь? Зацепили? А ну-ка, пощупайте... Да не ногой, руками, руками... Есть?.. Нет?..

Шипов. Надо бы две лодки и сеть. Может, они на самой середине лежат. Может, их с лодки скидывали.

Полковник. Вы говорите, их с лодки скидывали?

Шипов. А кто ж их знает, могли и с лодки.

Полковник. Нет, вы мне точно говорите: скинули или нет?

Шипов. Скинули, а как же... <...>

Михаил Иванович закрыл глаза и увидел, как его в наручниках увозят из Ясной Поляны» [3, с. 191–194].

Высказывания героев никак не комментируются автором. Диалоги продолжают то в драматургической, то в прозаической форме. Попутно Б. Окуджава

даёт иронические указания на интонации или состояние персонажей в первую очередь Шипова.

В тексте частично происходит трансформация традиционного оформления прозы в соответствии с принципами драматургии. Неожиданное для читателя появление данных элементов в повести влияет на восприятие, изменяется ритм повествования. Достаточно репрезентативной иллюстрацией может служить разговор полковника Муратова и незадачливого сыщика Амадея Гираса, в ходе которого происходит разоблачение авантюрного предприятия:

«Полковник. А что он в Петербург сообщал?

Гирас. Страшно говорить. Дозвольте, я вам пошепчу... (шепчет).

Полковник. Ничего себе! Какая ложь! Да он-то сам там бывал, в Ясной? Он сам-то видел?..

Гирас. В том-то и дело, что не. был...

Полковник. А вы?

Гирас. Я, конечно... То есть не то чтобы был... То есть я был.

Полковник. Да и вы не были, черт вас возьми!

Гирас. Я? Ваше высокоблагородие, я там не был» [3, с. 112].

Кроме драматургических вставок в текст повести врываются непонятно кем исполняемый куплеты:

«Николай Серафимович принялся выхаживать по кабинету, не говоря ни слова, да так стремительно, что давний неведомый мотив не поспевал, летя за ним следом, и ударялся об стены, и разлетался в мелкие брызги, часть из которых попадала на Гираса.

...в полку небесном ждут меня...

"Какое свинство! - думал полковник. - Какая грязная возня! И вокруг чего?.. Навозные жуки высасывают из пальца историю, чтобы доказать мне, что я свинья! Кому это надобно?.."

...Зачем тебе алмазы?..

- А что, - вдруг оборотился он к Гиросу, - значит, ежели вы правы, стало быть, я полная свинья? <...>

"Какая грязь! - думал он. - Значит, ежели вы виноваты, граф Лев Николаевич, стало быть, и я виноват, что недоглядел? Так я докажу им, докажу вашу порядочность и непричастность..."

...в полку небесном ждут меня.

Господь с тобой, не спи!..» [3, с. 113-114].

Таким образом, экспериментируя с визуально разнообразными элементами в рамках авантюрного повествования, Б. Окуджава, с одной стороны, имеет возможность удерживать внимание читателя, а с другой - создавать интересный художественный орнамент своего произведения.

Поддерживая эффект театральности, условность и иллюзорность становятся стилиевой доминантой текста «похождений». Размышляя об адаптации и жанровых трансформациях водевиля в России, М. Планида и Т. Рудиченко приходят к весьма значимому выводу: «взаимодействие с другими родственными театральными и музыкально-драматическими жанрами позволяет обновлять язык искусств и образно-эмоциональную сферу, усложнять переплетение драматургических линий и создавать дополнительные возможности конструирования конфликта, что позволяет рассматривать его как полижанровое явление» [8, с. 73].

Читатель неминуемо превращается в зрителя, наблюдающего за наполненным действием мизансценами и огромной «массовкой». «Пустыня из крутящегося снега и темени», посреди которой незадачливые сыщики встретились со стаей волков, превращается в некое подобие сценического пространства. Б. Окуджава

дает зрелищные, яркие описания действий персонажей, а заложенная во многие эпизоды сценичность вовлекает читателя в происходящее, добиваясь у него эмоционального отклика: «И он заверещал пронзительно, по-заячьи, ухватился за ствол и закабался, срывая ногти и кожу, по обледенелому стволу, по сучьям вверх, вверх, словно решил во что бы то ни стало достигнуть неба и никогда не возвращаться обратно. Тонкий ствол прогибался под его тяжестью, тонкие веточки обламывались, тонкие льдинки врезались в ладони, а он лез и лез <...> Вдруг ствол изогнулся, не выдержав его тяжести, и Шипов повис, болтая ногами. В этот момент выглянула луна. Под ним была метель, и в ней, в ее карусели, он увидел мелькающие поджарые тени» [3, с. 71-72].

В этой сцене театральность достигается столкновением реальности и вымысла. Шипову, оцепеневшему от страха, почудилось, что это вовсе не стая волков, а «шайка» разбойников во главе с «белобрысым» атаманом, который «кружился на снегу, вскидывал лапы, воистину плясал». Он не может понять где реальность, а где всего лишь плод его фантазии. Ведь волки пляшут перед сыщиком, поют «по очереди» и даже предлагают «пропустить махонькую». В этот момент герой придается философским размышлениям о том, что много «суеты и хлопот» в жизни, что он охотится за графом Толстым, и за ним «идёт охота, и на волков ведь тоже охотятся» [3, с. 74].

В произведении Б. Окуджавы, несомненно, усиливается гротеск, присутствуют игровые моменты, быстрая смена «декораций» и состояний главного героя (например, комичный эпизод с переодеванием в старуху-странницу тульского жандармского полковника Муратова, пытавшегося разоблачить филеров, праздно проводящих время у вдовы Дасеньки).

Ярко театрален эпилог повести, в котором представлена сцена «воспарения» арестованного опасного государственного преступника Шипова. Читатель наблюдает за тем, как «во дворе Суцевской полицейской части» готовится к ссылке в Сибирь бывший сыщик. В тот момент, когда он узнает в конвойном офицере своего компаньона Гирosu, автор использует парадоксальный сюжетный ход - вдруг «цепи, словно устав под собственной тяжестью, легко соскользнули на землю», а преступник, сказав последнее «мерси», «вытянулся весь, застыл на мгновение и вдруг начал медленно подниматься в воздух, все выше, выше и полетел легко и свободно, не меня торжественной позы, с едва заметной благостной улыбкой на устах, озаренный пламенем заката, все выше, выше, пока не превратился в маленькую красную точку и не исчез совсем в сумеречном небе» [3, с. 199-200]. Важным для понимания специфики персонажа представляется утверждение Э. Зобниной: «В образе Шипова сочетаются человеческая ничтожность и подлинная трагедия личности, подобное изображение персонажа было особенно характерно для Гоголя и позднее для Достоевского. Окуджава выстраивает некий ассоциативный типологический ряд, ведет литературную родословную героя от Акакия Акакиевича Башмачкина из гоголевской “Шинели” до Макара Деvушкина (роман “Бедные люди”) и отчасти “подпольного человека” (“Записки из подполья”) Достоевского» [9, с. 24].

Анализируя художественно-текстовый вид театральности, Р. Тазетдинова исходит из того, что «театральность как феномен <...> проявляется не в тематике и даже не всегда в образности, а в мироощущениях субъекта, интерпретирующего поведение персонажей. Как поэтологическая характеристика она “расслаивает” смысловое пространство произведения, поэтому любой текст - от актуального до абсурдного, допускающий такое членение, обладает характеристиками театральности» [10, с. 31]. Действительно, «театральная обработка» финала выполняет роль карикатуры. Нелепый фантастический «побег» Шипова –

мистификация, разыгранная Б. Окуджавой для читателя, оказывается необычайно созвучна строкам начала повести: «Но странное дело - чем выше взлетал он, чем вельможнее, недостижимее и страшнее возникали перед ним персоны, тем спокойнее становилось у него на душе» [3, с. 24]. Сатирический персонаж повести – порождение системы, которая боялась «открытого скандала» и в многочисленных донесениях филера получала то, что хотела изначально услышать. Здесь уместно вспомнить слова Ю. Лотмана: «Герой плутовского романа не разрушал окружающую его жизнь: вся его энергия, все умение выбиться из социальной обоймы были направлены на то лишь, чтобы улечься в эту же обойму, но наиболее выгодным и приятным для себя образом. Его активность объективно не разрушала, а утверждала общий порядок жизни» [11].

Авантюрное произведение Б. Окуджавы оказалось весьма интересным в аспекте сценической репрезентации. Уже в 1975 году пьеса «Мерси, или Похождения Шипова» (режиссер В. Воробьев) была поставлена в Ленинградском театре музыкальной комедии. В XXI в. свои «Похождения Шипова» есть в Калужском областном драматическом театре (2009 г., режиссер-постановщик А. Плетнев) и Московском театре «Et Cetera» (2011 г., постановщик С. Грицай). Финал «похождений» оставляет ощущение некой недосказанности, заставляя современных читателей и драматургов возвращаться к этой истории, переосмысливая текст минувшей эпохи. Рассматривая возникшие типы инсценировок повествовательной прозы, Е. Гордиенко подчеркивает, что «повышенное внимание к повествовательной литературе есть одна из сторон всеобщей эпизации театра <...> Театр есть репрезентация, но не удвоение действительности и не сама действительность. Эпический претерит в литературе выступает, прежде всего, как знак фикциональности, смещающий авторскую систему координат в фиктивные системы героев. В театре он подчеркивает разрыв между изображающим и изображаемым действием, принципиальное несовпадение между означаемым и означающим» [12, с. 52-56].

Заключение

Добиваясь остроты в постановке актуальных вопросов своего времени, раскрывая сложность социокультурной ситуации, Б. Окуджава предложил свою интерпретацию традиционной литературной схемы. Оригинальность авторского подхода к авантюрной структуре определяется сочетанием в повести приемов авантюрного повествования (модель «похождений», авантюрный герой, яркость, зрелищность образов, фиксация деталей и др.) с театральной условностью, которая дает необычайную свободу творческой фантазии поэта, создающего прозу. Обозначенный уже в «Похождениях Шипова» сценический характер действия претерпит значительные изменения в поэтике позднего творчества Б. Окуджавы. Однако уже в этом небольшом авантюрном произведении намечается важная для автора тема столкновения «частного» человека и непостижимых сил истории, которые вторгаются в его повседневность.

Литература

1. Белая Г. Булат Окуджава, время и мы. *Избранные произведения в 2 т.* Москва: Современник; 1989;1:3-24
2. Бахтин М.М. *Проблемы поэтики Достоевского*. URL: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/kritika/bahtin-problemy-poetiki/4-zhanrovy-osobennosti-i.htm>, свободный (дата обращения 11.01.2025).
3. Окуджава Б.Ш. *Похождения Шипова, или Старинный водевиль. Истинное происшествие. Избранные сочинения: В 2 т.* Москва: Современник; 1989;2:3-200.

4. Бойко С.С. *Творческая эволюция Булата Окуджавы и литературный процесс второй половины XX века*: Автореферат дис. ... д. филол. н. Москва. 2011:8.
5. Николаев Д.Д. *Русская проза 1920-1930-х годов: авантюрная, фантастическая и историческая*: Автореферат дис. ... д. филол. н. Москва. 2006:44.
6. Заварницына Н.М. Театрализация недраматургического текста: проза М. Кузмина. *Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева*; 2018; 1(4):111-117.
7. Высокович К.О. Особенности жанра водевиля в творчестве А.А. Шаховского, Н.И. Хмельницкого, А.С. Грибоедова. *Научные труды Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского. Сер. «Гуманитарные науки»*. Калуга: 2020:836-841
8. Планида М.Ю., Рудиченко Т.С. Водевиль в России: адаптация и жанровые трансформации. *Южно-Российский музыкальный альманах*. 2019;36(3):71-76.
9. Зобнина Э.М. Традиции русской литературы XIX в. в прозе Б.Ш. Окуджавы (восприятие, интерпретация, оценка): Автореферат дис. ... к. филол. н. Москва. 2008:27.
10. Тазетдинова Р.Р. Театральность как феномен в бытии культуры: Автореферат дис. ... д. филос. н. Казань. 2013:46.
11. Лотман Ю.М. *Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII–начало XIX века)*. URL: <https://opentextnn.ru/old/man/index.html?id=1305> (дата обращения 5.01.2025).
12. Гордиенко Е.И. Повествовательный текст в прошедшем времени в инсценировках прозы на русской сцене. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2014;32(2);2:52-57.

References

1. Belaya G. Bulat Okudzhava, the time and us. *Selected works*. Moscow: Sovremennik; 1989;1:3-24 (in Russian).
2. Bakhtin MM. *Problems of Dostoevsky's poetics*. Available at: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/kritika/bakhtin-problemy-poetiki/4-zhanrovye-osobennosti-i.htm> [Accessed 11 January 2025] (in Russian).
3. Okudzhava BSh. Shipov's Adventure or an Old Vaudeville: a True incident. *Selected works*. Moscow: Sovremennik; 1989;2:3-200 (in Russian)
4. Boyko SS. *Creative evolution of Bulat Okudzhava and the literary process of the second half of the 20th century*. Summary of Doctoral dissertation (Philology). Moscow: 2011:8 (in Russian).
5. Nikolaev DD. Russian prose of the 1920-1930s: adventure, fantastic and historical. Summary of Doctoral dissertation (Russian literature). Moscow: 2006:44 (in Russian).
6. Zavarnitsyna NM. Theatricality metamaterial text: prose by M. Kuzmin. *V. N. Tatishchev Bulletin of the Volga University*. 2018;1(4):111-117 (in Russian).
7. Vysokovich KO. Features of the vaudeville genre in the work of A.A. Shakhovsky, N.I. Khmel'nitsky, A.S. Griboedov. *Scientific works of the K.E. Tsiolkovsky Kaluga State University. Series "Humanities"*. Kaluga: 2020:836-841 (in Russian).
8. Planida MYu, Rudichenko TS. Vaudeville in Russia: adaptation and genre transformations. *South-Russian Musical Anthology*. 2019;3(36):71-76 (in Russian).
9. Zobnina EM. Traditions of Russian literature of the 19th century in the prose of Bulat Okudzhava (perception, interpretation, evaluation). Summary of Candidate's dissertation (Philology). Moscow: M.V. Lomonosov Moscow State University; 2008:27 (in Russian).
10. Tazetdinova RR. Theatricality as a phenomenon in the existence of culture. Summary of Doctoral dissertation (Philosophy). Kazan: 2013:46 (in Russian).
11. Lotman YuM. *Conversations about Russian culture. The life and traditions of the Russian nobility (XVIII – early XIX centuries)*. Available at: <https://opentextnn.ru/old/man/index.html?id=1305> [Accessed 5 January 2025] (in Russian).
12. Gordienko EI. Narrative text in the past tense in stage adaptations of prose in Russian theater. *Philological sciences. Theory and practice issues*. 2014;2(32);2:52-57 (in Russian).

Сведения об авторе

МАТЮШКИНА Екатерина Никитична – к. филол. н., доцент кафедры общественных наук, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет», г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: 0009-0007-2726-2755

E-mail: ekaterina-matyush@yandex.ru

Information about the author

Ekaterina N. MATYUSHKINA – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Department of Social Sciences, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russian Federation, ORCID: 0009-0007-2726-2755

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 09.01.25

Принята к публикации / Accepted 12.02.25

УДК 81'373.45

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2025-22-1-126-137>

Оригинальная научная статья

Конвенционализация и легитимизация лексических заимствований (на примере англо-корейской языковой пары)

Т. С. Мозоль

Московский государственный лингвистический университет, г. Москва,

Российская Федерация

✉ t.s.mozol@linguanet.ru

Аннотация

Лексические заимствования представляют собой одно из наиболее широко распространенных проявлений лингвистической интерференции. Возникающие в процессе лингвистической интерференции языковые инновации связаны с трансформацией существующих структур знаний, разделяемых обществом и обусловленных социокультурными явлениями. Разная степень закрепленности в сознании носителей принимающего языка проявлений лингвистической интерференции отражается также в характере кодификации. Так, в результате системной интерференции происходят трансфер и закрепление структур знаний в общем фонде знаний о языке (фиксация в словарях и грамматических справочниках в качестве языковой нормы, т. е. легитимизация), в то время как функциональная интерференция не всегда подразумевает закрепление в общем фонде знаний в качестве языковой нормы и соотносится с легитимизацией (т. е. общественной кодификацией). Целью данной статьи является изучение механизмов и специфики процессов кодификации лексических заимствований в языковой паре корейский (южнокорейский вариант) и английский языки. В целом следует отметить значительную степень асимметричности как процессов лексического заимствования (по количеству фиксируемых в словарях заимствований и по диапазону сфер знаний, в которых заимствуются новые слова), так и процессов кодификации в данной языковой паре. В Республике Корея происходят активная легитимизация и конвенционализация англицизмов в национальном языке, что отражает значительную роль английского языка в качестве источника неологизации, а также интенсивность интерференционного воздействия в направлении английский→корейский. В США в словаре Мэрриам-Уэбстер зафиксировано незначительное количество корейских заимствований (менее 0,01% от общего количества словарных статей), при этом привлекает внимание активизация процессов общественной кодификации, обусловленных главным образом влиянием т. н. корейской волны.

Ключевые слова: кодификация, легитимизация, конвенционализация, общественная кодификация, системная лингвистическая интерференция, функциональная лингвистическая интерференция, языковой контакт, языковая политика, языковая инновация, лексические заимствования

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Мозоль Т. С. Конвенционализация и легитимизация лексических заимствований (на примере англо-корейской языковой пары). *Вестник СВФУ*. 2025, Т. 22, № 1. С. 126–137. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-1-126-137

Originale article

Conventionalization and legitimization of lexical borrowings (on the example of the English-Korean language pair)

Tatiana S. Mozol

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation

✉ t.s.mozol@linguanet.ru

Abstract

Lexical borrowings are considered to be one of the most widespread manifestations of linguistic interference. The linguistic innovations identified in the context of linguistic interference are associated with the transformation of existing knowledge structures that are shared within society and are influenced by socio-cultural phenomena. The different ways in which linguistic interference is fixed in the consciousness of speakers of the receiving language are also reflected in the nature of codification. Therefore, systemic interference results in the transfer and consolidation of knowledge structures in the general fund of knowledge about language (fixation in dictionaries and grammars as a linguistic norm, i.e. legitimisation). Meanwhile, functional interference does not always imply fixation in the general fund of knowledge as a linguistic norm and correlates with legitimisation (i.e. social codification). The purpose of this article is to study the mechanisms and specifics of codification processes of lexical borrowings in the language pair of Korean (South Korean variant) and English. It is important to note the marked asymmetry observed in both lexical borrowing processes (in terms of the number of borrowings recorded in dictionaries and the range of knowledge fields in which new words are borrowed) and codification processes in this language pair. The Republic of Korea has demonstrated a clear commitment to the active legitimisation and conventionalisation of Anglicisms within the national language. This phenomenon is widely considered to be a reflection of the significant role of English as a source of neologisation, as well as the intensity of interference occurring in the English→Korean direction. The Merriam-Webster Dictionary has recorded a small number of Korean loanwords in the USA (less than 0.01% of the total number of dictionary entries). However, the increasing processes of social codification attracted by the influence of the phenomena known as the *Korean wave*.

Keywords: codification, legitimization, conventionalization, societal codification, systemic linguistic interference, functional linguistic interference, language contact, language policy, language innovation, lexical borrowings

Funding. No funding was received for writing this manuscript

For citation: Mozol T. S. Conventionalization and legitimization of lexical borrowings (on the example of the English-Korean language pair). *Vestnik of NEFU*. 2025, Vol. 22, No. 1. Pp. 126–137. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-1-126-137

Введение

Лексические заимствования представляют собой одно из наиболее широко распространенных проявлений лингвистической интерференции, возникающей в языках как следствие контактов между ними¹. В процессе лингвистической интерференции возникают различные языковые инновации (в т. ч. лексические), связанные с трансформацией существующих структур знаний, разделяемых обществом и обусловленных социокультурными явлениями.

¹ Под интерференцией понимаются все виды изменений (в том числе заимствования), которые возникают в контактирующих языках в любом направлении как в речи, так и в языковой системе [1].

Как отмечают Х. Кругер и Б. ван Рой, в основе всех языковых изменений лежат индивидуальные инновации психолингвистического характера и последующая их кодификация в языковом сообществе [2]. Кодификация представляет собой процесс отбора и установления определенных способов языкового употребления в обществе. Следует отметить разную степень закреплённости в сознании носителей принимающего языка языковых инноваций, обусловленных лингвистической интерференцией, что отражается в характере кодификации.

Кодификация включает в себя конвенционализацию, т. е. общественную кодификацию, под которой понимается широкое использование возникающих с течением времени в языке инноваций, и легитимизацию – закрепление в языке на официальном уровне инноваций, получивших широкое распространение в языковом сообществе, в качестве языковой нормы [3].

Проблема языковых инноваций изучалась с разных точек зрения: с диахронической [4], словообразовательной [5], социолингвистической [6–10], а также с точки зрения проблемы кодификации новых языковых форм и значений [11–13].

Языковые инновации, возникающие в результате языкового контакта и лингвистической интерференции, также подвергаются кодификации по мере распространения и закрепления в принимающем языковом сообществе. При этом лексические заимствования несомненно играют важную роль в инновационных процессах. Цель данной статьи – изучить специфику процессов кодификации (легитимизации и конвенционализации) лексических заимствований в языковой паре корейский и английский языки. Актуальность данной темы обусловлена тем, что несмотря на имеющиеся исследования в области языковых инноваций, проблема кодификации лексических заимствований в целом, а также в англо-корейской языковой паре в частности не выступала в роли отдельного объекта исследования при изучении интерференции. Исходя из цели исследования, мы ставим вопросы о том, как соотносятся системная и функциональная интерференции с процессами легитимизации и конвенционализации, каковы механизмы кодификации лексических заимствований и как реализуются в языковой паре корейский и английский языки.

Конвенционализация и легитимизация

Лингвистическая интерференция предполагает как долговременные процессы реконцептуализации и рекатегоризации, так и текущее реконструирование фрагментов действительности у носителей языка-реципиента, в связи чем мы выделяем системную (языковую) и функциональную (речевую) интерференции.

В результате системной интерференции происходит трансфер и закрепление структур знаний в общем фонде знаний о языке (фиксация в словарях и грамматических справочниках в качестве языковой нормы, т. е. легитимизация), в то время как функциональная интерференция не всегда подразумевает закрепление в общем фонде знаний в качестве языковой нормы и соотносится с общественной кодификацией (т. е. конвенционализацией). Конвенционализация и легитимизация представляют собой механизм, который преобразует возникшую в результате интерференции инновацию в общепринятую и разделяемую членами языкового сообщества.

Легитимизация является важным инструментом языковой политики, направленным на придание официального статуса и престижности тем или иным языковым формам и вариантам, связанным в конечном итоге с формированием т. н. лингвистического капитала в терминологии П. Бурдьё [14]. Фиксация в авторитетных словарях, грамматических справочниках и учебниках, публикуемых государственными организациями, безусловно способствует повышению статуса

и престижности данных языковых форм. Таким образом, легитимизация идет рука об руку с официальной языковой политикой и соотносится с проявлениями лингвистической интерференции на коллективном уровне, когда «в рамках языковой политики государства определяется, войдут ли в национальный язык (фиксация в словарях и т. д.) получающие в результате лингвистической интерференции распространение на уровне языкового сообщества иноязычные языковые инновации и приведет ли это в дальнейшем к их воспроизводству во времени» [15, с. 82].

Возникновение и последующее многократное использование новых языковых форм, появление которых связано с воздействием другого языка, запускает механизмы конвенционализации (общественной кодификации) с последующим закреплением и установлением функциональных форм интерференции. В процессе общественной кодификации новые интерференционные формы приобретают статус общепринятых в той мере, в какой они используются членами языкового сообщества для решения тех или иных коммуникативных целей. В последнее время интернет-пространство (блоги, посты в социальных сетях и т. п.), СМИ (реклама, телепередачи и пр.) и сфера развлечений (музыка, сериалы и пр.) становятся важными средствами общественной кодификации. Кроме того, значительную роль в общественной кодификации играют различные виды открытых пользовательских словарей, которые не имеют статуса официальных, но при этом отражают реальную ситуацию в использовании языка.

Регулярное использование тех или иных языковых форм в качестве приемлемых для говорящих в итоге может быть выработано в норму, закрепленную на уровне всего языкового сообщества [16]. Проявления лингвистической интерференции функционального типа могут со временем проходить легитимизацию и закрепляться в качестве языковой нормы на официальном уровне, т. е. переходить на уровень лингвистической интерференции системного типа при наличии соответствующих предпосылок, таких как значительный масштаб распространения в языковом сообществе, использование авторитетными представителями и т. п. При этом отдельные проявления функциональной интерференции могут оставаться не легитимизированными и составлять повседневный коммуникативный репертуар лишь отдельных представителей языкового сообщества.

Рассмотрим подробнее, как происходят легитимизация и кодификация в Республике Корея и США лексических заимствований в англо-корейской языковой паре.

Легитимизация и конвенционализация английских лексических заимствований в Республике Корея

Разработка языковой политики в Республике Корея в настоящее время определяется Основным законом о корейском языке (2005). Непосредственно сама разработка и реализация государственной языковой политики осуществляется созданным в 1990 году Министерством культуры (в настоящее время – Министерство культуры, спорта и туризма), а также Национальным институтом корейского языка, находящемся в прямом подчинении Министерству. Национальный институт корейского языка был основан в 1991 г. в соответствии с указом президента, перед ним стоят задачи по разработке языковой политики, осуществлению исследовательской деятельности в области родного языка, а также повышению грамотности населения. В Министерстве при этом утверждается и контролируется реализация планов в сфере языковой политики, ведется подготовка законодательной базы в языковой сфере, осуществляется руководство работой Национального института корейского языка. Таким образом, большая часть полномочий по разработке государственной языковой политики в Республике Корея

возлагается на Министерство, а Институт отвечает за ее практическую реализацию и проведение научных исследований в области корейского языка [17].

Министерство культуры, спорта и туризма, а также Национальный институт корейского языка – это ключевые государственные организации, отвечающие за легитимизацию и придание официального статуса тому или иному языковому явлению.

Современный стандартный корейский язык основывается на разработанных и утвержденных данными органами ключевых положениях (Правила орфографии, 2017; Положения о стандартном языке, 2017; Правила написания иностранных слов, 2017; Правила романизации, 2014 и др.).

Самым авторитетным словарем в Республике Корея считается Большой словарь стандартного корейского языка, издаваемый Национальным институтом корейского языка. Данный словарь является «эталоном правильности», как правило, к нему обращаются при возникновении разногласий, на него ориентируются при составлении официальных документов, учебников, при подготовке материалов центральных СМИ и пр. [17, с. 244]. В состав данного словаря входит около 420 тыс. слов, среди них в настоящее время зафиксировано более 20 тыс. заимствований (т. е. 4,7% от общего количества словарных статей) из английского языка, относящихся к самым разнообразным областям знания (естественные науки, медицина, культура, спорт и пр.) [18]².

В Республике Корея языковая политика в области пуризации языка носит в большей степени рекомендательный характер (в отличие от КНДР). Примерно за 20 лет после своего создания Национальный институт корейского языка рассмотрел и предложил к замене на корейские около 25 тыс. иноязычных слов, включая английские заимствования [19], однако большая часть из предложенных Институтом вариантов так и них не получила широкого распространения, степень вхождения пуризованных слов в повседневное использование остается низкой, в то время как количество заимствований (главным образом из английского языка) продолжает неуклонно расти с каждым годом.

Еще одним важным направлением деятельности Национального института корейского языка в области лексикографии является составление и издание сборников неологизмов корейского языка³, в которых также кодифицируется значительное количество англицизмов, не зафиксированных в официальных словарях.

В процессах конвенционализации языковых инноваций в Республике Корея и США большую роль играет интернет-пространство, музыка, кинематограф, реклама и т. п.

В Республике Корея активно идут процессы общественной кодификации (конвенционализации) многочисленных англицизмов. Так, например, большое количество не зафиксированных словарями слов из английского языка встречается в самых разных сферах: на корейском телевидении в рекламе, сериалах и фильмах, развлекательных телепередачах, в СМИ, в поп-музыке⁴ и профессиональной коммуникации (наука, техника, мода, медицина и т. п.)⁵. Подобные англицизмы могут использоваться носителями корейского языка с различными целями: для повышения престижности, авторитетности, формирования модного, молодежного, современного, профессионального имиджа и т. п.

Так, к примеру, в корейской поп-музыке и сериалах вкрапления англицизмов могут составлять отрезки самой разной длины: от одного слова до целой фразы.

² С учетом англицизмов и гибридных слов (англицизм+исконно корейское слово, англицизм+слово иероглифического происхождения, англицизм+слово из другого языка).

³ Серия данных сборников издавалась Национальным институтом корейского языка вплоть до 2019 года.

⁴ См. работы Lee [20, 21, 22, 23], Lawrence [24].

⁵ См. работы 류승범 외 [25], 문혜진 외 [26], 하윤선 [27].

Использование англицизмов в текстах корейских песен К-поп позволяет создавать особый коммуникативный эффект, передавать «напористость, жажду удовольствий и свободы», формировать особое дискурсивное пространство для корейской молодежи, в котором можно самоутверждаться, находить свою идентичность, искать новые смыслы, бросать вызов патриархальному обществу, традиционным нормам и правилам [20].

С другой стороны, использование англицизмов в сериалах часто помогает подчеркнуть профессионализм, грамотность и успешность персонажей⁶. В различных телепередачах (новостных, развлекательных, научно-популярных и пр.) также широко используются англицизмы (как отдельные слова, так и целые фразы) с целью развлечь зрителей, привлечь их внимание или рассмешить. Неслучайно, наибольшее количество использований англицизмов на телевидении приходится именно на развлекательные передачи (58% от общего количества использований английской лексики), в меньшей степени – на научно-популярные (25%) и на новостные (17%). При этом не зафиксированные в словарях англицизмы составляют почти половину (47%) от общего количества использования англоязычной лексики во всех телепередачах [29].

В маркетинге и названиях брендов также используется большое количество англицизмов, поскольку они создают «положительный, элегантный, роскошный, дорогой и утонченный образ» [30, с. 80], «придают ауру престижности бизнесу» [31, с. 31], что объясняет их массовое использование на вывесках различных коммерческих заведений в Республике Корея. Использование англицизмов в корейской рекламе и коммерческих вывесках связано с тем, что английский в данном случае является «маркером статуса», его использование по сути выполняет в большей степени символическую, чем информативную функцию [32, с. 75-76].

Общественная кодификация англоязычной терминологии из различных профессиональных областей (медицина, красота, мода, техника и т. п.) в научной литературе обусловлена быстрыми темпами формирования новых знаний и появления новых терминов, которые оказываются не зафиксированными в словарях корейского языка, поэтому часто передаются в форме транслитерации вместе со словом-оригиналом на английском языке, приводимом в скобках.

Активно используемые в общественном пространстве англицизмы, не зафиксированные в официальных словарях, находят свое отражение в разных пользовательских онлайн-словарях (например, Urimalsem, Naver Open Dictionary и др.). Разработанный в 2016 г. Национальным институтом корейского языка словарь Уримальсэм (Urimalsem) является одним из самых крупных⁷ и авторитетных среди них, а словарные статьи, составленные пользователями, перед размещением на сайте проходят экспертизу и проверяются лингвистами. Так, в настоящее время в словаре Уримальсэм содержится в целом более 1 млн словарных статей, из них более 150 тыс. статей (6,6%) посвящены англицизмам⁸, кодифицированным в корейском языке как на официальном, так и на общественном уровнях.

В Республике Корея языковая политика, включая кодификацию языковых инноваций, осуществляется под эгидой Министерства культуры, спорта и туризма, а также Национального института корейского языка. При этом интересной особенностью кодификационных процессов в Корее является то, что даже процесс общественной кодификации в той или иной степени контролируются Национальным институтом корейского языка.

⁶ См. работу Lee J.S. [28].

⁷ Содержит более 1 млн словарных статей.

⁸ Данная цифра включает в себя англицизмы, а также гибридную лексику, представляющую собой сочетание англицизмов с исконно корейскими словами, сино-корейской лексикой и заимствованиями из других языков.

В корейском языке как на уровне официальной, так и на уровне общественной кодификации зафиксировано значительное количество проявлений интерференционного воздействия со стороны английского языка, что отражает интенсивность языкового контакта и значительную роль английского языка в качестве источника неологизации в корейском. Так, в настоящее время на долю англицизмов в Большом словаре стандартного корейского языка приходится 4,7% словарных статей (официальный уровень кодификации), а в открытом пользовательском словаре Уримальсэм—6,6% (общественный уровень кодификации).

Легитимизация и конвенционализация корейских лексических заимствований в США

В США статус английского языка как официального не закреплен законодательно в Конституции, хотя фактически он выполняет роль официального, поскольку на нем говорит большинство граждан, кроме того он используется в государственных органах федерального и местного уровней.

Сложно однозначно утверждать о наличии централизованно формируемой официальной языковой политики в США, языковая политика и планирование скорее находят свое проявление в совокупности правительственных мер в разных областях [33]. В США в разработке и реализации языковой политики участвуют разные организации, не существует единой организации или государственного органа, который бы контролировал все вопросы в данной области, как это происходит в Республике Корея.

На федеральном уровне Департамент образования США играет важную роль в установлении образовательных стандартов в изучении английского языка, реализации и контроле за выполнением федеральных законов в сфере образования (в т. ч. в области изучения английского языка, поддержки двуязычных образовательных программ), взаимодействии со штатами в сфере реализации языковой политики с учетом специфики разных регионов. Важную роль играет также Американская академия искусств и наук (American Academy of Arts and Sciences), которая принимает участие в стандартизации языка, лексикографической деятельности, проводит исследования в области языка, образования и культуры.

В США не существует Закона о языке, как в Республике Корея. Однако при этом ряд законов играет важную роль в языковой политике и планировании. В частности, на федеральном уровне можно выделить Закон о гражданских правах (1964), защищающий право на использование родного языка в различных сферах общественной жизни (например, в сфере образования и получения государственных услуг) и запрещающий дискриминацию по языковому признаку. Закон о школьном образовании (1974) обязывает школы предоставлять помощь учащимся, не владеющим английским языком. На уровне штатов также могут приниматься различные законы и положения, например, закон об официальном языке штата. Также сюда можно отнести и судебные решения, которые создают прецеденты в различных вопросах, связанных с языковой дискриминацией или правами языковых меньшинств. Важную роль в реализации языковой политики и языкового планирования в США играет федеральное законодательство, особенно в области образования. Законы, нормативные акты и размер бюджетных ассигнований в сфере образования оказывают влияние на обучение английскому и другим языкам и тем самым определяют их положение в американском обществе.

К наиболее авторитетным словарям английского языка в США можно отнести словарь Мэрриам-Уэбстер, который был создан в 1831 г. американским лексикографом и педагогом Н. Уэбстером. В США редакторы и журналисты чаще всего обращаются именно к этому словарю: он считается самым авторитетным и широко используется в редакционной практике. В словаре Мэрриам-Уэбстер

зафиксировано около 500 тыс. слов, что сопоставимо по объему с Большим словарем стандартного корейского языка. Однако из всего количества словарных статей всего 60 приходятся на заимствования из корейского языка, большая часть из которых относится к лексике повседневно-бытовой сферы и именам собственным (главным образом географические названия).

В США общественная кодификация (конвенционализация) корейской лексики в последние годы наиболее активно реализуется благодаря влиянию корейской волны и деятельности поклонников корейской культуры и популярной музыки. Результатом общественной кодификации корейской лексики стало издание различных словарей К-поп, появление словарных статей в открытых пользовательских словарях (например, Urban Dictionary) и создание глоссариев языка поклонников К-поп, размещаемых в блогах, страницах любителей корейской популярной музыки и т. п.

Интересен тот факт, что в качестве конвенционализированной лексики среди поклонников корейской культуры помимо слов, связанных с южнокорейскими реалиями (например, *rojangmacha*, *bungeoppang* и др.), употребляются также и корейские формы обращения (например, *oppa*, *unnie*, *hyung*, *noona*, *ajumma*), междометия (например, *aigoo*, *daebak*, *omo*, *andwae*, *anwa*, *hul*), этикетные фразы (например, *gomawo*, *eoseo oseyo*) и т. п.⁹

В настоящее время в США проявления языкового контакта наиболее активно фиксируются на уровне общественной кодификации, что связано с влиянием корейской популярной культуры, в то время как на официальном уровне кодифицировано незначительное количество проявлений интерференции: всего 60 корейских заимствований в словаре Мэрриам-Уэбстер. Возможно, в дальнейшем часть языковых инноваций будет кодифицирована на официальном уровне и найдет отражение в словарях, как это уже произошло, к примеру, в Великобритании, когда в 2021 г. в Оксфордский словарь английского языка были добавлены и отредактированы сразу 37 словарных статей со словами корейского происхождения¹⁰, поскольку влияние корейской волны стало заметным не только в сфере культуры (кино, музыке, моде), но и нашло свое отражение в английском языке, о чем свидетельствует появление новых слов и фраз из корейского.

Заключение

Лингвистическая интерференция системного типа, как правило, подразумевает под собой процесс легитимизации возникающих языковых инноваций, лингвистическая интерференция функционального типа связана в большей степени с общественной кодификацией (конвенционализацией).

В Республике Корея деятельность по разработке и реализации языковой политики, а также кодификации языковых инноваций в большей степени имеет централизованный характер по сравнению с США. В Республике Корея даже процесс общественной кодификации (например, разработка и функционирование открытого пользовательского словаря Уримальсэм) в той или иной степени контролируется Национальным институтом корейского языка.

⁹ См., например, Kang [34, 35].

¹⁰ В Оксфордский словарь английского языка в 2021 году были добавлены следующие слова: *aegyo*, *banchan*, *bulgogi*, *chimaek*, *daebak*, *dongchimi*, *fighting*, *galbi*, *hallyu*, *hanbok*, *japchae*, *K-*, *K-drama*, *kimbap*, *Konglish*, *Korean wave*, *manhwa*, *mukbang*, *noona*, *oppa*, *PCbang*, *samgyeopsal*, *skinship*, *tang soo do*, *trot*, *unni*, а также были отредактированы следующие словарные статьи *gisaeng*, *Hangul*, *Juche*, *kimchi*, *Kono*, *Korean*, *K-поп*, *sijo*, *taekwondo*, *won*, *yangban*. В Оксфордском словаре английского языка в настоящее время содержится около 100 слов корейского происхождения, в то время как в словаре Мэрриам-Уэбстер — только 60.

В корейском языке как на уровне официальной, так и на уровне общественной кодификации фиксируется значительное количество проявлений интерференционного воздействия системного и функционального типов со стороны английского языка, что отражает интенсивность языкового контакта и значительную роль английского языка в качестве источника неологизации в корейском. Так, в настоящее время на долю англицизмов в Большом словаре стандартного корейского языка приходится 4,7% словарных статей (официальный уровень кодификации), а в пользовательском словаре Уримальсэм – 6,6% (общественный уровень кодификации).

В США корейские слова фиксируются главным образом на уровне общественной кодификации, что отчасти связано с тем, что массовое знакомство с корейской культурой произошло относительно недавно. Так, в настоящее время доля корейских заимствований в словаре Мэрриам-Уэбстер составляет всего 0,01% от общего количества словарных статей. Однако динамичные процессы общественной кодификации, обусловленные в значительной степени влиянием корейской волны, а также недавнее включение новых корейских слов в Оксфордский словарь английского языка, возможно, в дальнейшем окажут влияние на фиксацию корейских заимствований на официальном уровне (например, в словаре Мэриам-Уэбстер).

В целом следует отметить значительную степень асимметричности как процессов лексического заимствования (по количеству фиксируемых в словарях заимствований и по диапазону сфер знаний, в которых заимствуются новые слова), так и процессов кодификации (активная легитимизация и конвенционализация англицизмов в корейском языке и крайне ограниченная фиксация корейских заимствований в словарях английского языка на фоне определенной активизации проявлений общественной кодификации корейских слов, обусловленной влиянием корейской волны в США).

Л и т е р а т у р а

1. Мозоль Т.С. Лингвистическая интерференция: эволюция понятия, современное понимание и корреляция со смежными понятиями. *Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки*. 2023;879(11):35-41.
2. Kruger H, Van Rooy B. Editorial practice and the progressive in Black South African English. *World Englishes*. 2016;36(1):20-41.
3. Baratta A. *The societal Codification of Korean English*. London: Bloomsbury Academic; 2021:224.
4. Geeraerts D. *Theories of lexical semantics*. Oxford: Oxford University Press; 2010:341.
5. Miller G. *Lexicogenesis*. Oxford: Oxford University Press; 2014:336.
6. Britain DJ. Space and spatial diffusion. In: Chambers JK, Trudgill P, Schilling-Estes N (eds.). *The handbook of language variation and change*. Malden: Blackwell; 2002:603-637.
7. Britain DJ. Innovation diffusion in sociohistorical linguistics. In: Hernández-Campoy JM and Conde-Silvestre JK (eds.). *The handbook of historical sociolinguistics*. Oxford: Wiley-Blackwell; 2012:451-464.
8. Wolfram W, Schilling-Estes N. Dialectology and Linguistic Diffusion. In: Brian J, Janda R (eds.). *The handbook of historical linguistics*. Oxford: Wiley-Blackwell; 2003:713-735.
9. Nerbonne J. Measuring the diffusion of linguistic change. *Philosophical Transactions of the Royal Society of London B*. 2010;365(1559):3821-3828.
10. Marshall J. *Language change and sociolinguistics*. Rethinking social networks. Hampshire, NY: Palgrave Macmillan; 2004:246.
11. Lipka L. Lexicalization and Institutionalization. In: Asher RE (ed.). *The encyclopedia of language and linguistics*. Oxford: Pergamon Press; 1994;4:2164-2167.

12. Bamgbose A. Torn between the norms: Innovations in world Englishes. *World Englishes*. 1998;17(1):1-14.
13. Brinton LJ, Traugott EC. *Lexicalization and language change*. Cambridge: Cambridge University Press; 2005:207.
14. Бурдые П. *Социология социального пространства*. Москва: Институт экспериментальной социологии; Санкт-Петербург: Алетейя, 2007:288.
15. Мозоль Т.С. Лингвистическая интерференция как социокогнитивный феномен. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2024;886(5):78-85.
16. Mufwene SS. *The Ecology of Language Evolution*. Cambridge: Cambridge University Press; 2001:255.
17. Мозоль Т.С. Языковая политика Республики Корея в XXI веке. *Модернизация Кореи: политика, экономика, общество, культура*. Москва: ВЦИОМ; 2022:234-258.
18. stdict.korean.go.kr: [сайт]. Большой словарь стандартного корейского языка. – URL: https://stdict.korean.go.kr/statistic/dicStat.do#static_menu3_3 (дата обращения: 12.10.2024).
19. 최용기. 한국어 정책의 이해. 서울: 한국문화사; 2010:566.
20. Lee JS. Linguistic hybridization in K-pop: Discourse of self-assertion and resistance. *World Englishes*. 2004;23(3):429-450.
21. Lee JS. Linguistic constructions of modernity: English mixing in Korean television commercials. *Language in Society*. 2006;35(01):59-91.
22. Lee JS. I'm the illest fucka: An analysis of African American English in South Korean hip hop. *English Today*. 2007;23(2):54-60.
23. Lee JS. Globalization of African American vernacular English in popular culture: Blinglish in Korean hip hop. *English World-Wide*. 2011;32(1):1-23.
24. Lawrence CB. The verbal art of borrowing: Analysis of English borrowing in Korean pop songs. *Asian Englishes*. 2014;13(2):42-63.
25. 류승범 외. 재난관리 외국어 전문용어 통일화 연구/류승범 외 // 한국재난정보학회 정기학술대회 논문집. 서울: 한국재난정보학회; 2019:321-322.
26. 문혜진 외. 특성화 고등학교 헤어 미용 교과서의 전문용어 분석/ 문혜진 외 // 아시안뷰티화장품학술지, 2013;11(3):459-463.
27. 하윤선. 대중매체의 패션 관련 영어 외래어 분석: 교육학석사학위논문: 01.08. 2021. 청구: 2021:82.
28. Lee JS. *Discourses of Fusion and Crossing: Pop Culture in Korea and Japan*. PhD Thesis. Urbana-Champaign: University of Illinois; 2005:614.
29. 권재일, 하금열. 방송에서의 외래어·외국어 사용 실태 연구. 서울: 국립국어원; 2009:102.
30. 윤용주, 나영주. 의류 패션산업에서 순한글과 외래어 용어에 대한 감성비교. *감성과학*. 2015;18(1):79-94.
31. Ross NJ. Signs of International English. *English Today*. 1997;13(2):29-33.
32. Tan XW, Tan YY. Examining the functions and identities associated with English and Korean in South Korea: a linguistic landscape study. *Asian Englishes*. 2015;17(1):59-79.
33. Christian D. Looking at Federal Education Legislation From a Language Policy/Planning Perspective. In: Kathryn A. Davis, Huebner T (eds.). *Sociopolitical Perspectives on Language Policy and Planning in the USA*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company; 1999:117-130.
34. Kang W. *The K-pop dictionary*. USA: New Ampersand Publishing; 2016.
35. Kang W. *The K-pop dictionary 2*. USA: New Ampersand Publishing; 2018.

References

1. Mozol TS. Language Interference: evolution of the concept, current understanding and correlation with related concepts. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*. 2023;11(879):35-41 (in Russian).
2. Kruger H, Van Rooy B. Editorial practice and the progressive in Black South African English. *World Englishes*. 2016;36(1):20-41 (in English).
3. Baratta A. *The societal codification of Korean English*. London: Bloomsbury Academic; 2021:224 (in English).
4. Geeraerts D. *Theories of lexical semantics*. Oxford: Oxford University Press; 2010:341 (in English).
5. Miller G. *Lexicogenesis*. Oxford: Oxford University Press; 2014:336 (in English).
6. Britain DJ. Space and spatial diffusion. In: Chambers JK, Trudgill P, Schilling-Estes N (eds.). *The handbook of language variation and change*. Malden: Blackwell; 2002:603-637 (in English).
7. Britain DJ. Innovation diffusion in sociohistorical linguistics. In: Hernández-Campoy JM and Conde-Silvestre JK (eds.). *The handbook of historical sociolinguistics*. Oxford: Wiley-Blackwell; 2012:451-464 (in English).
8. Wolfram W, Schilling-Estes N. Dialectology and Linguistic Diffusion. In: Brian J, Janda R (eds.). *The handbook of historical linguistics*. Oxford: Wiley-Blackwell; 2003:713-735 (in English).
9. Nerbonne J. Measuring the diffusion of linguistic change. *Philosophical Transactions of the Royal Society of London B*. 2010;365(1559):3821-3828 (in English).
10. Marshall J. Language change and sociolinguistics. *Rethinking social networks*. Hampshire, NY: Palgrave Macmillan; 2004:246 (in English).
11. Lipka L. Lexicalization and Institutionalization. In: Asher RE (ed.). *The encyclopedia of language and linguistics*. Oxford: Pergamon Press; 1994;4:2164-2167 (in English).
12. Bamgbose A. Torn between the norms: Innovations in world Englishes. *World Englishes*. 1998;17(1):1-14 (in English).
13. Brinton LJ, Traugott EC. *Lexicalization and language change*. Cambridge: Cambridge University Press; 2005:207 (in English).
14. Bourdieu P. *Sociology of Social Space*. Moscow: Institute of Experimental Sociology; Saint Petersburg: Aleteiia; 2007:288 (in Russian).
15. Mozol TS. Linguistic interference as sociocognitive phenomenon. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*. 2024;5(886):78-85 (in Russian).
16. Mufwene SS. *The Ecology of Language Evolution*. Cambridge: Cambridge University Press; 2001:255 (in English).
17. Mozol TS. Language policy of the Republic of Korea in the 21st century. *Modernization of Korea: Politics, Economy, Society, Culture*. Moscow: VCIOM: Russian Public Opinion Research Center. 2022:234-258 (in Russian).
18. stdict.korean.go.kr: [website]. Standard Korean Dictionary. Available at: https://stdict.korean.go.kr/statistic/dicStat.do#static_menu3_3 [Accessed 12 October 2024] (in Korean and Russian).
19. Choi YK. *Understanding Korean Politics*. Seoul: History of Korean Culture; 2010:566 (in Korean).
20. Lee JS. Linguistic hybridization in K-pop: Discourse of self-assertion and resistance. *World Englishes*. 2004;23(3):429-450 (in English).
21. Lee JS. Linguistic constructions of modernity: English mixing in Korean television commercials. *Language in Society*. 2006;35(01):59-91 (in English).
22. Lee JS. I'm the illest fucka: An analysis of African American English in South Korean hip hop. *English Today*. 2007;23(2):54-60 (in English).
23. Lee JS. Globalization of African American vernacular English in popular culture: Blinglish in Korean hip hop. *English World-Wide*. 2011;32(1):1-23 (in English).

24. Lawrence CB. The verbal art of borrowing: Analysis of English borrowing in Korean pop songs. *Asian Englishes*. 2014;13(2):42-63 (in English).
25. Ryu SB. A study on the standardization of foreign language terminology in disaster management. In: Proceedings of the Annual Conference of the Korean Society of Disaster Information. Seoul: *The Korean Society of Disaster Information*. 2019:321-322 (in Korean).
26. Moon HJ. Analysis of specialized terminology in hairdressing textbook for high schools. *Asian Beauty Cosmetics Journal*. 2013;11(3):459-463 (in Korean).
27. Ha YuS. Analysis of English loanwords related to fashion in mass media. Master's Thesis in Education. Chungbuk National University; 2021:82 (in Korean).
28. Lee JS. *Discourses of Fusion and Crossing: Pop Culture in Korea and Japan*. PhD Thesis. Urbana-Champaign: University of Illinois; 2005:614 (in English).
29. Kwon JI, Ha GY. *A study on the use of loanwords and foreign words in broadcasting*. Seoul: National Institute of Korean Language; 2009:102 (in Korean).
30. Yun YJ, Na YJ. A comparative study of affective responses to Korean and loanword terminology in the clothing and fashion industry. *Journal of Emotional Science*. 2015;18(1):79-94 (in Korean).
31. Ross NJ. Signs of International English. *English Today*. 1997;13(2):29-33 (in English).
32. Tan XW, Tan YY. Examining the functions and identities associated with English and Korean in South Korea: a linguistic landscape study. *Asian Englishes*. 2015;17(1):59-79 (in English).
33. Christian D. Looking at Federal Education Legislation From a Language Policy/Planning Perspective. In: Kathryn A. Davis, Huebner T (eds.). *Sociopolitical Perspectives on Language Policy and Planning in the USA*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company; 1999:117-130 (in English).
34. Kang W. The K-pop dictionary. USA: New Ampersand Publishing; 2016 (in English).
35. Kang W. The K-pop dictionary 2. USA: New Ampersand Publishing; 2018 (in English).

Сведения об авторе

МОЗОЛЬ Татьяна Сергеевна – к. п. н., доцент, зав. каф. восточных языков, ФГБОУ ВО Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: 0009-0003-5160-0882, WOS Research ID: ABD-9011-2020, Scopus ID: 57226495366

E-mail: t.s.mozol@linguanaet.ru

Information about the author

Tatiana S. MOZOL – Cand. Sci. (Pedagogy), Associate Professor, Head of the Department of Oriental Languages, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation, ORCID: 0009-0003-5160-0882, WOS Research ID: ABD-9011-2020, Scopus ID: 57226495366

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 02.12.24

Принята к публикации / Accepted 21.01.25

УДК 81'42;81'373

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2025-22-1-138-148>

Оригинальная научная статья

Новые тенденции в англоязычном финансово-экономическом неологическом дискурсе

Т. Н. Свиридова

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Российская Федерация

✉ autumn.86@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена изучению новых тенденций в англоязычном финансово-экономическом неологическом дискурсе. Язык представляет собой живой организм, который активно реагирует на все изменения окружающей действительности. Если бы в языке того или иного народа не появлялись новые слова, которые определяют новые предметы, явления, процессы, то носители данного языка попросту перестали бы понимать друг друга. Язык перестал бы выполнять свою важнейшую функцию – коммуникативную, соответственно, успешная коммуникация стала бы невозможной. Так как словарный запас языка постоянно обновляется за счет внутреннего словотворчества или заимствований из других языков, то неизбежным стало возникновение нового направления в лингвистике – неологии, предметом изучения которой является неологизм. Неологизмом является новое слово (устойчивое сочетание слов), являющееся новым либо по форме, либо по содержанию, либо новым и по форме, и по содержанию. Человек находится в центре пересечения различных сфер общественной жизни, одной из которых является финансово-экономическая. Жизнь людей напрямую сопряжена с материальным обеспечением, поэтому они уделяют повышенное внимание изменениям, происходящим в данной сфере. В настоящее время значительное количество работ ученых-лингвистов посвящено дискурсу, в рамках которых исследуется и финансово-экономический дискурс. Динамичность развития финансовой сферы, которая проявляется в постоянном возникновении новых сервисов, услуг, операций, инструментов, мошеннических схем и неизбежно влечет за собой появление новых слов, предоставляет огромный материал для изучения неологизмов с различных точек зрения. Так, новые языковые единицы позволяют проанализировать и выявить тенденции, наметившиеся в современной финансовой сфере, составить представления о ценностных ориентирах людей.

Ключевые слова: дискурс, финансово-экономический дискурс, экономика, финансы, неология, неологизм, сема, языковая единица, тенденция, тренд, ценность

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Свиридова Т. Н. Новые тенденции в англоязычном финансово-экономическом неологическом дискурсе. *Вестник СВФУ*. 2025, Т. 22, № 1. С. 138–148. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-1-138-148

Originale article

New tendencies in English financial and economic neological discourse

Tatiana N. Sviridova

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

✉ autumn.86@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the learning of the new tendencies in English financial and economic neological discourse. The language is a lively organism which reacts actively to all changes of the surrounding reality. If new words, named new subjects, phenomena, processes, didn't appear in the language of this or that people, native speakers would simply stop to understand each other. The language would stop to perform its crucial function – communicative one and therefore successful communication wouldn't be possible. Because the language vocabulary constantly renews thanks to the internal word-formation and borrowings from other languages, the appearance of a new branch in linguistics was inevitable. The subject of the neology is a neologism. A neologism is a new word (a set expression) which is new in its form or in its content, or new both in form and in content. A person is in the center of the intersection of different spheres of the social life, one of which is financial and economic one. People's life is directly connected with finance, that's why they pay much attention to the changes happening in this sphere. The dynamism of the financial sphere's development which is represented in the constant appearance of new services, operations, instruments, fraudulent schemes and entails appearance of new words, gives vast material for the learning of neologisms from different points of view. New language units allow us to analyse and identify the tendencies emerging in the modern financial sphere and make an idea about axiological people's landmarks.

Keywords: discourse, financial and economic discourse, economy, finances, neology, neologism, seme, language unit, tendency, trend, value

Funding. No funding was received for writing this manuscript

For citation: Sviridova T. N. New tendencies in English financial and economic neological discourse. *Vestnik of NEFU*. 2025, Vol. 22, No. 1. Pp. 138–148. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-1-138-148

Введение

Язык является призмой, через которую мы смотрим на этот мир [1]. Актуальность данного исследования заключается в том, что современная лингвистическая наука проявляет повышенный интерес к особенностям коммуникативного взаимодействия в различных профессиональных сообществах. Интерес к финансово-экономической сфере продиктован прежде всего наращиванием темпов развития и глобальной модернизацией данной сферы. Изучение новых тенденций особенно актуально, так как оно поможет составить представление о смене ориентиров, прогрессивных закономерностях и ценностях, сформировавшихся в обществе.

Основная цель работы состоит в комплексном анализе современных тенденций в финансово-экономическом неологическом дискурсе с целью формирования общего представления об актуальной системе трендов и ценностей исследуемой дискурсивной сферы.

В ходе исследования нами были применены: эмпирический метод, который состоит в изучении и классификации материала в заданной предметной области; контекстуально-семантический, предполагающий исследование единиц в совокупности взаимосвязей их отдельных элементов; метод количественного исследования, наглядно отображающий лингвоаксиологическую картину современного англоязычного финансово-экономического неологического дискурса.

В качестве материала исследования выступает электронный лексикографический источник Cambridge Dictionary Online Blog.

Результаты исследования могут составить основу словаря финансовых английских неологизмов и быть использованы при изучении курсов «Основы делового общения», «Иностранный язык делового и профессионального общения» на экономических факультетах, а также переводчиками, работающими в сфере экономики и деловой коммуникации.

Сегодня приходится наблюдать стремительное развитие технологий, которые влияют на способы общения и совершенствуют их. Поэтому ученые-языковеды проявляют интерес к изучению особенностей коммуникативного взаимодействия в профессиональных сообществах. Огромное количество исследований на сегодняшний день посвящено дискурсу. Изначально во французской языковой практике было принято под «дискурсом» понимать речь или текст. Позже стало очевидно, что дискурс представляет собой мысль человека, заблаговременно оформленную в соответствии с интенциями отправителя [2]. С. А. Сухих отмечает, что «координативная макроинтенция в процессе общения порождается желанием человека интерпретировать окружающую его действительность» [3].

Интерес ученых к изучению новых единиц, возникающих в языке, привел к появлению такой отрасли теории языка, как неология, которая рассматривает процесс порождения новых слов как взаимодействие носителя языка с меняющейся окружающей действительностью. Труды таких ученых, как М. В. Избицкая [4], В. В. Катермина [5], С. Х. Липириди [6], Е. В. Сенько [7], посвящены неологии и неологизмам.

Язык неизбежно становится транслятором мыслей, взглядов, интересов и настроений в обществе, которое всегда незамедлительно реагирует на процессы и события, происходящие в мире, на непрерывно трансформирующуюся реальность и современные тенденции в различных сферах. Как отмечает В. В. Катермина, «неологизмы обладают значительным аксиологическим потенциалом в силу того, что они фиксируют ценностные трансформации, происходящие в результате появления обозначаемых ими явлений» [5].

Новые тенденции в англоязычном финансово-экономическом неологическом дискурсе

Центральной фигурой финансово-экономической сферы выступает человек со своими потребностями и способностью к труду, поэтому в ней неизбежно происходят изменения и смены приоритетов сообразно смене потребностей общества и возникающих новых тенденций. В этом взаимодействии человека со сферой экономики и финансов прослеживается устойчивая амбивалентность – симбиоз положительных и негативных черт.

Так, еще Евгений Евтушенко отметил, что «проклятье века – это спешка» [8]. Современный человек живет в состоянии постоянного цейтнота, вынужден действовать в условиях многозадачности, поэтому время для него является крайне важным ресурсом. Ориентируясь на это, разработчики современных технологий создали устройства для оплаты, которые не требуют лишних действий и экономят время как покупателей, так и продавцов. Неологизмы, имеющие отношение

к тенденции экономии времени (*cashless – not using or allowing the use of cash payments* [9] [безналичный – не использующий или не позволяющий использовать оплату наличными]; *contactless – refers to a system of debit or credit cards which are waved over a sensor and do not require PIN numbers* [о системе дебетовых и кредитовых карт, которые необходимо поднести к терминалу, чтобы произвести оплату, и не вводить при этом PIN-код], образованы при помощи суффикса с негативной коннотацией *-less: used to form adjectives meaning “without”* (используется для образования прилагательных со значением «без»). Таким образом, мы наблюдаем, с одной стороны, негативный компонент при формировании неологизмов, указывающий на отсутствие чего-либо, а с другой стороны – положительную сторону новых изобретений, призванных не отнимать у людей драгоценное время.

Амбивалентность прослеживается также в актуальной на сегодняшний день тенденции к бережному отношению к окружающей среде. Так, в настоящее время правители многих стран понимают, что из-за бессознательного потребления природных ресурсов и безответственного обращения с окружающей средой вся планета в скором времени может пройти точку невозврата и оказаться на пороге экологической катастрофы, так как экономика основывается на разумном распределении ограниченных в своем количестве ресурсов при производстве товаров и услуг, необходимых населению. Поэтому большинство стран пропагандируют разумное их расходование и повторное использование отработанного сырья. Окружающая среда со своими природными богатствами выступает ценностью, что прослеживается в появлении в языке таких неологизмов, как *circular economy – an economic model that prioritises the longevity of goods, for instance by sharing or recycling them* (циклическая экономика – экономическая модель, при которой предпочтение отдается долговечности товаров, например, при разделении их использования с другими или переработке); *chemical tax – a tax on the purchase of items that are difficult to recycle* (химический налог – налог на те виды товаров, которые сложно перерабатывать).

Сема с положительной коннотацией *to recycle* ‘перерабатывать’ подтверждает, что заботе о нашей планете и сохранении ее ресурсов на сегодняшний день уделяется повышенное внимание. В качестве рычага давления часто выступает введение налогов: они, с одной стороны, стимулируют население на бережное отношение к ресурсам, с другой стороны, приносят в бюджет страны дополнительные средства, которые будут направлены на модернизацию способов экологической переработки отходов. Но подобные «эко-френдли» настроения в обществе приводят к обратному эффекту: некоторые компании начинают злоупотреблять этим и прибегают к мошенническому маркетингу. Так называемый гринвошинг (*greenwashing – behaviour or activities that make people believe that a company is doing more to protect the environment than it really is*; гринвошинг – поведение или деятельность, которая заставляет людей верить, что компания делает больше для защиты окружающей среды, чем это есть на самом деле) представляет собой маркетинг, в ходе которого производители обманывают своих покупателей, указывая на этикетках своих товаров, что они изготовлены исключительно из экологически чистого сырья, либо анонсируя это в рекламных кампаниях.

Неотъемлемой частью деятельности банков выступает кредитование в целом и ипотечное кредитование в частности. В современном мире наметилась тенденция жить в духе *carpe diem* (от лат. «лови момент»), то есть «здесь и сейчас»: никто не откладывает деньги продолжительное время для приобретения желаемого, для этого нужно просто получить в банке кредит на различные нужды. Согласно Etymoline – Online Etymology Dictionary [10] слово *credit* произошло

от франц. *crédit – belief, trust* (вера, доверие) и имеет положительную коннотацию. Действительно, кредитование в своей основе основано на доверии и должно приносить пользу обеим сторонам данного вида отношений: кредитор, ссуживая деньги под определенный процент, получает доход, а заемщик может сразу приобрести то, что ему нужно, вместо того, чтобы копить деньги долгое время, рискуя, что все накопления обесценит инфляция. Но, напротив, кредитование обратилось страшным сном как для кредиторов, так и для заемщиков. Банки из-за недобросовестного навязывания кредитных продуктов, непрозрачных условий кредитования, злоупотребления экономической безграмотностью определенных слоев населения попадают в свою собственную ловушку, потому что людям становится не под силу выплатить заем, и порой сами банки становятся жертвами новых схем мошенников: *zombie debtor – a person with a debt that they do not have a hope of paying off because the interest on it is so high* (должник-зомби – должник, с которого нет надежды взыскать долг в силу того, что процентная ставка по кредиту слишком высока); *stoozing – the practice of borrowing money on a credit card with 0 % interest rate and then investing the same money in a bank account that pays a high interest rate so that a profit can be made when the original loan is repaid* (стузинг – это практика получения кредитной карты в банке с 0% ставкой и дальнейшего вложения этих денег в банк на счет под высокую процентную ставку, что в дальнейшем приводит к получению прибыли после выплаты первоначального займа по кредитной карте).

При этом заемщики часто сами оказываются заложниками своих кредитных обязательств, либо переоценив свои финансовые возможности или недосконально изучив условия кредитования при подписании договора, либо по причине форс-мажорных обстоятельств, таких как падение национальной валюты при наличии валютной ипотеки: *mortgage prisoner – someone who is unable to transfer their mortgage to a lender that offers lower interest rates because the rules for borrowing have become stricter or their house is worth less than they were* (ипотечный заложник – человек, который не способен реструктурировать свой долг по ипотеке, даже когда кредитор предлагает меньшую процентную ставку из-за того, что условия кредитного договора стали жестче или стоимость дома оказывается ниже).

Семы *do not have a hope* ‘не имеет надежды’, *prisoner* ‘пленник, узник’, *unable* ‘неспособный’, *become stricter* ‘стали жестче’ выступают индикатором складывающихся сложных ситуаций, порой даже патовых, для обеих сторон кредитных отношений.

В основе экономики лежат производство и потребление: в условиях ограниченности ресурсов необходимо эффективно производить количество товаров и услуг, которое бы удовлетворило потребности населения. Развитие экономики, наращивание экспортно-импортных отношений между странами, обилие и разнообразие товаров в многочисленных супермаркетах и торговых комплексах, повышение со времен пандемии уровня популярности услуг доставки привели к безрассудному, неконтролируемому потреблению, которое, подобно заболеванию, стало заражать все общество. Людям для удовлетворения всех своих покупательских желаний стало необходимо либо больше работать, либо все глубже увязать в кредитах. На фоне этой потребительской истерии возникает новая философия жизни – дауншифтинг (*downshifting – the practice of leaving a job that is well paid and difficult in order to do something that gives you more time and satisfaction but less money*), которая подразумевает под собой переосмысление жизни, смещение фокуса от материальных ценностей в сторону духовных. Дауншифтинг может предполагать снижение карьерных притязаний, переход на удаленную работу, чтобы быть свободным от обязательств, больше времени проводить в уютной,

комфортной обстановке, чаще видеть свою семью, либо не работать вовсе: *funemployment – enjoyable unemployment* (забавная безработица – безработица, доставляющая удовольствие); *gig economy – the economic sector consisting of freelancers who take on series of small jobs, particularly when those jobs are contracted online using a website or app* (гиг-экономика – это экономический сектор, состоящий из фрилансеров, которые выполняют небольшую работу, договоры на которую заключаются в формате онлайн с использованием сайта или приложения). Данная философия призывает как можно меньше покупать «материальных ценностей», отдавая предпочтение приобретению эмоций, впечатлений, и это заставляет компании вставать на новые рельсы и формулировать новые миссии: *experience economy – economic system that is based on people doing things, such as taking part in sport activities and visiting places, rather than buying things* (экономика впечатлений – это экономическая система, которая основывается на разного рода активности людей, таких как занятие спортом, путешествия, а не на покупке вещей).

Снижение уровня потребления имеет экологическую подоплеку, так как дауншифтеры считают, что именно сверхпотребление становится причиной загрязнения окружающей среды и ухудшения климата на планете. Трендом становится продление жизненного цикла товаров, который вынуждены поддерживать компании для подтверждения своего дружественного отношения к природе: *circular economy – an economic model that prioritises the longevity of goods, for instance by sharing or recycling them* (циклическая экономика – экономическая модель, при которой предпочтение отдается долговечности товаров, например, при разделении их использование с другими или переработке); *care commerce – the services offered by companies that allow the products they sell to last longer* (заботливая торговля – ситуация, когда компании предлагают послепродажное обслуживание, чтобы их товары прослужили дольше).

На смену беспорядочной трате денег, нередко заемных, приходят бережное и рациональное их расходование, экономия и приумножение: *bucket budgeting – a way of organizing your finances that involves saving money in a different bank account for each type of bill or purchase* (способ организации своих финансов, который заключается в хранении денег на различных банковских счетах, каждый из которых предназначен для определенного вида платежа или покупки); *financial cleanse – a detailed examination of your finances to identify ways of saving money and spending less* (подробное изучение своих финансов для того, чтобы определить способы, как можно сэкономить деньги и меньше их тратить).

На примере дауншифтинга мы видим, что не только экономика оказывает влияние на людей и их образ жизни, но и люди задают тон и настроение, вследствие чего компании вынуждены поддерживать тенденции, перестраивать свою деятельность, корректировать принципы работы и организации бизнеса, чтобы не выпасть из обоймы и остаться на рынке.

В свою очередь и ситуация в мире влияет на жизнь людей: пандемия, которая разделила жизнь человечества на «до» и «после», непрекращающиеся военные конфликты, экономическая нестабильность и тотальный рост стоимости жизни повлекли за собой формирование в обществе такого явления, как пермакризис (*permacrisis – a long period of great difficulty, confusion or suffering that seems to have no end*), когда людям кажется, что они оказались в бесконечном водовороте негативных событий, в результате которых они находятся в состоянии постоянного стресса и напряжения.

Влияние экономической ситуации в стране на человека и образ его жизни можно также пронаблюдать на примере буммейтинга. *Boommating – a situation when homeowners rent out empty rooms to nonrelatives needing a place to stay in*

order to fight inflation and loneliness (буммейтинг – ситуация, когда домовладельцы сдают пустующие комнаты неродным людям с целью побороть инфляцию и одиночество). Постоянно растущие цены на коммунальные услуги, ипотеку и аренду жилья привели к возникновению такой тенденции, как шеринг жилья людьми, которым более 60 лет (буммерами), для разделения ежемесячных расходов, связанных с его обслуживанием и содержанием.

Также из-за экономической нестабильности и возникших трудностей на рынке труда после пандемии сменился фокус интересов у женщин, которым стало сложно совмещать полноценную работу и семейные обязанности. Набирает обороты такое явление, как *tradwife (a neologism for traditional wife or housewife) is a woman who believes in and practices traditional gender roles and marriages* (традиционная жена – это женщина, которая верит в традиционные гендерные роли и браки и следует им). Экономическая «турбулентность» заставляет женщин больше не ратовать за равноправие с мужчинами и признать историческую диадку: мужчина – добытчик, женщина – хранительница семейного очага.

Но если женщины в условиях непростой реальности постепенно возвращаются к спокойному отношению к гендерному неравенству в карьерном вопросе, то общество во главе с его руководителями не может забыть их многовековую борьбу за равноправие и старается восстановить равенство между женщиной и мужчиной в трудовых отношениях. Еще со времен «стеклянного потолка» карьерные притязания женщин игнорировались по причине их более выраженной эмоциональности по сравнению с мужчинами и возможной отдачи предпочтения семье нежели работе, и теперь правительства стран предпринимают меры для того, чтобы женщины имели равные возможности в занятии руководящих должностей и получении высоких окладов: *womenomics – the activities undertaken by a government to enable more women to enter the workforce, especially into high-level jobs* (меры, предпринимаемые правительством и направленные на то, чтобы как можно больше женщин устроились на работу, особенно на руководящие должности).

Цифровой бум, вызванный стремительным развитием и повсеместным внедрением цифровых технологий, повлек за собой возникновение новых трендов. С одной стороны, люди стали задумываться, как зарабатывать виртуально, без значительных материальных затрат, так как для изготовления монет требуется металл, а для печатных денег как минимум древесина. Несмотря на то, что с момента создания первой криптовалюты прошло уже более десяти лет и история развития криптовалютного рынка до сих пор регистрирует то взлеты, то падения, интерес к подобному виду пассивного заработка среди населения не ослабевает, что влечет за собой появление новых слов в языке: *cryptowinter – a situation when the price of cryptocurrency falls and remains very low for a long period of time* (криптозима – ситуация, когда цена на криптовалюту остается низкой в течение долгого времени). Особую популярность получила такая криптовалюта, как мемкойн: *meme coin – a type of cryptocurrency based on an internet meme or other online trend and usually created to be amusing rather than for its value as an investment* (мемкойн – разновидность криптовалюты, основанная на интернет-меме или другом тренде и, как правило, созданная больше ради забавы нежели для зарабатывания денег). Одной из разновидностей мемкойнов являются *politifi* (данный неологизм образован с помощью блендинга путем соединения части слов *politics* ‘политика’ и *finance* ‘финансы’) – *a sub-variety of meme tokens, inspired by political figures, events and political ideologies* (подвид мем-токенов, на создание которых вдохновили политические фигуры, события и политические идеологии). В определении мемкойна указано, что зарабатывание денег не является целью их создания, однако Дональд Трамп за два дня до своей инаугурации

объявил о выпуске своих именных мемкоинов *\$TRUMP*, и за сутки объем торгов составил 11 млрд долларов. Вслед за Трампом выпуск своих мемкоинов запустила его супруга Мелания Трамп, при этом криптовалюта бывшего кандидата в президенты Камалы Харрис потеряла около 92%.

Так как криптороторговля становится мейнстримом, то реклама криптовалюты постепенно набирает обороты: сейчас ее можно увидеть не только в виде баннеров в Интернете, но и в качестве полноценных рекламных роликов на телевидении с участием популярных блогеров или знаменитостей, которые продвигают свою валюту, желая повлиять на ее цену. Так, *shilling – the increasingly popular phenomenon of promoting any crypto coin through implicit advertising* (шиллинг – это набирающий обороты феномен продвижения криптомонеты через скрытую рекламу). Реклама является имплицитной, потому что простой обыватель воспринимает информацию о данной виртуальной валюте как рекомендацию или совет от медийного человека, которому можно доверять. Все это является подтверждением популярности тренда инвестиций в виртуальную валюту.

С другой стороны, массовая цифровизация всех сфер человеческой жизни привела к появлению новых мошеннических схем и способов обмана: кибератаки, целью которых является нелегальный майнинг, незаконные способы ведения бизнеса, кража информации о банковских счетах посредством звонков, преступления, связанные с банкоматами. Постоянно меняющиеся и совершенствующиеся системы оплат, накоплений, ведения расчетов заставляют мошенников изобретать все новые и новые приемы: *cryptojacking – is a type of cybercrime where a criminal secretly uses a victim's computing power to generate cryptocurrency* (криптоджекинг – разновидность киберпреступления, когда преступник тайно пользуется ресурсами чужого компьютера для генерации криптовалюты); *vishing – the practice of dishonestly obtaining details of bank accounts with the intention of stealing from them* (вишинг – нечестный способ получения информации о банковских счетах с целью хищения денежных средств).

Рост киберпреступности, постоянные атаки и взломы систем вынуждают разработчиков и участников виртуального рынка формировать принципы деятельности людей и работы систем, которые помогают предвидеть, предотвращать угрозы взлома путем автоматической замены алгоритмов: *crypto agility – the ability of an organization to quickly adapt and change the methods it uses to encrypt its data to protect it from cyberattacks* (крипто-гибкость – способность организации быстро подстроиться и изменить способы шифрования своих данных, чтобы таким образом защитить их от кибератаки). Крипто-гибкость может выступать в качестве меры безопасности при выявлении уязвимости алгоритмов шифрования системы.

Любые инвестиции в валюту подразумевают под собой определенные риски – вложения в криптовалюту не являются исключением. В настоящее время информационные источники переполнены недостоверными данными, поэтому криптоэнтузиасты в своих советах потенциальным инвесторам используют аббревиатуру *DYOR – abbreviation of “do your own research”: a basic principle of the cryptocurrency market, encouraging buyers to research and understand all the risks and benefits of a cryptocurrency deal before they invest in it* (аббревиатура для «проведи свое собственное исследование»: основной принцип криптовалютного рынка, побуждающий покупателей изучить и осознать все риски и выгоды определенной криптовалюты до инвестирования в нее). Правило «семь раз отмерь, один раз отрежь» поможет инвесторам избежать криптоловушек и принять рациональное, взвешенное решение, что позволит в будущем минимизировать убытки от вложений либо избежать их вовсе.

Человек занимает важное место в экономике, его роль в ней амбивалентна: он и работник, который должен трудиться на благо своей страны, он и покупатель, который, приобретая товары и услуги, пополняет казну государства. В настоящее время отчетливо прослеживается стремление глав государств и правительств уделять повышенное внимание человеку, его физическому и психологическому здоровью, что подтверждается возникновением таких неологизмов, как *hamburger tax – a tax on unhealthy food* (налог на вредную пищу); *sleeponomics – the money that is spent on products, techniques, etc. that are designed to help people sleep better* (экономика сна – это деньги, потраченные на товары и технологии, разработанные с целью помочь людям лучше спать).

Государство и владельцы компаний заботятся о населении, что можно наблюдать в появлении налогов на вредную пищу, которая становится причиной такого массового явления сегодня, как ожирение; многие фирмы заявляют, что их миссия – сделать своих клиентов счастливыми и что деятельность компаний сфокусирована не на получении максимальной прибыли, а на удовлетворении интересов покупателей.

Семы с положительной коннотацией *to reduce consumption* ‘сократить потребление’, *health problems* ‘проблемы со здоровьем’, *to help people* ‘помочь людям’, *aimed at people* ‘нацеленные на людей’, *values of the customers* ‘ценности покупателей’, *happier place* ‘более счастливое место’, *to enhance buyers’ self-esteem* ‘повысить самооценку покупателей’, *to improve society* ‘улучшить общество’ подтверждают пристальное внимание со стороны участников экономических отношений к человеку и его физическому, моральному состоянию и даже попытку повысить его самооценку.

В ипостаси работника современный экономический человек демонстрирует желание улучшить свое благосостояние, но не желает прилагать при этом особенных усилий. Пассивный доход, «легкие деньги» сегодня являются пределом мечтаний и побуждают людей придумывать способы такого пассивного дохода, которые в большинстве своем являются незаконными. В обществе прослеживается тенденция жизни в стиле *FLY “Finally Love Yourself”* («полюби себя уже наконец»): практически никто не хочет больше работать согласно штатному расписанию на заводе или в душном офисе – все хотят становиться богаче, не тратя при этом свои силы, энергию и время. *Lottery mentality – the desire to obtain money without working for it, the belief that a large sum of money can solve person’s problems* (лотерейный склад ума – желание получать деньги, не работая при этом; вера, что крупная сумма денег может решить человеческие проблемы; *shadow flipping – the practice of selling a house and then re-selling it several times before completing the contract* (теневой флиппинг – практика продажи дома и нескольких последующих перепродаж до полного исполнения контракта).

Заключение

Итак, современные жизненные реалии формируют определенные настроения в обществе и новые тенденции, которые неизбежно находят отражение в языке через порождение новых слов. Сфера экономики и финансов является одной из жизнеопределяющих сфер деятельности человека, поэтому неологизмы являются индикатором изменений в данной области, смещения фокуса интересов и наметившихся тенденций.

В ходе проводимого анализа нами было отмечено, что современные участники рынка стремятся к экономии времени. При этом покупатели смогут потратить сэкономленное время на более важные для них вещи, а продавцы смогут обслужить как можно больше клиентов. Особое внимание уделяется заботе об

окружающей среде и разумному расходованию природных ресурсов, но в данной тенденции прослеживается амбивалентность: компании злоупотребляют этим и вводят в заблуждение своих покупателей, что их продукция изготовлена из исключительно экологически чистых материалов. Анализ также показал, что современному человеку присуще жить настоящим, как говорится, в моменте и приобретать необходимые ему ценности с использованием заемных средств. Здесь стоит отметить, что в новой лексике нашел отражение негативный эффект кредитования как для клиентов банков, так и для самих банков. Трендом современности стала новая философия – дауншифтинг, которая повлекла за собой возникновение в английском языке слов, связанных со свободным наймом, продлением жизненного цикла товаров и рациональным подходом к формированию бюджета.

В ходе нашего исследования было выявлено, что в настоящее время женщины отдают предпочтение классическому образу жены и семьи, в то время как руководители стран предпринимают меры по восстановлению гендерного равноправия на рынке труда. Нестабильная и тревожная обстановка в мире, увеличение стоимости жизни привели к тому, что человек ощущает себя в состоянии бесконечного кризиса и вынужден делить свое жилье с чужими людьми для снижения финансовой нагрузки и избавления от одиночества. Цифровой бум привел к возникновению новых способов зарабатывания денег и способов обмана, разработке мошеннических схем. Современный человек отвергает архетипичный образ усердно трудящегося индивида: он склонен любить и жалеть себя и находить способы пассивного дохода. В свою очередь правительство стран проявляет заботу о населении, его образе жизни, физическом и ментальном здоровье.

Л и т е р а т у р а

1. Дойчер Г. *Сквозь зеркало языка*. – Москва: Издательство АСТ; 2019:448.
2. Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. *Изучение и преподавание русского слова от Пушкина до наших дней*. Материалы конф. и семинаров. Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та; 1999:7-14.
3. Сухих С.А. *Коммуникативная компетентность личности в общении*: учеб. пособие. Краснодар: Кубанский гос. ун-т; 2016:248.
4. Избицкая М.В. *Современные тенденции в неологии: типология образования неологизмов и лексикографическая практика (на материале новой английской лексики из сферы «Культура» в электронных волонтерских словарях)*: Дис. ... к. филол. н. Иваново; 2020:214.
5. Катермина В.В., Соловьева Н.С. Аксиология неологизма Brexit в англоязычном массмедийном дискурсе. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2019;(3):103-111.
6. Липириди С.Х. Характеристика неологизмов в области ИТ технологий (на материале русского и английского языков). *Актуальные вопросы современной филологии и журналистики*. 2024;53(2):131-137.
7. Сенько Е.В. Кросскультурная неология. Владикавказ: Мавр; 2023:158.
8. Культура.РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.culture.ru/poems> (дата обращения: 21.12.2024).
9. Словарь dictionary.cambridge.org [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 10.01.2025).
10. Словарь Etymonline.com [Электронный ресурс]. URL: <https://etymonline.com> (дата обращения: 26.12.2024)

References

1. Deutscher G. *Through the Language Glass*. Moscow: Publishing House AST; 2019:448 (in Russian).
2. Kostomarov VG, Burvikova ND. *Learning and teaching the Russian word from Pushkin till nowadays*. The materials of the conferences and seminars. Volgograd: Volgograd State University Publishing House; 1999:7-14 (in Russian).
3. Sukhikh SA. *The communicative competence of the person during the communication: a textbook*. Krasnodar: Kuban State University; 2016:248 (in Russian).
4. Izbitskaya MV. *Modern trends in neology: typology of neologisms formation and lexicographic practice (on the basis of new English vocabulary from the "Culture" sphere in electronic volunteer dictionaries)*. Candidate's dissertation (Philology). Ivanovo: Ivanovo State University of Chemistry and Technology; 2020:214 (in Russian).
5. Katermina VV, Solovyeva NS. Axiology of neologism *Brexit* in English massmedia discourse. *Actual problems of philology and pedagogical linguistics*. 2019;(3):103-111 (in Russian).
6. Lipiridi SH. Characteristics of neologisms in the field of IT technologies (based on the material of the Russian and English languages). *Actual issues of modern philology and journalism*. 2024;53(2):131-137 (in Russian).
7. Senko EV. *Crosscultural neology*. Vladikavkaz: Publishing House "Mavr"; 2023:158 (in Russian).
8. Culture.RF [Electronic resource]. Available at: <https://www.culture.ru/poems> [Accessed 21 December 2024] (in Russian).
9. Dictionary dictionary.cambridge.org [Electronic resource]. Available at: <https://dictionary.cambridge.org> [Accessed 10 January 2025] (in English).
10. Dictionary Etymonline.com [Electronic resource]. Available at: <https://etymonline.com> [Accessed 26 December 2024] (in English).

Сведения об авторе

СВИРИДОВА Татьяна Николаевна – аспирант кафедры английской филологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар, Российская Федерация, ORCID: 0009-0006-4933-7714

E-mail: autumn.86@mail.ru

Information about the author

Tatiana N. SVIRIDOVA – Postgraduate Student, Department of English Philology, Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation, ORCID: 0009-0006-4933-7714

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 29.01.25
Принята к публикации / Accepted 12.02.25

УДК 81'33

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2025-22-1-149-161>

Оригинальная научная статья

Потенциал колористических дескрипций листвы в продуцировании цветообозначений: на фоне художественного и рекламного дискурсов

Т. В. Сивова

Гродненский государственный университет им. Янки Купалы,

г. Гродно, Республика Беларусь

✉ t.sivova@grsu.by

Аннотация

В статье представлены результаты выполненного на материале текстов художественного и рекламного дискурсов исследования, цель которого выявить потенциал колористических дескрипций листвы на основе реконструированного сегмента цветовой концептосферы флористического пространства русского языка и описать функциональность колористических дескрипций листвы, в частности – их активность и продуктивность в создании новых терминов цвета, что представляется актуальным в свете стоящей перед лингвистикой цвета задачей создания по возможности полной версии описания цветовой концептосферы русского языка. Для достижения цели применяется комплекс методов (сплошной выборки, описательно-аналитический, контекстуальный, количественной обработки данных), позволяющих решить следующие задачи: 1) установить состав значимых в перцепции и визуализации листвы в прозе К. Г. Паустовского, мастера художественного слова, терминов цвета; 2) раскрыть на материале функционирующих в художественном тексте колористических дескрипций листвы специфику цветовой манеры письма писателя; 3) выявить функциональный потенциал описаний листвы, реализуемый в художественном и рекламном тексте; 4) установить состав и специфику функционирования основанных на колористической дескрипции листвы рекламных терминов цвета. Основными результатами проведенного полидискурсивного исследования являются выявление и описание: 1) реестра терминов цвета, актуализируемых писателем в визуализации листвы, из которых 26 единиц относятся к ядру, более 30 расширяют цвето-световой диапазон; 2) доминанта цвета (желтый), несущая отпечаток индивидуально-авторской перцепции К. Г. Паустовского; 3) соотношения авторских цветовых предпочтений в визуализации листвы и русскоязычного цветового стандарта; 4) набора транслируемых терминами цвета значений; 5) стилистического разнообразия цветообозначений; 6) черт цветовой манеры письма писателя; 7) функционала выявленных в художественном тексте терминов цвета; 8) механизма продуцирования в рамках художественного и рекламного текста терминов цвета, основанных на колористической дескрипции листвы. Делается заключение о значимости полученных результатов как для описания индивидуально-авторской цветовой картины мира художника слова, так и для реконструкции цветовой концептосферы флористического пространства русского языка; о продуктивности полидискурсивного исследования цветовой концептосферы, позволяющего, с одной стороны, фиксировать процесс создания терминов цвета, инвентаризировать их, с другой – эксплицировать основания их создания и использования.

Ключевые слова: лингвистика цвета, лингвистическая цветология, термин цвета, цветová концептосфера, фитоним, языковая картина мира, К. Г. Паустовский, рекламный дискурс, художественный дискурс, лексика

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Сивова Т. В. Потенциал колористических дескрипций листвы в продуцировании цветообозначений: на фоне художественного и рекламного дискурсов. *Вестник СВФУ*. 2025, Т. 22, № 1. С. 149–161. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-1-149-161

Original article

The potential of foliage colour descriptions for creating colour terms: a study of artistic and advertising discourses

Tatiana V. Sivova

Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Republic of Belarus

✉ t.sivova@grsu.by

Abstract

The article presents the results of the research carried out on the material of texts of artistic and advertising discourses. The study aimed to identify and describe the functionality of foliage colour descriptions, particularly their activity and productivity in creating new colour terms, based on a reconstructed segment of the colour concept sphere within the floral space of the Russian language. This is relevant to the field of colour linguistics, which seek to create as complete a description as possible of the Russian language's color concept sphere. To achieve this goal, several methods were used (continuous sampling, descriptive and analytical processes, contextual, method of quantitative data processing) to address the following objectives: 1) to determine the quantitative and qualitative composition of colour terms significant in the perception and visualisation of foliage in the prose of Konstantin Paustovsky, a master of the artistic prose; 2) to reveal the specificity of Paustovsky's colour-related writing style through the analysis of foliage colour descriptions functioning in his artistic text; 3) to identify the functional potential of foliage descriptions realised in fiction and advertising text; 4) to establish the composition and function of advertising colour terms based on colouristic descriptions of foliage. The main results of this polydiscursive research include the identification and description of: 1) the register of colour terms used by Paustovsky to visualize foliage, of which 26 units belong to the core vocabulary, and more than 30 units expand the colour and light range; 2) the dominant colour (*yellow*), reflecting K. Paustovsky's individual perception; 3) the correlation between the Paustovsky's colour preferences in foliage visualization and the Russian-language colour standard; 4) the set of meanings conveyed by the colour terms; 5) the stylistic diversity of colour terms; 6) the characteristics of Paustovsky's colour-related writing style; 7) the functionality of colour terms identified in the fiction text; 8) the mechanism by which colour terms are produced within both fiction and advertising text, based on coloristic description of foliage. The study concludes that the obtained results are significant for describing both the individual colour picture of the world of Paustovsky, and for reconstructing the colour concept sphere of the floral space of the Russian language. Furthermore, the productivity of this polydiscursive study of the colour concept sphere allows for the recording and inventory of the process by which colour terms are created, and also for the explication of the foundations for their creation and use.

Keywords: linguistics of colour, linguistic colorology, colour term, colour conceptosphere, phytonym, linguistic picture of the world, Konstantin Paustovsky, advertising discourse, artistic discourse, vocabulary

Funding. No funding was received for writing this manuscript

For citation: Sivova T. V. The potential of foliage colour descriptions for creating colour terms: a study of artistic and advertising discourses. *Vestnik of NEFU*. 2025, Vol. 22, No. 1. Pp. 149–161. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-1-149-161

Введение

Цвет, будучи важной категорией когниции, правомерно находится в фокусе современных лингвистических исследований (см. работы Р. В. Алимпиевой, Н. С. Братчиковой, А. П. Василевича, Ю. В. Гуз, О. Б. Ермаковой, С. В. Кезиной, В. Г. Кульпиной, Е. В. Рахилиной, Р. М. Фрумкиной, В. К. Харченко и др.). Обращение к художественному дискурсу с позиций лингвистики цвета [1–3] раскрывает перед исследователями возможности реконструкции языковой картины мира писателя, его цветовой картины мира, что способствует решению ряда актуальных задач, стоящих перед специалистами, работающими в области лингвистических исследований цвета. Раскрывая функциональный потенциал терминов цвета, в частности эстетическую функцию, В. Г. Кульпина отмечает, что «художественные тексты выражают в первую очередь художественные смыслы, в связи с чем для них чрезвычайно важна эстетическая функция, в которой широко употребляются термины цвета» [3, с. 18].

Проблема концептуализации природного пространства в прозе К. Г. Паустовского, в силу значимости природы в языковой картине мира признанного мастера художественного слова, является особым научным интересом лингвистов (см. работы И. С. Болдоновой и С. С. Имхеловой, И. С. Куликовой Е. В. Летохо, С. А. Мантровой, Т. В. Сапрыкиной, Т. В. Сивовой, Н. П. Хрящевой и др.). Соответственно, индивидуально-авторская колористическая репрезентация природного пространства писателем с «живописным», по выражению Л. Н. Мироновой, видением мира, представляет исследовательский интерес, а описание цветовой концептосферы флористического пространства прозы К. Г. Паустовского становится актуальной исследовательской задачей. Более того, представляется продуктивной экстраполяция полученных в ходе исследования фрагмента цветовой концептосферы произведений К. Г. Паустовского результатов на других дискурсах, например, рекламного, поскольку: «в текстах рекламы может проявляться переплетение функций <терминов цвета> – рекламной, персуазивной, эстетической, аксиологической» [3, с. 19].

Таким образом, целью данного, носящего полидискурсивный характер исследования (привлекаются как художественные, так и рекламные тексты) являются выявление и описание функционала колористических дескрипций листвы, в частности – их продуктивности в создании новых терминов цвета – на основе реконструированного сегмента цветовой концептосферы флористического пространства русского языка. Задачи исследования: 1) установить и охарактеризовать количественный и качественный состав функционирующих в прозе К. Г. Паустовского, мастера художественного слова, значимых в визуализации листвы терминов цвета (ТЦ), представив полученный реестр ТЦ в модели поля, демонстрирующей как доминанту цвета, так и способы расширения цветового спектра; 2) раскрыть на материале колористических дескрипций листвы специфику цветовой манеры письма К. Г. Паустовского; 3) выявить функциональный потенциал описаний листвы, реализуемый как в классическом художественном, так и в современном рекламном тексте; 4) установить состав основанных на колористической дескрипции листвы ТЦ, функционирующих в рекламных текстах, описать специфику создания и использования искомых ТЦ; оценить продуктивность модели и активность процесса создания ТЦ на основе цветového описания листвы.

Актуальность и новизна освещаемой в статье проблемы обусловлены, с одной стороны, рядом существующих исследований, авторы которых обращаются к проблеме колористической визуализации листвы (Е. П. Акулинина, С. А. Кокорин, И. А. Макевнина, И. А. Подюков, С. В. Яковлева и др.), с другой – исследовательской

лакуной, которую представляет, по нашим наблюдениям, специфика визуализации листвы в цветовой картине мира К. Г. Паустовского. С третьей – фиксируемой нами в рекламном дискурсе активностью процесса продуцирования ТЦ, созданных на основе колористической дескрипции листвы.

Обзор литературы. Актуализируемая в описаниях листвы цветная составляющая обладает мощным функциональным потенциалом, который спорадически оказывается в фокусе научно-исследовательского внимания филологов. Так, обращаясь к диалектам, И. А. Подюков отмечает, что в названиях природных объектов часто фиксируется доминирующий цвет: «внешние физические свойства объекта отмечают названия практически по всем основным цветам» [4, с. 8], иллюстрируя свое наблюдение, в частности, фитонимами белолистка, белокрыльник болотный (нижняя поверхность листьев имеет белесый оттенок); белокопытник (по форме опущенных снизу белым листьев, похожих очертаниями на след конских копыт) [4]. Обращаясь к художественному дискурсу, С. А. Кокорин выявляет функциональный потенциал цветообозначений как «средства создания и отражения внутреннего мира лирического героя в поэтическом творчестве Есенина» [5, с. 161] и фиксирует уникальное описание листвы (Люблю, когда на деревьях // Огонь зеленый шевелится), комментируя его следующим образом: «листва сравнивается поэтом с хаотичным движением пламени огня во время процесса горения; однако в контексте употребляется колоритом зеленый, что соответствует цветовой характеристике листвы на дереве; прямое номинирование цвета огня отходит на задний план» [5, с. 163]. З. А. Камаль, выявляя роль флористической лексики в репрезентации картины мира С. Есенина, отмечает использование поэтом лексем лист, листва для создания зооморфных и антропоморфных образов; колористические описания листвы, по наблюдению З. А. Камаль, создаются Есениным с использованием перифраза, метафоры, сравнения: «для изображения зеленых листьев используют перифразы зелень золотистая и зелень пряная, для желтых осенних – метафоры и сравнения с медью, медными монетами и ржавчиной: медь с обветренных ракушек, как ворох меди, за копейки с золотых осин, листьев медь, ивовая ржавь» [6, с. 14]. И. А. Макевнина, исследуя на материале произведений В. Т. Шаламова поливариативность лексемы красный и ее производных, обращается к цветовому диапазону стихотворения «Пройдя оледенелой тропинкой», отмечая, что он, «смещаясь от “рыжей травы” до “грязной листвы”, формирует экспрессию, слегка смещенную в сторону минорной. Синтетические цветообразования – рыжий и грязный – воссоздают двуликое маргинальное стихотворное настроение». Ср.: Пройдя оледенелой тропинкой // Среди рыжей осенней травы. // Найди нам живую травинку // Под ворохом грязной листвы [7, с. 38]. Е. П. Акулинина, обращаясь к творчеству Б. Л. Пастернака, высказывает мысль о том, что для писателя «цвет является важнейшей характеристикой окружающего мира», а употребление им сложных форм цветообозначений, фиксирующих «наличие во флористической текстовой единице смешения нескольких цветов или сложный оттенок какого-либо цвета», свидетельствует «о точности и живописности пастернаковского описания природы: Загадочные птицы оказались винно-огненными листьями клена» [8, с. 15]. С. В. Яковлева, рассматривая сложности адекватного перевода тропов и фиксируя зону несовпадения в языковом восприятии цвета у разных культур, приводит в связи с ТЦ багряный фрагмент перевода стихотворения Г. Траля “Musik in Mirabell” («Музыка в Мирабелле»): Das Laub fällt rot vom alten Baum / кружит багряный лист осенний (пер. О. Бараш), комментируя его следующим образом: «в данном переводном тексте прилагательное rot, обозначающее красный цвет, конкретизируется до

значения “багряный”. Такой выбор в данном случае оправдан сочетаемостью прилагательного багряный в русском языке, которое часто применяется при обозначении цвета листвы деревьев. Однако в немецком языке прямого соответствия данному русскому прилагательному нет» [9, с. 233]. Изложенное свидетельствует, таким образом, о значимости цветового представления о листве в языковом сознании носителей языка и художников слова, о функциональном потенциале колористических дескрипций листвы, исследование которого вызывает научный интерес филологов и обуславливает актуальность нашего исследования, направленного на полидискурсивное его описание.

Материалом служат тексты произведений К. Г. Паустовского, включенные в Собрание сочинений в 9 т. [10], а также тексты рекламных объявлений, размещенных на сайте «Авито» [11]; закономерно обращение к лексикографическим источникам, например, к «Русскому ассоциативному словарю» [12], словарям цвета В. К. Харченко [13] и А. П. Василевича [14]. В целях исследования используется комплекс методов, среди которых методы сплошной выборки, описательно-аналитический, контекстуальный, метод количественной обработки данных.

Результаты и обсуждение

Наше внимание в данной статье, продолжающей исследование как цветовой концептосферы прозы К. Г. Паустовского [15], так и цветовой концептосферы флористического пространства русского языка [16, 17 и др.], обусловлено рядом факторов, среди которых: 1) значимая в количественном отношении позиция лексем лист / листва (более 900 словоупотреблений) в реестре флористических доминант прозы К. Г. Паустовского: лес, цветок, сад, лист; 2) актуализированный в произведениях словообразовательный потенциал лексем: лист, листок, листочек, лиственный, широколиственный, лиственный, листобойный, листопад, остролистник, червяк-подлистник. В контексте: начались с той поры листопады, и мокрая осень, и листобойные ветры [10, т. 6, с. 157]; 3) роль лексем в репрезентации флористического многообразия произведений; ср. в корреляции с номинациями а) деревьев и кустарников (акация, бамбук, банан, брусника, бузина, верба, ветла, груша, драцена, дуб, ива, каштан, клен, лимон, липа, магнолия, мандарин, олеандр, ольха, орех, орешник, осина, осокорь, пальма, платан, рододендрон, сирень, смоковница, тamarиск, тут, хлебное дерево, черемуха, эвкалипт и др.); например: вместо листьев березы много листьев вяза и тополя [10, т. 7, с. 15]; б) травянистых растений (айр, астра, герань, земляника, ирис, ландыш, табак, телорез): широкие, как сабли, листья аира [10, т. 6, с. 445]; в) злаковых: невесомые листья кукурузы [10, т. 5, с. 157]; г) комнатных: дрожали листья фикусов [10, т. 4, с. 8]; д) огородных / овощных: прикрытой капустными листьями [10, т. 2, с. 394]; е) водных: листья кувшинок [10, т. 4, с. 262]; ж) споровых растений: свернутые спиралью листья папоротника [10, т. 8, с. 95]; также з) совокупностей растений: кудрявая листва виноградников [10, т. 4, с. 448]. Помимо «ядерных» лексем лист, листва, в прозе К. Г. Паустовского фиксируются лексемы игла, хвоя: они коррелируют с ТЦ, проявляя специфику цветовосприятия писателя, и заслуживают отдельного рассмотрения.

Проза К. Г. Паустовского. Цвет листвы. Колористический спектр: количественный и качественный состав представим в модели поля (начиная с околоядерной границы зон обнаруживают диффузность).

Ядро составляют ТЦ, принадлежащие основным блокам цвета, согласно Р. М. Фрумкиной [18, с. 54]. Блок «красные» (багровый, багряный, красный, алый, розовый). В контекстах: отразилось множество багровой листвы, желтые стены камышей [10, т. 7, с. 125]; Камеронова галерея, меркнувшая в багрянце листвы [10, т. 3, с. 104]; с веток дождем сыпались красные листья [10, т. 7, с. 37]; видел

листву не только золотую и пурпурную, но и алую [10, т. 6, с. 157]; шелестели розовые листья платанов [10, т. 6, с. 126]. Квазиблок «оранжевые» (рыжий, ржавый, бронзовый): Колеи были засыпаны рыжими листьями [10, т. 2, с. 140]; гул штормов и ржавая листва акаций [10, т. 8, с. 291]; лучи превратили листву в груды бронзы [10, т. 1, с. 595]. Блок «желтые» (золотой, желтый, лимонный): листва золотеет во время сырости и дождя [10, т. 7, с. 376]; желтые листья ив, пахнущие сладкой сыростью [10, т. 1, с. 406]; осина дрожала лимонными нежными листьями [10, т. 6, с. 411]; «промежуточные» имена цвета (рыжий, ржавый, медный, бронзовый). Блок «зеленые» (оливковый, зеленый, изумрудный): у омелы овальные листочки оливкового цвета [10, т. 3, с. 344]; пробиравшихся в зеленых туннелях листвы [10, т. 1, с. 506]; пучки огромных мечевидных изумрудных листьев [10, т. 5, с. 502]. Блок «синие» (синий): листья осин, где по лимонному полю были разбросаны черные и синие пятна [10, т. 6, с. 170]; «промежуточное» сизый: с деревьев слетали сизые листья [10, т. 7, с. 120]. Блок «фиолетовые» (фиолетовый, лиловый): <видел листву> не только золотую и пурпурную, но и фиолетовую [10, т. 6, с. 157]; сухие лиловатые листья платанов [10, т. 7, с. 155]. Блок «серые» (серый, свинцовый, черный): оливковые сады с серой листвой [10, т. 7, с. 79]; рассматривал листья с изнанки, где желтизна была тронута легкой свинцовой изморозью [10, т. 6, с. 171]; апельсины пылали на черной листве [10, т. 1, с. 292]; «промежуточные» (серебристый, серебряный, сизый). Блок «белые» (белый): на одном листе <белокрыльника> прорисована широкая белая полоса [10, т. 3, с. 612]; «промежуточные» (серебристый, серебряный). Блок «коричневые» (коричневый, бурый): сухие коричневые листья кленов [10, т. 5, с. 264]; Бурая листва дает темный настой [10, т. 3, с. 616]. Оценивая качественный состав ТЦ, отметим широкую представленность репрезентантов блока «красные» (багровый, багряный, красный, алый, розовый), прогнозируемую – квазиблока «оранжевые», блоков «желтые», «зеленые», «промежуточных» ИЦ (рыжий, ржавый, медный, бронзовый); фиксируем расширение спектра членами блоков «серые», «фиолетовые», «коричневые», более того – «синие», «белые». Только ядро цвета включает 26 ТЦ, доминантой спектра становится желтый (более 50 словоупотреблений); далее по ранжиру – зеленый, золотой (свыше 30). В спектре, значимом в визуализации листвы, нашли отражение как авторские цветовые предпочтения, так и русскоязычный цветовой стандарт восприятия листвы. «Русский ассоциативный словарь» фиксирует на стимул «лист» цветовые реакции: зеленый, белый, желтый, зелень, багровый, белизна, желтое, зеленеющий; на стимул «листва» – зеленая, желтая, зелень, желтая осень, желтая шуршит под ногами, зеленый, пожелтевшая [12, с. 295]. Можно сравнить с выявленными В. Г. Кульпиной цветообозначениями яркий [2, с. 56], багряный, рдяный [2, с. 75], желтый, лимонный, янтарный [2, с. 87–88], золотой [2, с. 91], зеленый [2, с. 94]. Принадлежащие ядру ТЦ активны в создании композитов, расширяющих оттеночную палитру дескрипций (сизо-желтые листья акации; бешено-зеленые виноградные листья; в черно-зеленой пещере из листвы и др.): Подсыхающие бледно-лиловые листочки тополей шевелились от ветра [10, т. 4, с. 82].

Околоядерная зона поля цвета включает 1) цветолексемы, не входящие в блоки цвета, но зафиксированные лексикографически: оловянный ‘темно-серый’, ‘цвета олова’: сады стояли как бы в оловянной листве [10, т. 4, с. 316]; фарфоровый ‘матово-белый’, ‘нежный’: фарфоровые листья рододендронов валялись в траве [10, т. 1, с. 538]; 2) стилистически маркированные: Древние сосуды светились в сумрачном музейном зале, как груда больших осенних листьев. Червонный блеск падал от них на все окружающее [10, т. 9, с. 368]; 3) авторские дескрипции: береза роняет лимонные листья, дуб – коричневые, хмель – листья цвета рогожи

[10, т. 7, с. 390]; трескучий от сухих листьев сентябрьский день. Розоватый, едва тронутый линиялым золотом дым подымался над кущами деревьев [10, т. 7, с. 174].

Ближняя периферия цветового поля представлена: 4) лексемами с корнем -цвет- (цвет, многоцветный, разноцветный): ивы меняют цвет листы от ветра [10, т. 5, с. 492]; деревья сажаются с таким расчетом, чтобы многоцветная по оттенкам листва радовала глаз [10, т. 3, с. 97]; 5) лексикой изобразительного искусства с семей 'цвет' (краска, раскраска; киноварь, побледневшее золото, сусальная позолота, чернь): лист винограда, окрашенный в побледневшее золото или темную киноварь и пронизанный спокойным солнцем [10, т. 7, с. 183].

Дальнюю периферию формируют: 6) лексемы со значением интенсивности окраски (прозрачный, бледный, блеклый, мягкий, светлый – сочный, яркий, пожар, костер – тяжелый, темный): в туман и блеклую листву платанов Эрменонвиле [10, т. 5, с. 446]; <лист осины> пурпурный, лиловый и даже черный с золотым крапом. Под солнцем получается великолепный костер [10, т. 3, с. 368]; 7) т. н. образные ТЦ, в которых образная составляющая доминирует над цветовой (праздничный, нарядный): рядом с праздничной листвой садов тяжелое лицо Ширяева [10, т. 3, с. 559]; 8) с цвето-световым знач. (глянцевитый, лакированный, сверкать, сияние и др.): город был в зеленоватом и золотистом блеске первых листьев [10, т. 4, с. 29]; свет – неяркий и неподвижный – был непохож на солнечный. Это светили осенние листья [10, т. 6, с. 156].

Таким образом, спектр, значимый в визуализации листвы в прозе К. Г. Паустовского (доминанта *желтый*), только ядро которого включает 26 ТЦ, а расширение осуществляется с помощью более 30 единиц, в полевой репрезентации обнаруживает стилистическое многообразие ТЦ, переход от цветовой составляющей к эмоциональной, от цветового поля к световому, демонстрирует широкий спектр других значений, транслируемых ТЦ (значение интенсивности, утраты цвета), а также языковые потенции, получающие реализацию в продуцировании ТЦ.

Цветовая манера письма К. Г. Паустовского в создании дескрипций листвы. В функционировании колористических дескрипций листвы проявляются присущие цветовой манере письма К. Г. Паустовского черты, среди которых 1) создание эффекта многоцветности, который достигается посредством цепочек цвета (см. подробно в: [19]): вплоть до 8-ми компонентных: видел листву, не только золотую и пурпурную, но и алую, фиолетовую, коричневую, черную, серую и почти белую [10, т. 6, с. 157]. В ЦЦ находит отражение многообразие цветовых оттенков: прилип лимонный лист вербы. Желтизна его была припудрена серебряной мельчайшей росой [10, т. 1, с. 385]; гармоничная сочетаемость цветов: осеннее золото одних деревьев оттеняло пурпур других, а лиловатость третьих создавала законченное обрамление [10, т. 3, с. 97]; 2) интенсификация цветового впечатления, которая проявляется а) в наделении колористической характеристикой светового явления, например, сумрака. Примечательно, что в цветовом диапазоне, используемом К. Г. Паустовским для создания описаний сумрака (золотой, желтоватый, синеватый, сиреневый, сизый, серый, разноцветный), доминирует зеленый, что обусловлено, в первую очередь, окраской листвы (листва ленинградских садов, создававшая в комнатах зеленый сумрак; с зеленоватым сумраком и тишиной). Таким образом, в цветовой картине мира писателя сумрак не только поглощает цвет: сумрак затянул всё, что перед этим сверкало разнообразными красками, светом [10, т. 8, с. 252]; но и окрашивается, преимущественно в цвет листвы; б) в акцентировании фактора освещения: лист загорался по очереди золотым пламенем от луча закатного солнца [10, т. 6, с. 453]; листва наделяется способностью излучать свет: Казалось, что в глубине, под колесами самолета, горят тысячи свечей. Это светила

последняя сухая листва [10, т. 2, с. 451]; в) актуализации эффекта отражения: зрочки <у девочки> зеленоватые и в них поблескивает огоньками листва [10, т. 6, с. 495]; г) в создании контраста: Золотые плоды, похожие на электрические лампочки, горели в черной листве [10, т. 1, с. 501]; д) в установлении контекстуальных (ассоциативно обусловленных) параллелей: Листва печально висела, касаясь земли, серая и мертвая [10, т. 1, с. 587]; е) в комбинировании различных каналов восприятия: много этого лиственного шумного золота скопилось в оврагах, куда не проникал ветер [10, т. 7, с. 119]; воздух крепко настаивался в чащах, на золотом листе [10, т. 6, с. 111]; 3) акцентирование обусловленности цветовой характеристики: а) влиянием природных факторов: лиловый от холода и мертвый лист водяной лилии [10, т. 6, с. 478]; Растительность высыхала. Зелень переходила в цвет бронзы [10, т. 7, с. 376]; б) темпоральным фактором: листва осокорей едва трепещет, розовая от заката [10, т. 3, с. 617]; реже в) влиянием человека: стирал белую пыль с листьев <винограда> [10, т. 6, с. 274].

Функциональный потенциал колористических дескрипций листвы реализуется в 1) онтологической функции: Ветер переворачивал листву ольхи, снизу она была серой [10, т. 1, с. 506];

2) изобразительно-выразительной: вынестись в разноцветный пожар мокрой листвы [10, т. 7, с. 130];

3) прототипической, представляющей исключительный интерес для данного исследования, свидетельствующей о тенденции создания на основе колористической дескрипции листвы ТЦ: Пиджак у него был синий, кепка зеленая, галстук цвета осенних листьев [10, т. 9, с. 82]; <палитра> светит суриком, красным вином, осенним цветом виноградного листа [10, т. 5, с. 503]. Данные ТЦ пополняют реестр фиксируемых в словарях цвета единиц. Ср.: а) цвет листьев березы 'бледновато-зеленый' [13, с. 231]; б) цв. лиственный, березовый лист, брусничный лист, весенняя листва, ивовый лист, красная листва, лист осины, лист пальмы, листья клевера, листья мать-и-мачехи, листья розы, листья укропа, мокрые листья, молодая листва, опавшие листья, осенние листья, пожухлая листва, прелые листья, припыленный лист, прошлогодний лист, свежая листва, серебристая листва, смородиновый лист, табачный лист, увядающий лист [14, с. 132–139]; цв. прошлогодний лист 'черно-бежевый', шелест листьев 'темный светло-серый хаки' [14, с. 154–157]; пожелклый лист 'цвет пожухлой листвы, буровато-желтый', дубовый 'цвета дубового листа', ивовый 'зеленый оттенок ивового листа', мертвые листья цвет не определен, мятный 'зеленый цвет листа мяты', осиновый 'светло-зеленый цвет осинового листа' [14, с. 171–176];

4) хронотопической – в функции создания цветового времени-пространства произведения, т.е. цветового хронотопа (подробно в: [19]). Так, искомые описания принимают участие в конструировании 4.1 цветового пространственного измерения, а в нём – 4.1.1 пространства природы: а) флоры; б) фауны (бабочка, рыба): ивовый лист – узкий, серебряный, вроде рыбки уклейки дрожал в бегучей воде [10, т. 7, с. 23]; в) воздушной сферы (воздух, небо, туча): <народ> дивится на листвяные красные тучи [10, т. 7, с. 44]; г) водной: <птицы> ныряли в листву, будто в зеленую воду [10, т. 4, с. 24]; на основе цвета может устанавливаться тождество пространств: вода <Азовского моря> была по цвету похожа на желтоватую листву акаций [10, т. 6, с. 471]; д) ландшафта: пространства разноцветной земли, то коричневой и сожженной небом, то черной от листвы лимонных деревьев [10, т. 3, с. 478]; 4.1.2 пространства человека: а) соматического и вестияльного: прижала ко рту рукав рубахи, вышитой красными дубовыми листьями, и рядом с ними по полотну расплзлось маленькое кровавое пятно, похожее на вышитый дубовый листок [10, т. 4, с. 27]; б) «вещного» мира:

это была не рама <зеркала>, а венок из стеклянных, бледно окрашенных листьев [10, т. 4, с. 89]; 4.1.3 пространства творчества: а) художественного слова: есть строфы, прекрасные по своей простоте: <...> И кажется вдруг генералу, // Что это зеленой листвою // Родные венгерские липы // Шумят над его головой [10, т. 8, с. 302]; б) фольклора: листья, куда попала птичья кровь, покраснели и тоже осыпались [10, т. 6, с. 157]; в) живописи: Чем больше я смотрю на эту картину, тем больше возмущаюсь. Разве это лимоны? А листья! Ведь это же осколки зеленой посуды [10, т. 1, с. 574]; на основе цвета листвы может устанавливаться тождество пространств: листья <виноградной лозы> пожелтели к осени. Они кое-где прикасались к фрескам Зографа, и их нельзя было отличить от светло-золотого сияния фресок [10, т. 7, с. 183]; 4.1.4 пространства морской навигации: рыбацьи банды на черных парусах уходили в море так плавно, что казалось, будто ветер разносит по морю черные осенние листья [10, т. 4, с. 469]; 4.1.5 географического пространства: Юг черен от нагромождений листвы [10, т. 7, с. 306]; 4.1.6 пространства города: Дворец просвечивал сквозь неясную темноту деревьев, как одинокий золотой лист светится ранней осенью сквозь гущу еще свежей и темной листвы [10, т. 2, с. 250]; – уже: комнаты: в квартире было тихо и в комнатах стоял зеленоватый полусвет от листвы [10, т. 3, с. 94].

Колористические дескрипции листвы принимают участие в создании 4.2 второй части цветового хронотопа – цветового темпорального измерения, а в нем а) преимущественно темпоральной координаты (ТК) «Период вегетации»: до ствола маленького дуба с прозрачными от молодости листочками [10, т. 2, с. 548]; б) «Время года»: Никто бы не поверил, что стоит уже конец августа, если бы на землю не слетали листья, покрытые слабой позолотой [10, т. 3, с. 101]; цвет маркирует отклонение от нормы: Листва акаций уже желтела (хотя был только июнь) [10, т. 1, с. 278]. Важно отметить, что в системе ТК произведений К. Г. Паустовского осень занимает особое место; в ее визуализации доминируют черный, золотой, желтый (см. подробно в: [19]); в) «Время суток»: Тихими золотеющими пятнами светились среди темной, еще ночной листвы ветки ив, озаренные первым солнцем [10, т. 4, с. 24]; г) «Далекое прошлое»: Древность облекалась во множество красок и оттенков, соединявших кинозвезд скал с оливковой листвою и темное золото заката с воздухом лилового вечера [10, т. 5, с. 147]. Более того, с помощью колористических дескрипций листвы фиксируется само течение времени: вокруг стволов лежали круги от палых листьев. Деревья начинали желтеть снизу: я видел осины, красные внизу и совсем еще зеленые на верхушках [10, т. 6, с. 158], устанавливаются экзистенциальные параллели: Мосье Говас смотрел на весну и печально покачивал головой – жизнь выбросила его в мир, как ветер сдувает с зеленого листика толстую божью коровку [10, т. 4, с. 172].

Изложенное свидетельствует, таким образом, о значимости цветового представления о листве в языковом сознании художника слова, реализующего в тексте функциональный потенциал цветовых дескрипций листвы, с одной стороны, о широте возможностей, которые предоставляет язык в реализации цветового впечатления о листве – с другой.

Рекламный дискурс. Цвет листвы. Сделанные нами в ходе описания сегмента цветовой концептосферы флористического пространства прозы К. Г. Паустовского наблюдения: многочисленность и многообразие колористических дескрипций листвы, их функционал, в частности продуктивность создания цвето-обозначений на основе цветового описания листвы, – обуславливают наше обращение к рекламному дискурсу, природа и функциональная специфика которого детерминируют актуализацию изобразительно-выразительных

возможностей языка, проявляют креативный потенциал носителей обыденного языкового сознания (не только копирайтеров) в создании «продающих» текстов.

Обращение к современным рекламным текстам, размещенным на сайте «Авито» [11], позволило установить свидетельствующий о значимости цветового представления о листе факт функционирования 12 ТЦ, созданных на основе колористической дескрипции листы. В алфавитном порядке (ср. с зафиксированными в словарях цвета: [13, 14]): цвет ранней листы; сочной молодой листы; спелой листы; весенней листы; зеленая листва / зеленой листы; молодой зеленой листы; молодой листы; опавшей листы; осенней листы; первой листы; сочной листы; темной листы. Выявленные ТЦ коррелируют преимущественно с номинациями товаров, относимых к категории «Одежда, обувь, аксессуар», реже – «Ремонт и строительство», «Мебель и интерьер». В контекстах: сумка женская Mohito, цвет зеленой листы [11]¹; жакет в стиле Шанель, цвета осенней листы; кардиган цвета опавшей листы.

Выявленные ТЦ актуализируют преимущественно значение 'зеленый', что обусловлено прототипичностью цвета листы: «цвет листы традиционно является прототипом цвета: зеленый 'цвета травы, листы'» [2, с. 93], а также значения 'желтый' и 'коричневый'. Значение ряда ТЦ зиждется на темпоральной характеристике: нарядное платье, цвет молодой листы; на признаке интенсивности цвета, степени светлоты: брюки вельветовые Massimo Dutti цвета темной листы. Широко распространены ТЦ, в основе которых – комплекс признаков, обеспечивающий синергетический эффект воздействия на потребителя (ср. с дескрипциями, фиксируемыми в прозе К. Г. Паустовского): топ Balensiaga, нежного цвета, ранней листы; рубашка насыщенного цвета первой листы от Dresscod; платье Michael Kors, цвет яркий, сочной молодой листы; шарф женский декоративный, но теплый, яркий весенний цвет молодой зеленой листы [11]. Примечательно, что рекламный текст фиксируют и процесс создания ТЦ: ботинки из натуральной кожи Paolo Conte, стильный цвет под осеннюю листву; плащ Samange. Цвет по факту немного отличается: он более теплый, похож на цвет молодой весенней листы [11].

В «продающих» текстах находит отражение стремление его создателей точно передать значение цвета (прагматический аспект), для чего приводится 1) синонимичный, «уточняющий» цвет: школьная форма Marks & Spencer, цвет темно-темно-зеленый, как цвет листы у роз; 2) информация из профессионального каталога цвета: аэрозольная краска зеленая листва, RAL 6002; 3) фото, сопровождаемое комментарием, который акцентирует корректность передачи цвета: свитер Giada, очень красивый цвет молодой листы, фото 3, 5 передает цвет; платье Max Mara цвета сочной листы (на фото ушло в изумруд) [11]. Выявленные ТЦ несут отпечаток оценочности (стильный, модный): комбинезон Reima цвета весенней листы для модного мальчика (или девочки); также эмоциональной (очень красивый, прекрасный): стильный пуловер прекрасного зеленого цвета молодой листы; косуха очень красивого насыщенного цвета «осенней листы», транслируемый и с помощью паралингвистических средств: кроссовки MaxMara яркого желтого цвета, как осенняя листва:))) [11]. Более того, рекламный текст эксплицирует и креативную роль носителя языкового сознания: шторы, цвет осенней листы (мы так называли), фиксирует расширение лексической сочетаемости: свитшот J.Crew, темно-зеленый цвет, спелой листы [11].

Таким образом, обращение к рекламному дискурсу подтвердило значимость колористического представления о листе в языковом сознании современных носителей языка, выявило продуктивность в условиях рекламного текста

¹ Здесь и далее источник иллюстративного материала – сайт «Авито» [11].

процесса продуцирования ТЦ на основе колористической дескрипции листы, реализацию рекламной функции ТЦ.

Заключение

В результате проведенного полидискурсивного исследования, цель которого – раскрыть функциональный потенциал колористических дескрипций листы на основе реконструированного сегмента цветовой концептосферы русского языка, выявить степень их активности и продуктивности в создании ТЦ, получены следующие результаты:

1. При обращении к художественному тексту: выявлен состав и описана специфика использования принимающих участие в колористической визуализации листы цветообозначений; раскрыт свидетельствующий о значимости цветového представления о листе в языковой картине мира писателя актуализируемый К. Г. Паустовским посредством изобразительно-выразительных средств языка функциональный потенциал описаний листы.

2. При обращении к рекламному тексту: расширен за счет реализации прототипической функции ТЦ, а также креативного начала носителей обыденного языкового сознания состав фиксируемых словарями цвета цветообозначений, основанных на колористической дескрипции листы, количество которых и специфика функционирования подтверждают продуктивность модели образования искомых ТЦ и их востребованность. Инвентаризация и каталогизация данных ТЦ, анализ особенностей их использования, описание сферы денотации вносит вклад в создание по возможности полной версии описания цветовой концептосферы флористического пространства русского языка. Полученные результаты свидетельствуют о значимости колористической дескрипции листы в языковом сознании современного носителя языка; демонстрируют продуктивность полидискурсивного исследования цветовой концептосферы.

Л и т е р а т у р а

1. Кульпина В.Г. *Лингвистика цвета*. Термины цвета в польском и русском языках. Москва: Московский лицей; 2001:470.

2. Кульпина В.Г. *Лингвистическая цветология: от истории к современности цветových концептосфер*. Москва: МАКС Пресс; 2019:288.

3. Кульпина В.Г. Лингвистика цвета: стилистические функции терминов цвета в разных дискурсивных средах. *Язык, сознание, коммуникация*. Москва: МАКС Пресс, 2017;56:14-26.

4. Подюков И.А. Цветовые универсалии в народной лексике природы. Умозрение в красках. Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Строгановские чтения»–IV, «*Лингвистические и эстетические аспекты анализа текста и речи*»–VIII. Усолье: Палаты Строгановых. 2011:7-10.

5. Кокорин С.А. Поэтика цвета как средство отражения внутреннего мира лирического героя в поэтическом тексте С. А. Есенина. *Вестник Челябинского государственного педагогического университета*. 2016;(4):161-165.

6. Камаль З.А. *Флористическая лексика в лирике С. Есенина*: Автореф. дис. ... к. филол. н. Воронеж, 2011:24.

7. Макевнина И.А. Поливариативное звучание лексемы красный и ее производных в поэтической системе Варлама Шаламова. *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2016;(8-2):36-39.

8. Акулинина Е.П. *Система флористических текстовых единиц в творческой картине мира Б. Л. Пастернака*: Автореф. дис. ... к. филол. н. Тамбов, 2009:23.

9. Яковлева С.В. Об особенностях перевода тропов на немецкий язык. *Иностранный язык и культура в контексте образования для устойчивого развития*. 2019;(9):232-237.

10. Паустовский К.Г. *Собрание сочинений* : в 9 т. Москва: Художественная литература; 1981-1986.
11. Авито. Сайт рекламных объявлений. URL: <https://www.avito.ru/>, свободный (дата обращения: 24.07.2024).
12. *Русский ассоциативный словарь*. Под ред. Ю.Н. Караулова. Москва: Астрель: АСТ; 2002:784.
13. Харченко В.К. *Словарь цвета: реальное, потенциальное, авторское*. Москва: Лит. ин-т им. А. М. Горького; 2009:532.
14. *Цвет и названия цвета в русском языке*. Под ред. А. П. Василевича. Москва: КомКнига; 2005:216.
15. Сивова Т.В. Доминанты цвета флористического пространства прозы К. Г. Паустовского. *Когнитивные исследования языка*. 2021;3(46):639-643.
16. Сивова Т.В. Цвет герани в цветовой концептосфере русского языка. *«Язык цветов» и цветы в языке, литературе и культуре*: Москва: ИКД «Зерцало-М». 2024:366-376.
17. Сивова Т.В. Как описать цвет камыша: опыт полидискурсивного исследования. *Когнитивные исследования языка*. 2024;58(2):211-214.
18. Фрумкина Р.М. Цвет. Смысл. Сходство. *Аспекты психолингвистического анализа*. Москва: Наука; 1984:175.
19. Кульпина В.Г., Сивова Т.В. Об издательском проекте «Лингвистика цвета: энциклопедический словарь». *Язык, сознание, коммуникация*. Вып. 64 : сб. статей. Москва: Макс Пресс; 2023:26-54.
20. Сивова Т.В. Авторская концептуализация осени в романе К. Г. Паустовского «Романтики». *Языковые категории и единицы: синтагматический аспект*. Владимир: Владимир. гос. ун-т. 2013:551-554.

References

1. Kulpina VG. *Linguistics of colour. Terms of colour in Polish and Russian*. Moscow: Publishing House "Moskovskiy litsey"; 2001:470 (in Russian).
2. Kulpina VG. *Linguistic Colourology: From History to Modernity of Colour Conceptual Spheres*. Moscow: MAKSS Press Publishing House; 2019:288 (in Russian).
3. Kulpina VG. Linguistics of colour: colour terms' stylistic functions in different discours environments. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya*. Moscow: MAKSS Press Publishing House; 2017;56:14-26 (in Russian).
4. Podyukov IA. Colour universals in the folk vocabulary of nature. Speculation in colours. In: *Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference "Stroganov Readings" – IV, "Linguistic and Aesthetic Aspects of text and speech analysis" – VIII*. Usolye: Stroganov Chambers. 2011:7-10 (in Russian).
5. Kokorin SA. Colour poetics as tool to reflect the inner world of persona in Sergei Yesenin verse. *Vestnik of Chelyabinsk State Pedagogical University*. 2016;(4):161-165 (in Russian).
6. Kamal ZA. *Floronyms in Sergei Yesenin's lyrics*. Summary of Candidate's dissertation (Philology). Voronezh: Voronezh State University; 2011:24 (in Russian).
7. Makevnina IA. Polyvariant sounding of the lexeme *red* and its derivatives in V. Shalamov's poetic system. *Actual problems of humanities and natural sciences*. 2016;(8-2):36-39 (in Russian).
8. Akulinina EP. *Floristic text units: their role in B.L. Pasternak's the creative picture of the world*. Summary of Candidate's dissertation (Philology). Tambov: Tambov State University; 2009:23 (in Russian).
9. Yakovleva SV. About specific character of trope translation into German. *Foreign language and culture in the context of education for sustainable development*. 2019;(9):232-237 (in Russian).
10. Paustovsky KG. *Collected Works*: in 9 vol. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publishing House; 1981-1986 (in Russian).

11. Avito. Advertising website. Available at: <https://www.avito.ru/> [Accessed 24 July 2024] (in Russian).
12. Karaulov YuN (ed.). *Russian associative dictionary*. Moscow: Astrel: Publishing House “AST”; 2002:784 (in Russian).
13. Kharchenko VK. *The dictionary of colour: actual, potential, author's*. Moscow: “Maxim Gorky” Institute of Literature; 2009:532 (in Russian).
14. Vasilevich AP. *Color and the color name in the Russian language*. Moscow: Publishing House “KomKniga”; 2005:216 (in Russian).
15. Sivova TV. Color dominants of the floristic space of Konstantin Paustovsky's prose. *Cognitive Studies of Language*. 2021;3(46):639-643 (in Russian).
16. Sivova TV. Colour geranium in the colour conceptsphere of the Russian language. In: *‘Language of flowers’ and flowers in language, literature and culture*. Moscow: Publishing House of ICD “Zertsalo-M”; 2024:366-376 (in Russian).
17. Sivova TV. How to describe the colour of a reed: the experience of polydiscursive research. *Cognitive Studies of Language*. 2024;2:211-214 (in Russian).
18. Frumkina RM. Colour. Meaning. Similarity. *Aspects of psycholinguistic analysis*. Moscow: Nauka; 1984:175 (in Russian).
19. Kulpina VG, Sivova TV. About publishing project “Linguistics of Color: Encyclopedia”. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya*. Moscow: MAKS Press; 2023;64:26-54 (in Russian).
20. Sivova TV. Author's conceptualization of the autumn in the novel by K. Paustovsky's “The Romantiki”. *Linguistic categories and units: the syntagmatic aspect*. Vladimir: Vladimir State University; 2013:551-554 (in Russian).

Сведения об авторе

СИВОВА Татьяна Викторовна – к. филол. н., доц. каф. журналистики, Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, г. Гродно, Республика Беларусь, ORCID: 0000-0002-8800-9987, Scopus Author ID: 57212221099, ResearcherID Web of Science MAH-8419-2025, SPIN: 2015-3818

E-mail: t.sivova@grsu.by

Information about the author

Tatiana V. SIVOVA – Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, Department of Journalism, Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Republic of Belarus, ORCID: 0000-0002-8800-9987, Scopus Author ID: 57212221099, ResearcherID Web of Science MAH-8419-2025, SPIN: 2015-3818

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 21.01.25

Принята к публикации / Accepted 10.02.25

УДК 821.512.157

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2025-22-1-162-174>

Оригинальная научная статья

Поэма А. Е. Кулаковского «Сон шамана»: опыт анализа в аспекте проблем текстологии

П. В. Сивцева-Максимова

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,

г. Якутск, Российская Федерация

✉ smpv50@mail.ru

Аннотация

В изучении творчества классиков одним из актуальных проблем выступают вопросы текстологии, связанные с объектами литературного источниковедения как варианты основных текстов, списки, автографы. В этом аспекте открывается возможность углубленного анализа творческой истории конкретного произведения и функции автора в художественном тексте как основы фабульно-мифологического дуализма, особенно характерного в литературе начала XX в. Проблематика статьи связывается с определением отдельных проблем текстологии для дальнейшего изучения произведений якутского поэта А. Е. Кулаковского. Ее цель и задачи: стремление обозначить текстологические параметры анализа поэмы «Сон шамана» с представлением ранее не востребованных источников его наследия как ранний вариант основного текста и публикации поэмы в изданиях 1946, 1978, 2002 гг. Методологическую основу составляют исследования Института мировой литературы имени А.М. Горького РАН, представляющие значительные текстологические открытия, основанные на аналитической систематизации литературоведческих источников; работы Ю. М. Лотмана, В. И. Тюпа, Л. Н. Луньковой, посвященные структурному и семиотическому анализу, выявлению значения литературного времени и художественного пространства в художественном произведении. Содержание статьи систематизируется в трех направлениях: проблема образа главного персонажа в контекстах «эмоционально-волевой установки» (М. М. Бахтин) авторского начала; сопоставительного анализа списка поэмы; представления итогов наблюдения по редактированию текста классика в изданиях его поэзии. В процессе изучения представленных материалов выявляются вопросы творческой истории, обусловленные авторским редактированием в форме значительного изменения функции главного персонажа; уточняются факты различных нарушений логической взаимосвязи фрагментов поэмы в трех указанных изданиях. Доказывается, что поэма «Сон шамана» А. Е. Кулаковского оригинальна не только темой и проблематикой, но и мастерством поэта находить существенный подход к форме и материалу, определить в границах образного слова художественную закономерность их элементов и логической взаимосвязи частей.

Ключевые слова: тексты Кулаковского, список поэмы «Сон шамана», мифопоэтическое начало, главный персонаж, автор, литературное время, пространство текста, основной текст, прижизненное издание, редактирование классического текста

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Сивцева-Максимова П. В. Поэма А. Е. Кулаковского «Сон шамана»: опыт анализа в аспекте проблем текстологии. *Вестник СВФУ*. 2025, Т. 22, № 1. С. 162–174. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-1-162-174

Original article

Alexei Kulakovsky's poem "The Shaman's Dream": an analysis focusing on textual criticism aspects

Praskovia V. Sivtseva-Maksimova

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation

✉ smpv50@mail.ru

Abstract

In the study of classical works, one of the pressing issues pertains to textual criticism which related to the objects of literary source studies such as variants of basic texts, lists, autographs. This aspect provides an opportunity for a more in-depth analysis of the creative history of a specific work and the author's function in the artistic text as the basis of the plot-mythological dualism, particularly characteristic of early 20th century literature. The article identifies specific issues of textual criticism to the study of Yakut poet Alexei Kulakovsky's works. The aim is to outline the textual parameters for analyzing the poem "The Shaman's Dream" and to introduce previously underutilized sources from Kulakovsky's heritage, including an early version of the main text and publications from 1946, 1978, and 2002. The methodological basis is grounded in research from the A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, representing significant textual discoveries based on the analytical systematization of literary sources. It also draws on the works of Yuri Lotman, Valery Tiupa, and Larisa Lun'kova, focusing on structural and semiotic analysis and exploration of literary time and artistic space within literary work. The article is structured in three directions: the main character's image in the contexts of the "emotional-volitional attitude" (Mikhail Bakhtin) of the author's principle; an analysis of the poem's early version; the presentation of observations on editing the poet's text in publishing his poetry. The study of the presented materials revealed certain aspects of the creative history caused by the author's editing, specifically a significant change in the main character's function; and clarified several occurrences of various violations in the logical relationships of the poem's fragments in the three indicated editions. It is proved that the poem "The Shaman's Dream" by Alexei Kulakovsky is original not only in its theme and problems, but also in the poet's talent in finding a significant approach to form and material, in determining within the boundaries of a figurative word the artistic regularity of their elements and the logical interrelation of parts.

Keywords: Kulakovsky's texts, list of the poem "The Shaman's Dream", mythopoetic source, main character, author, literary time, text space, lifetime edition, editing of a classical texts

Funding. No funding was received for writing this manuscript

For citation: Sivtseva-Maksimova P. V. Alexei Kulakovsky's poem "The Shaman's Dream": an analysis focusing on textual criticism aspects. *Vestnik of NEFU*. 2025, Vol. 22, No. 1. Pp. 162–174. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-1-162-174

Введение

В истории якутской литературы начало национальным традициям положено поэзией А. Е. Кулаковского (1877–1926). Он в своих произведениях открывает самобытные возможности фольклорной поэтики с целью увековечить аллитерационный стих на основе глубокого понимания народной философии. В этом аспекте проблемы текстологии произведений классика составляют одно

из востребованных направлений в изучении его наследия, связанного с такими объектами литературного источниковедения, как варианты основных текстов, списки и автографы, вопросы взаимодействия устно-поэтической традиции и норм литературного стиля на примерах «мифопоэтических образов и формульного фонда народной поэзии» [1, с. 60]. Значительные текстологические проблемы наблюдаются в истории издания художественного наследия Кулаковского, в том числе и в первую очередь поэмы «Сон шамана». В этом плане вопросы научной критики его текстов уточняются в процессе подготовки томов полного собрания сочинений.

Методологическую основу данной работы составляют теоретические положения современных фундаментальных исследований ИМЛИ РАН, представляющих «текстологические открытия, основанные на широкой доказательной базе и множестве архивных источников» [2, с. 207]. При этом каждая отдельная статья во втором выпуске научных трудов «От истории текста к истории литературы» «представляет собой целостную разработку определенной проблемы» в контексте «глобальных обобщений, которые были свойственны русской литературе в целом» [там же, с. 198]. Так в статье В. М. Есипова уточняются сложные текстологические вопросы по произведениям А. С. Пушкина на основе изучения не только черновиков, автографов и ранних изданий, но и источников, относящихся к воспоминаниям современников классика и дискуссиям исследователей XIX–XX вв. Значительный интерес представляет в работе решение проблемы «авторской воли» в «различных аспектах освоения поэтического наследия» великого писателя [3].

Целью представленного исследования является стремление более конкретно обозначить указанные текстологические параметры в анализе поэмы «Сон шамана» (1910) на уровне образа главного персонажа в контекстах сопоставительного анализа раннего варианта и вопросов истории основных изданий поэмы. В этом плане итоги сопоставительного наблюдения раннего варианта – списка в тетради С. А. Новгородова¹ (1892–1924) – раскрывают закономерности «процесса порождения текста» [4, с. 689], а в результатах систематизации разночтений в публикациях после прижизненного издания произведений классика выявляются проблемы текстологии, связанные с вопросами нарушения композиции поэмы.

Таким образом, содержание статьи систематизируется в форме представления трех периодов взаимосвязанной проблемы текстологического характера: художественных особенностей образа главного персонажа в контекстах «эмоционально-волевой установки» [5] авторского начала; сопоставительного анализа основного текста поэмы с его ранним вариантом; представления итогов наблюдения по редактированию текста классика в изданиях поэмы «Сон шамана».

Проблемы анализа в текстологии поэмы «Сон шамана» А. Е. Кулаковского

Функции главного персонажа связываются с глубинным смыслом всех элементов произведения, в контекстах которых раскрываются значимость идеи и проблематика поэмы. При этом имеем в виду: а) особенность произведения, созданного на основе постепенного представления сложных вопросов общественной жизни определенного исторического периода; б) структуру произведения, соответствующую эстетическому единству мира персонажей и образа автора-творца. В этом плане определение функции избранного автором персонажа находим в работе Е. П. Шестакова–Эрчимэна (1927–1996): «Только свободная,

¹ Архив Якутского научного центра СО РАН, ф. 4, оп. 9, д. 47, л. 19–26.

Тетрадь Новгородова: 44 листа со сквозной нумерацией. Чернила. Заглавие документа «Якутские народные песни». Л. 1–26 содержат 19 текстов, включая поэму Кулаковского. На л. 27–30об. записано 3 текста. 26об.–27 личные записи, датированные «11/II 1913 г.». Л. 31–44 черновики писем друзьям и работ, датированные с 22/III 1916 г. по март 1920 г.

торжественно-приподнятая форма всемогущего шаманского заклинания могла дать ему высказать до конца то, что клокотало в его встревоженной душе. Так родилась своеобразная лироэпическая поэма, раздумье о судьбе малого народа, обреченного на безрадостную перспективу» [6, с. 31].

Таким образом, шаман – традиционный народный образ и литературный персонаж, в котором мифологическое и реальное время составляют единое целое. С этой точки зрения делаем разбивку содержания поэмы на реалистическое и мифологическое по количеству стихов /строк/ и получаем следующую упрощенную арифметическую структуру как показатель «архитектонически устойчивого и динамически живого отношения автора к герою» [5, с. 7]: 14 начальных строк – реалистическое описание (представление главного персонажа автором), 68 строк – мифологическое описание (начало монолога шамана о его превращении в величественного орла, обладающего магической силой²), 12 р., 20 м., 58 р., 38 м., 77 р., 26 м., 375 р., 55 м., 146 р., 34 м., 34 р., 23 м., 262 р., 22 м., 94 р., 68 м. Но в поэме мифологическое начало не нарушает последовательности сюжета, органически сливается с действительным историческим содержанием как особым образом организованный художественный текст.

Свои наблюдения сопоставляем с положениями в современных исследованиях проблемы пространства в художественных текстах. Например, отмечается «ментальный характер факта в силу своей принадлежности к логическому, а не реальному пространству» [8, с. 95]. В наблюдениях относительно специфики пространства и времени в конкретных художественных текстах подчеркивается, что «понятие языковой картины мира включает в себя две идеи: 1) языковая картина мира отличается от научной картины мира; 2) каждый язык имеет свою, присущую только ему картину мира, которая отличается от восприятия мира другими языками, т. е. это мировидение этноса определенной культуры» [Там же, с. 100].

Данная особенность текста Кулаковского также соответствует теоретическому положению о «многоуровневой структуре объектно-субъектной организации литературного текста» и как основа ритмики «речевого движения..., интегрирующего автора, героя и читателя в неоднородное, неразрывное единство» [9, с. 95, 98]. В структурировании текста «Сна шамана» на образах персонажей определяющее значение имеет «присутствие» автора как носителя культуры в формах создателя и современника главного персонажа: а) сюжет «медитативного текста образуется аналогичными событиями переходов субъекта из одного пространства в другое» [там же, с. 105]: в данном тексте обнаружены ритмические повторы мифопоэтических деталей в действиях актанта, не нарушающие хронологию в описании жизни общества в реальном времени; б) на основе традиционной для якутской словесности формы художественного познания мира создается литературный жанр – поэма.

В этом плане мифопоэтическое и фольклорное начала реально сосуществуют в текстах А. Е. Кулаковского, что получает интересные подтверждения в работах исследователей поэтики его произведений, а именно: «стилистически усложненное разрастание формы, что, в конечном счете, позволяет этим жанрам отличаться от фольклорных, как бы стоять над устной традицией, успешно ими же имитируемой» [10, с. 37].

Таким образом, мифопоэтическое начало, связанное с культурой и верованием, выступает универсальным ориентиром художественной формы, подтверждаю-

² В примечании к прижизненному изданию автор дает пояснения слов и понятий на русском языке: «Хомуһун/магия/ (эпитет, относящийся к шаману) – «способность оборачиваться зверем, птицей и т. д.»; «Бүрүө харах/закрытые глаза/ – орлу дан такой эпитет, потому что у него есть двойное веко с отверстием по середине. Обтянув зрачок этим веком, он тем самым гипнотизирует мелких птишек» [7].

щим классическое положение о взаимосвязи «хронотопа изображенного события и хронотопа автора (последней авторской инстанции)» [5, с. 338]. В этом художественном единстве времени и пространства основывается жанровое начало поэмы. Композиция произведения равняется способу изображения действительности по форме «дискурсивной последовательности целого» [9, с. 54] на основе неразрывности главного персонажа от автора. При этом субъективное начало относится к функции персонажа, монологи которого дополняются объективной проблематикой эпического уровня со стороны автора.

Относительно к проблематике статьи ранний вариант поэмы «Сон шамана» – список С. А. Новгородова – представляет интерес, связанный с вопросами о процессе работы автора над поэмой. Одним из существенных признаков списка является то, что произведение переписано на раннем варианте якутского алфавита, созданном А. Е. Кулаковским, на основе кириллицы. В четырех местах текста имеются исправления: в завершающих начальную строфу трех строках внесены исправления карандашом; остальные поправки делаются по ходу переписывания чернилами.

Объем списка – 563 строки, поэмы в прижизненном издании – 1387 строк [11]. В статье цитирования фрагментов списка относятся к опубликованному во втором томе академического издания тексту [11] и комментариям на якутском и русском языках в этом издании [11]. Итоги сопоставительного исследования списка с основным текстом [7] уточняют вопросы, логически близкие к методам текстологии: а) «историческое движение завершенных текстов в едином комплексе культуры; б) текстологическое движение от замысла к завершению [4]. Таким образом, ранний вариант/список воспринимается началом эволюции основного текста поэмы Кулаковского, где образ главного персонажа имеет особенное значение.

Например, 555-558 строки списка [12] соответствуют 1280–1285 строкам основного текста с дополнением посередине одной строки [7]. Заключительная 563-я строка списка «*Уот маннай...*» воспринимается началом не записанной переписчиком новой строфы. В целом отсутствующие в списке фрагменты поэмы представляют значительное сокращение содержания. Их отмечаем в пяти местах:

1) 208 строк (описывается Германия как центр революционных идей) [7]; 2) 20 строк (описание войны) [7]; 3) 248 строк (шаман представляет революцию, гражданскую войну и выражает свои сомнения в идеях и решениях партии большевиков) [7]; 4) отсутствуют в списке 139 строк основного текста, где раскрываются рассуждения о печальной участи малочисленного этноса при большой миграции народов [7]; 5) отсутствие в списке 98 строк [7], завершающих основной текст поэмы, где шаман рассуждает об умении древних предков преодолевать трудности и дает благословение на будущее.

Итого в переписанном тексте сокращение равняется 713 строкам.

В содержании основного текста поэмы указанные разночтения можно определить уточнениями автора в форме редактирования. Но это не однозначный вывод, потому что дополнения могут быть сокращениями в самом списке, представляющего незавершенный текст. С другой стороны, список можно воспринимать и как часть варианта авторского текста. В этом плане существенной текстологической приметой текста в тетради С. А. Новгородова выступает отсутствие названия произведения.

Разночтения, которые близки редактированию автора образных описаний, представляем в форме таблицы (совпадающие выражения в сопоставлении фрагментов выделены нами):

Таблица 1

Список и основной текст (редактирование автора)

Table 1

List and main text (author's edited version)

«Аламай-манан күнүм», список	«Ойуун түүлэ», текст поэмы
Строки 5-12 <i>Арбах бастаах</i> <i>Атыыр ойуун абажам, -</i> <i>Түүлбэ хабыл дүнгүрүн</i> <i>Түүһүгэр тутан олорон үс төгүл</i> <i>Охсон бордъугунатан баран,</i> <i>Ыллаан ынгсалыта,</i> <i>Кутуран курдъугунуу,</i> <i>Көрүүлэнэн лүһүгүрүү олордо.</i>	Строки 6-14 <i>Айыы-намыһын ойууна абажам</i> <i>Энгинэ буолбут</i> <i>Кулан аарык быарыктаах</i> <i>Түүлбэ хаан дүнгүрүн</i> <i>Үс төгүл охсон</i> <i>Бүрдъугунэтэн баран</i> <i>Ылаан ынгсалыта</i> <i>Кутуран кулуһута</i> <i>Көрүүлэнэн лүһүгүрүү олордо...</i>
Стр. 17-19 <i>Бөлүүнү хохтоох хонхо-бараан</i> <i>Түүн ийэбэр түүл түһээн</i> <i>Түһкэлийдэхпинэ:-</i>	Стр. 19-22 <i>Бөлүүнү түрбөөннээх</i> <i>Түлэй-бараан</i> <i>Түүн ийэбэр</i> <i>Түүл түһээн түһнэһиннэхпинэ</i>
Стр. 35-36 <i>Чанг алтанныы чангыржаан,</i> <i>Салгын устун сабырыйан;</i>	Стр. 39-40 <i>Салгынтан тайанан сабырыйан;</i> <i>Чанг алтанныы чангыржаан,</i>
Стр. 53-54 <i>Сидьэйн сирэлитэн көрдүм;</i> <i>Улуу муоралары улажаларынан</i>	Стр. 57-59 <i>Сидьэйн-ситэн көрдүм.</i> <i>Улуу муоралары</i> <i>Улажа өттүлэринэн</i>
Стр.76-77 <i>Арабас манан халлаан аҕата буолбут</i> <i>Аһынылаах Айыы-Тойон аҕабыт</i>	Стр. 98-100 <i>Арылы халлаан алаһалаах</i> <i>Аһынылаах санаалаах</i> <i>Айыы-Тойон аҕабыт</i>
Стр. 280-281 <i>Кырааснай муора кытыылаах</i> <i>Сэрэтисиминэй муора сиксиктээх</i>	Стр. 395-396 <i>Кырааһынай муора кытыылыктаах</i> <i>Сир билиитэ муора сиксиктээх</i>
Стр. 537-546 <i>Былыргы кырдыаҕастар,</i> <i>Өлбүт өбүгэлэрбит</i> <i>Сүбэлиир буолаллара:</i> <i>Өй-санаа түмүллэр,</i> <i>Кулгаах-харах сабыллар,</i> <i>Или-атах кэлгиллэр,</i> <i>Илин-кэлин күйүүлэр,</i> <i>Таар- мунурга тийер</i> <i>Уһук-мунур күн кэллэбинэ –</i> <i>Дьэ ‘бии өрө нэтэрэн,</i>	Стр. 1253-1265 <i>Былыргы кырдыаҕастар</i> <i>Өлбүт өбүгэлэрбит</i> <i>Айбыт аҕаларбыт</i> <i>Сүбэлиир-өйдөтөр буолаллара</i> <i>Бу курдук диэн –</i> <i>Мун-сор буулдуругар</i> <i>Эрэй-буруй эрийэригэр</i> <i>Кыһалҕа-кыдык кытчыарыгар</i> <i>Өй-санаа түмүллэригэр</i> <i>Таар мунурга хааттарар</i> <i>Уһук мун кэллэбинэ -</i> <i>Дьэ эбии</i> <i>Өрө сэтэрэн</i>

Стр. 560-565 Манан буолабына Мас курдук олорон биэримиэбин, - Өлүөхпүтүгэр диэри Өлүмнүктэн хаалыабын, Хаалыахпытгар диэри Хачыгыраһан хаалыабын.	Стр. 1284-1291 Манан буолабына Мас курдук олорон хаалыабын – Бараныахпытгар диэри Барсыспахтаан хаалыабын Тобоболонуохпугар диэри Муннаспахтаан охтуобун Бүтүөхпүтүгэр диэри Мөккүспэхтээн өлүбүм...
--	---

В сопоставлениях фрагментов подтверждается, что редактирование автора относится к образу главного персонажа. В раннем варианте (списке) шаман представляется эпитетами «косматый, суровый/свирепый – *арбах бастаах атыыр ойуун*»; в поэме – «*благородный, спокойный – айыы намыһын ойуун*»³. Во втором примере – шаман начинает рассказ о вещем сне – «*в прошлую ночь глубоко провалился в сон, полный нечистью, смрадом – хохтоох хонхо-бараан түүн ... түнкэлийдэхпинэ*» (список); «*в прошлую тревожную темную ночь увидел сон – түрбүүннэх түлэй бараан түүн ... түгнэһиннэхпинэ*» (поэма)⁴. Итак, в списке главный персонаж описывается в образе темного (страшного) шамана. В последующих трех примерах вариации строк подтверждают редактирование стихов и строфики; шестой пример: в выражении «*Сир билиитэ муора*» верно и красиво передается название Средиземного моря на якутском языке. В разночтениях двух заключительных примеров обращение шамана к слушателям отличается в соответствии с представленными в начале текстов различными образами – суровым, грозным и мудрым, благожелательным предсказателем судьбы малочисленного народа⁵.

Таким образом, направления авторского редактирования заключаются в значительном изменении содержания и функции главного персонажа поэмы: а) не «грозный» и безжалостный по отношению к людям, а несущий им добро белый шаман обращается к слушателям, и текст завершается его благословением; б) в соответствии с авторским описанием в начале произведения в поэме редактируется стиль текста по содержанию и по форме стиховой организации.

Более существенные разночтения в тексте списка, относящиеся к различным вариантам строф с изменениями содержания или связанные с изменениями поэтического фрагмента, представляем в следующей таблице:

³ В списке описывается шаман, «выступающий посредником между злыми духами и людьми». Среди них выделяются сильные грозные шаманы, «наводящие на человека болезни и беды». В поэме представляется шаман, «посредник между добрыми духами и людьми» [13, 1807 стлб.]

⁴ Дословный перевод наш П.С.-М.

⁵ Примечание автора по отношению к главному персонажу поэмы: «Белый шаман, жрец добрых божеств, не признающий над собой власти злых духов; одевался во все белое [7].

Таблица 2

Список как вариант основного текста

Table 2

List as a variation of the main text

«Аламай-манган күнүм», список	«Ойуун түүлэ», текст поэмы
Строки 397-406 Сир-ийэ хотун Икки төгүл ингизтэн, Үс төгүл түллэн мөхсөн Мөнгөөннэнэн баран Кыа хаанынан ытаан баргычытта, Ытаабыт харабын уута Кыһыл субай хаан Байбаллар буолан Баһыллыталаан хааллылар. Онтон оргулун иһигэр...	Строки 711-719 Сир ийэ хатын Сэриилэһэртэн кэлэйэн Охсуһартан уордайан Айыы дьонун атаарбаан Күн дьонун көмүскээн Икки төгүл ингизтэн Үс төгүл түллэн Мөхсөн мөнгөөннэнэн баран Оргулун иһигэр ...
Стр. 428-432 Ити кэлин өттүттэн – Сүүрүктээх өрүс Сүүрүгүн курдук Күүстээх сэриилэр Күөтэспитинэн көрүстүлэр;	Стр. 744-755 Ити кэлин өттүттэн Элбэх-элбэх ыраахтаабы Сэриитэ эймэннэ Саарыстыба-саарыстыба Саллаата айманна Норуот-норуот Дьоно тобуоруста. Күтүр үрэх Күрүлгэнин курдук Күүстээх сэриилэр Күөтэспитинэн бардылар.
Стр. 500-507 Иитилибит ийэ дойдуларыттан Иирсэн дыягэнийдилэр, Үөскээбит үтүө дойдуларыттан Өлөрсөн үтүрүлүннүлэр, Хоту диэки холобурданан, Биһиги диэки бириимиздэнэн Саха диэки салаллан эрэллэр Саланг элбэх сай күдүү дьон.	Стр. 1088-1099 Дохсун угүс дьон Үөскээбит үтүө дойдула- рыттан үтүрүүлэн Иитилибит ийэ сирдэ- риттэн тэлэһийэн Айыллыбыт аба дайды- ларыттан арахсан Саланг элбэх Сай-күдүү дьон Саха диэки салаллан Дьокуускай диэки туһулаан Биһиги диэки бэрэһэлиэннэн эрэллэр...

Представленные примеры относятся к описанию войны и ее итогов, при этом фрагменты списка в поэме не редактируются. Они представляются в другом варианте не только в подтекстах или иных равнозначных выражениях, а в более принципиальных дополнениях. Первый пример: Земля-мать (Сир-ийэ) плачет кровью (список); родная земля возмущается («охсуһартан уордайан»), желает защищать людей от войны (поэма). Второй пример: начинается свирепая битва (список); уточняется начало войны между царствами, народами (поэма). Третий пример: побежденные покидают родную страну (список); гражданская война вынуждает оставить родную землю, искать дальние края (поэма).

Значительным фрагментом в поэме выступает представление «партии большевиков» (строки 1052–1079), что может восприниматься заменой не включенного в основной текст фрагмента списка (третий пример в табл. 2). Итоги данных наблюдений подтверждают самостоятельность списка, составленного с целью увековечить текст классика. В нем подтверждаются два значительных факта по творческой истории поэмы: а) то, «что касается партийных распрей внутри России», действительно, «написано после революции» [7, с. 231], как было отмечено в примечании автора в прижизненном издании; б) но близкие по содержанию размышления о гражданской войне в списке на самом деле присутствуют.

Таким образом, в результате сопоставления двух текстов поэмы – в соответствии с положениями Ю. М. Лотмана – список, датированный началом февраля 1913 г., «если взглянуть на него с точки зрения процесса порождения», можно определить «текстом-интенцией»: «В момент, когда текст-интенция совпадает с реальным, движение прекращается, возникает окончательный вариант» [4, с. 689, 690]. В этом плане со списком связываются вопросы творческой истории поэмы: в дневнике А. Е. Кулаковского один раз упоминается поэма. 4 февраля 1924 г., когда он готовил свои художественные произведения к публикации, сделал запись: «Переписывал “Сон шамана”»⁶. По заданию Литературно-переводческой комиссии после обсуждения поэмы для издания Кулаковский пишет примечание, где в частности отмечает:

«...Шаман советует единоплеменникам ... усвоить русское “волшебство”, т. е. культуру, чтобы стать равными с пришельцами в борьбе за существование. Он этим советом не пропагандирует антагонизм против ожидаемых пришельцев, как ошибочно могут понять плохо знающие якутский язык, а лишь указывает на возможное средство устранения вымирания своей народности посредством поднятия ее культурного развития.

Все, что касается партийных распрей внутри России, написано после революции» [7, с. 231].

Текстологические проблемы поэмы А. Е. Кулаковского наблюдаются в сопоставлении прижизненного издания с последующими изданиями поэмы в 1946, 1978, 2002 гг. В первых названных изданиях поэма «Сон шамана» включена десятым произведением, с указанием года и места создания: «1910 с. Хачыкаат сирэ» [14, 15]. В состав издания поэтических произведений 1957 г. поэма не включена как произведение буржуазно-националистической идеи, о чем написано во вступительной статье [16].

Чтобы более логично раскрыть эти вопросы, вначале представляем систематику содержания поэмы. Сюжет можно группировать в трех блоках отдельных событий в тексте. Во вступлении к рассказу своего вещего сна шаман доводит до своих слушателей, что «На цветущую и изобильную / Землю изначальную / ... обрушилось / Столько страшных грехов, / Навалилось столько тяжких преступлений...» (Перевод А. Шапошниковой) [17, с. 38]. Так он с глубокой печалью раскрывает экологические и социальные закономерности цивилизации и говорит о нелегкой судьбе саха, населяющего большое пространство, которое привлекает пристальное внимание Америки, Японии и Китая. Далее шаманом описывается Европа: Англия, Германия и Турция.

⁶ Сейимчанский дневник А. Е. Кулаковского // Национальный архив РС(Я), ф. 1480, оп. 1, д. 18, л. – Л. 13об. Документ находится в личном фонде Г.П. Башарина. Автограф. Карандаш. Форма бумаги ученическая тетрадь, состояние документа удовлетворительное. Первая запись датируется: «Ноябрь 1923. 22 среда (ст.ст.)»; последняя запись: «Март 1924. 6 число. Суббота» (л. 16 об.). Записи делаются каждый день, на русском языке, почерк ровный, пишет без помарок. На последних листах (л. 17–18) составлен список долгов (кому – он и кто – ему должен).

Во втором блоке событий в тексте описываются мировая война, революция, разрушение устоев общества, голод. Относительно партии большевиков шаман выражает свои сомнения в правильности ее действий. Третий блок событий связывается с постановкой вопроса о судьбе народа, перед которым жизнь ставит нелегкую проблему выживания в обширной территории родного края. Поэма завершается благопожеланиями шамана.

В изданиях 1946 и 1978 гг. текст редактируется перестановкой частей поэмы, что привело к существенному нарушению композиции поэмы.

После строки 918 («Сүрүн-кутун / Сүүдүтэн көтүтүө / Буоллаҕа дуу? Дом – дом – дом! Дом – ини –дом!» / завершение описания мировой войны) пропущены строки 919–991 («Бу сэрииттэн / Буоссалаах киһи... – Быйыл былаас ылбыт / Эһиил эстэн истэ... / Дом – дом – дом! Дом – ини –дом!» / описание гражданской войны). Эти 72 строки перенесены в сборнике А. Е. Кулаковского 1946 г. на конец поэмы строками 1297–1369 [14]. Заключение поэмы соответствует прижизненному изданию: строки 1370–1388 (благословение шамана). В итоге размышления о партии большевиков отделяются от представления классового противостояния.

В издании 1978 г. фрагмент о партии большевиков «завершает» поэму: строки 1303–1387 [15]. Дополнительно к 72 строкам прибавляется пропуск 38 строк после строки 1047. Здесь нарушение композиции отличается тем, что описание гражданской войны и представление партии исключаются со второго блока событий. Пропущенные 110 строк включаются в текст после завершающего поэму благословения отдельной частью (эпилогом произведения).

В издании поэзии классика в 2002 г. тоже после строки 919 полностью исключаются 167 строк. Эти нарушения последовательности содержания более четко могут быть представлены в форме таблицы:

Таблица 3

Редактирование авторского текста в изданиях

Table 3

Editing of author’s text in publications

«Сон шамана», Кулаковский А. Е. Том 1, 2009 г. С. 195–231.	«Сон шамана», Кулаковский А. Е. Ырыа-хоһоон, 1946 г. С. 109–146.	«Сон шамана», Кулаковский А. Е. Ырыа-хоһоон, 1978 г. С. 104–138.	«Сон шамана», Кулаковский А. Е. Ырыа-хоһоон, 2002 г. С. 30–62.
После стр. 918	Пропускаются: стр. 919–991 (всего 72 стр.)	Пропускаются: стр. 919–991 (всего 72 стр.)	Стр. 919–1085 исключено из текста 167 стр.
После стр. 1048		Пропускаются: стр. 1049– 1085 (пропущено 37 стр.)	
После стр. 1297	Вставка пропущенных стр. 919–991	Вставка пропущенных строк 919–991 и 1049–1085 в конце поэмы: Эпилог 109 стр.	

Редактирования последовательности содержания поэмы «Сон шамана» в представленных изданиях начинаются со строки 919, но они не идентичны, в чем подтверждается сложность сюжета произведения, связанного с концепцией автора. По этому вопросу Л. Н. Романовой отмечается, что «в течение всей истории изучения поэмы много споров вызывала часть, которая относится к большевистской партии» и воспринималась «несколько инородной в тексте поэмы» [1, с. 158].

В основном тексте «Сна шамана» представление партии большевиков (стр. 1049–1085) связывается с размышлениями о судьбе народа после революции [7]. В отредактированных издателями текстах этот фрагмент переносится на конец поэмы, что не соответствует авторской воле. Данное произведение А. Е. Кулаковского оригинально не столько темой и проблематикой, сколько мастерством поэта находить существенный подход к форме и материалу, определить в границах образного слова художественную закономерность их элементов и логической взаимосвязи частей. В этом плане завершение поэмы благословением значительно как показатель единства главного персонажа и автора⁷. Основой поэмы является фольклор как тип художественного сознания общества и как система образного мышления, сопоставимая с мифопоэтикой заглавия вместе с «именем “Өксөкүлээх Өлөксөй”, актуализирующим духовное значение» идеи произведения [18].

В изданиях 1946 и 1978 гг. нарушается не только последовательность, но и смысл/контекст заключительной части поэмы «Сон шамана». В издании 2002 г. с исключением существенного фрагмента представляется сокращенный вариант классического для читателей текста. Следует отметить, что эти изменения композиции произведения со стороны издателей вносились в определенной степени на основе примечания в прижизненном издании.

Заключение

Если отличительной особенностью содержания поэмы является провидческая идея, то фрагмент о партии большевиков, написанный после революции, соответствует тексту произведения авторскими предсказаниями о дальнейшей судьбе «первой партии». Именно с этой проблемой связывается стремление редакторских коллегий отделить данное описание от рассуждения о том, что побежденные после гражданской войны вынуждены покинуть родную страну.

Таким образом, итоги анализа художественных особенностей главного персонажа раскрывают отдельные текстологические вопросы, связанные с творческой историей и публикациями поэмы А. Е. Кулаковского.

Л и т е р а т у р а

1. Романова Л.Н. *А.Е. Кулаковский и его современники*. Особенности поэтического языка. Новосибирск: Наука; 2002:120.
2. Андреева В.Г. Текстологические сюжеты русской классики: актуальные решения. *Два века русской классики*. 2019;1(2):196-208. URL: <https://www./tekstologicheskie-syuzhety-russkoy-klassiki-aktualnye-resheniya.pdf>
3. Есипов В.М. *Отдельные проблемы текстологии поэтического творчества А.С. Пушкина*. От истории текста к истории литературы. Вып. 2. Москва: ИМЛИ РАН; 2019:51-83.
4. Лотман Ю.М. Стихотворения раннего Пастернака. Некоторые вопросы структурного изучения текста. *О поэтах и поэзии*. Санкт-Петербург: «Искусство»-СПБ; 2011:688-717.
5. Бахтин М.М. *Эстетика словесного творчества*. Москва: Искусство; 1979:424.

⁷ Дополнительным подтверждением называем стихотворения классика: «Благословение Байаная» (1900), «Благословение среднего поколения» (1912), «Благословение по-старинному» (1916), «Певец» (1920-е гг.).

6. Эрчимэн. Певец горя и надежд. *Алгыс тылынан сабаламмыт литература*=Литература, начатая с благословения (на якутском и русском языках). Якутск; 2007:7-52.
7. Кулаковский А.Е. *Поэтические произведения*. Новосибирск: Наука; 2009:631.
8. Лунькова Л.Н. *Миры и пространства художественного текста*. Москва: ФЛИНТА; 2020:160.
9. Тюпа В.И. *Аналитика художественного*. Москва: Либирифт-РГГУ; 2001:192.
10. Покатилова Н.В. А. Е. Кулаковский и традиция: к формированию литературной поэтики. *Вопросы национальных литератур*. 2021;3(3):32-41. URL: <https://www.litteraesvf.ru/jour/article/view/24>
11. Өксөкүлээх Өлөксөй (А. Кулаковскай). *Ырыа-хоһоон*: иккис анара. Таһаарааччы с.а.с.с.ө. сахалыы сурук-тылбаас кэмииссийэтэ. Дьокуускай: судаарыстыба кинигэ бэчээттэтэр сирэ; 1924:158. (На якут. яз.).
12. Кулаковский А.Е. Т. 2: Рукописные варианты основных текстов, списки, неопубликованные произведения и dubia. Новосибирск: Наука; 2018:760.
13. Пекарский Э.К. *Словарь якутского языка*. Т. II. Выпуски 5-9. Ленинград: АН СССР; 1959:2508 стлб.
14. Өксөкүлээх Өлөксөй=Кулаковский А.Е. *Ырыа-хоһоон*. Якутск: Госиздат ЯАССР; 1946:319. (На якут. яз.).
15. Кулаковскай А.Е. (Өксөкүлээх Өлөксөй). *Ырыа-хоһоон*. Подготовили к печати Н.П. Канаев, Г.С. Сыромятников. Якутск: Якутское книжное издательство; 1978:295.
16. Өксөкүлээх Өлөксөй=Кулаковский А. *Ырыалар-хоһооннор*. Якутск: Якутское книжное издательство; 1957:306. (На якут. яз.).
17. Кулаковский А.Е. *Сон шамана*. Перевод А. Шапошниковой. Благословение. Избранные стихи и поэмы. Якутск: Бичик; 2008:36-71.
18. Сивцева-Максимова П.В. Структурный анализ поэмы А. Е. Кулаковского «Сон шамана»: рама, сюжет, композиция, список. *Сюжетология и сюжетография*. 2016;(1):102-108. EDN XELCIB. URL: <https://www.philology.nsc.ru/journals/sis/article.php?id=129>

References

1. Romanova LN. *Alexei Kulakovsky and his Contemporaries*. Peculiarities of the Poetic Language. Novosibirsk: Nauka; 2002:120 (in Russian).
2. Andreeva VG. Textological Plots in the Classical Russian Literature. *Two centuries of the Russian classics*. 2019;1(2):196-208 (in Russian). [Electronic resource] <https://www.tekstologicheskie-syuzhety-russkoy-klassiki-aktualnye-resheniya.pdf>
3. Esipov VM. *Certain Issues of textual criticism of the pushkin's poetic works*. Ot istorii teksta k istorii literatury. Moscow: IWL RAS; 2019:51-83 (in Russian).
4. Lotman YuM. Early Pasternak Poems. Certain Issues of Structural Studies of the Text. In: *On Poets and Poetry*. Saint Petersburg: Publishing House "Iskusstvo"; 2011:688-717 (in Russian).
5. Bakhtin MM. *The aesthetics of the written word*. Moscow: Publishing House "Iskusstvo"; 1979:424 (in Russian).
6. Erchimen. *Singer of grief and hopes*. Yakutsk: 2007:7-52 (in Yakut and Russian).
7. Kulakovsky AE. *Poetic works*. Vol. 1. Novosibirsk: Nauka; 2009:631 (in Russian).
8. Lun'kova LN. *Worlds and spaces of the literary text*. Moscow: FLINTA; 2020:160 (in Russian).
9. Tiupa VI. *The analytics of the literary*. Moscow: Publishing House "Libirint"; 2001:192 (in Russian).
10. Pokatilova NV. Alexei Kulakovsky and the tradition: towards forming the literary poetics. *Issues of National Literature*. 2021;3(3):32-41 (in Russian). <https://www.litteraesvf.ru/jour/article/view/24>
11. Kulakovsky AE. *Songs and Poems: Part 2*. Yakutsk: Gosizdat; 1924:158 (in Yakut).

12. Kulakovskiy AE. Vol. 2: Manuscripts of main texts, copies, unpublished works and dubia. Novosibirsk: Nauka; 2018:760 (in Russian).
13. Pekarsky EK. *Dictionary of the Yakut language*. Vol. 2. Leningrad: USSR Academy of Sciences Publishing House; 1959:2508 (in Russian).
14. Kulakovskiy AE. *Songs and Poems*. Yakutsk: Gosizdat; 1946:319 (in Yakut).
15. Kulakovskiy AE. *Songs and Poems*. Yakutsk: Yakutsk Book Publishing House; 1978:295 (in Yakut).
16. Kulakovskiy AE. *Songs and Poems*. Yakutsk: Yakutsk Book Publishing House; 1957:306 (in Yakut).
17. Kulakovskiy AE. *The Shaman's Dream*. In: Kulakovskiy AE. The Blessing. Selected Poems. Yakutsk: Publishing House "Bichik"; 2008:36-71 (in Russian).
18. Sivtseva-Maksimova PV. Structural analysis of the poem "The Shaman's Dream" A.E. Kulakovskiy: frame, plot, composition, list. *Siuzhetologiya i siuzhetografiya*. 2016;(1):102-108 (in Russian). <https://www.philology.nsc.ru/journals/sis/article.php?id=129>

Сведения об авторе

СИВЦЕВА-МАКСИМОВА Прасковья Васильевна – д. филол. н., проф., г. н. с. Института А.Е. Кулаковского, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова», г. Якутск, Российская Федерация, ORCID: 0000-0001-7827-9177
E-MAIL: smpv50@mail.ru

Information about the author

Praskovia V. SIVTSEVA-MAKSIMOVA – Dr. Sci. (Philology), Professor, Chief Researcher, Institute of A.E. Kulakovskiy, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation, ORCID: 0000-0001-7827-9177

Конфликт интересов

Автор является членом редколлегии журнала *Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова*

Conflict of interests

The author is a member of the editorial board of *Vestnik of North-Eastern Federal University*

Поступила в редакцию / Submitted: 29.01.25
Принята к публикации / Accepted: 14.02.25

УДК 811.512.157;81'373

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2025-22-1-175-186>

Оригинальная научная статья

Семантика и прототипы образной светоцветовой лексики якутского языка

А. В. Тимофеева

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,

г. Якутск, Российская Федерация

✉ aitalina0895@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена изучению семантики и выявлению прототипов образных прилагательных и глаголов якутского языка, обозначающих темноту, свет и блеск. Методом сплошной выборки из лексикографических источников отобраны 36 лексем, которые объединены в группы по их исходному образному глаголу. Группы представлены по порядку нарастания степени светлоты, завершая обозначениями блеска. Проведенное исследование позволяет предположить, что образная светоцветовая лексика представляет отдельную группу в составе цветообозначающей лексики якутского языка. Семантика данной группы слов, в отличие от названий собственно «цветных» цветов, ранее не подвергалась развернутому описанию, хотя свет играет если не первичную, то ключевую роль, ведь при отсутствии света в темноте невозможно видеть и различать цвета. Предполагается, что именно человеческая способность видеть окружающий мир и воспринимать различные зрительные образы лежит в основе образных глаголов светового восприятия в якутском языке и производных от них образных прилагательных. Семантика такой лексики имеет сложную организацию, т. к. обладает целым комплексом таких сем, как динамика, темпоральность, форма предмета и т. п., но у глаголов светового восприятия объединяющим является сема светоцветового признака. Сравнительно-сопоставительный и этимологический анализы показывают, что образная световая семантика якутского языка, как и ее соответствующие глаголы, берет начало от монгольской лексики, многие лексемы обладают праалтайскими корнями. Исходя из их семантики в синхронии и диахронии, для некоторых групп образных слов выявлены прототипы – объекты окружающего мира, с которыми носители языка ассоциируют то или иное световое явление: темное месиво (группа образного глагола *будулуй*), темный силуэт (группа образного глагола *барый*), пыль, пепел, туман (группа *күдээр*), выцветшая трава (группа *кубарый*), солнечный луч (группа *сандаарый*), а также молочная пища (группа *тунаарый*, *туналый*), отблеск наконечника (группа *кылбаар*, *килбэй*).

Ключевые слова: цветообозначения, световая семантика, образные глаголы, образные прилагательные, прототип, семантическое развитие, якутский язык, тюркские языки, монгольские языки, алтаистика

Финансирование. Исследование выполнено в рамках научного проекта «Сохранение языкового и культурного многообразия и устойчивое развитие Арктики и Субарктики Российской Федерации» (грант Правительства РФ, соглашение № 075-15-2021-616).

Для цитирования: Тимофеева А. В. Семантика и прототипы образной светоцветовой лексики якутского языка. *Вестник СВФУ*. 2025, Т. 22, № 1. С. 175–186. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-1-175-186

Original article

Semantics and prototypes of figurative light and color terms in the Yakut language

Aitalina V. Timofeeva

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation

✉ aitalina0895@gmail.com

Abstract

The article studies semantics and prototypes of figurative adjectives and verbs of the Yakut language that denote darkness, light and gloss. 36 lexemes were selected via continuous sampling from dictionaries and then combined into groups by their parent figurative verb. The groups are presented in the order of increasing degree of lightness, ending with the designations of gloss. The study shows that the figurative light and color terms represent a separate group in the color-designating vocabulary of the Yakut language. Their semantics, unlike the names of the actual “colored” flowers, has not previously been subject to a detailed description, although the light plays if not primary, then key role, since in the absence of light it is impossible to distinguish colors. The human ability to see the world around and perceive various visual images underlies the figurative verbs of light perception in the Yakut language and the figurative adjectives derived from them. The semantics of figurative vocabulary has a whole complex of various semes as dynamics, temporality, object shape, etc., but their unifying seme is the seme of light. Comparative-contrastive and etymological analyses show that the figurative light semantics of the Yakut language, like their parent verbs, originate from Mongolian vocabulary, many lexemes have Proto-Altaic roots. Based on their semantics in synchrony and diachrony, prototypes have been identified for some groups of figurative words – objects of the surrounding world with which native speakers associate a particular light phenomenon: dark mess (group with figurative verb *будулуй*), dark silhouette (group with figurative verb *барый*), dust, ash, fog (*күдээр*), faded grass (*кубарый*), sunbeam (*сандаарый*), as well as dairy food (*тунаарый*, *туналый*) and the reflection of the tip (*кылбаар*, *килбэй*).

Keywords: color terms, light semantics, figurative verbs, figurative adjectives, prototype, semantic development, Yakut language, Turkic languages, Mongolian languages, Altaic studies

Funding. This research was funded by the grant No. 075-15-2021-616 from the Government of the Russian Federation for the project “Preservation of Linguistic and Cultural Diversity and Sustainable Development of the Arctic and Subarctic of the Russian Federation”

For citation: Timofeeva A. V. Semantics and prototypes of figurative light and color terms in the Yakut language. *Vestnik of NEFU*. 2025, Vol. 22, No. 1. Pp. 175–186. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-1-175-186

Введение

Многие лингвисты, литературоведы и фольклористы чаще всего обращают внимание на собственно цветообозначения (черный, белый, красный), а лексемы, выражающие различные степени светлоты / темноты и блеск, исследуются как периферийное явление в рамках цветообозначений (далее – ЦО) черный и белый. Вместе с тем световая семантика в якутском языке представляет собой интересную и многоаспектную категорию, а одной из немногих работ,

рассматривающих ее как отдельную лексико-семантическую группу (ЛСГ), является статья Л. Л. Габышевой [1], однако в ней группа образных слов не подвергается детальному анализу. Свет и цвет, прежде всего, связаны с одним из пяти органов чувств – со зрением, с человеческим восприятием зрительного образа, поэтому весьма логичным представляется то, что в числе цветоцветовых лексем обнаружен ряд образных прилагательных, обзору которых и будет посвящена настоящая статья.

Образная лексика является одной из наиболее интересных и выразительных лексико-грамматических групп якутского языка, отличающая его от многих других тюркских языков, указывает на связь с морфологией монгольского глагола [2]. В якутском языкознании лексико-семантическая и грамматическая характеристика образных глаголов дана в фундаментальной работе Л. Н. Харитоновой [3], а семантика образных имен прилагательных в сравнительно-сопоставительном аспекте рассматривается С. Д. Егиновой [4]. Образные глаголы изучены с точки зрения их способности выражать пространственные значения [5–7], значения движения [8, 9], а также исследованы в сравнительно-сопоставительном аспекте — чаще всего с подобными словами монгольских языков [10, 11]. Тем не менее не так много работ посвящено анализу именно, как определил Л. Н. Харитонов, «глаголов, характеризующих световое восприятие», чем и объясняется научная новизна данного исследования. Семантика образной лексики имеет сложную организацию, т. е. одним словом выражается целый комплекс значений (динамика, темпоральность, форма предмета и т. п.), у глаголов светового восприятия главным является ‘цветоцветовой признак’.

В рамках данной статьи помимо ахроматических цветов (белый, серый) рассматриваются обозначения светлоты, темноты и блеска. Изучаемый материал – 36 имен прилагательных цвета, образованных от образных глаголов, собранных методом сплошной выборки из лексикографических источников («Большой толковый словарь якутского языка» в 15 т. (БТССЯ), «Словарь якутского языка» Э. К. Пекарского в 3 т., «Диалектологический словарь якутского языка» (ДТС), «Диалектологический словарь языка саха»). Лексемы сгруппированы и расположены по шкале светлоты: темный – серый – бледный – светлый – белый – блеск. Методологической основой для проведения исследования стали: лексикографический, семный (компонентный), этимологический и сравнительно-сопоставительный анализы.

Семантика образных цветоцветовых лексем проанализирована в сопоставлении с их этимологией и с параллелями в других родственных языках, предпринята попытка определить их прототипы – объекты окружающего мира, с которыми носители языка ассоциируют тот или иной цвет [12], т. к. эти объекты лучше всего представляют тот или иной цвет. Выделение прототипических предметов в якутском языке может помочь в понимании генезиса цветообозначений и выявить универсальные и специфические черты якутской свето- и цветообозначающей лексики.

Свет и цвет в образной лексике якутского языка

Как известно, цвет – это свойство материального предмета вызывать ощущение, которое человек получает от видимого излучения предметов при попадании в глаз света [13]. Из этого определения отмечается важный момент: свет является основополагающим в цветоопределении. В языкознании сложилась традиция рассматривать названия цветов (обладающих цветовым тоном) без учета лексем, обозначающих светлоту и темноту, а также блеск (которые таким цветовым тоном не обладают). Но И. Игтен писал: «Цвет – это дитя света, и свет – его мать» [14, с. 10], и действительно – свет лежит в основе каждого цвета, т. к. при отсутствии света в темноте человек перестает видеть и различать любые цвета.

Отсутствие и наличие света тесно взаимосвязаны со способностью человека видеть. В то время, как А. Вежбицкая ставит под сомнение универсальность категории «цвет» в различных языках мира, категорию «видение» она относит к «универсальному человеческому понятию» [12, с. 232], отсюда ученый выводит противопоставления: время, когда человек видит при свете (день – светлота – блеск) vs. время, когда человек не видит в темноте (ночь – темнота – тусклость). Она рассматривает семантику цветообозначений сквозь призму прототипических объектов, к примеру, для ‘черного’ – ‘ночь’, для ‘белого’ – ‘день’, ‘снег’, для ‘красного’ – ‘огонь’, ‘кровь’, и т. п.) [12].

В. Г. Кульпина пишет, что «в явлении света древним человеком было увидено множество тончайших оттенков, нюансов, видов, подвидов и разновидностей» [15, с. 11], свет является фундаментальным для культуры многих народов, и якуты не являются исключением – обнаружено большое количество лексем якутского языка, обозначающих различные степени светлоты и темноты, а также блеска – отражения света от поверхности. Поэтому в данной работе рассматриваются не только «традиционные» цветообозначения, но и «световая семантика» [1], к которым относим обозначения света, темноты и блеска в составе семантики образных глаголов якутского языка, т.е. цвета, не обладающие цветовым тоном.

Глаголы цвета, согласно Л. Н. Харитонову, входят в число непереходных глаголов, выражающих «изменение конкретных (чувственных) признаков и качества предметов», а по смысловому содержанию относятся к группе «Глаголы зрительного образа», «в значении которых преобладающую роль играет зрительное восприятие» [3, с. 209]. Среди образных глаголов зрительного образа вычленяется отдельная группа «Глаголы, характеризующие световое восприятие», Л. Н. Харитонов приводит перечень некоторых из них. Им же подчеркивается важный факт того, «что один и тот же глагол зрительного образа в своем значении может содержать два различных оттенка» [3, с. 210].

Образная лексика включает в себя большое количество оттенков значений – одна лексема может передавать целый комплекс значений: ‘светоцветовой признак’, ‘темпоральность’ (становиться белым, бледным), ‘динамика’ (блестеть, виднеться белым), ‘форма’ (виднеться темным силуэтом) и т. п. Зафиксировано 36 имен прилагательных якутского языка, производных от образных глаголов, поэтому представляется невозможным проводить семантический анализ без понимания природы такого вида глаголов. Данные имена прилагательные сгруппированы по их исходному образному глаголу и прототипу, от которого они произошли, группы представлены по шкале увеличения степени светлоты. Рассмотрим некоторые из них.

Обозначения темного цвета

Образный глагол: *будулуй* – прототип: темное месиво

Глаг. *будулуй* ‘становиться мутным от перемешивания, колыхания (о жидкости) или сильно волноваться, бурлить, бушевать (напр., о реке, море, вихре и т. п.) // становиться плохо видимым из-за чего-л. мутного (напр., тумана); тускнеть, мрачнеть’ [16, с. 479] > ЦО *будул* ‘мутный, тусклый как густой туман // сумрачный, малоосвещенный’ [16, с. 478].

Прототипом для лексемы *будул* ‘мутный, тусклый как густой туман // сумрачный, малоосвещенный’ [16, с. 478] можно считать темное месиво (туман, темное облако или каша). Само слово является адъективацией существительного *будул* ‘какая-то муть (напр., в виде облака, тумана), нависшая на небе, в воздухе’ [16, с. 477], также в якутском есть глагол *будулуй* ‘1. Становиться мутным от перемешивания, колыхания (о жидкости) или сильно волноваться, бурлить, бушевать (напр., о реке,

море, вихре и т. п.) // Становиться плохо видимым из-за чего-л. мутного (напр., тумана); тускнеть, мрачнеть. 2. Бушевать вихрем, покрываться туманами или чем-л. подобным (об определенном времени года и т. п.)' [16, с. 479]. В Этимологическом словаре монгольских языков (ЭСМЯ) обнаруживаются следующие родственные параллели: стп. монг. *budaya* 'каша, крупа, пища, еда', стп. монг. *budang* 'туман, мгла', стп. монг. *buduli* 'сбиваться с толку, замешкаться' [17, с. 107], *büdeki* 'тусклый, неясный, мутный', стп. монг. *büdeg* 'темнеть, смеркаться' (ср. як. *бадык-бүдүк*, *бадыа-бүдүө* 'утренние и вечерние сумерки'), стп. монг. *büdeger* 'облачный, пасмурный' и др. [17, с. 121]. В современных тюркских языках слова-параллели в основном имеют значение 'каша': кирг. *ботко*, баш. *бутка*, чув. *pätä* 'каша' от др.-тюрк. *budyai* 'пшеница' [17, с. 107]. Видимо, форма *bud-* обозначает темную густую массу (облаков, тумана или каши), где темно и нечетко виден окружающий мир, что в переносном значении получило смысл 'сбиваться с толку, замешкаться'.

Таким образом, семантическим прототипом данной группы может быть некое темное месиво (туман, темное облако или каша).

Образный глагол: барый – прототип: темный силуэт

Глаг. *барый* 'в сумерках выделяться большим темным силуэтом, большой тенью' [16, с. 220] > *барыар* 'постепенно темнеть, смеркаться, становиться темным' [16, с. 219] > ЦО *барыарбах* 'темный, окутанный тьмой' [16, с. 219].

В качестве однокоренных слов в якутском языке можно привести *бараан* 'темный' (в выражении *хара бараан* '1. смуглый; 2. описание постепенно наступающей темноты' [16, с. 193]), *барык-сарык* 'сумерки', *барык* 'непроглядная тьма; призрак' и др. Образный глагол *барыар* является производным, что говорит о том, что основа будет выглядеть как *бар-*, семантический прототип данной группы светолексем еще древнее. В ЭСМЯ найдено большое количество однокоренных слов с похожим значением, например, стп. монг. *bara* 'темно, сумрачно', *baray* 'темный, неясный, мрачный', *barayan* 'силуэт, очертание; темный, еле видимый вдаль' и др. Интересно, что стп. монг. *barayi-*, халх., бур. *барай-*, калм. *бару-* также обладают схожей семантикой 'затемняться, неясно виднеться', а авторами словаря приводится якутская параллель *барый* 'состариться; принимать в темноте странный, увеличенный вид; чернеться' [17, с. 76–77]. Это позволяет нам соотносить также слова со значением *барый* 'предполагать' и его производных *барыл* '1. общее, внешнее очертание, контур чего-л. 2. предварительный набросок, наметки чего-л., эскиз' [16, с. 221].

Семантический анализ семантики родственных основ в якутском и в монгольском языках показывает, что прототипом цветообозначений с основой *бар-* может являться очертание темного силуэта.

Обозначение серого, пепельного цвета

Образный глагол: күдээр – прототип: пыль, туман, пепел

Глаг. *күдээр* 'быстро мелькать, мчаться, проноситься, поднимая пыль' [18, с. 592] > ЦО *күдээркэй* 'цвета пепла, серый' [18, с. 594].

В Словаре якутского языка Пекарского находим лексемы *күдэн* 'легкий туман, дрожание воздуха; облако, марево, туман, пар, мгла; чад; пыль, прах' [19, стлб. 278] и *күдүө* 'дым, пыль, мгла' [19, стлб. 1280] с их многочисленными производными с похожими значениями – все они, вероятно, восходят к стп. монг. *küdeŋ* 'халх. хүдэн, калм. күдн облако пыли или дыма; калм. испарение' [20, с. 146]. Таким образом, ЦО *күдээркэй* 'цвета пепла, серый' является заимствованием из монгольского, и его прототипом можно обозначить пыль, туман, пепел, что отражено в словарной статье в БТСЯЯ.

Обозначения бледности

Образный глагол: кубарый – прототип: выцветшая трава

Глаг. *кубарый* ‘1. становиться бледным, бескровным, побледнеть (от волнения, болезни, невзгод, страданий и др.); 2. стать, становиться бледным, белесым, блеклым; тускло-светлым; светло-серым (напр., от солнца, ветра)’ [18, с. 417] > ЦО *кубархай, кубарххай, кубархайдынгы, кубабай, кубабайдынгы, кубалай, кубалан*.

От образного глагола *кубарый* с помощью словообразовательных и словоизменительных аффиксов образованы несколько лексем, которые становятся исходным словом для образования других лексем:

> *кубархай, кубархай* ‘1. мертвенно-бледный, совершенно бескровный (обычно о лице очень больного человека); 2. тусклый, бледный, белесый; светло-серый (цвет)’ [18, с. 417] > *кубархайдынгы* бледноватый, белесоватый (цвет) [18, с. 417];

> *кубабай* ‘1. бледный, бескровный (о лице); 2. бледный, тусклый; словно выжженный солнцем; бледно-голубой’ [18, с. 415] > *кубабайдынгы* ‘беловатый, бледноватый, бледно-голубой’ [18, с. 416];

> *кубалай* ‘бледный, тусклый; словно выжженный солнцем; бледно-голубой’ [18, с. 415–416]; *кубалан* ‘светло-серый, бледновато-серый’ [18, с. 416]; ‘бурый, светло-бурый - о масти оленя’ [21, с. 119];

Исходная основа для этой группы предполагается как ПА. **kójbū* [22, с. 695], ср.:

– стп. монг. *qubaqai*, халх. *хувхай*, бур. *хубхай*, калм. *хуха* ‘побелевший и увядший; засохший; голый, обнаженный (о чем-либо твердом, лишенном растительности или мякоти, например, о дереве, зернах в скорлупе, костях); мертвенно-бледный; калм. потертый, изношенный’ [17, с. 76];

– кирг. *кубакай* ‘бледный (о цвете лица)’, *куба* ‘белый, бледный, пепельного цвета’; < др.-тюрк. *quba* ‘цвет между красным и желтым; саврасый’ [17, с. 76];

– маньчж. *qiwa* светло-желтый, соломенный цвет [17, с. 66].

В свою очередь, стп. монг. *qiwa*, халх., бур. *ухаа, хуа, хуаа* ‘каурий (о масти лошадей); светло-коричневый (о цвете); калм. *хо, хоо* светло-желтый, соловый (о масти лошадей); коричнево-желтый (о цвете)’ [17, с. 76] могут соотноситься с як. *куу* в выражении *куу кумах* ‘сыпучий песок’ [18, с. 471] (ср. тюрк. *куу* ‘желтоватый, сероватый’) [19, стлб. 1186]. Здесь мы видим, что изначально основа *куу* использовалась для выражения желтого/коричневого цвета.

Таким образом, прототипом группы цветообозначений, в основе которых лежит образный глагол *кубарый*, возможно, является утративший насыщенность (который приобрел сероватый цвет) живой объект, скорее всего растительного происхождения, например, трава. Использование в качестве обозначения масти и окраса животных можно объяснить аналогией травы с волосным покровом животных.

Обозначения светлого цвета

Образный глагол: сандаарый – прототип: солнечный луч

Глаг. *сандаарый* ‘испускать, излучать, распространять яркий свет; выделяться светлым ярким цветом’ > ЦО *сандаархай, сандаарыгнас*.

> *сандаархай* ‘яркий, светлый, излучающий свет; чистый, прозрачный’ [23, с. 226];

> *сандаарыгнас* ‘испускающий яркие лучи, излучающий, распространяющий яркий свет; выделяющийся яркостью, чистотой’ [23, с. 225–227].

В «Этимологическом словаре монгольских языков» форма старописьменного монгольского языка представляется как *sanda-*, приводится параллель в киргизском *санда-* ‘быть во множестве; разделяться на отдельные части, разъединяться’ [24, с. 89–90]. Вместе с тем, ПТю. *йа:й-* – многозначный глагол, имеющий в разных тюркских языках такие значения, как ‘расстилать’, ‘раскидывать’, ‘разбросать’, ‘рассеивать’ (в том числе о свете) [25, с. 76–77]. Это позволяет сделать предположе-

ние, что прототипическим объектом лексем *сандаархай* и *сандаарыннас*, а также других однокоренных слов *сандаа* и *сандал*, могут быть рассеянные солнечные лучи.

Обозначения белого цвета

Образный глагол: *кылбаар* – прототип: отблеск наконечника

Глаг. *кылбаар* ‘сиять белизной (издали), вырисовываться нарядным силуэтом (о чем-л. светлом, белом)’ [18, с. 223] > ЦО *кылбаар*, *кылбаархай*, *кылбаарытта*, *кылбаар*, *кылбалдыгас*, *кылбан*, *кылбаннас*, *кылбаран*, *кылбардыр(а)*, *кылбархай*, *кылбары*.

Данная группа является акающим вариантом группы с образным глаголом *килбэй* ‘отсвечивать, блестеть; лучиться, сверкать (о солнце); раскрыться, четко, ясно предстать перед глазами; заблестеть’ (см. ниже раздел «Обозначения блеска»).

Образные глаголы: *тунаарый*, *туналый* – прототип: отстоявшаяся жидкость (молоко).

Глаг. *туналый* ‘быть, казаться ослепительно белым, выделяться ярко-белым цветом’ [26, с. 115] > ЦО *тунал*, *туналбан*, *туналбаннаах*, *туналхай*, *туналы*, *туналыннас*.

Глаг. *тунаар*, *тунаарый* ‘неясно белеть, смутно просвечивать издали или в темноте (о чем-л. белом)’ [26, с. 111] > ЦО *тунаар*, *тунаархай*, *тунаархайдынгы*.

В данную группу включены две глагольные основы, которые, скорее всего, имеют общее происхождение. Рассмотрим их производные.

Глаг. *тунаар* ‘неясно белеть, смутно просвечивать издали или в темноте (о чем-л. белом)’ [26, с. 111]:

> (сущ.) *тунаар* ‘застилающий пеленой, дымчатый’ [26, с. 112] > *тунаархай* ‘бледный, блеклый; неясно видимый сквозь дым, с дымкой, туманный’ [26, с. 112] > *тунаархайдынгы* ‘бледноватый, блёклый’ [26, с. 113].

Глаг. *туналый* ‘быть, казаться ослепительно белым, выделяться ярко-белым цветом’ [26, с. 115]

> *туналыннас* ‘ослепительно белый, отливающий белизной’ [26, с. 115] > як. *туналый* ‘быть, казаться ослепительно белым, выделяться ярко-белым цветом’ [26, с. 115];

> *туналхай* ‘ослепительно белый, светлый, ясный’ [26, с. 115];

> *тунал* ‘отливающий белизной’ [26, с. 114] > *туналы* ‘отливающий белизной’ [26, с. 114, 115];

> *туналбан* ‘яркий, ясный, сияющий, отливающий белизной’ [26, с. 114] > *туналбаннаах* ‘очень светлый, ясный, такой гладкий, чистый, что блестит, лучезарный’ [26, с. 115].

Основа данных слов, вероятнее всего, восходит к монг. глаголу *tuni-* – халх., бур. *туна-*, калм. *тун-* ‘оседать, отстаиваться, становиться прозрачным (о жидкости)’ с присоединением аффикса -л (ср. также параллели халх., бур. *тунга-*, калм. *туңһа-* ‘очищать, процеживать’, бур. *тунга* ‘нетронутый, нехоженный, свежий; чистый (о воздухе)’, *tungyalay* халх., бур. *тунгалаг*, калм. *туңһлг* ‘прозрачный, чистый, ясный’) [24, с. 182]. В свою очередь в ДТС мы обнаруживаем близкий по значению и форме глагол, глагол *tun-* ‘успокаиваться, затихать’, существительное *tun* ‘покой, спокойствие’ [27, с. 586]. Среди параллелей в других тюркских языках можно упомянуть кирг. *тун-* ‘стать чистым, прозрачным, отстояться (о жидкости)’ [28, с. 267]. Предполагаем, что данная группа слов имеет общий корень с *тунах* ‘молочная пища, обилие молочных продуктов в пору отела’ [26, с. 116], и прототипом белого света является отстоявшаяся молочная пища или жидкость.

Обозначения блеска

Образный глагол: *килбэй* – прототип: отблеск наконечника

Глаг. *килбэй* ‘отсвечивать, блестеть; лучиться, сверкать (о солнце); раскрыться, четко, ясно предстать перед глазами; заблестеть’, ср. монг. *гилбэ* ‘блестеть, озарять, освещать’ [18, с. 93] > ЦО *килбиэннээх*, *килбэйэнэ*, *килбэн*, *килбэннэс*.

> (сущ.) *килбиэн* ‘блеск, сияние чего-л. очень яркого; отблеск лучей (солнца, луны)’ [18, с. 91] > *килбиэннээх* ‘безукоризненно чистый, лучезарный; безупречный’ [18, с. 92];

> *килбэйээнэ* ‘лучезарный, чистый (лик)’ [18, с. 93];

> *килбэн* ‘сверкающий, широкий, светлый’ [18, с. 93];

> *килбэннэс* ‘сверкающий, сияющий’ [18, с. 94].

В современном монгольском языке функционирует большое количество близких по форме и значению слов, например: *гилбэгнэхийх* ‘поблескивать, издавать блеск’; *гилбэгнэх I* ‘стать блестящим, заблестеть, сверкать; отражать свет, отсвечивать’; *гилбэр I* ‘железный наконечник’, *гилбэр II* ‘пика’; *гилгэрдэх* ‘быть гладким, блестеть, лосниться’ и др. [29, с. 547]. В ЭСМЯ находим следующие параллели: стп. монг. *gilayar*, халх. *гялгар*, бур. *гилагар* ‘гладкий, блестящий, глянцевоый’; стп. монг. *gilayi*-, халх. *гялай*-, бур. *гилай*- ‘блестеть, сверкать; халх. (перен.) просиять от радости’; стп. монг. *gilba*-, халх. *гялба*-, бур. *гилба*-, калм. *гила*- ‘блестеть, сверкать, слепить, играть всеми цветами радуги’; стп. монг. *gilber* халх. *гилбэр* ‘широкий наконечник’ [20, с. 44].

На основе словарных дефиниций можно выделить такие общие семы, как ‘блеск’, ‘гладкость’, ‘отсвечивание’, ‘наконечник’. Из этого следует предположить, что комплекс однокоренных цветообозначений, производных от образного глагола *килбэй*, выражает отсвечивание солнечного света неким гладким, отполированным металлом, скорее всего, наконечником стрелы или пики. Следовательно, семантическим прототипом данной группы цветообозначений можно назвать отблеск наконечника.

Заключение

Таким образом, мы предполагаем, что цветоцветовая семантика в якутском языке представляет собой отдельную группу, среди которых особое место занимают образные прилагательные, образованные от образных глаголов светового восприятия. Семантика образной лексики имеет сложную организацию, т. е. одним словом выражается целый комплекс сем (динамика, темпоральность, форма предмета и т. п.), но общим для всех является ‘цветоцветовой признак’. Анализ этимологии их значений показывает, что образная цветоцветовая семантика, как и их исходные образные глаголы, восходит к монгольской лексике, однако большинство из них имеет праалтайское происхождение и обнаруживает параллели в других тюркских языках. Необходимо дальнейшее изучение цветообозначений якутского языка монгольского происхождения, т.к. данный пласт «включает в себя сложные вопросы о формировании и генезисе якутского языка» [30, с. 162].

Предприняты предварительные попытки по выявлению прототипических объектов для некоторых якутских лексем, обозначающих темноту, светлоту и блеск. Для этого проанализирована семантика образных цветообозначений в сопоставлении с этимологией их значений и с параллелями в других родственных языках. Производные слова в своем значении одновременно выражают разнообразие качества своего прототипа (не только сему света, но и, например, сему движения и темпоральности), чем, возможно, обусловлена комплексность и сложность семантики образной лексики в якутском языке. Так, прототипами определены: для темноты – темное месиво (ЦО *будул*), темный силуэт (ЦО *барыарбах*), для серого, пепельного – пыль, пепел, туман (ЦО), для обозначения бледности – выцветшая трава (ЦО *күдээркэй*), для светлого – солнечный луч (ЦО *сандаархай*, *сандаарыннас*), белого – отстоявшееся молоко (ЦО *тунал*, *туналбан*, *туналбаннах*, *туналхай*, *туналы*, *туналыннас*, *тунаар*, *тунаархай*, *тунаархайдыны*), для блестящего и белого – отблеск металла (ЦО *кылбаар*,

кылбаархай, кылбаарытта, кылбаар, кылбалдьыгас, кылбан, кылбаннас, кылбаран, кылбардыыр(а), кылбархай, кылбары, килбиэннээх, килбэйээнэ, килбэн, килбэннэс).

Сокращения

баш. – башкирский, бур. – бурятский, др.-тюрк. – древнетюркский, калм. – калмыцкий, кирг. – киргизский, маньчж. – маньчжурский, монг. – монгольский, ПА. – праалтайский, ПТю. – пратюркский, стп. монг. – старописьменный монгольский, халх. – халха-монгольский, ЦО – цветообозначение, чув. – чувашский, як. – якутский

Л и т е р а т у р а

1. Габышева Л.Л. Метафорика света и тьмы в языке и фольклоре якутов. *Русистика на Северо-Востоке России и в странах Азиатско-Тихоокеанского региона: инновационные практики: сборник материалов IV Международной очно-заочной научно-практической конференции*. Якутск-Харбин: Среда; 2018:49-56.

2. Убрятова Е.И. *Исследования по тюркским языкам*. Новосибирск: РИЦ НГУ; 2011:282.

3. Харитонов Л.Н. *Типы глагольной основы в якутском языке*. Москва, Ленинград: Изд-во АН СССР; 1954:312.

4. Егинова С.Д. *Образные прилагательные якутского языка (в сопоставлении с бурятским и киргизским языками)*. Новосибирск: Наука; 2014:231.

5. Ефремов Н.Н. Образные глаголы, формирующие пространственные предложения в якутском языке (структурно-семантический анализ). *Северо-Восточный гуманитарный вестник*. 2017;3(20):112-118.

6. Ефремов Н.Н. Пространственные конструкции якутского языка, формирующиеся образными глаголами. *Предложение как единица языка и речи: Материалы Всероссийского научного симпозиума с международным участием, посвященного 95-летию со дня рождения М.И. Черемисиной*. Новосибирск: ФГБУН ИФЛ СО РАН; 2019:60-62.

7. Ефремов Н.Н. Пространственные конструкции якутского языка, формирующиеся образными глаголами баадай, баадьай, баакай. *Вестник Тувинского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки*. 2020;1(56):31-37.

8. Ефремов Н.Н. Образные глаголы движения в якутском языке. *Алтайский язык и его диалекты: современное состояние, перспективы развития: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения известного алтайского ученого-лингвиста М.Ч. Чумакаевой*. Горно-Алтайск: Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова; 2018:50-58.

9. Монастырев В.Д. Структурно-семантические особенности образных глаголов, характеризующих движение (на материале якутского и монгольского языков). *Сравнительно-сопоставительное изучение тюркских и монгольских языков: Материалы Международной научно-практической конференции*. Якутск: Издательский дом СВФУ; 2018:86-92.

10. Шамаева А.Е., Слепцова О.Д. Образные глаголы, характеризующие лицо человека, в якутском языке в сопоставлении с их параллелями из монгольских языков. *Мир науки, культуры, образования*. 2020;6(85):478-481.

11. Шамаева А.Е., Слепцова О.Д. Образные глаголы, характеризующие фигуру человека, в якутском языке в сопоставлении с их параллелями из монгольского языка. *Мир науки, культуры, образования*. 2020;6(85):553-555. DOI 10.24412/1991-5500-2020-685-553-555.

12. Вежицкая А. *Язык, культура, познание*. Москва: Русские словари; 1996:416.

13. Физика: Энциклопедия / Под ред. Ю.В. Прохорова. Москва: Большая Российская энциклопедия; 2003:944.

14. Иттен И. *Искусство цвета*. Москва: Издатель Дмитрий Аронов; 2018:95.

15. Кульпина В.Г. *Лингвистическая цветология: от истории к современности цветовых концептосфер*. Москва: МАКС Пресс; 2019:288.

16. Толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах тылдьыта / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука; 2005:912.

17. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. Т. I А–Е: / гл. ред. Г.Д. Санжеев, ред. Л.Р. Концевич, В.И. Рассадин, Я.Д. Леман. Москва: ИВ РАН; 2015:224.
18. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: в 13 т. Т. IV: Буква К. Под ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука; 2007:672.
19. Пекарский Э. К. *Словарь якутского языка*: в 3 т. Т. I. Москва, Акад. наук СССР; 1958:1279.
20. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. Т. II: Г–Р. Гл. ред. Г.Д. Санжеев, ред. Л.Р. Концевич, В.И. Рассадин, Я.Д. Леман. Москва: ИВ РАН; 2016:232.
21. Дialectологический словарь якутского языка. Сост.: П.С. Афанасьев, М.С. Воронкин, М.П. Алексеев. Москва: Наука; 1976:392.
22. Starostin SA, Dybo AV, Mudrak OA (eds.). *An Etymological Dictionary of Altaic Languages*. Leiden: Brill; 2003:1556.
23. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: в 15 т. Т. VIII: (Буква С – сөллөөр). Под ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука; 2011:572.
24. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 томах. Т. 3 : Q–Z. Под редакцией Г.Д. Санжеева, редакторы-составители Л.Р. Концевич, В.И. Рассадин, Я.Д. Леман. Москва: ИВ РАН; 2018:240.
25. Севортян Э.В., Левитская Л.С. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы “Ж”, “Ж”, “Й”. Москва: Наука; 1989:292.
26. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: в 15 т. Т. XI: (Буква Т: төтөллөөх – тээтэннээ). Под ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука; 2014:528.
27. Древнетюркский словарь. Ред. В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. Ленинград: Наука, ЛО АН СССР; 1969:677.
28. Киргизско-русский словарь. Кн. 2. Л – Я. Сост. К.К. Юдахин. Фрунзе: Главная редакция Киргизской советской энциклопедии; 1985:480.
29. Большой академический монгольско-русский словарь. В 4-х тт. Т. 1. А–Г. Отв. ред. Г.Ц. Пюрбеев. Москва: Academia; 2001:520.
30. Турантаева Н.В., Малышева Н.В. К вопросу о монгольских заимствованиях в якутской лексике (на материале названий пушных животных). *Вестник СВФУ*. 2024;21(3).159-172.

References

1. Gabysheva LL. Metaphors of light and darkness in the language and folklore of the Yakuts. In: Petrova SM, Antonova EA, Zalutskaya SYu, Zhondorova GE, Oshchepkova AI (eds.). *Russian studies in the North-East of Russia and in the countries of the Asia-Pacific region: innovative practices: Proceedings of materials of the IV International scientific and practical conference, 1-20 November 2018, Yakutsk, Russia, Harbin, China*. Yakutsk-Harbin: Sreda; 2018:49-56 (in Russian).
2. Ubryatova EI. *Studies on the Turkic languages*. Novosibirsk: RIC NSU; 2011:282 (in Russian).
3. Kharitonov LN. *Types of verb stems in the Yakut language*. Moscow, Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences; 1954:312 (in Russian).
4. Eginova SD. *Figurative adjectives of the Yakut language (in comparison with the Buryat and Kyrgyz languages)*. Novosibirsk: Nauka; 2014:231 (in Russian).
5. Efremov NN. Figurative verbs, forming the spatial sentences in the Yakut language (structural and semantic analysis). *North-Eastern Journal of Humanities*. 2017;3(20):112-118 (in Russian).
6. Efremov NN. Spatial constructions of the Yakut language, forming figurative verbs. *Sentence as a unit of language and speech: Proceedings of the All-Russian scientific symposium with international participation dedicated to the 95th anniversary of the birth of M.I. Cheremisina, 8-11 October 2019, Novosibirsk, Russia*. Novosibirsk: Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS; 2019:60-62 (in Russian).

7. Efremov NN. Spatial constructions in the Yakut language formed by the figurative verbs *баадаһ, баадыһ, баакаһ*. *Vestnik of the Tuvan State University. Social sciences and humanities*. 2020;1(56):31-37 (in Russian).

8. Efremov NN. Figurative verbs of motion in the Yakut language. In: *Altai language and its dialects: current state, prospects development*. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference dedicated to the 80th anniversary of the birth of the famous Altai linguist M.Ch. Chumakaeva, 10-12 October 2018, Gorno-Altai, Russia. Gorno-Altai: S. S. Surazakov Scientific Research Institute of Altaic Studies; 2018:50-58 (in Russian).

9. Monastirev VD. Structural and semantic features of figurative verbs characterizing movement (based on the material of the Yakut and Mongolian languages). *Comparative and comparative study of Turkic and Mongolian languages*: Materials of the International Scientific and Practical Conference, 2018, Yakutsk, Russia. Yakutsk: NEFU Publishing House; 2018:86-92 (in Russian).

10. Shamaeva AE, Sleptsova OD. Yakut figurative verbs describing human's face compared to Mongolian parallels. *Mir Nauki, Kul'tury, Obrazovaniya*. 2020;6(85):478-481 (in Russian).

11. Shamaeva AE, Sleptsova OD. Figurative verbs characterizing a human figure in the Yakut language in comparison with their parallels from the Mongolian language. *Mir Nauki, Kul'tury, Obrazovaniya*. 2020;6(85):553-555 (in Russian).

12. Vezhbitskaya A. *Language, culture, knowledge*. Moscow: Russian dictionaries; 1996:416 (in Russian).

13. Prokhorova YuV (ed). *Physics: Encyclopedia*. Moscow: Great Russian Encyclopedia; 2003:944 (in Russian).

14. Itten I. *The Art of Color*. Moscow: Publisher Dmitry Aronov; 2018:95 (in Russian).

15. Kulpina VG. *Linguistic colorology: from history to modernity of color conceptual spheres*. Moscow: MAX Press Publ.; 2019:288 (in Russian).

16. Sleptsov PA. Large explanatory dictionary of the Yakut language. Novosibirsk: Nauka; 2005:912 (in Russian).

17. Sanzheev GD, Kontsevich LR, Rassadin VI, Leman YaD. Etymological dictionary of Mongolian languages: in 3 volumes. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS; 2015:224 (in Russian).

18. Sleptsov PA. Large explanatory dictionary of the Yakut language: 13 volumes (Letter K). Volume 4. Novosibirsk: Nauka; 2007:672 (in Russian).

19. Pekarsky EK. *Dictionary of the Yakut language*. Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences; 1958:1 (in Russian).

20. Sanzheev GD, Kontsevich LR, Rassadin VI, Leman YaD. Etymological dictionary of Mongolian Languages: in 3 volumes. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS; 2016:232 (in Russian).

21. Afanasyev PS, Voronkin MS, Alekseev MP. Dialectological dictionary of the Yakut language. Moscow: Nauka; 1976:392 (in Russian).

22. Starostin SA, Dybo AV, Mudrak OA (eds.). *An Etymological Dictionary of Altaic Languages*. Leiden: Brill; 2003:1556 (in English).

23. Sleptsov PA. Large explanatory dictionary of the Yakut language: in 15 volumes (Letter C). Volume 8. Novosibirsk: Nauka; 2011:572 (in Russian).

24. Sanzheev GD, Kontsevich LR, Rassadin VI, Leman YaD. Etymological dictionary of Mongolian languages. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS; 2018:240 (in Russian).

25. Sevortyan EV, Levitskaya LS. Etymological dictionary of Turkic languages: common Turkic and inter-Turkic bases for the letters “Ж”, “Ж”, “Й”. Moscow: Nauka; 1989:292 (in Russian).

26. Sleptsov PA. Large explanatory dictionary of the Yakut language: in 15 volumes (Letter T). Volume 11. Novosibirsk: Nauka; 2014:528 (in Russian).

27. Nadelyaev VM, Nasilov DM, Tenishev ER, Shcherbak AM (eds.) *Ancient Turkic Dictionary*. Leningrad: Nauka; 1969:677 (in Russian).

28. Yudakhin KK. Kyrgyz-Russian dictionary. Book 2. Frunze: Main editorial office of the Kyrgyz Soviet Encyclopedia; 1985:480 (in Russian).

29. Pyurbееv GTs (ed.). Large Academic Mongolian-Russian dictionary. In 4 vols. Volume 1. A-G. Moscow: Academia; 2001:520 (in Russian).

30. Turantaeva NV, Malysheva NV. On the issue of Mongolic borrowings in Yakut vocabulary (based on the names of fur-bearing animals). *Vestnik of NEFU*. 2024;21(3):159-172 (in Russian).

Сведения об авторе

ТИМОФЕЕВА Айтали́на Влади́мировна – м. н. с. международной научно-исследовательской лаборатории «Лингвистическая экология Арктики», ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова», г. Якутск, Российская Федерация, ORCID: 0000-0002-3310-942X

E-mail: aitalina0895@gmail.com

Information about the author

Aitalina V. TIMOFEEVA – Junior Researcher of the Arctic Linguistic Ecology Lab, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation, ORCID: 0000-0002-3310-942X

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 04.02.25

Принята к публикации / Accepted 25.02.25

УДК 81'255

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2025-22-1-187-197>

Научная оригинальная статья

Перевод пьесы «Ночь Гельвера» И. Вилквиста на якутский язык: анализ собственного перевода

Я. Н. Титов

г. Якутск, Российская Федерация

✉ yatito@list.ru

Аннотация

В статье рассматривается одна из сложных проблем художественного перевода – театральный перевод. Актуальность темы обоснована недостаточностью фундаментальных теоретических исследований, специально посвященных вопросам перевода театральных произведений. Цель работы – попытка анализа изучения творческого процесса театрального перевода на основе собственного перевода. В статье подробно рассматриваются характеристики этого типа текстов с точки зрения лингвистики, их структурные особенности и специфика оформления сценического текста. Основное внимание уделяется стратегиям перевода. В качестве объекта анализа выступает произведение польского драматурга Ингмара Вилквиста «Ночь Гельвера». Эта пьеса выбрана из-за наличия сложных ситуаций и нестандартной сюжетной конструкции, а также потому, что она является переводом перевода. В исследовании представлены краткое содержание пьесы и информация о главных персонажах. Статья включает примеры наиболее сложных моментов с точки зрения перевода и предлагает авторские варианты, а также объясняет переводческие решения, включая трансформации, примененные в процессе работы над текстом. Автор исследования приходит к выводу, что перевод драматических произведений, находясь на стыке художественного и сценического дискурсов, требует междисциплинарного подхода. Таким образом, наиболее эффективной стратегией перевода в данной сфере является сочетание интерпретации, конкретизации и адаптации.

Ключевые слова: перевод, художественный перевод, театральный перевод, сценический перевод, драма, драматический текст, стратегия перевода, сценичность, сценическая речь, диалог

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Титов Я. Н. Перевод пьесы «Ночь Гельвера» И. Вилквиста на якутский язык: анализ собственного перевода. *Вестник СВФУ*. 2025, Т. 22, № 1. С. 187–197. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-1-187-197

Original article

Translating Ingmar Villqist's “Helver's Night” into Yakut: an analysis of a translation experience

Yakov N. Titov

Yakutsk, Russian Federation

✉ yatito@list.ru

Abstract

The article analyses one of the most difficult issues of artistic translation: the process of translating theatrical works. The relevance of this research lies in the paucity of fundamental

© Титов Я. Н., 2025

theoretical research specifically dedicated to the translation of theatrical works. The purpose of the study is to analyse the creative process of theatrical translation based on the own practice of translation. The article provides a detailed analysis of the characteristics of this type of texts from the linguistic perspective, including the structural features and the specifics of the theatrical text design. The primary focus of this study is on translation strategies. The work “Helver’s Night” by the Polish playwright Ingmar Villqist is the object of analysis. The play was chosen due to the complex and unusual plot structure, as well as the fact it is a translation of a translation. The study provides a summary of the play and information about the main characters. The article includes examples of the most difficult translation issues and suggests the author’s options. Furthermore, the translator’s decisions are explained, as well as the transformations in the process of working on the text. The author concludes that the translation of dramatic works at the intersection of artistic and theatrical discourse requires an interdisciplinary approach. Thus, the most effective translation strategy, in this case, is considered to be comprised of interpretation, concretisation and adaptation.

Keywords: translation, literary translation, theatrical translation, drama translation, drama, dramatic text, translation strategy, staginess, stage speech, dialogue

Funding. No funding was received for writing this manuscript

For citation: Titov Ya. N. Translating Ingmar Villqist’s “Helver’s Night” into Yakut: an analysis of a translation experience. *Vestnik of NEFU*. 2025, Vol. 22, No. 1. Pp. 187–197. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-1-187-197

Введение

Театральный перевод долгое время не был предметом специальных исследований. Первые специально посвященные театральному, или сценическому, переводу статьи принадлежат П. Богатыреву и И. Хонцлю. В своей статье «Семиотика фольклорного театра» (1933) П. Богатырев выделяет основные элементы театрального перевода, утверждая, что этому процессу присущи «мобильность, гибкость и динамика сценических символов». В 1935 г. И. Хонцль в работе «Динамика символа в театре» анализирует структуру драматургического текста как «динамическую иерархию компонентов» [1].

Интересные идеи предлагает И. Левый в работе «Искусство перевода», где он называет текст пьесы «не статичным языковым набором, а активной системой семантических стимулов, из которых во взаимодействии с другими элементами спектакля формируются художественные аспекты» [2, с. 211]. На основе этих рассуждений он предлагает разработать «адаптивную систему переводческих подходов, ориентированных на восприятие соответствующих частей пьесы и на представление переводчика о главной идее спектакля» [2, с. 211]. И. Левый считает, что «мера точности перевода зависит не от лексической точности, а от скрытой функции отдельной семантической единицы, реплики и всей сцены в целом в общем контексте пьесы» [Там же, с. 212].

По его мнению, «от переводческой интерпретации языкового составляющего зависит работа актера над характером, может быть, и вся трактовка спектакля» [Там же, с. 209], поэтому театральный перевод требует точности, щепетильности, переводчик должен стремиться передать в иной раз тончайший оттенок смысла, а иногда – стиль или интонацию [Там же].

И. Левый приходит к выводу, что «в процессе актерской игры некоторые особенности переведенного текста проявляются иным образом; актер способен внести нюансы с использованием акустических средств, а также исправить

некоторые недостатки перевода» [Там же, с. 213]. Однако для успешного спектакля ключевое значение имеет интерпретация персонажей и стилистическое воссоздание жанровой специфики пьесы [Там же].

Теоретические исследования, специально посвященные театральному переводу, стали появляться только в начале 1980-х гг. По мнению исследователей, в теории перевода наметились две противоположные позиции. Первая позиция по переводу драматического произведения принадлежит американскому исследователю Сьюзен Басснетт. В частности, С. Басснетт утверждает, что драматургический текст неразрывно связан с театральной постановкой, так как в основе театра лежит диалектическая связь между двумя этими составляющими [1]. Она полагает, что возможность адаптации текста для сцены подразумевает наличие зашифрованных в нем жестов. Басснетт утверждает, что переводчик обязан выявить элементы, подходящие для театральной интерпретации, и адаптировать их в языке перевода, несмотря на возможные значительные языковые и стилистические изменения. По ее мнению, именно это и отличает театральный перевод от перевода других типов текста [1].

По мнению С. Басснетт, «диалог – главный компонент текста, предназначенного для постановки на сцене, ему присущи такие экстралингвистические свойства, как ритм, интонация, высота тона, громкость, – их трудно выявить при чтении текста» [3].

Разрабатывая пять методов перевода драматических произведений, С. Басснетт приходит к выводу, что «восприятие текста только как литературного игнорирует его основное предназначение для театральной постановки, а применение культурного контекста включает стереотипы оригинальной культуры для достижения комического эффекта» [4]. Адаптация позволяет переводчикам обходить трудные элементы оригинала, которые затрудняют перевод. Узко специализированный подход к переводу поэтических драм заключается в том, что «изменение формы может искажать суть текста в переводе». Кооперативный перевод представляет собой «совместные усилия носителя языка и переводчика или взаимодействие между переводчиком и режиссером» [Там же].

П. Пави занимает противоположную позицию. Он утверждает, что «сценический перевод должен расширять границы межъязыкового перевода драматургических произведений», поскольку «истинный перевод происходит на уровне всей постановки». Пави выделяет четыре ключевые проблемы, связанные со сценическим переводом: 1) попытки переводчика сделать текст более доступным могут увеличить дистанцию между оригиналом и его адаптацией; 2) задача переводчика заключается в том, чтобы воссоздать «историческую эпоху, пространство и время, точку зрения автора, а также систему персонажей»; 3) для полного восприятия зрителю необходимо иметь соответствующий культурный контекст; 4) в момент взаимодействия текста перевода со сценой формируется «зрелищный текст», который представляет собой систему отношений между текстовыми и театральными знаками [1].

П. Пави утверждает, что «необходимо принимать во внимание два аспекта: 1) в театре перевод «проходит» через тело актеров и восприятие зрителей; 2) это не просто передача содержания с одного языка на другой, но и взаимодействие и сопоставление различных высказываний и структур, которые разделены временем и пространством» [5].

В. В. Зацепкина четко разделяет понятия «театральный текст» и «драматический текст». Она утверждает, что эти термины взаимосвязаны, поскольку театральный текст не может существовать отдельно от его сценической интерпретации и произнесения актерами. По ее мнению, «драматургический

текст характеризуется своей неопределенностью и отсутствием четкого смысла; только в контексте реальных условий он получает значение, то есть возникает необходимая среда для формирования смысла» [6].

В вопросе выбора стратегии перевода сценических произведений исследователи придерживаются мнения, что форенизация наносит ущерб переводу, «поскольку при дословном переводе текст становится трудным для восприятия на слух. В стремлении соблюсти точность и соответствие оригиналу язык перевода теряет свою выразительность, что приводит к появлению множества неясных моментов». Они считают, что театральному переводу соответствует доместикация, в которой текст перевода подстраивается, адаптируется под нормы принимающей культуры [3].

Е. Г. Логинова считает, что «сложность перевода драматического произведения заключается в том, что драма – наименее стабильный род литературы, драма дает лишь отправные точки для восприятия и интерпретации содержания. Режиссер может по своему усмотрению убрать из пьесы какие-то эпизоды, объединить реплики и т. д. Это трактовка, которая тут же воплощается на сцене и показывает отношение режиссера к замыслу автора» [7].

В настоящее время появилось много работ, посвященных театральному переводу. Это исследования О. В. Железняковой, В. В. Зацепкиной, Д. Майсюк, Мачея Малека, А. О. Цыремпилона, Я. В. Тараскиной, Д. А. Олицкой, Ю. А. Борисенко, С. С. Макарова, В. И. Шадрина и других. Они сходятся в основном на мнении, что «перевод драмы представляет собой сложный процесс, поскольку обладает диалектической природой. Наличие двойного эстетического кода (литературного и театрального) определяет онтологическую интермедийность драматургического текста, что требует непрерывного анализа его либо как компонента спектакля, либо как текста пьесы, который лишь ожидает своего воплощения на сцене» [8].

Вместе с тем отмечаем, что русско-якутский театральный перевод не стал предметом специальных исследований. Данная статья является попыткой анализа, выявления и решения наиболее значимых переводческих проблем в русско-якутском театральном переводе.

Краткая характеристика якутского театрального перевода

К начальному периоду изучения якутского драматического театра относятся первые публикации, принадлежащие А. И. Софронову, Драверту, С. Потапову, К. Тупоговову. Данные авторы фиксировали процесс становления якутского национального театра, будучи не только его современниками, но и непосредственными участниками.

Основополагающее значение для развития национального театра и драматургии, а также будущего якутского театроведения и театральной критики имеют статьи одного из зачинателей якутской литературы, поэта, драматурга, первого теоретика, организатора и пропагандиста якутского театра А. И. Софронова [9].

Статьи были написаны им в 1926–1931 гг. после назначения его заведующим Якутским национальным театром. Взгляды, изложенные им в данных статьях, легли в основу фундамента якутского национального театрального искусства: «Сахалыы дыраама» («Якутская драма»), «Дыраама диэн тугуй?», «Ускуустуба» («Искусство»), «Чыйаатыр диэн тугуй, кини туох туһалаабы?», «Что такое театр и какую пользу он приносит?», «Саха тийээтирэ» («Якутский театр»), «Репертуарный голод якутской сцены», «Несколько слов о якутском национальном театре» [9].

История театрального перевода – неотъемлемая часть Саха театра. Перевод русских и зарубежных классических и современных драматических произведений развивает и обогащает якутский язык, отшлифовывает его выразительность, оберегает и хранит, перевод усиливает, развивает способность якутского языка

передавать многовековую мудрость, силу и богатство языков и культуры разных народов.

В развитии Саха театра перевод играет огромную роль, театальный перевод имеет свою неповторимую историю. Чтобы пройти царскую цензуру, в 1907 г. В. В. Никифоров попросил М. Е. Николаеву перевести на русский язык пьесу «Манчаары түөкүн» («Разбойник Манчаары»), таким образом история русско-якутского театального перевода в 2025 г. отмечает свой 118 год.

Несмотря на хорошее качество перевода, цензурный комитет продолжал упорствовать, и добиться частичного разрешения на постановку драмы удалось только в 1913 г.

Первым русским драматическим произведением, переведенным на якутский язык, стала комедия Н. В. Гоголя «Женитьба», представленная якутскому зрителю осенью 1909 г. Тремя годами раньше комедия впервые ставилась в г. Якутске на русском языке и удостоилась восторженных откликов зрителей. Перевод «Женитьбы» на якутский язык осуществил В. В. Никифоров.

Успех «Женитьбы» Н. В. Гоголя на якутской сцене способствовал началу активной переводческой работы. 12 декабря 1912 г. в клубе Общества взаимопомощи приказчиков состоялось представление на языке саха драмы Л. Н. Толстого «От ней все качества», переведенное и поставленное А. И. Софроновым [10].

В период с 1910 до 2010 гг. Саха театр поставил 290 спектаклей, из них 131 на основе перевода произведений русских и зарубежных драматургов [10].

На наш взгляд, перевод в современном якутском театре по велению времени близок к разговорному стилю, подражает тому, как мы разговариваем в повседневной жизни. Но вместе с тем театр, театальный перевод – оплот, хранитель норм якутского литературного языка, его норм, традиций, образцов высокой речи.

Чтобы постановка имела успех, переводчик должен всегда уделять большое внимание передаче в тексте перевода культурного составляющего оригинальной драмы. Воссоздание национально-исторической специфики оригинала имеет в якутском театальном переводе огромное значение [11].

Театальный перевод с позиций лингвистики

Ингмар Вилквист (настоящее имя – Ярослав Свержич) – польский драматург, историк искусства, профессор Варшавской Академии изящных искусств. Его пьесы много раз ставились на сценах театров мира.

Пьеса «Ночь Гельвера» была написана в 2000 г., в этом произведении повествуется о трудной жизни двух людей. Карла взяла на воспитание отсталого по своему развитию, постоянно пребывающего в детском состоянии Гельвера. В монологах, диалогах этих людей раскрываются их быт, состояние, непростые взаимоотношения. В их сложных отношениях мы видим любовь матери к ребенку, отношения между мужчиной и женщиной. В Европе усиливается идеология фашизма: утверждаясь в чистоте расы, нацисты истребляют больных, немощных, отсталых. В авторских ремарках в ходе пьесы получили свое отражение все те муки, плач, страдания, унижения, издевательства, убийства, происходившие в те жестокие времена. Чтобы спасти своего ребенка от «чистки», женщина собственными руками убивает сына.

По заказу Саха академического драматического театра имени П. Ойунского автор данной статьи и М. Н. Семенова перевели на якутский язык данную пьесу Ингмара Вилквиста. Спектакль «Бүтэник малыыппа» («Последняя молитва») по произведению Ингмара Вилквиста режиссер Саха театра Василий Борисов с успехом представил в 2021 г. на III Международном театральном фестивале «Диалоги» в московском театре «Человек» и одержал победу.

Таблица

Этапы перевода драматического текста

Table

Stages of translating a dramatic text

№	Этапы	Процесс работы над переводом
1	Предпереводческий	Чтение произведения, анализ. Переводчик работает и как читатель, и как драматург. На этом этапе выявляется идея, авторская позиция произведения. На первом этапе проводится общий анализ текста, осуществляется черновой перевод.
2	Этап подстрочного перевода, работы со словарем	На этом этапе перевода драматического текста необходимо обратить внимание на: – различие структур русского и якутского предложений, особенно вопросительных высказываний; – особенности диалогов, монологов героев, соблюдение авторского стиля; – передачу посредством транскрипции и транслитерации или путем замены имен собственных, безэквивалентной лексики; – перевод авторских ремарок, отражающих состояние героев; – перевод фразеологизмов, образительно-выразительных средств; – поиск эквивалентов; – замену; – описательный перевод
3	Этап редактирования перевода	Работа с режиссером. На этом этапе выделяются конкретные сцены, определяются их границы и по согласованию с режиссером исключаются ненужные составляющие
4	Этап работы с актерами	Это этап адаптации перевода к сценической речи. Заключительное чтение перевода. Конкретизация сценических реплик.
5	Заключительный этап	Это этап воплощения драматического произведения на сцене и его оценка зрителями.

Перевод драматического произведения – сложный процесс. Он должен быть таким, чтобы якутский зритель воспринимал произведение как свое, родное. Перевод требует много усилий, кропотливой работы.

Процесс перевода драматического произведения может состоять из следующих этапов (табл.) [12].

Вслед за Ю. А. Борисенко, С. С. Макаровым считаем, что при переводе драматического произведения особого внимания требуют знаки препинания, которые формируют динамику общения внутри сцен [13]:

Он. Ты подожди, подожди... (*Срывает со стола клеенку, кладет ее под стол, расставляет вокруг стола стулья, сносит под стол разные вещи: будильник, чашки, тряпки, пальто, снятые с крючков на дверях*). Ну, как? Вот твоя палатка... Залезай туда, залезай... [14].

‘Эр киһи. Эн күүт-күүт... (*Остуол сабыытын устан, остуол анныгар быраҕар, остуол тула олоппостору уулар, остуол анныгар чаһыны, чааскылары, тирээпкэлэри, аан күрүчүөктэриттэн соннору устан уурталыыр*). Хайа, хайдаҕый? Балааккан.. Киир итиннэ, киир... ’.

При переводе необходимо учитывать грамматический строй якутского предложения, особое внимание уделять месту сказуемого. В якутском предложении сказуемое всегда занимает постпозицию. Например, *А ночью там гасят свет...* ‘Онно түүнүн уоту араараллар...’

Также следует обратить внимание на оформление вопросительного предложения, которое отличается от русского вопросительного предложения наличием вопросительных частиц:

Выбросил!!!???... – ‘Бырахпытын дуо!!!???’

Особого отношения требует перевод имен собственных: можно оставить имя собственное без изменений или привести в соответствие с нормами якутского произношения посредством транскрипции и транслитерации: *Гельвер* – ‘Гиэлбэр’, *Гильберт* – ‘Гиилбэр’, *Карла* оставили без изменений (хотя допускается вариант ‘Каарла’), *Эльмит* – ‘Ээлмит’, *Мурыц* – ‘Муурсык’, *Гердман* – ‘Гиэрдимэн’, *Гайнель* – ‘Гаайнал’, *Гельмут* – ‘Гиэлмит’, *Тадя* – ‘Таадья’, *Вилд* – ‘Биилт’.

Б. Шульц предлагает для перевода имен собственных следующие способы [11]:

1) прямой перенос:

Карла – ‘Каарла’, изначально было задумано перевести по правилам якутского произношения Каарла, но в процессе редактирования было решено оставить как есть, *Хансен* – ‘Хансен’;

2) адаптация:

Гельвер – ‘Гиэлбэр’, *Гильберт* – ‘Гиилбэр’;

3) замена:

пастор – ‘аҕабыыт’ (букв. *поп*), *костел* – ‘танара дьиэтэ’ (букв. *церковь*);

4) семантический перевод:

Он – ‘Эр киһи’ (букв. *мужчина*), *Она* – ‘Дьахтар’ (букв. *женщина*);

(В контексте произведения местоимения **Он** и **Она** выступают как имена собственные – *Я.Т.*)

5) художественный прием:

Сволочи! Сволочи – ‘Ыттар! Ыттар!’ (букв. *Собаки! Собаки!*)

Говно сакроменское – ‘Ыт сырай’ (букв. *собачья морда*).

Еще одна сложность заключалась в том, что это был перевод перевода – перевод на якутский язык не с языка оригинала, польского, а с русского.

Герои произведения были обозначены как *Он* и *Она*, а в якутском языке нет категории рода, поэтому на якутский язык перевели как ‘Эр киһи’: (букв. *мужчина*) и ‘Дьахтар’ (букв. *женщина*).

Безэквивалентная лексика может переводиться с помощью транскрипции и транслитерации, кальки, в процессе редактирования некоторые слова оставили в русском варианте: *ранец* – ‘араанньас’, *рюкзак* – ‘үрүксээк’, *вокзал* – ‘баксаал’, *шарик* – ‘саарык’, *ватрушка* – ‘ботурууска’, *факел* – ‘уот тутуур’, *сволочь* – ‘суолас’ (ыт) уо. д. а.

Устойчивые выражения можно переводить путем подбора эквивалента на языке перевода: *Говно сакроменское!* заменили ‘Ыт сырай’ (букв. *собачья морда*).

Когда я почти везде побывала – ‘сири-сибиири биир гыммытым’ (букв. *объездила по всей земле, Сибири*), *блестят, как у кота яйца...* – ‘обус сымыытын курдук’ (букв. *как у быка яйца*).

Сложно было переводить речь особенного героя, его состояние. Гельвер не способен передавать свои мысли полностью, много повторяет одно и то же:

Он. И у них дети есть, есть дети... У тебя был... (как бы стеснясь) ребенок...? [14].

‘Эр киһи. Уонна кинилэр оҕолоохтор, кинилэр оҕолоохтор... Эн (кыбыстыбыт курдук) оҕолооххун дуо?’

Самая трудная часть перевода драматического произведения – это перевод авторских ремарок, реалий, у которых нет якутских соответствий, передача внутреннего состояния героев, их переживаний, страданий.

При переводе необходимо сохранить стилевые особенности речи персонажей, их синтаксис.

Д. А. Олицкая замечает, что «сложная семантическая структура характеризует сценическую речь. Реплики персонажей не ограничиваются лишь предметом высказывания, но также взаимодействуют во множестве других семантических связей, поэтому при переводе необходимо учитывать определенные реакции актеров, такие как мимика и жесты» [8]:

Она. Положи это... (*Показывает на флаг*) И сними берет. Сейчас подам обед... Помой, пожалуйста, руки. (*Подходит к плите, берет прихваткой кастрюлю с супом, подходит к столу, наливает суп в тарелку*). Ну, будь добр, садись [14].

‘Дьахтар. Уур мань... (*былаабы ыйар*). Уонна бэриэккин уһул. Билигин ас бэлэмниэм. Баһаалыста, баран илиигин суун. (*Оһоһхо чугаһыыр, мииннээх көстүрүүлэни остуолга аҕалар, тэриэлкэбэ миин кутар*). Чэ, олорунан кэбис’.

Необходимо при переводе реплик сохранить оригинальную авторскую эмоциональную окраску, настрой, посыл:

Она (*смакует суп*). М-м-м, какой вкусный... Пожалуй, еще себе добавлю... [14].

‘Дьахтар (*миинин иһэр*). Ммм, тугун минньигэхэй... Өссө иһэрим дуу... ’.

При воссоздании целостного образа героя необходимо по возможности сохранить грамматический и семантический, лексический строй (слова, обороты) в репликах, чтобы точно передать манеру речи персонажа, его речевую характеристику, диалект, сленг и т. д.

Он. Я достану тебе другую банку... Потому что... Потому что того магазина уже нету (*быстро*). То есть он есть, только в нем нету бритв и твоей банки тоже нету, потому что тот магазин сгорел и там воняет и ты туда уже не ходи, не ходи, потому что там ужасно воняет... [14].

‘Эр киһи. Мин эйиэхэ атын баанканы булуом... Тоҕо диэтэр... Тоҕо диэтэр ол маҕаһын хайыы-үйэ суох (*түргэнник*). Баарын баар даҕаны, онно бириитибэ уонна баанкан суохтар, ол маҕаһын умайбыта, сыт-сымар бөҕө, эн онно барыма, тоҕо диэтэр амырыын сыттаах...’.

В переводе на якутский язык мы постарались передать внутреннее состояние «особенного героя»: Гельвер не способен передать мысль полностью, много повторяет одно и то же.

Вышеуказанные особенности сценического текста требуют от переводчика равнозначного владения обоими языками, высокого уровня лингвострановедческих и лингвокультуроведческих знаний. Переводчик должен объединять два объекта переводческой деятельности: с одной стороны, лексическую составляющую с позиций лингвистики, с другой стороны, семантическую с позиций театра.

Эта двойственная природа театрального перевода вызвана, по мнению специалистов, «двойным эстетическим кодом – литературным и театральным, который определяет бытийную интермедийность драматургического текста. Интернациональная направленность пьесы на театрализацию предъявляет определенные требования к их переводу, которые обусловлены различиями в восприятии читателей и зрителей». Этот критерий позволяет выделять театральный перевод в самостоятельную область исследования художественного перевода [8].

Диалектичность театрального перевода создает «двойной стандарт для переводчиков (ориентированный на читателей и зрителей) при адаптации и переводе сценических текстов. Перевод театральных произведений требует учета не только визуального восприятия, но и акустического, что значительно усложняет задачу переводчика» [12].

Заключение

Адекватный театральный перевод возможен только тогда, когда переводчик владеет в равной степени и языком оригинала, и языком перевода. Переводчику необходимо вживаться в текст, в другую культуру и суметь все это передать на языке перевода так, чтобы зритель воспринимал спектакль как часть своей культуры.

Важно уважительное отношение к слову, к тексту, авторскому стилю. Театральный перевод требует большой предварительной работы: работы со словарем, просмотра постановок, чтения рецензий, критических статей, постоянного чтения переведенного, его адаптации к условиям сцены.

Особого внимания требуют композиционно-структурные особенности текста. Специалисты рекомендуют избегать излишне литературного перевода, чтобы не потерять технологии действия в драме. Театральный перевод – результат совместной работы переводчика с режиссером и актерами. Только сотворчество переводчика, режиссера и актеров рождает перевод, выходящий за рамки постановки драматургического текста.

Ключевое значение имеют передача, сохранение в тексте перевода культурного компонента оригинала: воссоздание национально-исторического своеобразия оригинала имеет в драматургическом переводе огромное значение.

Но в то же время в театральном переводе есть место и импровизации и адаптации. Ведь российский театр – театр режиссерский, где в вопросе интерпретации художественного текста последнее слово всегда за режиссером, в руках режиссера текст выступает лишь одним из элементов сценического представления.

Сложность перевода драматического произведения заключается в том, что драматический текст в процессе театральной постановки может быть по-разному воспринят, интерпретирован. По своему усмотрению режиссер может убрать или добавить эпизоды, сократить или объединить реплики и т. д. Это его воплощаемая на сцене трактовка, его интерпретация, это режиссерское видение, отношение к авторскому замыслу.

Таким образом, можно сказать, что театральный перевод – это единое пространство, где сходятся интересы как литературы и театра, так и теории перевода, переводческого и театрального (сценического) дискурсов, где есть место и интерпретации, и конкретизации, и адаптации.

Л и т е р а т у р а

1. Сценический перевод драматического текста. URL: <https://transeurope.ru/publications/stsenicheskiy-perevod-dramaticheskogo-teksta.html?ysclid=lzv18vi310844888176> (дата обращения 15.08.24).
2. Левый И. *Искусство перевода*. Москва: Прогресс, 1974:394.
3. Базылев В.Н., Войнич И.В. Drama translation (драматургический перевод, сценический перевод). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/drama-translation-dramaturgicheskoy-perevod-stsenicheskiy-perevod?ysclid=m28irauu3g606718088> (дата обращения 14.10.2024).
4. Кузнецова Е.А. Для чтения или для сцены? К проблеме сценичности перевода. *Критика и семиотика*. 2016;(1):118-126.
5. Пави П. *Словарь театра*. Москва: Прогресс, 1991:222.
6. Зацепкина В.В. К вопросу определения понятия «театральный текст». *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, 2013;28(10):78-81.
7. Логинова Е.Г. Перевод драмы с позиций кодовых переходов. *Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика*. 2015;(5):14-23.
8. Олицкая Д.А. Перевод драмы: специфика, проблемы, подходы. *Вестник Томского государственного университета*. 2012;(357):19-24.

9. Павлова-Борисова Т.В. *История изучения якутского драматического театра*. Якутск: Издательско-полиграфический комплекс СВФУ. 2010:58.
10. *Антология Саха театра*. Книга 1. Якутск. 2013:512.
11. Специфика перевода драматургического текста. URL: https://vuzlit.com/828813/spetsifika_perevoda_dramaturgicheskogo_teksta (дата обращения 14.10.2024).
12. Особенности и трудности перевода сценических произведений. URL: https://spravochnik.ru/yazyki_perevody/osobennosti_i_trudnosti_perevoda_scenicheskikh_proizvedeniy/?ysclid=m04zr0gw4t8528248 (дата обращения 22.08.24).
13. Борисенко Ю.А., Макаров С.С. Проблемы перевода драматических произведений на материале пьесы Д. Эдгара «Тестируя эхо». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-perevoda-dramaticheskikh-proizvedeniy-na-materiale-piesy-d-edgara-testiruya-eho?ysclid=m2odbvv16h445666862> (дата обращения 03.09.24).
14. Вилквист И. Ночь Гельвера. URL: https://theatre-library.ru/files/v/vilkvist/vilkvist_2724.doc?ysclid=m38a05m87s349715114 (дата обращения 05.08.24).

References

1. Translation of a dramatic text. Available at: <https://transeurope.ru/publications/stsenicheskiy-perevod-dramaticheskogo-teksta.html?ysclid=lzv18vi310844888176> [Accessed 15 August 2024] (in Russian).
2. Levý J. *The art of translation*. Moscow: Progress; 1974:394 (in Russian).
3. Bazylev VN, Voynich IV. Drama translation. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/drama-translation-dramaturgicheskii-perevod-stsenicheskiy-perevod?ysclid=m28irauu3g606718088> [Accessed 14 October 2024] (in Russian).
4. Kuznetsova EA. For reading or for staging? On Performability of translation. *Critique and Semiotics*. 2016;(1):118-126 (in Russian).
5. Pavis P. *Dictionary of the Theater*. Moscow: Progress; 1991:222 (in Russian).
6. Zashchepkina VV. To question of defining notion “theatrical text”. *Philology. Theory and Practice*. Tambov: Gramota, 2013;28(10):78-81 (in Russian).
7. Loginova EG. Code metamorphoses in the translation of drama. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*. 2015;5:14-23 (in Russian).
8. Olitskaya DA. Drama translation: specificity, problems and approaches. *Tomsk State University Journal*. 2012;(357):19-24 (in Russian).
9. Pavlova-Borisova TV. *History of the study of Yakut dramatic theater*. Yakutsk: Publishing and Printing Complex of NEFU; 2010:58 (in Russian).
10. *Anthology of Sakha theater*. Book 1. Yakutsk: 2013:512 (in Russian).
11. Specifics of translating dramatic texts. Available at: https://vuzlit.com/828813/spetsifikaperevodadramaturgicheskogo_teksta [Accessed 14 October 2024] (in Russian).
12. Features and difficulties of translation in drama texts. Available at: <https://spravochnik.ru/yazykiperevody/osobennostiitrudnostiperevodascenicheskikhproizvedeniy/?ysclid=m04zr0gw4t8528248> [Accessed 22 August 2024] (in Russian).
13. Borisenko YuA, Makarov SS. Translating drama: analysis of David Edgar’s play “Testing the Echo”. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-perevoda-dramaticheskikh-proizvedeniy-na-materiale-piesy-d-edgara-testiruya-eho?ysclid=m2odbvv16h445666862> [Accessed 3 September 2024] (in Russian).
14. Villqist I. Helver’s Night. Available at: https://theatre-library.ru/files/v/vilkvist/vilkvist_2724.doc?ysclid=m38a05m87s349715114 [Accessed 5 August 2024] (in Russian).

Сведения об авторе

ТИТОВ Яков Нестерович – к. п. н., магистр лингвистики, независимый исследователь, г. Якутск, Российская Федерация, ORCID: 0009-0001-6712-8274, SPIN: 6599-0137, Author ID: 822726

E-mail: yatito@list.ru

Information about the author

Yakov N. TITOV – Cand. Sci. (Pedagogy), Master of Linguistics, Independent Researcher, Yakutsk, Russian Federation, ORCID: 0009-0001-6712-8274, SPIN: 6599-0137, Author ID: 822726

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 30.10.24

Принята к публикации / Accepted 14.01.25

УДК 811.512.153

<https://doi.org/10.25587/2222-5404-2025-22-1-198-208>

Оригинальная научная статья

Сравнительные полипредикативные конструкции с послелогом *чили* ‘как, как будто’ в хакасском языке

А. Н. Чугунекова

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан,

Российская Федерация

✉ Chugunekowa@yandex.ru

Аннотация

Актуальность данного исследования определяется недостаточной изученностью полипредикативных конструкций в хакасском языке. Целью работы являются выявление и описание полипредикативных конструкций сравнительной семантики с послелогом *чили* ‘как, как будто’ в хакасском языке. Наш материал показывает, что в хакасском языке, как и в других тюркских языках, одним из основных средств выражения сравнительных отношений являются аналитико-синтетические полипредикативные конструкции с послелогом *чили* ‘как, как будто’. Данный послелог является средством выражения сравнительных отношений между двумя событиями, который может формировать как моносубъектные, так и разносубъектные конструкции. В состав полипредикативной конструкции входит главная часть, которая является предметом сравнения, а зависимая – стандартом сравнения (или эталоном). Субъект зависимой части выступает в форме номинатива, зависимый предикат – в форме причастия прошедшего (=ган), настоящего (=чатхан) и будущего (=ар) времени в сочетании с послелогом *чили*. Сказуемое зависимой части часто опускается, поскольку передает то же действие, что и сказуемое главной части. В рассматриваемых конструкциях со сравнительным послелогом *чили* ‘как, как будто’ зависимая часть часто редуцируется до субъекта и обстоятельства (чаще обстоятельство времени). Конструкция с послелогом *чили* могут также передавать целевые и причинно-следственные и отношения. Материалом исследования стали примеры на хакасском языке, извлеченные путем сплошной выборки из произведений хакасских писателей, а также поэтических текстов. Перспективы дальнейшего исследования сравнительных полипредикативных конструкций с послелогом *чили* в хакасском языке видятся в привлечении сравнительного материала по другим тюркским языкам, который даст возможность выявить общее и специфичное в структуре и семантике рассматриваемых конструкций в сравниваемых языках.

Ключевые слова: сравнительные конструкции, сравнительный послелог, сравнение, сравнительная аналитико-синтетическая полипредикативная конструкция, сравнительные отношения, аналитико-синтетические полипредикативные конструкции, предмет сравнения, модуль сравнения, эталон сравнения, хакасский язык

Финансирование. Исследование не имело финансовой поддержки

Для цитирования: Чугунекова А. Н. Сравнительные полипредикативные конструкции с послелогом *чили* ‘как, как будто’ в хакасском языке. *Вестник СВФУ*. 2025, Т. 22, № 1. С. 198–208. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-1-198-208

Original article

Comparative polypredicative constructions with the postposition чили ‘as if’ in the Khakass language

Alyona N. Chugunekova

N. F. Katanov Khakass State University, Abakan, Russian Federation

✉ Chugunekowa@yandex.ru

Abstract

The relevance of this study is determined by the insufficient knowledge of polypredicative constructions in the Khakass language. The purpose of this article is to identify and describe the polypredicative constructions of comparative semantics with the postposition чили ‘as if’ in the Khakass language. Our material shows that in the Khakass language, as in other Turkic languages, one of the main means of expressing comparative relations are analytical-synthetic polypredicative constructions with the postposition чили ‘as if’. This postposition is a means of expressing comparative relations between two events, which can form both monosubject and multi-subject constructions. The composition of the polypredicative construction includes the main part, which is the subject of comparison, and the dependent part is the standard of comparison (or standard). The subject of the dependent part appears in the form of a nominative, the dependent clause – in the form of a past participle (=хан), present (=чатхан) and future (=ап) tense in combination with the postposition чили. The predicate of the dependent part is often omitted because it conveys the same action as the predicate of the main part. In the considered constructions with comparative postpositions, the dependent part is often reduced to the subject and the adverbial modifier (more often adverbial modifier of time). The construction with the postposition of чили can also convey target and cause-effect relations. The research material was examples in the Khakass language, extracted by continuous sampling from the works of Khakass writers, as well as poetic texts. The prospects for further research of comparative polypredicative constructions with the чили postposition in the Khakass language are seen in the involvement of comparative material on other Turkic languages, which will make it possible to identify common and specific features in the structure and semantics of the structures under consideration in the compared languages.

Keywords: comparative constructions, comparative postposition, comparison, comparative analytical-synthetic polypredicative construction, comparative relations, analytical-synthetic polypredicative constructions, subject of comparison, comparison module, comparison standard, Khakass language

Funding. No funding was received for writing this manuscript

For citation: Chugunekova A. N. Comparative polypredicative constructions with the postposition чили ‘as if’ in the Khakass language. *Vestnik of NEFU*. 2025, Vol. 22, No. 1. Pp. 198–208. DOI: 10.25587/2222-5404-2025-22-1-198-208

Введение

Сравнительные полипредикативные конструкции (далее – ППК) достаточно хорошо изучены в сибирских тюркских языках. Они рассматривались на материале якутского [1, 2], алтайского [3–7], шорского [8–10], тувинского [11–13], чалканского [14–15] языков. Хакасские сравнительные конструкции стали объектом внимания

Э. В. Султрековой (Кыржинаковой) [16]. Автор уделяет внимание лексическим и морфологическим средствам выражения сравнения в хакасском языке. Однако в плане выражения и содержания рассматриваемые конструкции на материале хакасского языка еще не рассматривались.

Теоретическая концепция М. И. Черемисиной по сравнительным конструкциям [17] легла в основу многих исследований по тюркским языкам Сибири и продолжают развиваться в трудах исследователей новосибирской синтаксической школы. Так, в статье Н. Б. Кошкаревой и И. М. Плотникова «Метаязык описания семантики сравнения как языкового знака» предлагается понятийно-терминологический аппарат для описания сравнительных конструкций в языках разных систем: «CMPR1 – первый компарат (предмет сравнения); CMPR2 – второй компарат (стандарт, эталон сравнения); REL – отношение (суждение о сходстве или различии компаратов); PRM – параметр сравнения (свойства компаратов, являющиеся основанием для их сопоставления)» [18]. Предложенные термины и понятия активно используются в работах по сравнительным конструкциям в тюркских языках Сибири [7, 14, 15].

В данной статье при анализе сравнительных ППК в хакасском языке мы также будем использовать данный терминологический аппарат.

Структуру сравнительной конструкции составляют четыре компонента: «1) предмет сравнения – это то, что сравнивается; 2) эталон сравнения – то, с чем сравнивается предмет; 3) показатель сравнительных отношений и 4) модуль сравнения, который обозначает общее свойство или признак, на основании которого проводится сравнение» [5, с. 138]. М. И. Черемисина отмечает, что «именно показатель сравнения, его вхождение в конструкцию делает содержащий его компонент «компаративным компонентом», а всю конструкцию – сравнительной конструкцией» [19, с. 57].

Сравнительные конструкции в хакасском языке передаются синтетическими и аналитико-синтетическими ППК. Самым распространенным и активно используемым является аналитико-синтетическая ППК с послелогом *чили* ‘как, как будто’. Аналогичное мы наблюдаем в алтайском [7] и чалканском [14] языках.

В данной статье на материале хакасского языка аналитико-синтетический тип полипредикативных сравнительных конструкций с послелогом *чили* ‘как, как будто’ описывается впервые.

Для хакасского языка выделяем конструкции с собственно-сравнительным и несобственно-сравнительным значениями с послелогом *чили* ‘как, как будто’.

Собственно-сравнительные конструкции с послелогом *чили*

При помощи послелога *чили* ‘как, как будто’ в хакасском языке, как и в других языках, «выражаются отношения сходства двух событий или действий». Согласно мнению Н. Н. Фединой и Н. Б. Кошкаревой, «в полном виде аналитико-синтетическая ППК включает две части» [14, с. 56]. Так, в рассматриваемых конструкциях главная предикативная единица (ГПЕ) представляет предмет сравнения или первый компарат (CMPR1), зависимая предикативная единица (ЗПЕ) – стандарт сравнения или второй компарат (CMPR2). Субъект ЗПЕ – имя в форме номинатива, предикат – причастная форма прошедшего времени на *=ган*, настоящего на *=чатхан* и будущего на *=ар* в сочетании с послелогом *чили/чилеп*¹ ‘словно, подобно, как’. Послелог *чили* выступает показателем сравнительных отношений (REL).

¹ Вариант *чилеп* в хакасском языке чаще выступает как диалектный, например: *Милице сынап таа, тигірдең тўскен чилеп чиде салды* (МК II, 214) ‘И вправду милиция приехала так быстро, как с неба свалилась’.

Общую структурную схему подобных конструкций представляем в следующем виде:

$\{[N_{Nom} Tv=PART]_{CMPR2} \text{ чіли } REL\}_{ЗПЕ} \{[N_{Nom} V_f]_{CMPR1}\}_{ГПЕ}$

(1) Тамаанда ниме-де турыбысхан чіли, апсах иледе тапсабин одырған [ВТ АТ, 222].

тамаа=нда ниме-де тур=ыбыс=хан чіли апсах=Ø
горло=LOC что-то стоять=PFV=PART COMP старик=NOM

иледе тапса=бин одыр=ған
много говорить=NEG сидеть=PAST

‘Старик долго сидел молча, как будто (у него) в горле застряло что-то’.

В хакасском языке очень часто в примерах встречается «интерпозиция ЗПЕ, при которой высказывание начинается с субъекта ГПЕ, а завершается предикатом ГПЕ» [14, с. 56], например:

(2) Сабис, тал парған чіли, иб төзінде көк отта одырған [НД БИА, 75].

Сабис=Ø тал пар=ған чіли
Сабис=NOM терять сознание AUX: идти=PAST COMP

иб=Ø төзі=нде көк от=та одыр=ған
дом=NOM основание=LOC зеленый трава=LOC сидеть=PAST

‘Сабис сидел возле дома на зеленой траве так, как будто потерял сознание’.

(3) Хапың, іңенең не сасхан чіли, тітіреңні түскен [НД БИА, 90].

Хапың=Ø іңе=нең не сас=хан
Хапын=NOM игла=INSTR PCTL вонзить=PAST

чіли тітіреңні түс=кен
COMP дрожать спускаться=PAST

‘Хапын вздрогнул, как будто воткнули в него иглу’.

В хакасском языке, как и в алтайском и чалканском языках, частотны конструкции с *чіли*, в которых «зависимая часть редуцируется до субъекта» [7, 14], «а параметр сравнения опускается, поскольку он ассоциируется с семантикой субъекта второго компарата или сказуемого первого компарата, или одновременно и того, и другого» [14, с. 56].

(4) Хусхацахтар улуғ тойдағы чон чіли сууласчалар [НД БИА, 77].

хусхацах=тар улуғ той=дағы чон=Ø чіли
птичка=PL большой свадьба=ADJ народ=NOM COMP

суула=с=ча=лар
шуметь=RECIP=PRES=PL

‘Птички шумят, как люди на большой свадьбе’.

См. также другие примеры:

(5) Суғ үстү орчың чіли тірлектенген [НД БИА, 95].

суғ=Ø үстү орчың=Ø чіли тірлектен=ген
вода=NOM вверх клубок=NOM COMP кружиться=PAST

‘Поверхность воды кружилась как клубок’.

Также нередко встречаются примеры с утвердительной частицей *-ох/-өк* ‘также’, ‘тоже’, которая присоединяется ко второму компарату и вносит оттенок подтверждения. Эти частицы со словами пишутся слитно, при этом имена, оканчивающиеся на гласный, обычно теряют конечный гласный [20, с. 249]: *чахсы* ‘хороший’ – *чахс^{ох}*, *паза* ‘еще’ – *паз^{ох}* и др.

(6) *Стех хам олаңай кізілерөк чіли чыылган* [НТ АХ, 8].

Стех=Ø	хам=Ø	олаңай	кізі=лер=өк
Стех=NOM	шаман=NOM	простой	человек=PL=PTCL

чіли	чыыл=ған
COMP	хоронить=PAST

‘Шаман Стех был похоронен также, как и обычные люди’.

В примере (6) частица *-өк* подтверждает противопоставление между объектами ГПЕ и ЗПЕ (*Стех* и *другие люди*).

Как показывает собранный нами языковой материал, второй компарат может редуцироваться до обстоятельства (примеры (7), (8)).

(7) *Анзы пайаагы чіли амыр чоохтанча* [ВТ АТ, 203].

анзы	пайаагы	чіли	амыр	чоохтан=ча
тот	недавний	COMP	спокойно	говорить=PRES

‘Тот (парень), как и в тот раз, говорит спокойно’.

(8) *Кичеегі чіли, хайда-да чар хазында, чалгызан одырбинча* [ВТ АТ, 186].

кичеегі	чіли	хайда-да	чар=Ø
вчерашний	COMP	где-то	берег=NOM

хаз=ы=нда	чалгызан	одыр=бин=ча
край=POSS.3SG=LOC	один	сидеть=NEG=PRES

‘Не сидит одна где-то на берегу реки как вчера’.

В (9) и (10) представлены примеры «сравнения абстрактных компаратов, которые не соотносятся с конкретными предметами или событиями действительности» [7, с. 265]:

(9) *Ырлас, чалын на чіли, чалбырабысхан...* [ВТ АТ, 57].

ырлас=Ø	чалын=Ø	на	чіли	чалбыра=быс=хан
вражда=NOM	пламя=NOM	PTCL	COMP	гореть=PFV=PAST

‘Вражда вспыхнула как пламя’.

(10) *Сагыстары, суг агынынча инчеткен киме чіли, табырах чүгүрчеткен* [ВТ АТ, 126].

сагыс=тар=ы	суг=Ø	агын=ы=нча
мысль=PL=POSS.3	вода=NOM	течение=POSS.3SG=PROLAT

ин=четкен	киме=Ø	чіли	табырах	чүгүр=четкен
спускаться=PrP	лодка=NOM	COMP	быстро	бежать=PAST

‘Мысли бежали быстро, как лодка, которая плывет по течению реки’.

В хакасском языке в сравнительных ППК часто используется усилительная частица *на/не*, которая всегда занимает позицию между вторым компаратом и послелогом *чіли*. Эти частицы усиливают значение второго компарата:

(11) *Харахтарын алчаахчатхан на чіли көрче* [ИТ ХӨ, 12].

харах=тар=ы=н	алчаах=чатхан	на
глаз=PL=POSS.3SG=ACC	дуреть=PRES	PTCL

чіли	көр=че
COMP	смотреть=PRES

‘Смотрит так, будто с ума сошел’.

В хакасском языке, как и в других тюркских языках, «часто встречаются примеры, в которых стандарт сравнения имеет определение, выраженное причастной формой прошедшего времени на =ган» [7, с. 265].

Так, «между редуцированной ЗПЕ и предикативной единицей, выраженной определительной конструкцией, могут возникать причинно-следственные отношения» [7, с. 265]. Таким образом, в примере (12) *kızı хойбаңнапча* ‘человек кривляется’ – редуцированная ЗПЕ, *искен арагаа көөн парган кизи* ‘опухший от выпитой водки человек’ – предикативная единица, выраженная определительной конструкцией:

(12) *Аркадий, искен арагаа көөн парган кизи чили, аардаң аар ла хойбаңнапча* [BT AT, 203].

Аркадий=Ø	ис=кен	арагаа=a	көөн
Аркадий=NOM	пить=PAST	вино=DAT	вздуться.CV

пар=ган	чили	аар=даң	аар
AUX: идти=PAST	COMP	тяжело=ABL	тяжело

ла	хойбаңна=п=ча
PTCL	извиваться=CV=PRES

‘Аркадий все тяжелей и тяжелей кривляется, словно человек, который выпил вина’.

Или другой пример:

(13) *Сурагчы, үгрет салган адай чили, сах андох тура хонган* [НД БЯ, 170].

сурагчы=Ø	үгрет	сал=ган	адай=Ø
следователь=NOM	учить	класть=PAST	собака=NOM

чили	сах	анд=ох	тур=a	хон=ган
COMP	именно	там=PTCL: же	вставить=CV	AUX: ночевать=PAST

‘Следователь тут же встал, точь-в-точь как собака, которого надрессировали’.

Несобственно-сравнительные конструкции с послелогом чили

В хакасском языке конструкции с послелогом *чили* могут передавать причинно-следственные и целевые значения. Аналогичные конструкции наблюдаются и в алтайском языке [7, с. 266].

Целевое значение представлено конструкцией, в которой послелог *чили* присоединяется к зависимому сказуемому, выраженному инфинитивной аналитической конструкцией с глаголом *ти*= ‘говорить’ в форме прошедшего времени на =ган ([Tv=басха *ти*=ген (теен) *чили*]). В таких конструкциях инфинитив обычно используется в отрицательном аспекте (=басха/=беске):

(14) *Кизилер, пабам уйгузын чарбыхтырбасха теен чили, сыбыраза чоохтасханнар* [НТ ТКÖ, 65].

кизи=лер	паба=м	уйгу=зы=н
человек=PL	отец=POSS.1SG	сон=POSS.2SG=ACC

чарбыхтыр=басха	теен	чили
рассеивать=INF.NEG	говорить.PAST	COMP

сыбыра=з=a	чоохтас=хан=нар
шептать=RECIP=CV	разговаривать=PAST=PL

‘Люди, чтобы не разбудить отца, разговаривали шепотом’.

Также, на наш взгляд, в хакасском языке в конструкции, где зависимая часть выражена причастием в будущем времени (=ар) с послелогом *чили* ([Tv=ар *чили*]) можно увидеть целевое прочтение:

(15) *Мин аныңзар, ол амох усхунар чили, харах албин, көр турғам* [НТ ТКÖ, 65].

мин=Ø а=ның=зар ол=Ø ам=ох
я=NOM он=POSS.3SG=DAT он=NOM сейчас=PTCL:же

усхун=ар чили харах=Ø ал=бин
просыпаться=FUT COMP глаз=NOM братъ=CV.NEG

көр тур=ғам
смотреть стоять=PRES.1.SG

‘Я смотрел на него не отводя глаз, как будто он сейчас проснется’.

В хакасском языке сравнительные конструкции с послелогом *чили* можно часто встретить в поэтических текстах. В них обычно ГПЕ предшествует ЗПЕ:

(16) *Ниске үннең тапсапча питуғас, / Ханаттарынаң саң чили саап* [ФТ, ГК 25].

ниске үн=нең тапса=п=ча питуғас=Ø
тонкий голос=INSTR произносить=CV=PRES петушок=NOM

ханат=тар=ы=наң саң=Ø чили саап
крыло=PL=POSS.3=INSTR колокол=NOM COMP бить.CV

‘Тонким голосом поет петушок, / Размахивая крыльями как колокольчик’.

(17) *Нап-наа чаған кўмўс харлар чатча, / Аппағас нымзах төзек чили* [ФТ, ГК, 107].

нап-наа чағ=ан кўмўс=Ø хар=лар
совершенно новый идти=PAST серебро снег=PL

чат=ча аппағас нымзах төзек=Ø чили
лежать=PRES белый-белый мягкий постель=NOM COMP

‘Лежит только что выпавший снег, / Как совершенно белая постель’.

(18) *Часхы Төд суғ пазох хайлапча, / Хайчы Апанис ле чили* [ФТ, ГК, 115].

часхы Төд=Ø суғ=Ø пазох
весенний Тея=NOM река=NOM снова

хайла=п=ча хайчы=Ø Апанис=Ø
исполнять тахпахи¹=CV=PRES хайджи=NOM Апанис=NOM

ле чили
PTCL COMP

‘Весенняя река Тея снова запела как хайджи Апанис’.

Заключение

Таким образом, в хакасском языке ППК с послелогом *чили* ‘как, как будто’ передают сравнительные отношения между двумя событиями. Показателем связи между двумя событиями в сравнительных конструкциях выступает послелог *чили* ‘как, как будто’, который формально принадлежит зависимой части. Под первым компаратом (в ГПЕ) выступает реальное событие, под вторым компаратом (в ЗПЕ) – нереальное, вымышленное событие. В результате редукции в рассмотренных примерах остаются только те компоненты, которые необходимы для выражения сравнения. Главная часть обычно сохраняется в полном виде, а в зависимой части остается только один субъект, к которому непосредственно примыкает послелог *чили* ‘как, как будто’. Предикат зависимой части, который может быть восстановлен из контекста, часто опускается. Кроме того, в хакасском языке конструкции с послелогом *чили* ‘как, как будто’ передают далекие от сравнительных конструкций отношения – целевые и причинно-следственные.

Список условных обозначений грамматических значений в глоссах

= – граница между морфемами; Ø – нулевая морфема;; 1, 3 – 1-е, 3-е лицо; ABL – аблатив; ADJ – адъектив; AUX – вспомогательный глагол; CMPR1 – первый компарат (предмет сравнения); CMPR2 – второй компарат (эталон, или стандарт, сравнения); COMP – компаративный показатель; CV – деепричастие; CV.NEG – отрицательное деепричастие; DAT – датив INSTR – инструменталис; LOC – локатив; N – имя существительное; NEG – аффикс отрицания; NOM – номинатив; PART – причастие; PAST – форма прошедшего времени; PL – множественное число; POSS – посессивный (лично-притяжательный) аффикс; PRES – форма настоящего времени; PRM – параметр сравнения; PROLAT – аффикс продольно-направительного падежа; PrP – причастие настоящего времени на =чатхан; PTCL – частица; PFV – совершенный вид; RECIP – реципрок; REL – показатель сравнительных отношений; SG – единственное число; Tv – основа глагола; Vf – финитная форма глагола.

Л и т е р а т у р а

1. Васильев Ю.И. *Способы выражения сравнения в якутском языке*. Новосибирск: Наука; 1986:112.
2. Ефремов Н.Н., Прокопьева А.К., Озонова А.А. Образные сравнительные конструкции в эпическом тексте (на материале якутского олонхо «Дьулуруйар Ньургун Боотур» и алтайского героического эпоса «Маадай-Кара»). *Категория образности в языке (на материале сопоставления якутского языка с казахским, киргизским, алтайским и монгольским языками)*. Якутск: Издательский дом СВФУ; 2019:196.
3. Тыбыкова Л.Н. Способы выражения сравнения в алтайском языке. *Вопросы алтайского языкознания*. Горно-Алтайск; 1988:111-127.
4. Тыбыкова Л. Н. *Сравнительные конструкции алтайского языка*: Автореф. дис. ... к. филол. н. Алма-Ата; 1989:17.
5. Тыбыкова А.Т., Черемисина М.И., Тыбыкова Л.Н. *Синтаксис осложненного предложения в алтайском языке*. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ; 2013:268.
6. Озонова А.А. Способы выражения сравнения в алтайском эпосе (на материале эпоса «Очы-Бала»). *Эпосоведение*. 2023;(3):42-55 <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2023-3-42-55>
7. Озонова А.А. Сравнительная полипредикативная конструкция с послелогом чылап / чилеп 'как, как будто' в алтайском языке. *Сибирский филологический журнал*. 2023;(4):260-271 <https://doi.org/10.17223/18137083/85/19>
8. Антонова Ю.В. Сравнительные конструкции в составе простого предложения с аналитическими показателями сравнения в шорском языке. *Вестник ТГПУ*. 2012;116(1):267-271.
9. Невская И.А. Типологические особенности шорских эквативных и симилиативных конструкций. *Сибирский филологический журнал*. 2022;4:286-299 <https://doi.org/10.17223/18137083/81/22>
10. Шенцова И.В. Прагматика компаративных конструкций в эпических текстах тюрков СаяноАлтая. *Критика и семиотика*. 2022;(2):158-173 <https://doi.org/10.25205/2307-1737-2022-2-158-173>
11. Черемисина М.И., Шамина Л.А. Выражение сравнения в тувинском языке. *Языки коренных народов Сибири*. Новосибирск. 1996;(3):65-84.
12. Шамина Л.А. *Полипредикативные синтетические предложения в тувинском языке*. Новосибирск: Сибирский хронограф; 2001:249.
13. Шамина Л.А. Модус-диктумные сравнительные бипредикативные конструкции тувинского языка. *Сибирский филологический журнал*. 2014;(2):189-199.
14. Федина Н.Н., Кошкарева Н.Б. Редукция как механизм варьирования сравнительных аналитико-синтетических полипредикативных конструкций с послелогом шылап // шылап

// шынап ‘как, как будто’ в чалканском языке. *Языки и фольклор коренных народов Сибири*. 2023;46(2):53-64. DOI 10.25205/2312-6337-2023-2-53-64

15. Федина Н.Н., Кошкарева Н.Б., Плотников И.М. Сравнительные конструкции с полифункциональной лексемой уш ‘как; такой же’ как средство формирования образности в чалканском фольклоре. *Эпосоведение*. 2023;32(4):62-75. DOI 10.25587/2782-4861-2023-4-62-75

16. Султрекова (Кыржинакова) Э.В. *Сравнительные конструкции хакасского языка*. Абакан: Хакас. кн. изд-во; 2017:324.

17. Черемисина М.И. *Сравнительные конструкции русского языка*. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние; 1976:251.

18. Кошкарёва Н.Б., Плотников И.М. Метаязык описания семантики сравнения как языкового знака. *Критика и семиотика*. 2023;(2):180-216. DOI 10.25587/2782-4861-2023-4-62-75

19. Черемисина М.И. *Некоторые вопросы синтаксиса (сравнительные конструкции русского языка)*. Новосибирск: НГУ; 1971:181.

20. Баскаков Н.А. *Грамматика хакасского языка*. Москва: Наука; 1975:417.

Список источников

ВТ АТ – Татарова В.К. Аат табызы: Повести. Абакан: Хакасское отделение Красноярского кн. изд., 1991. 232 с.

ИТ ХО –Топоев И.П. Хоңалтах өдік-2. Болтунишка-2: чоохтар. Сборник юмористических рассказов на хакасском языке /И. Топоев. – Абакан: Дом литераторов Хакасии, 2014. 185 с.

МК П – Кильчичаков М.Е., Шулбаева В.Г., Митхас Туран, Котожеков Г.Г. Пьесалар. «Всходы». – Сборник пьес. Абакан: Хак. издат., 1991. 264 с.

НД ЫА – Доможаков Н. Г. Ыраххы аалда. Роман. Абакан: Хакас. отд. Краснояр. кн. изд-ва, 1975. 256 с.

НТ АХ – Тиников Н.Е. Арчот хам: сб. рассказов для детей старшего школьного возраста / Н. Тиников. Абакан: Дом литераторов Хакасии, 2011. 160 с.

НТ ТКӨ – Тиников Н. Е. Тiрiг кiзi өлбeцeң: Живые не умирают: Повести. Абакан: Хакас. отд-ние Красноярск. книжн. изд-ва, 1982. 240 с.

ФТ, ГК – Тохтобин Ф.С., Кичеев Г.В. Вечерние узоры. Сборник стихов. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1993. 128 с.

ХРС – Хакасско-русский словарь = Хакас-орыс сөстiк. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.

References

1. Vasiliev YuI. *Ways of expression of comparison in the Yakut language*. Novosibirsk: Nauka; 1986:111 (in Russian).

2. Efremov NN, Prokopieva AK, Ozonova AA. Figurative comparative constructions in the epic (based on the material of the Yakut olonkho “Nyurgun Bootur the Swift” and the Altai heroic epic “Maadai-Kara”). In: *Category of imagery in the language (based on the comparison of the Yakut language with the Kazakh, Kyrgyz, Altai and Mongolian languages)*. Yakutsk: NEFU Publishing House; 2019:134-146 (in Russian).

3. Tybykova LN. Means of expressing comparison in the Altai language. *Problems of the Altai philology*. Gorno-Altaysk; 1988:111-127 (in Russian).

4. Tybykova LN. Comparative constructions of the Altai language. Summary of Candidate’s dissertation (Philology). Alma-Ata. 1989:17 (in Russian).

5. Tybykova AT, Cheremisina MI, Tybykova LN. *Syntax of a complicated sentence in the Altai language*. Gorno-Altaysk; 2013:268 (in Russian).

6. Ozonova AA. Expression of comparison in Altaian epic (based on the epic “Ochi-Bala”). *Epic studies*. 2023;(3):42-55 <https://doi.org/10.25587/2782-4861-2023-3-42-55> (in Russian).

7. Ozonova AA. Comparative polypredicative construction with the postposition chylap/chilep ‘as if’ in the Altai language. *Siberian Journal of Philology*. 2023;(4):260-271 <https://doi.org/10.17223/18137083/85/19> (in Russian).

8. Antonova YuV. Comparative structures composed of simple sentences with analytic performance comparison in Shor language. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2012;1(116):267-271 (in Russian).
9. Nevskaya IA. Typological features of Shor equative and simulative constructions. *Siberian Journal of Philology*. 2022;(4):286-299 <https://doi.org/10.17223/18137083/81/22> (in Russian).
10. Shentsova IV. Pragmatic aspect of comparative constructions in the Sayano-Altai Turks' epic texts. *Critique and Semiotics*. 2022;(2):158-173 <https://doi.org/10.25205/2307-1737-2022-2-158-173> (in Russian).
11. Cheremisina MI, Shamina LA. Expression of comparison in the Tuvan language. *Languages of indigenous peoples of Siberia*. Novosibirsk: 1996;(3):65-84 (in Russian).
12. Shamina LA. *Polipredicative synthetic sentences in the Tuvan language*. Novosibirsk, 2001:249 (in Russian).
13. Shamina LA. Modus-dictum comparative bipredicative constructions in the Tuvan language. *Siberian Journal of Philology*. 2014;(2):189-199 (in Russian).
14. Fedina NN, Koshkareva NB. Reduction as a mechanism of variation of comparative analytical-synthetic polypredicative constructions with the postposition *shylap*, or *schylap*, or *schynap* 'as if' in the Chalkan language. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2023;2(46):53-64 DOI 10.25587/2782-4861-2023-4-62-75 (in Russian).
15. Fedina NN, Koshkareva NB, Plotnikov IM. Comparative constructions with the multifunctional lexeme *ush* 'as; the same as' as a means of forming figurativeness in Chalkan folklore. *Epic studies*. 2023(4):62-75. DOI 10.25587/2782-4861-2023-4-62-75 (in Russian).
16. Sultrekova (Kyrzhinakova) EV. *Comparative constructions of the Khakass language*. Abakan: Khakass Book Publishing House; 2017:324 (in Russian).
17. Cheremisina MI. *Comparative constructions in the Russian language*. Novosibirsk: Nauka; 1976:251 (in Russian).
18. Koshkareva NB, Plotnikov IM. Metalingistic representation of the semantics of comparison as a linguistic sign. *Critique and Semiotics*. 2023;(2):180-216. DOI 10.25587/2782-4861-2023-4-62-75 (in Russian).
19. Cheremisina MI. *Some problematic issues of the syntax (Russian comparative constructions)*. Novosibirsk: NSU; 1971:181 (in Russian).
20. Baskakov NA (ed). *Grammar of the Khakass language*. Moscow: Nauka; 1975:417 (in Russian).

List of sources

- Tatarova V.K. The cry of the turpan. Abakan: Khakass branch of Krasnoyarsk Book Publishing House, 1991, 232 p (in Khakass).
- Topoev I.P. Chatterbox-2: chokhtar. Collection of humorous stories in the Khakass language. Abakan: House of Writers of Khakassia, 2014, 185 p (in Khakass).
- Kilchichakov M.E., Shulbaeva V.G., Mitkhas Turan, Kotozhkeov G. G. "Sprouts." A collection of plays. Abakan: Publishing House; 1991, 264 p (in Khakass).
- Domozhakov N.G. Yrakhy aalda. A novel. Abakan: Khakass branch of Krasnoyarsk Book Publishing House, 1975, 256 p (in Khakass).
- Tinikov N.E. Archot ham: collection of stories for high school children. Abakan: Central House of Writers of Khakassia, 2011, 160 p (in Khakass).
- Tinikov N.E. The living do not die: Stories. Abakan: Khakass branch of Krasnoyarsk Book Publishing House, 1982, 240 p (in Khakass).
- Tokhtobin F.S., Kicheev G.V. Evening ornaments: A collection of poems. Abakan: Khakass Book Publishing House, 1993, 128 p (in Khakass).
- Khakass-Russian dictionary. Novosibirsk, Nauka; 2006, 1114 p.

Сведения об авторе

ЧУГУНЕКОВА Алена Николаевна – д. филол. н., доцент, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», г. Абакан, Российская Федерация, ORCID: 0000-0003-1046-5699, Researcher ID: M - 6869-2018, Scopus Author ID: 57219597991, SPIN: 2338-3180

E-mail: Chugunekowa@yandex.ru

Information about the author

Alyona N. CHUGUNEKOVA – Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Humanities and Sayano-Altai Turkology, N. F. Katanov Khakass State University, Abakan, Russian Federation, ORCID: 0000-0003-1046-5699, Researcher ID: M - 6869-2018, Scopus Author ID: 57219597991, SPIN: 2338-3180

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests

Поступила в редакцию / Submitted 11.11.24

Принята к публикации / Accepted 26.11.24

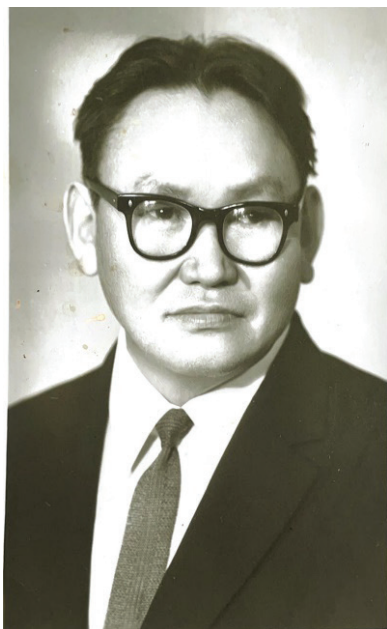

К юбилею ученого, литературного критика, педагога ЯГУ-СВФУ Гаврила Гавриловича О कोरोкова (1925–1990)

И. Г. Семенова, В. Г. О कोरोкова, С. И. Семенов, В. Б. О कोरोкова, В. Г. Семенова

г. Якутск, Российская Федерация

✉ bokorsaisar@mail.ru

3 февраля 2025 г. литературоведу, литературному критику, кандидату филологических наук, члену Союза писателей СССР, Союза писателей Якутии, редколлегии «Полярная звезда», «Хотугу сулус», доценту кафедры якутского языка и литературы историко-филологического факультета Якутского государственного университета имени М.К. Аммосова Гаврилу Гавриловичу О कोरोкову исполнилось бы 100 лет. Гаврил Гаврилович родился 3 февраля 1925 г. в селе Сатагай Алтанского наслега Амгинского района Якутской АССР.

В 1953 г. Гаврил Гаврилович окончил Московский библиотечный институт, где получил фундаментальные знания по библиографии литератур народов России у известных ученых, внесших весомый вклад в развитие советской библиотечной науки.

В 1953–1956 гг. начал свою трудовую деятельность по специальности ученого секретаря Якутской республиканской библиотеки имени А.С. Пушкина, где начал серьезно заниматься литературной критикой. В 1956 г. окончил вечерний университет марксизма-ленинизма при Якутском горкоме КПСС, поступил в аспирантуру Якутского филиала Академии наук СССР по специальности «Якутская литература». Был принят в КПСС в 1958 г.

С 1960-х гг. Гаврил Гаврилович – член Союза писателей Якутии, много лет был заведующим отделом критики и публицистики, членом редколлегии журналов «Хотугу сулус» и «Полярная звезда». Член Союза писателей СССР с 1973 года.

Гаврил Гаврилович О कोरोков внес значительный вклад в развитие высшего образования по якутской литературе. С 1965 по 1990 гг. был на преподавательской работе в ЯГУ. Защитил кандидатскую диссертацию на тему «Концепция мира и человека в поэзии А.Е. Кулаковского» в Институте мировой литературы имени А.М. Горького в 1971 г.

Когда в 1956 г. педагогический институт был преобразован в Якутский государственный университет, кафедра якутского языка и литературы была расширена. С середины 1960-х годов возросло число литературных работ кафедры. Старшими преподавателями работали литературные критики Г. Р. Кардашевский, Г. Г. О कोरोков, В. Н. Прото дьяконов, Е. П. Шестаков. Начали функционировать научные кружки по якутской литературе, студенты принимают участие в студенческих конференциях ЯГУ.

Под руководством доцентов И. Г. Спиридонова и Г. Г. О कोरोкова впервые разработаны более совершенные научные программы университетских курсов «Якутский фольклор», «История якутской литературы». Из опубликованных трудов кафедры следует отметить два сборника статей и выступлений члена Союза писателей СССР Г. Г. О कोरोкова «Традиции и поиск», «Высота души». К 1984 г. выпущено научной и научно-методической литературы общим объемом около 60 печатных листов.

Сотрудники кафедры ведут важную работу по составлению стабильных учебников языка и литературы для национальных школ автономной республики. Так, Г. Г. О कोरोков – автор и редактор стабильного учебника-хрестоматии «Якутская литература» для 8–10 классов (А. Е. Мординов. Историко-филологический факультет // В кн. «Якутский государственный университет». К 50-летию высшей школы в Якутии, 1984 г. С. 82, 83, 84.)

В 1963 г. вышла первая биобиблиография якутской литературы В. Прото дьяконова и Н. Алексеева, снабженная вступительной статьей Г. О कोरोкова «Литература Советской Якутии», где он подробно останавливается на каждом этапе развития якутской литературы, раскрывает его характерные черты. Г. О कोरोков «кладет начало делу освещения творчества зачинателей якутской литературы А. Кулаковского, А. Софронова, Н. Неустроева и основоположника якутской советской литературы П. Ойунского, где в полной мере раскрылась их подлинная роль в становлении якутской литературы» (И.Г. Спиридонов, Биобиблиография якутской литературы в ж. «Вопросы литературы», 1963, № 11, с. 252-253).

«Можно сказать с полной ответственностью: наконец, за разбор творчества А.Е. Кулаковского взялся якутский ученый, хорошо вооруженный всем арсеналом современного советского литературоведения, тонко разбирающийся во всей ее проблематике. Поэтому Г.Г. О कोरोкову удалось написать труд, находящийся на уровне советского литературоведения, полностью отвечающий всем его требованиям» (из рец. И. В. Пухова к работе Г. Г. О कोरोкова «Концепция мира и человека в поэзии А.Е. Кулаковского», с. 1, 2).

Известный советский литературовед М. Н. Пархоменко на шестом пленуме Союза писателей РСФСР отметил, что Г. О कोरोков сочетает теоретические суждения, экскурсы в историю с активным вмешательством в текущий литературный процесс (из кн. «Новые горизонты як. литры», 1976 г., с. 169).

Гаврил Гаврилович О कोरोков первым из якутских литературоведов дал полную картину истории ускоренного развития якутской литературы в сравнении и неразрывной связи с другими младописьменными литературами народов Сибири и Дальнего Востока и опубликовал свои работы в центральных изданиях литературных журналов и газет, тем самым стал «популяризатором» творчества якутских писателей и истории развития якутской литературы за пределами республики (Г. Г. Филиппов. Киһи үлэтин үрдэллэрэ. Хотугу сулус. – 1985. – № 2. – С. 91–95).

Он печатался в Большой советской энциклопедии (1978, т. 30, с. 1469-1471), Краткой литературной энциклопедии (1975, т. 8, с. 1072 – 1076), а также в издательстве «Советский писатель», в газетах «Литературная Россия», «Правда»,

«Шыын» (Тува), «Молот» (Удмуртия), в журналах «Вопросы литературы», «Дружба народов», «Детская литература», «Огонек», «Хотугу сулус», «Полярная звезда» и др.

Его учениками были Филиппов Гаврил, Околоков Вячеслав, Колодезников Степан, Попов Семен, Неймохов Егор, Илларионов Василий, Босиков Василий, Захарова Раиса, Слепцова Евдокия, Брызгалов Николай, Винокуров Иван, Харитонов Павел, Лиханов Владимир, Зыкова Прасковья, Лугинова Мария, Околокова Варвара, Сивцева Валентина, Бурцева Наталья, Левин Герасим, Жиркова Римма, Егинова Сардана, Софронова Линда, Алексеев Иван и другие. Многие из них стали высококвалифицированными специалистами, известными людьми, писателями, учеными, общественными деятелями.

Его имя увековечено в изданиях «Писатели национальных литератур Восточной Сибири. 1965–1974» (1978), в биобиблиографических справочниках «Писатели Якутии» (1981, 1995), в биобиблиографическом справочнике «Писатели земли Олонхо» (2000), в Энциклопедическом словаре Якутии издательства «Наука» г. Новосибирска (2018), в библиографическом справочнике «Писатели Якутии» (2019), в народной энциклопедии «Учитель, перед именем твоим...» издательства «Айар» (2023) и во многих опубликованных статьях о нем в книгах, сборниках, журналах, газетах, в воспоминаниях его современников, коллег, учеников, родственников, детей и внуков.

За многолетний и добросовестный труд в подготовке высококвалифицированных специалистов, за достижения в научно-исследовательской деятельности Гаврил Гаврилович Околоков был награжден Почетной грамотой Верховного Совета ЯАССР, Почетными грамотами Министерства высшего образования РСФСР и других министерств и ведомств ЯАССР.

СЕМЕНОВА Ирина Гаврильевна – Почетный работник просвещения и воспитания РФ, отличник образования РС (Я), методист Якутии, дочь Г. Г. Околокова

ОКОРОКОВА Варвара Гавриловна – врач-терапевт, дочь Г. Г. Околокова

СЕМЕНОВ Сергей Иннокентьевич – д. м. н., в. н. с. НИЦ МИ СВФУ им. М.К. Аммосова, зять Г. Г. Околокова

ОКОРОКОВА Варвара Борисовна – д. филол. н., профессор кафедры якутской литературы Института языка, культуры народов Северо-Востока РФ СВФУ им. М.К. Аммосова, литературный критик, член СП РС (Я).

СЕМЕНОВА Валентина Григорьевна – д. филол. н., зав. каф. якутской литературы Института языка, культуры народов Северо-Востока РФ СВФУ им. М.К. Аммосова, член МСПС и СП РС (Я).

Irina G. SEMYONOVA – Honorary Worker of Education and Upbringing of the Russian Federation, Excellent Educator of the Sakha Republic (Yakutia), Methodologist of Yakutia, G. G. Okorokov's daughter

Varvara G. OKOROKOVA – General Physician, G. G. Okorokov's daughter

Sergei I. SEMYONOV – Dr. Sci. (Medicine), Leading Researcher, Research Center of the Institute of Medicine, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, G. G. Okorokov's son-in-law

Varvara B. OKOROKOVA – Dr. Sci. (Philology), Professor, Department of Yakut Literature, Institute of Languages and Cultures of the Peoples of the Northeast, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Literary critic, Member of the Writers' Union of the Sakha Republic (Yakutia).

Valentina G. SEMYONOVA – Dr. Sci. (Philology), Head of the Department of Yakut Literature, Institute of Languages and Cultures of the Peoples of the Northeast, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Member of the International Community of Writers' Union, Member of the Sakha Republic (Yakutia) Writers' Union.

To the anniversary of Gavril Gavrilovich Okorokov (1925-1990), scientist, literary critic, academic of YSU-NEFU

*Irina G. Semyonova, Varvara G. Okorokova, Sergei I. Semyonov,
Varvara B. Okorokova, Valentina G. Semyonova*

Yakutsk, Russian Federation

✉ bokorsaisar@mail.ru

On 3 February 2025, Gavril Gavrilovich Okorokov, a literary critic, Candidate of Philological Sciences, member of the USSR Writers' Union and Yakutia Writers' Union, as well as an editorial board member of "Polyarnaya Zvezda" and "Khotugu Sulus", Associate Professor of the Department of Yakut Language and Literature of the Faculty of History and Philology at the M.K. Ammosov Yakutsk State University, would have turned 100 years old. Gavril Gavrilovich was born on 3 February 1925 in the Satagai village, Altansky nasleg, Amginsky district of the YASSR (Yakut Autonomous Soviet Socialist Republic).

In 1953, Gavril Okorokov graduated from the Moscow Library Institute, where he learned the basics of the bibliography of the literatures of the peoples of Russia from renowned scientists who made a significant contribution to the development of Soviet library science. From 1953 to 1956, he began his professional career as a scientific secretary of the A.S. Pushkin Yakutsk Republican Library, where he began to focus seriously on literary criticism. In 1956, he successfully graduated from the evening Marxism-Leninism course at the Yakutsk Committee of the CPSU (Communist Party of the Soviet Union). Furthermore, he was admitted to the postgraduate programme of the Yakutsk branch of Academy of Science of the USSR, specialising in Yakut Literature. In 1958, he was admitted to the CPSU.

Since the 1960s, Gavril Okorokov was a member of the Yakutia Writers' Union for many years. He held the position of Head of the Department of Criticism and Journalism. Moreover, he was a member of the editorial boards of the periodicals "Khotugu Sulus" and "Polyarnaya Zvezda". In 1973, he became a member of the USSR Writers' Union.

Gavril Okorokov made a significant contribution to the development of the Higher Education in Yakut Literature. From 1965 to the 1990s he taught at YSU, and in 1971 he defended the dissertation for the degree of Candidate of Philological Sciences at the A.M. Gorky Institute of the World Literature. The title of his dissertation was "The concept of world and man in A.E. Kulakovsky poetry".

In 1956, when the Pedagogical Institute was reorganised on the basis of Yakutsk State University, the Department of Yakut Language and Literature was expanded. Since the mid-1960s, the number of literary works increased, and literary critics in particular G.R. Kardashevsky, G.G. Okorokov, V.N. Protodyakonov and E.P. Shestakov worked as senior lecturers. The establishment of Yakut Literature research clubs were created and students began to participate in Yakutsk State University conferences.

For the first time, more advanced scientific programmes for the university courses "Yakut Folklore" and "History of Yakut Literature" were developed under the guidance of Associate Professors I.G. Spiridonov and G.G. Okorokov. The publications of the department include two collections of articles and speeches by G.G. Okorokov, a member of the Union of Writers of the USSR: "Traditions and Search", "Height of the Soul". By 1984, the total number of scientific and methodological works published about 60 printed sheets.

The academic staff of the Department undertook a significant role in creation of stable textbooks of language and literature for the national schools of the autonomous republic. For example, G.G. Okorokov is the author and editor of the stable textbook-anthology "Yakut Literature" for students from 8th to 10th grade (A.E. Mordinov. Faculty of History and Philology // "Yakutsk State University". To the 50th anniversary of the Higher Education in Yakutia, 1984, p. 82, 83, 84).

In 1963, V. Protodyakonov and N. Alekseev published the first bio-bibliography of Yakut literature, entitled “The Literature of Soviet Yakutia”, which included an introductory article by Gavril Okorokov. In this work, he provides a detailed analysis of the development of Yakut literature, focusing on the unique characteristics that define the literary. According to I.G. Spiridonov (1963), Gavril Okorokov “laid the foundation for illuminating the work of the Yakut Literature founders: A. Kulakovsky, A. Sofronov, N. Neustroev, P. Oyunsky, fully revealing their authentic role in the formation of Yakut Literature” (Bio-bibliography of Yakut Literature, “Voprosy Literatury”, 1963, №11, p. 252-253).

Furthermore, I.V. Pukhov states with confidence: “It can be stated with full responsibility that a Yakut scholar, thoroughly versed in the full spectrum of contemporary Soviet literary criticism, has undertaken an analysis of the works of A.E. Kulakovsky and possesses a profound understanding of its complexities. Therefore, G.G. Okorokov succeeded in writing a work that meets all the high requirements” (I.V. Pukhov’s review of dissertation “The concept of world and man in A.E. Kulakovsky poetry” by G.G. Okorokov, p. 1, 2).

The prominent Soviet literary critic M.N. Pakhomenko at the 6th Plenum of the RSFSR (Russian Soviet Federative Socialist Republic) Writers’ Union noted that Gavril Okorokov combined theoretical insights and historical perspectives with active intervention in the contemporary literary developments (The book “New Horizons of Yakut Literature”, 1976. p. 169).

Gavril Okorokov was the first Yakut literary academic who gave a complete picture of the history of the accelerated development of Yakut literature in comparison and inseparable connection with other young literatures of the peoples of Siberia and the Far East. He published his works in the main editions of literary journals and newspapers, and thus became a “popularizer” of Yakut writers and the history of the development of Yakut literature outside of the republic (G.G. Philippov. Heights of a man’s work. Khotugu Sulus. – 1985. – No 2. – p. 91-95).

His works were published in “Great Soviet Encyclopedia” (1978, vol. 30, p. 1469-1471), “Concise Literary Encyclopedia” (1975, vol. 8, p. 1072-1076), also in publishing house “Sovetsky Pisatel”, in newspapers “Literaturnaya Rossiya”, “Pravda”, “Shyyn” (Tuva), “Molot” (Udmurtia), in journals “Voprosy Literatury”, “Druzhba Narodov”, “Detskaya Literatura”, “Ogonyok”, “Khotugu Sulus”, “Polyarnaya Zvezda”, etc.

Gavril Philippov, Vyacheslav Okorokov, Stepan Kolodeznikov, Semyon Popov, Egor Neimokhov, Vasily Illarionov, Vasily Bosikov, Raisa Zakharova, Evdokiya Sleptsova, Nikolay Bryzgalov, Ivan Vinokurov, Pavel Kharitonov, Vladimir Likhanov, Praskovya Zykova, Maria Luginova, Varvara Okorokova, Valentina Sivtseva, Natalia Burtseva, Gerasim Levin, Rimma Zhirkova, Sardana Eginova, Linda Sofronova, Ivan Alekseev and others were his students. Many of them became highly qualified specialists, well-known people, writers, scientists, public figures.

The name of Gavril Okorokov is remembered in the editions “Writers of the national literatures of Eastern Siberia. 1965-1974” (1978), in the bio-bibliographical reference book “Writers of Yakutia” (1981, 1995), “Writers of Olonkho land” (2000), in the Encyclopedic dictionary of Yakutia of the publishing house “Nauka” in Novosibirsk (2018), in the bibliographical reference book “Writers of Yakutia” (2019), in peoples encyclopedia “Teacher, before your name...” of the publishing house “Ayar” (2023) and in many other articles about him in books, collections, journals, newspapers, in reminiscences of his contemporaries, colleagues, students, relatives, children and grandchildren.

For many years of dedicated work in training highly qualified specialists and for achievements in scientific research, Gavril Okorokov was honoured with the Certificate of Honour of the Supreme Soviet of the YASSR, Certificates of Honour of the Ministry of Higher Education of the RSFSR, and other ministries, and departments.

Связующая нить поколений

М. В. Тарабукина

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
г. Якутск, Российская Федерация

✉ nina.stepanova.47@mail.ru

Становление и развитие филологического факультета СВФУ им. М.К. Аммосова неразрывно связаны с именем Кыданы Ивановны Платоновой, кандидата филологических наук, доцента кафедры русского языка и общего языкознания (1925–2009 гг.).

Кыдана Ивановна была студентом отделения русского языка и литературы Якутского педагогического института, открытого осенью 1935 года и призванного готовить учителей для средних и неполных средних школ Якутии. Среди первых преподавателей-русистов были такие известные учёные, как доцент Т. А. Шуб, уроженец Ленинграда, читавший лекции по введению в языкознание и современному русскому языку; доцент Н. Т. Мальшакова,

читавшая лекции по современному русскому языку. Доцент А. М. Бабкин, также приехавший из Ленинграда и проводивший занятия по циклу исторических лингвистических дисциплин, впоследствии стал доктором филологических наук, профессором, лауреатом Ленинской премии. Кафедру русского языка, которая стала самостоятельной с 1946 г., возглавляла доцент Н. Т. Мальшакова.

Многие выпускники педагогического института в дальнейшем составили костяк филологического факультета Якутского государственного университета – это профессора Н. Г. Самсонов, Т. П. Самсонова, доценты М. И. Помигалова, В. В. Розанова, К. С. Евсеева, К. И. Платонова, У. М. Протопопова, старшие преподаватели К. Ф. Федоров, А. М. Пакина, П. П. Курчатова, Л. П. Васильева и другие.

Трудовая деятельность К. И. Платоновой началась в суровые годы Великой Отечественной войны на рабфаке Якутского педагогического института. Затем были годы работы в областной партийной школе. С 1957 г. ее жизнь неразрывно связана с университетом. Сферой ее научных интересов был язык художественных произведений, в частности, язык якутских рассказов В. Г. Короленко. Этой проблеме была посвящена ее диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук.

Активная жизненная позиция К. И. Платоновой ярко проявлялась в общественной работе. Она была членом партийной организации университета и факультета, избиралась депутатом Якутского городского совета.

У каждого человека на жизненном пути встречаются люди, которые помогают в выборе профессии, жизненных приоритетов. Одним из таких людей для меня является Кыдана Ивановна. Я была слушателем ее спецкурса «Язык художественных произведений». Она часто приглашала к себе домой, разрешала пользоваться книгами из богатой домашней библиотеки. Кыдана Ивановна была интересным собеседником, прирожденным педагогом, тонким ценителем и знатоком русской словесности.

А вот что пишет в своих воспоминаниях моя однокурсница Надежда Еремеевна Прокопьева: «Моя первая у неё по спецкурсу курсовая работа была посвящена антропонимическому исследованию имен и фамилий героев комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». До сих пор вспоминаю с удовольствием, как для меня было интересно узнавать новое, доселе неизведанное. Связь между именами и героями – вот было удивительно! Ну ладно там Скалозуб, про которого мы знаем, что он известный солдафон, но то, что он Сергей, да еще Сергеевич, что по имени обозначало «высокий», и двойным, как бы именем, усиливало экспрессию его образа, многоговорящая фамилия, о которой раньше не задумывалась – вот было открытие для меня! Полковник Скалозуб заиграл для меня новыми красками! Ну, и, конечно, другие герои прославленной комедии тоже.

Обращали на себя внимание простота и доступность этой милой женщины. Помню, как однажды Кыдана Ивановна пригласила нас на консультацию к себе домой. С каким благоговением мы переступали порог этого дома, где жил знаменитый историк, профессор Георгий Прокопьевич Башарин. С какой гордостью я восседала за его большим рабочим столом в кабинете, где все стены были заставлены книжными шкафами. Особый дух витал в этой квартире, атмосфера высокой культуры и интеллигентности. И на дачу к ней я ездила, мы пили чай и разговаривали не только о научной работе, но и на разные бытовые темы, о моей студенческой жизни».

Имя нашего дорогого Учителя и коллеги неразрывно связано с именем её супруга – профессора Георгия Прокопьевича Башарина. Вместе с мужем они воспитали прекрасных детей, внуков. Неоценим ее вклад в увековечивании памяти мужа, заслуженного деятеля науки РСФСР и ЯАССР, доктора исторических наук, профессора Г. П. Башарина.

Жизнь Кыданы Ивановны Платоновой – это пример безграничной преданности призванию учёного, педагога.

ТАРАБУКИНА Марфа Васильевна – к. филол. н., заведующий кафедрой русского языка ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова», г. Якутск, Российская Федерация

E-mail: nina.stepanova.47@mail.ru

Marfa V. TARABUKINA – Cand. Sci. (Philology), Head of the Department of Russian Language, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation

The intergenerational thread

Marfa V. Tarabukina

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russian Federation

✉ nina.stepanova.47@mail.ru

Kydana Ivanovna Platonova (1925–2009), Candidate of Philological Sciences and Associate Professor at the Department of Russian Language and General Linguistics, played an integral role in the formation and development of the Faculty of Philology at M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

Kydana Ivanovna was a student in the Russian Language and Literature Department of Yakutsk Pedagogical Institute, established in the autumn of 1935. It was opened with the specific purpose of training teachers for secondary and lower secondary schools in Yakutia. Among the first Russian language lecturers were prominent scholars, including T. A. Shub, an Associate Professor and native of Leningrad, who lectured on Introduction to Linguistics and Modern Russian Language, and N. T. Malshakova, also an Associate Professor, who lectured on Modern Russian Language. A. M. Babkin, another Associate Professor who also arrived from Leningrad and taught courses in historical linguistics, later became a Doctor of Philology, Professor, and a Lenin Prize laureate. N. T. Malshakova was the head of the Department of Russian Language after it gained independence in 1946.

Later many graduates of Pedagogical Institute formed the core of the Faculty of Philology at Yakutsk State University. They were Professors N. G. Samsonov and T. P. Samsonova, Associate Professors M. I. Pomigalova, V. V. Rozanova, K. S. Evseeva, K. I. Platonova, and U. M. Protopopova, as well as Senior Lecturers K. F. Fedorov, A. M. Pakina, P. P. Kurchatova, L. P. Vasilieva and others.

K. I. Platonova's professional career began during the challenging years of the Great Patriotic War at the workers' faculty (rabfak) of Yakutsk Pedagogical Institute. Then she spent several years working at the regional party school. Since 1957 her life had been totally connected with the university. Her research interests focused on the language of literary works, particularly the linguistic features of V. G. Korolenko's Yakut short stories. This problem formed the basis of her dissertation for the degree of Candidate of Philological Sciences.

K. I. Platonova's active life position was brightly visible in social activities. She held membership in the university and faculty party organization and served as a Deputy of the Yakutsk City Council.

On every person's life journey, there are people who help with career choice and life priorities. Kydana Ivanovna was one of this kind of figure for me. I was a student in her specialized course, "The Language of Literary Works". She often invited me to her home and allowed me to use books from her extensive personal library. Kydana Ivanovna was interesting to talk to; she was a born with a natural pedagogical talent and held a profound appreciation for Russian literature.

"My first coursework for her specialized course was about the anthroponymic analysis of names and surnames within A. S. Griboedov's comedy 'Woe from Wit'," Nadezhda Ereemeevna Prokopieva, my course mate, writes in her reminiscences. "I still remember with great pleasure how interesting it was for me to learn new and unknown things. The connection between the characters' names was amazing! Well, we know that Skalozub is a famous blimp, but his name Sergei, which means "high", intensifies the expression of his image, because his name is used twice, as he is Sergei Sergeevich. This is a telling surname I hadn't thought about before. It was a revelation for me! I saw Skalozub in a new light! And, of course, the other characters of the celebrated comedy too.

Kydana Ivanovna was a nice woman and easy to talk person. I remember one time she invited us to her house for a consultation. We felt very honoured to enter her home, because we knew that the famous historian and Professor Georgiy Prokopievich Basharin also lived there. I remember sitting at his big desk in study room with great respect, surrounded by the walls filled with books. The apartment had a special feeling, the atmosphere of high culture and intelligence. I also visited her country house. We drank tea and talked about many things, not just research work, but also about everyday life, like my life as a student.”

The name of our dear Teacher and colleague is inextricably linked with the name of her spouse, Professor Georgiy Prokopievich Basharin. Together, they raised wonderful children and grandchildren. Her contribution to preserving the memory of her husband, an Honoured Scientist of RSFSR and Yakut ASSR, Doctor of Historical Sciences, and Professor G. P. Basharin, is impossible to measure.

Kydana Ivanovna Platonova’s life shows us what it means to be completely dedicated to her work as an academic and teacher.

**ВЕСТНИК
СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Научный журнал

Том 22 № 1 2025

Редакторы

Н. В. Дмитриева, А. И. Олесова

Компьютерная верстка *В. А. Максимова*

Оформление обложки *П. И. Антипин*

Подписано в печать 28.03.2025

Формат 70×108/16. Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная.

Печ. л. 19,2. Уч.-изд. л. 24,0

Тираж 150 экз. Заказ .

Дата выхода в свет 31.03.2025

Цена свободная.

Отпечатано в типографии Издательского дома СВФУ
Адрес типографии: 677000, г. Якутск, ул. Белинского, 58